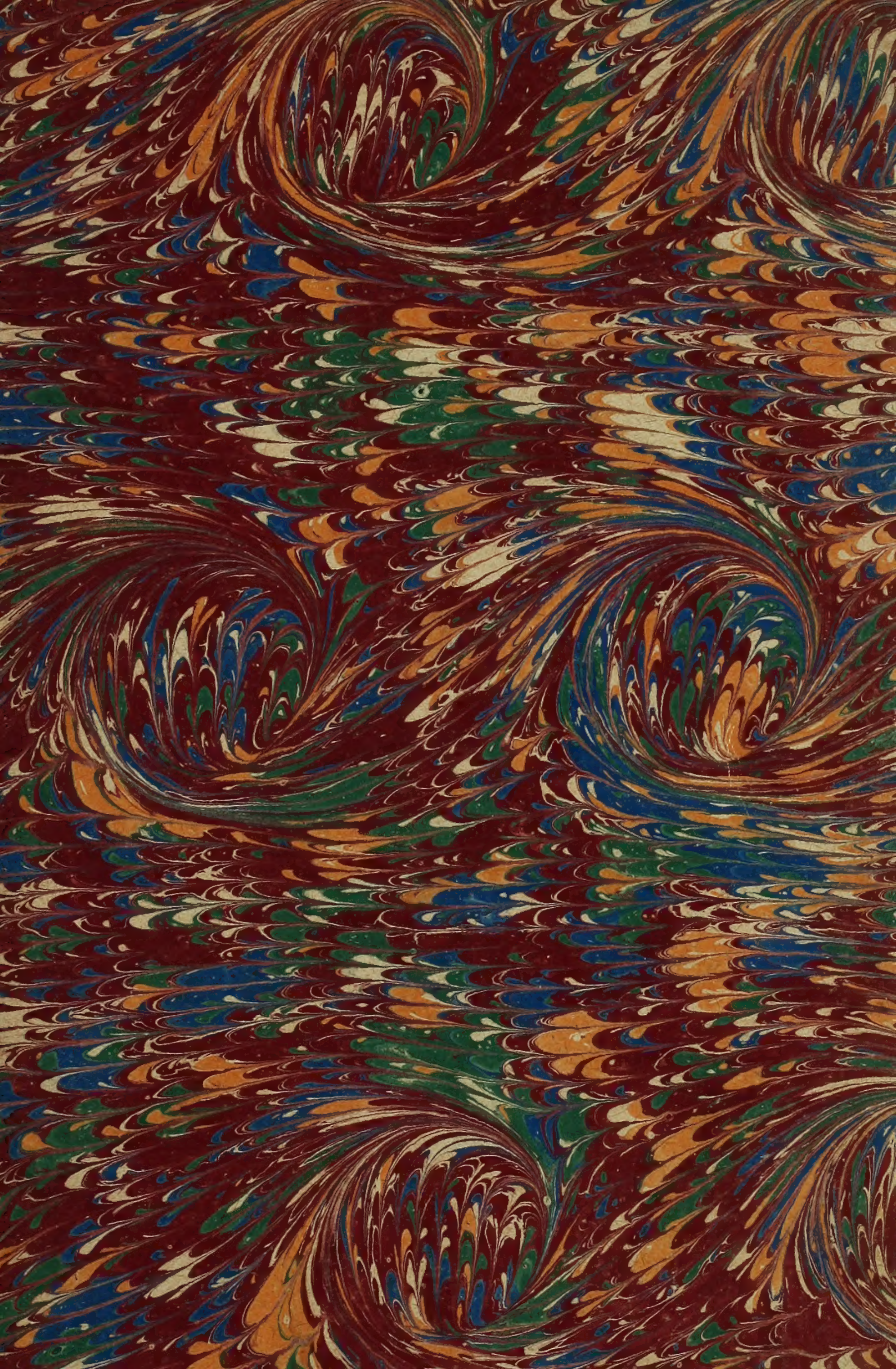

ЗАМѢТКИ

О ЗАКАСПІЙСКОМЪ КРАѢ

и

СОПРЕДѢЛЬНЫХЪ СТРАНАХЪ

П. М. ЛЕССАРА

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ТУРКМЕНІЯ.

(Земли сарыковъ и салоровъ).

Инженера *П. М. Лессара* (1884 г.).

Географическое положеніе Закаспійской области, придающее ей столь большое значеніе въ вопросѣ о сообщеніяхъ Россіи съ Азіею, побудило почти тотчасъ же послѣ покоренія края начать изученіе его и сосѣднихъ странъ въ этомъ отношеніи. Даже о путяхъ слѣдованія отрядовъ свѣдѣнія были крайне недостаточны и требовали провѣрки въ виду неблагопріятныхъ обстоятельствъ, при которыхъ они собирались; большая же часть края была совершенно неизвѣстна.

Предстояло изучить дороги отъ Каспійскаго моря на востокъ и юго-востокъ по слѣдующимъ главнымъ направленіямъ:

1) Отъ Асхабада на югъ къ Афганистану.

2) Изъ Ахала въ С. В. Персію и

3) Изъ Ахала и Атека въ Хиву и Бухару.

Съ осени 1881 по 1883 годъ я объѣхалъ значительную часть дорогъ по всѣмъ тремъ направленіямъ; предварительные отчеты этихъ поѣздокъ сообщены мною частью въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общества", частью въ другихъ изданіяхъ.

Весною настоящаго года мною дополнено изслѣдованіе мѣстности между Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ объѣздомъ восточной части ея и является возможность свести въ одно цѣлое всѣ собранныя о ней данныя. Мѣстность эта представляла наиболѣе интереса, съ одной стороны, въ виду полной неизвѣстности ея, съ другой—въ виду значенія ея для сообщеній въ Средней Азіи: прежними путешественниками было выяснено, что Паропамизскія горы даже для проложенія колесной дороги представляютъ весьма значительныя затрудненія, а для желѣзной—могли считаться

практически непроходимыми; вся надежда на возможность удобнаго желѣзнодорожнаго сообщенія береговъ Каспія съ Афганистаномъ и, слѣдовательно, Индіею, могла быть возложена только на пространство между Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ. Результаты оправдали ожиданія и этой мѣстности суждено играть большую роль въ вопросѣ о русско-индійской желѣзной дорогѣ.

Мѣстность эта не имѣетъ общаго названія у занимающихъ ея окраины туркменъ и сосѣднихъ жителей. Въ послѣднее время нѣкоторые англійскіе географы [1]) стали называть ее Бадхызъ для доказательства ея принадлежности Афганистану; неосновательность этого не трудно доказать на основаніи англійскихъ же источниковъ: Бадхызомъ называется горная часть между рѣками Кушкъ и Кашъ [2]). Мѣстность же между Мургъ-абомъ и Гѐрирудомъ правильнѣе всего назвать по этнографическимъ признакамъ—земли сарыковъ и салоровъ или болѣе общимъ именемъ—Юго-западной Туркменіей.

Какъ выше сказано, объ этой странѣ до 1881 г. не имѣлось почти никакихъ свѣдѣній; въ 1840 и 1841 годахъ англійскіе путешественники Шекспиръ и Абботъ проѣхали по большой караванной дорогѣ изъ Герата въ Мервъ; генералъ Гродековъ пересѣкъ Паропамизскія горы восточнѣе р. Кушкъ; Н. Г. Петрусевичъ, изслѣдуя С. В. Хорасанъ, проѣхалъ вдоль Гери-руда, въ самую же мѣстность между рѣками не заѣзжалъ ни одинъ европейскій путешественникъ, да изъ жителей окрестныхъ странъ дороги въ ней были извѣстны только сердарямъ предводителямъ разбоевъ.

Для изслѣдованія Ю. З. Туркменіи я предпринялъ двѣ поѣздки въ 1882 г. и одну въ началѣ настоящаго, именно тотчасъ по занятіи Мерва нашими войсками.

Кромѣ того, начиная съ осени 1882 года, сюда заѣзжали еще слѣдующія лица: по словамъ персидскаго хана въ Серахсѣ послѣ моей первой поѣздки (въ апрѣлѣ 1882 г.) полковникъ Стюартъ, по окончаніи своихъ работъ въ Сеистанѣ, пріѣзжалъ въ Мосынъабадъ, откуда направился на Бешъ-робатъ, Гюрленъ иИслимъ-

---

[1]) Sir H. Rawlinson. Карта, приложенная къ M. Lessar's second journey in the turkoman country. Proc. of the R. G. S. January 1883.

[2]) См. карта: Turkestan, by Walker, fifth edition.

чишме и по той же дорогѣ вернулся обратно. Отчетъ объ его путешествіи до настоящаго времени не напечатанъ.

Осенью 1882 г. еще одна дорога здѣсь пройдена двумя русскими путешественниками: кап. Гладышевымъ, опредѣлявшимъ астрономическіе пункты, и подпоручикомъ Хабаловымъ, производившимъ съемку пройденнаго пути. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. Хабаловымъ, изслѣдователи прошли изъ Мосынъ-абада въ Бенги-кэризъ и перевалили по трудной дорогѣ черезъ горы Борхутъ у родника Яки-тутъ (западнѣе перевала Хомбоу и Каруанъ-ашанъ), далѣе прошли въ Кизилъ-булакъ (названный ихъ проводникомъ Туланъ-чишме), направляясь въ Акъ-робатъ; но проводникъ не съумѣлъ найти этого пункта и провелъ ихъ черезъ Адамъ-еланъ въ Серахсъ. Въ мѣстности между Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ астрономически опредѣленъ одинъ пунктъ, именно Мелекъ-Гейранъ-чишме.

Наконецъ, въ апрѣлѣ настоящаго года вдоль Гери-руда проѣхалъ дипломатическій чиновникъ при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ г. Чарыковъ; отъ Серахса до пункта въ 10 верстахъ южнѣе Зюлфагаръ-дербенда онъ прошелъ вдоль рѣки; далѣе черезъ Кэризъ-Иліясъ и перевалъ Соутли переправился въ Хорасанъ близъ впаденія р. Джамъ въ Гери-рудъ.

Настоящій очеркъ заключаетъ въ себѣ:

Глава I. Свѣдѣнія о Юго-западной Туркменіи и обитателяхъ ея—сарыкахъ и салорахъ.

Глава II. Отношенія этихъ племенъ къ своимъ сосѣдямъ. Политическое положеніе края и соображенія о пограничной линіи туркменскихъ и афганскихъ земель.

Глава III. Дневники моихъ путешествій по этимъ мѣстамъ. Часть изъ нихъ уже была напечатана въ разныхъ изданіяхъ. Кромѣ описанія дорогъ, они заключаютъ въ себѣ еще свѣдѣнія о недавнемъ, но къ счастью отошедшемъ въ область исторіи, положеніи края, объ обстановкѣ жизни въ Туркменіи и способахъ путешествій по ней въ періодъ отъ взятія Геокъ-тепе до занятія Мерва.

ГЛАВА I.

Границы.

Границы Ю. З. Туркменіи составляютъ: а) съ сѣвера Мервскій оазисъ, в) съ востока Мургъ-абъ, земли Джемшидовъ, рѣка Кушкъ на югъ отъ Чилъ-духтеръ и холмы, окаймляющіе эту рѣку съ востока, с) на югѣ—горы Борхутъ и д) на западѣ—р. Гери-рудъ, отдѣляющая Туркменію отъ Персіи.

Характеръ мѣстности.

Вся мѣстность имѣетъ около 250 в. съ сѣвера на югъ и, въ среднемъ, около 100 верстъ въ поперечномъ направленіи.

Горы Борхутъ, составляющія продолженіе Сефидъ-кухъ, отдѣляются отъ главной цѣпи значительнымъ пониженіемъ (между перевалами Ардеванъ и Каруанъ-ашанъ), между которымъ собственно горъ нѣтъ: здѣсь рядъ холмовъ въ мягкомъ грунтѣ, черезъ которые проходятъ нѣсколько дорогъ, имѣющихъ и въ настоящее время безъ всякой раздѣлки уклоны пе круче 0,02. Таковъ перевалъ Каруанъ-ашанъ.

Далѣе на западъ кряжъ возвышается по мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ; высота его отъ трехъ до четырехъ тысячъ футъ; онъ состоитъ изъ твердыхъ песчаниковъ; скаты его круче, но все еще въ очень многихъ мѣстахъ есть перевалы, доступные при самой незначительной раздѣлкѣ для колеснаго движенія. Въ узкой щели горъ Борхутъ, переходящихъ и въ Персію, протекаетъ Гери-рудъ; горы снова понижаются къ Мешхеду; продолженіе ихъ далѣе на западъ составляетъ хребетъ Алла-дагъ.

Горы Борхутъ—главный отрогъ Паропамиза, идущій на соединеніе съ Эльбурсомъ; болѣе южные отроги—ближайшіе къ Гери-руду, на нѣкоторыхъ картахъ нанесенные какъ главный кряжъ—въ дѣйствительности только рядъ холмовъ, весьма незначительныхъ уже по направленію изъ Каруанъ-ашана въ Шебешъ, по дорогѣ же въ Кусанъ мѣстность совершенно ровная.

Близь 36° с. ш. глиняные баиры (холмы) Эльбиринъ-кыръ раздѣляютъ Ю. З. Туркменію на двѣ части, весьма различныя

по характеру мѣстности, растительности и климату. Холмы эти, какъ показываетъ самое названіе (кыръ), состоятъ изъ глиняныхъ возвышенностей около 2000′ надъ уровнемъ моря; начинаясь отъ обрывовъ по берегу Гери-руда, они идутъ почти прямо съ запада на востокъ, огибаютъ оз. Еръ-ойланъ и затѣмъ обращаются въ ряды отдѣльныхъ кыровъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ на остальномъ пространствѣ до р. Кушкъ. На востокъ отъ Еръ-ойлана эти возвышенности, почти паралельные кряжи, высотою до 50 и болѣе саженъ надъ окружающею мѣстностью.

Въ этой части опредѣленнаго ската въ какую либо сторону незамѣтно; напротивъ треугольникъ, имѣющій основаніемъ горы Борхутъ отъ Хомбоу до Ардевана и вершину въ Чеменъ-и-бидѣ, явственно составляетъ часть бассейна р. Кушкъ; мною пройдены прежде неизвѣстные два притока этой рѣки, длиною каждый около 100 верстъ; одинъ начинается у Хомбоу, другой у Гюрлена, они соединяются и подъ названіемъ Егры-гекъ, впадаютъ въ Кушкъ у Чеменъ-и-бида. Весь треугольникъ состоитъ изъ долинъ, начинающихся на склонѣ г. Борхутъ и дренируемыхъ этими главными ручьями; промежутки между долинами—слегка холмистая мѣстность, постепенно понижающаяся отъ Борхута къ сѣверу. Западная часть южной половины имѣетъ скатъ къ Герируду; нѣсколько глубокихъ овраговъ проникаютъ отъ рѣки внутрь страны верстъ на 10—15; водораздѣломъ бассейновъ Гери-руда и Мургъ-аба служатъ не обрывы, близкіе къ берегу первой изъ этихъ рѣкъ, а стоящіе сзади нихъ невысокіе холмы, линія которыхъ проходитъ отъ оконечности горъ Борхутъ близъ Кэризъ-Иліяса, робата Купгрюэли, Адамъ-элена, къ развалинамъ моста Пулъ-и-хатунъ. Въ общемъ вся южная половина представляетъ собою волнистую мѣстность: рядъ впадинъ и возвышенностей; грунтъ вездѣ песчано-глинистый, поросшій бурьяномъ и колючкою; песокъ встрѣчается лишь мѣстами и то въ самомъ незначительномъ количествѣ, очевидно происшедшій отъ разрушенія кыровъ.

Сѣверный склонъ Эльбпринъ-кыра имѣетъ сначала тотъ-же видъ, какъ и южный; глубокіе овраги идутъ отъ вершинъ возвышенности преимущественно на сѣверъ; затѣмъ слѣдуютъ ряды от-

дѣльныхъ возвышенностей, которыя становятся все ниже и ниже; къ колодцамъ Коюнъ-куи встрѣчаются лишь изрѣдка отдѣльно стоящіе кыры; примѣсь песка становится все болѣе и болѣе и наконецъ мѣстность переходитъ въ песчанную пустыню такого же характера, какъ и Кара-кумы; предѣлы ея указаны на прилагаемой картѣ: съ юга пески ограничены выпуклою кривою, упирающеюся въ баиры у Доулетъ-абада и въ Калеи-моръ на Кушкѣ; съ запада пески достигаютъ дороги изъ Серахса въ Мервъ пересѣкаютъ ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ, переходятъ къ дорогамъ на Карры-бендъ и Мамуръ и соединяются съ Кара-кумами; съ сѣвера выпуклая граница ихъ близко подходитъ къ Мервскому оазису; на востокѣ она большею частью держится въ 400 до 1000 саж. отъ берега рѣкъ Мургъ-аба и Кушка; мѣстами же подходитъ въ видѣ отдѣльныхъ мысовъ къ самой водѣ.

Бадхызъ имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и страна между горами Борхутъ и Эльбиринъ-кыръ; отъ оазиса сарыковъ—Пенде мѣстность постепенно и весьма полого подымается къ горамъ Сефидъ-кухъ; неровности ея незначительны, холмы между Кушкомъ и Кашемъ высотою отъ 20 до 40 саж., кое гдѣ прорѣзываются неглубокими долинами, дренируемыми обоими притоками Мургъ-аба; горная часть мѣстности начинается у самаго кряжа Сефидъ-кухъ; тутъ подъемы весьма крутые и по описанію Аббота и Гродекова перевалы представляютъ значительныя затрудненія для движенія.

Рѣки.

Двѣ большія рѣки съ ихъ притоками дренируютъ всѣ земли Ю. З. Туркменіи. Это Гери-рудъ и Мургъ-абъ.

Р. Гери-рудъ беретъ свое начало въ 350 верстахъ на востокъ отъ Герата, въ пунктѣ, гдѣ соединяются горы Сефидъ-кухъ и Сіякухъ. Первоначальное ея теченіе называется Дженгелъ-абъ и только по сліяніи съ Тингалъ-абомъ рѣка принимаетъ названіе Гери-рудъ и вступаетъ въ широкую долину, вездѣ пригодную для обработки.

Большая плотина, расположенная нѣсколько выше Герата, направляетъ значительную часть водъ рѣки въ каналы для ороше-

нія Гератской долины, безспорно богатѣйшей во всей Средней Азіи на югъ отъ Аму-Дарьи. Въ настоящее время главные продукты: асафетида, шафранъ, фисташковый орѣхъ, всякіе фрукты, виноградъ разныхъ сортовъ, хлѣбъ, ячмень и клеверъ. Шелковичный червь разводится въ довольно значительномъ количествѣ. Но лѣса и даже кустарникъ существуютъ лишь мѣстами въ разливѣ Гери-руда; склоны горъ совершенно обнажены, всякое селеніе имѣетъ богатые фруктовые сады, топливомъ же служитъ только колючка, привозимая изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ. По берегамъ тянутся богатѣйшіе луга, на которыхъ пасутся большіе табуны лошадей, по увѣренію афганцевъ болѣе 40.000 головъ. Это одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ Гератской провинціи въ Персію; лошади малорослыя, простыхъ породъ (ябу), но крѣпкія и выносливыя. Сверхъ того у жителей имѣется въ значительномъ количествѣ и другой скотъ.

Въ десяти верстахъ, не доѣзжая Тиръ-пула, долина съуживается, Гери-рудъ подходитъ весьма близко къ возвышенностямъ южнаго берега и дорога какъ въ Кяфыръ-кале, такъ и въ Гуріанъ лѣпится въ видѣ узкихъ тропинокъ, иногда по довольно крутымъ косогорамъ.

Въ Тиръ-пулѣ черезъ рѣку построенъ Яръ-Магометъ-ханомъ мостъ, длиною 40 саж. Кладка устоевъ и арокъ кирпичная; только ледорѣзы облицованы твердымъ камнемъ, такъ какъ въ суровыя зимы ледъ настолько толстъ, что можетъ выдерживать всадника и ледоходы бываютъ весьма значительные. Въ высокую воду дорога изъ Герата въ Мешхедъ идетъ не черезъ Кусанъ, а черезъ Тиръ-пулъ и далѣе вдоль южнаго берега въ Кяфыръ-калу.

Близъ Кусана—послѣдняго афганскаго поселенія по р. Гери-рудъ, она поворачиваетъ почти прямо на сѣверъ и течетъ въ пологихъ и удобныхъ для обработки берегахъ только до Пешъробата. Далѣе по ущелью, отдѣляющему горы Борхутъ отъ горъ Каргала (составляющихъ продолженіе первыхъ въ персидскихъ предѣлахъ), Гери-рудъ протекаетъ на протяженіи около 20 верстъ; затѣмъ лѣвый берегъ большею частью только слегка холмистый до горъ Пескемеръ, подходящихъ къ рѣкѣ между Зуръ-абадомъ и Пулъ-и-хатыномъ. Возвышенности праваго берега до Зюлфа-

гаръ-дербенда отстоятъ отъ урѣза воды мѣстами на двѣ, три версты, а далѣе на сѣверъ къ Гярмъ-абъ-дербенду подходятъ весьма крутыми обрывами; здѣсь долины, на которыя можно вывести оросительные арыки, очень рѣдки и весьма незначительнаго протяженія; на лѣвомъ берегу слѣды небольшихъ посѣвовъ видны лишь близь Зуръ-абада, на правомъ—у Зюлфагаръ и Гярмъ-абъ-дербендъ.

На сѣверъ отъ Пулъ-и-хатына лѣвый берегъ ограниченъ невысокими весьма пологими предгоріями Хезаръ-Месджида, на которыя во многихъ мѣстахъ можетъ быть выведена вода для орошенія; бугры праваго берега нѣсколько выше; только на небольшихъ пространствахъ у Ширъ-тепе и Наурузъ-абадѣ между разливомъ рѣки и подошвою холмовъ есть слѣды полей; лишь у Кассабъ-калы холмы обращаются въ ровную мѣстность, удобную для обработки.

Гери-рудъ отъ Кусана до Пулъ-и-хатына течетъ большею частью однимъ рукавомъ, шириною отъ 15 до 20 саж. Высокая вода бываетъ отъ начала января до конца марта; въ то время броды рѣки вслѣдствіе быстроты теченія очень опасны, но уже въ апрѣлѣ можно переправляться во многихъ мѣстахъ при глубинѣ не болѣе 4 футъ. Къ лѣту вода въ рѣкѣ быстро уменьшается и въ іюнѣ и іюлѣ переправы возможны вездѣ, гдѣ крутизна береговъ не составляетъ препятствія. Въ сентябрѣ же, на переправѣ изъ Кусана въ Кяфыръ-калу, при глубинѣ около трехъ футовъ, Макъ-Грегоръ не замѣтилъ почти никакого теченія.

Сѣвернѣе, уже въ августѣ, теченія въ самомъ руслѣ не бываетъ; только кое гдѣ сохраняются плесы воды, мѣстами почти прѣсной, мѣстами настолько солоноватой, что лошади неохотно пьютъ ее. Ложе вездѣ состоитъ изъ крупнаго булыжника и по увѣренію жителей, когда проходятъ высокія воды, то теченіе продолжается, но лишь подземное и обнаруживается только въ глубокихъ мѣстахъ русла; во всякомъ случаѣ подземный притокъ существуетъ; иначе нельзя объяснить мелкіе плесы, не пересыхающіе всю осень; вода такой глубины даже на глинистой почвѣ высохла бы въ два, три дня. Теченіе прекращается, какъ сказано выше, къ концу іюля или въ началѣ августа нѣсколько сѣвер-

нѣе Кяфыръ-кале и затѣмъ возобновляется только отъ Пулъ-и-хатына, гдѣ въ Гери-рудъ впадаетъ р. Кара-су, и особенно усиливается около Ноурузъ-абада отъ выходящихъ изъ дна богатыхъ родниковъ; здѣсь воды такъ много, что она всегда проводилась каналами къ поселеніямъ салоровъ у Стараго Серахса и снабженіе ихъ было непрерывное въ теченіи цѣлаго года. Вода снова появляется во всей рѣкѣ въ ноябрѣ или декабрѣ.

На югъ отъ Пулъ-и-хатына по берегамъ русла вездѣ есть родники; плесы, въ которыхъ лѣтомъ сохраняется вода, настолько часты, что путь вдоль Герируда во всякое время года можетъ считаться хорошо снабженнымъ водою; но кое гдѣ препятствуютъ двигаться вдоль рѣки горы, близко подходящія къ самой водѣ. Осенью вездѣ можно пройти самымъ русломъ; въ высокую же воду не то: отъ Серахса до Пулъ-и-хатына дорога хорошая по обоимъ берегамъ, отъ этого послѣдняго пункта на югъ надобно идти по западному берегу черезъ горы Пескемеръ до Зуръ-абада по очень трудной дорогѣ, а по туркменскому можно обойти по ровному мѣсту съ востока горы Келетъ-коя, тянущіяся обрывами по самому берегу рѣки отъ Гярмъ-абъ-дербенда до Зюлфагарскаго ущелья. Затѣмъ снова оба берега удобны для движенія. Гдѣ во второй разъ горы подходятъ къ рѣкѣ (въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ впаденія р. Джамъ) движеніе вдоль нея совершенно невозможно. Въ Серахсѣ утверждаютъ, что въ прежнее время въ Гери-рудѣ было болѣе воды; вѣрить этому нѣтъ основаній. Борнсъ, проѣзжавшій черезъ Серахсъ въ сентябрѣ 1832 г., нашелъ русло Гери-руда совершенно сухимъ и настолько незначительнымъ, что принялъ его за русло особой рѣчки Тедженъ, будто бы берущей начало въ сосѣднихъ холмахъ, и отрицалъ связь ея съ Гератскою рѣкою. Вода въ Гери-рудѣ хотя мутная, но вкусная и здоровая.

Въ Пулъ-и-хатынѣ сохранились развалины моста; о времени постройки его текинцамъ ничего неизвѣстно; преданіе только указываетъ, что мостъ построенъ женщиною. Четыре арки его существуютъ и по настоящее время; средняя, пятая, разрушена Медемій-ханомъ во время похода его противъ Мерва. Все разстояніе между наружными частями крайнихъ сводовъ 28½ саж.

Изъ нихъ 4 быка неровной толщины, занимаютъ 9½ саж., а для пропуска воды служатъ пять пролетовъ въ общей сложности 19 саж. Первый отъ туркменскаго берега имѣетъ 4 саж., затѣмъ два по пяти и наконецъ у персидскаго берега по 2½ саж. Ширина моста не много болѣе 2 саж. Мостъ сохранился довольно хорошо, трещинъ въ сводахъ нигдѣ не видно; въ случаѣ возобновленія средней арки онъ и теперь годится для вьючнаго движенія. Подмывовъ у быковъ нигдѣ нѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ облицовка ихъ на горизонтѣ высокой воды сорвана теченіемъ; исправленія здѣсь были бы вообще нетрудны, такъ какъ отъ конца іюля до декабря мостъ почти на сушѣ; только подъ однимъ, двумя пролетами бываетъ два, три вершка воды.

Продолженіе Гери-руда на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Серахса извѣстно подъ именемъ Теджена; теченіе въ этой части рѣки бываетъ только во время половодія: тогда вода здѣсь очень глубока и во многихъ мѣстахъ переправа вовсе невозможна. О'Донованъ въ февралѣ переправился немного сѣвернѣе Кангалы-Гузеръ вплавь: въ прежнее время въ срединѣ того же мѣсяца Тедженъ у плотины Карры-бендъ имѣлъ ширину около 12 саж. и глубину 5½ футъ. Часто вода здѣсь бывала глубже и тогда переправа въ теченіе одного или полутора мѣсяцевъ для каравановъ была возможна только у Аламанъ-Джунгуля, куда Тедженъ не доходилъ, а доходили лишь отдѣльные выведенные изъ него каналы. Разливы рѣки и затопленіе этой мѣстности бывали только въ случаѣ прорыва плотины у Герата. Въ началѣ 1884 года у Карры-бенда возобновлена плотина и каналы для орошенія прилегающей мѣстности.

Лѣтомъ теченіе въ Тедженѣ прекращается; мѣстами онъ вовсе пересыхаетъ, а большею частью состоитъ изъ длинныхъ озеръ, питаемыхъ, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, ключами, а можетъ быть и подземнымъ продолженіемъ рѣчекъ Чача, Меана и Душакъ, кончающихся въ болотахъ, въ 15—20 верстахъ отъ Теджена. Такое мнѣніе основано на томъ, что вода въ этихъ озерахъ прохладная и не пересыхаетъ въ теченіе самаго жаркаго лѣта, что едва ли могло бы быть, если бы эти озера были только скопленіемъ весенней воды въ глубокихъ впадинахъ русла Теджена.

Рѣка Мургъ-абъ, берущая начало на сѣверномъ склонѣ Сефидъ-кухъ, пройдя черезъ горную страну, занятую племенемъ Хазаре, у Бала-мургъ-аба, выходитъ на равнину въ Южную Туркменію. Отъ этого мѣста правый берегъ рѣки состоитъ изъ холмовъ, идущихъ близъ урѣза воды; мѣстъ, удобныхъ для обработки, весьма мало и поля на правомъ берегу имѣются лишь въ оазисѣ Пенде. Впрочемъ склоны бугровъ большею частью пологіе и пролегающая по нимъ дорога вдоль Мургъ-аба весьма удобна для движенія. Только противъ Сары-язы холмы почти отвѣсно опускаются къ рѣкѣ обрывами Кушле-коя; здѣсь въ высокую воду проѣздъ невозможенъ и для дороги имѣется объѣздъ по верху холмовъ.

У мыса Келе-бурунъ прекращаются глиняные бугры и замѣняются песчаными, которые до Іолъ-отана держатся вдоль рѣки на разстояніи одной, двухъ верстъ отъ воды; далѣе на сѣверъ пески обходятъ развалины древнихъ городовъ близъ Мерва и выходятъ на дорогу изъ этого оазиса къ Бухарѣ.

Лѣвый берегъ отъ Бала-мургъ-аба до Меручака ограниченъ холмами подобно правому; затѣмъ долина расширяется и между сліяніемъ рѣкъ Мургъ-аба и Кушка лежитъ совершенно плоскій треугольникъ, занятый поселеніями сарыковъ и извѣстный подъ именемъ Пенде.

Далѣе на сѣверъ до Іолъ-отана лѣвый берегъ ограниченъ песчаными буграми. Тутъ рѣка протекаетъ однимъ или нѣсколькими чрезвычайно извилистыми рукавами, въ сложности отъ 10 до 20 саж.; берега довольно крутые, часто обрывистые, высотою 4 и болѣе саж.; эта первая долина расположена во второй болѣе широкой лишь мѣстами заливаемой высокими водами, ширина ея отъ 300 саж. до 5 и болѣе верстъ; ограничивающіе эту вторую долину съ запада пески мѣстами подходятъ къ рѣкѣ въ видѣ мысовъ, мѣстами удаляются отъ нея и образуютъ озеровидныя впадины, называемыя мѣстными жителями *кёвъ*; эти пространства всѣ пригодны для обработки и на многихъ изъ нихъ еще сохранились слѣды прежде бывшаго здѣсь (въ болѣе спокойное время) орошенія; особенно хорошіе урожаи давали кёвъ, заливаемые весенними водами.

Ближе всего пески подходятъ къ рѣкѣ между переправою Юнгенлы и Сары-язы и здѣсь на протяженіи около 10 верстъ дорога идетъ по верху песчанныхъ холмовъ. Мургъ-абъ протекаетъ большею частью по весьма легко размываемому глинистому грунту; при значительномъ паденіи мѣстности, рѣка имѣетъ чрезвычайно извилистое русло и подмываетъ лѣвый болѣе низменный берегъ; во многихъ мѣстахъ дорога, упирающаяся въ новообразовавшееся колѣно, и большой объѣздъ около него указываютъ въ какой сильной степени и какъ быстро происходитъ подмывъ. Особенно часты такіе объѣзды отъ Юнгенлы до Дашъ-кепри; здѣсь видны во многихъ мѣстахъ большія трещины въ обрывахъ береговъ; вдоль Кушка-каналы, ближайшіе къ берегу его, частью обвалились и перенесены далеко на западъ.

Глубина рѣки въ низкую воду 3—4 фута, а въ высокую доходитъ до 14 и болѣе футъ. Высокая вода бываетъ весною и вначалѣ лѣта и временно послѣ сильныхъ продолжительныхъ дождей въ горахъ, причемъ вода подымается весьма быстро; весною въ 1884 г. на бродѣ близь аула Курджукли послѣ сильнаго дождя вода менѣе, какъ въ 3 часа поднялась на 1½ фута.

Въ низкую воду по всей рѣкѣ очень много бродовъ; напротивъ, во все время высокой воды нѣтъ ни одной переправы въ бродъ и сообщеніе между обоими берегами поддерживается почти исключительно каюками (большія лодки).

Кромѣ Мервскаго оазиса, гдѣ до нашего занятія было два весьма плохихъ моста, на Мургъ-абѣ имѣется лишь еще одинъ въ Іолъ-отанѣ. Онъ также весьма плохой конструкціи: отверстіе его около 6 саж. изъ 30 саженной ширины рѣки въ этомъ мѣстѣ; остальная часть ея перегорожена дамбами изъ земли и фашинъ. Отверстіе недостататочно и высокія воды ежегодно сносятъ часть дамбъ; бревна, покрывающія два пролета по 3 сажени, при приближеніи высокой воды убираются на берегъ. Въ мартѣ настоящаго года я проѣзжалъ по этому мосту; въ маѣ онъ уже былъ снесенъ; возобновлять его будутъ лишь осенью. Глубина рѣки близъ моста около 2 саж. За проѣздъ по мосту берется плата (баджъ).

Каюки имѣются въ Іолъ-отанѣ и въ Пенде; въ этомъ послѣднемъ пунктѣ черезъ рѣку (имѣющую здѣсь ширину 14—15 саж.)

протянуты канаты, по которымъ и движутся лодки. Каюки сдѣланы изъ короткихъ кусковъ торрангы или фисташковаго дерева на деревянныхъ гвоздяхъ и проконопачены обрывками халатовъ; длина каюка двѣ саж., ширина 1 саж., глубина около 1 арш., каюкъ подымаетъ въ одинъ разъ 4 лошади или до 20 человѣкъ.

Какъ Мургъ-абъ такъ и Гери-рудъ содержатъ въ себѣ много рыбы, но туркмены не употребляютъ ее въ пищу, предполагая, что это влечетъ за собою лихорадку.

Мургъ-абъ представляетъ болѣе удобствъ для заселенія нежели Гери-рудъ и если въ настоящее время вдоль рѣки заняты кочевниками-туркменами только три пункта, остальная же часть совершенно пустынная, то это происходитъ отъ царившаго въ степи безпорядка; лежащія вдоль всего берега развалины укрѣпленій и караванъ-сараевъ указываютъ, что когда то берегъ былъ густо заселенъ и по немъ шло оживленное торговое движеніе.

Изъ притоковъ Мургъ-аба для жизни туркменъ имѣютъ значеніе Кушкъ, Кашъ и Кайсоръ.

Кушкъ начинается на сѣверномъ склонѣ Сефидъ-куха и сначала течетъ по неудобной для обработки гористой мѣстности. Отъ Чилъ-духтера долина расширяется и почти на всемъ протяженіи до впаденія въ рѣку Мургъ-абъ у Дашъ-кёпри сарыки вывели изъ рѣки каналы и занимаются хлѣбопашествомъ; ширина обработываемой полосы рѣдко гдѣ болѣе 300—400 саж., и лишь у Калеи-моръ достигаетъ до 6 верстъ.

Грунтъ р. Кушкъ ниже Калеи-моръ вязкій, иловатый и потому, хотя глубина воды большею частью года нигдѣ не болѣе 1 арш., переправы въ бродъ возможны только въ рѣдкихъ опредѣленныхъ пунктахъ. Выше Калеи-моръ грунтъ гравелистый и переправы возможны вездѣ.

Вода въ Кушкѣ прѣсная, но послѣ продолжительной засухи становится слегка солоноватою и случается, что рѣка пересыхаетъ вовсе; когда это пересыханіе случается раннимъ лѣтомъ, то бываетъ причиною гибели сдѣланныхъ туркменами посѣвовъ. По берегамъ Кушка имѣются прѣсные родники и при пересыханіи въ руслѣ сохраняются плесы слегка солоноватой воды, достаточной для снабженія проходящихъ каравановъ.

Оба притока Кушка (Гюрленъ-су и Хомбоу-су) имѣютъ почти на всемъ протяженіи сильно солоноватую воду, негодную для орошенія; встрѣчающіеся по берегамъ прѣсные родники содержатъ довольно воды для проходящихъ здѣсь каравановъ. Впрочемъ Гюрленъ-су въ началѣ имѣетъ прѣсную воду и близь развалинъ того же имени сохранились слѣды довольно значительныхъ посѣвовъ.

Въ тѣхъ же условіяхъ какъ р. Кушкъ находится и Кашъ; раннее пересыханіе ея имѣетъ тѣ же печальныя послѣдствія какъ и вдоль первой изъ нихъ.

На р. Кайсорѣ развалины Калеи-вали въ послѣднее время заняты сарыками.

Родники и колодцы.

Мѣстность, лежащая на югъ отъ Эльбиринъ-кыра, какъ по количеству такъ и по качеству лучше снабжена водою, нежели сѣверная часть. Особенно богаты родниками пологіе восточные склоны, окаймляющіе Гери-рудъ; здѣсь весьма часты прѣсные родники, впрочемъ въ настоящее время достаточные только для снабженія водою каравановъ; слѣды же посѣвовъ встрѣчаются рѣдко (Кэризъ-иліясъ). Весьма вѣроятно, что количество воды въ этой мѣстности можетъ быть значительно увеличено разработкою родниковъ и устройствомъ кэризовъ.

Далѣе на востокъ идетъ рядъ колодцевъ большею частью прѣсныхъ или съ самою незначительною примѣсью солей. Горы Борхутъ и ихъ склоны также богаты родниками и колодцами. Родники почти всѣ прѣсные, но грунтъ очевидно содержитъ соли, такъ какъ ручьи, образующіеся изъ родниковъ, въ самомъ незначительномъ разстояніи отъ истоковъ совершенно соленые и негодны для питья.

Относительно снабженія водою сѣверная часть междурѣчья весьма близко подходитъ къ Кара-кумамъ: она обладаетъ рѣдкими колодцами, расположенными иногда въ 80 верстахъ другъ отъ друга; вода въ нихъ вездѣ съ нѣкоторою примѣсью солей и для раздѣленія колодцевъ на прѣсные и соленые приходится принять тотъ же масштабъ какъ и въ пустынѣ, т. е. называя прѣсными

тѣ, изъ которыхъ туркмены дѣлаютъ запасы воды на дорогу и при кочевкахъ; солеными—негодные для питья людямъ; впрочемъ надобно замѣтить, что здѣсь нѣтъ колодцевъ съ горькою водою и всѣ колодцы въ пескахъ пригодны для скота: бараны и верблюды и даже лошади весьма охотно пьютъ ихъ солоноватую воду.

Всѣ пески юго-западной туркменіи лежатъ на болѣе или менѣе водопроницаемомъ грунтѣ; чистыхъ такировъ не встрѣчается вовсе, а потому и *каковъ* (дождевыхъ ямъ) не бываетъ даже послѣ самыхъ сильныхъ дождей.

Климатъ.

Какъ ни незначительны сравнительно баиры Эльбирынъ-кыръ, но эта возвышенность достаточна для раздѣленія Ю.-З. Туркменіи въ климатическомъ отношеніи на двѣ весьма отличныя другъ отъ друга части. Сѣверная часть по климату вполнѣ сходна съ Каракумами; при подъемѣ же къ горамъ Борхутъ, тотчасъ за переваломъ Эльбирынъ-кыръ, начинаются постоянные сильные южные вѣтры. На сколько можно судить по времени, проведенному мною въ этой мѣстности (одна недѣля въ апрѣлѣ, одна недѣля въ августѣ), утвержденіе текинцевъ, что здѣсь не бываетъ хорошей погоды совершенно вѣрно. Хотя на равнинѣ было вполнѣ спокойно, близь горъ Борхутъ вѣтеръ дулъ съ силою шторма. Часто набѣгали облака и на сѣверномъ склонѣ при нашемъ проѣздѣ оба раза шелъ дождь, впрочемъ очень мелкій, едва смачивавшій дорогу. На южномъ склонѣ вѣтеръ, по мѣрѣ удаленія, отъ горъ становился все слабѣе и на полъ дороги къ Кусану уже былъ вовсе не чувствителенъ. Въ Персіи мнѣ объясняли, что самое названіе Бадхызъ, страна, сосѣдняя съ этою частью Ю.-З. Туркменіи и имѣющая съ ней одинаковый климатъ, получила именно отъ этого состоянія атмосферы: бадъ значитъ вѣтеръ, хастенъ (корень—хызъ)—подниматься, вставать. По словамъ туркменъ эта погода длится здѣсь цѣлый годъ; эти же мѣстные вѣтры, хотя и нѣсколько слабѣйшіе, дѣлаютъ жизнь въ Пенде весьма тяжелою.

Растительность.

Растительность главнымъ образомъ зависитъ отъ качества грунта и обилія воды. Какъ по Гери-руду, такъ и по Мургъ-абу

вдоль береговъ (по разливамъ) встрѣчается въ большомъ количествѣ тополь, тутъ, верба (торрангы) и кустарники разныхъ породъ, настолько густые, что во многихъ мѣстахъ къ рѣкѣ не только невозможно подъѣхать, но даже пробраться пѣшкомъ. Кормъ для лошадей вездѣ въ изобиліи и хорошаго качества. Деревья, находящіяся здѣсь, достигаютъ довольно значительныхъ размѣровъ и этимъ надобно объяснить мнѣніе нѣкоторыхъ путешественниковъ, будто по берегамъ этихъ рѣкъ имѣется строевой лѣсъ [1]); всѣ существующія здѣсь породы годны конечно для покрытія небольшихъ помѣщеній, для мостиковъ черезъ арыки и т. п., но совершенно не соотвѣтствуютъ понятію о строевомъ лѣсѣ, которое сложилось въ Россіи. Верба и тополь непригодны для большихъ построекъ или столярныхъ работъ; для значительныхъ сооруженій изъ дерева лѣсъ долженъ быть доставленъ съ Волги или изъ Кавказа; въ Закаспійскомъ краѣ его нигдѣ не имѣется.

Внутри междурѣчья на песчано-глинистомъ грунтѣ встрѣчаются тутовыя деревья только близь родниковъ и фисташковыя, разбросанныя по всѣмъ склонамъ холмовъ, большею частью въ видѣ отдѣльныхъ деревьевъ на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи другъ отъ друга.

Какъ кустарникъ, такъ и травы на кырахъ растутъ плохо и потому сравнителъно съ сѣверною, южная часть гораздо бѣднѣе ими, только близь рѣкъ пастбища могутъ считаться вполнѣ хорошими; кустарника же вообще очень мало. Совсѣмъ не то сѣверная часть; разъ кыры уступили мѣсто грунту съ преобладаніемъ песка—самыя роскошныя травы, которыя только извѣстны туркменамъ, покрываютъ мѣстность. Эта часть была источникомъ богатства сарыковъ, причиною прекраснаго качества ихъ стадъ. „Мисиръ“ называютъ ее туркмены; это значитъ Египетъ и употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ у насъ обѣтованная страна. Здѣсь не бываетъ такого выгоранія растительности, какъ въ Каракумахъ; даже высохшая лѣтомъ трава все еще прекрасный кормъ

---

[1]) Г. Алихановъ передаетъ о существованіи строевато лѣса даже по дорогѣ изъ Мерва въ Хиву.

для скота. Центромъ лучшихъ пастбищъ считаются колодцы Коюнъ-куи.

Кустарникъ вездѣ въ изобиліи и по мѣрѣ приближенія отъ средины степи къ р. Мургъ-абу становится все гуще и выше и близь рѣки обращается почти въ лѣсъ; вырубленъ онъ только у колодцевъ и населенныхъ мѣстъ; такъ, во всемъ оазисѣ Пенде и на цѣлый переходъ на сѣверъ и на югъ отъ него нѣтъ ни одного кустарника или дерева; топливо подвозится изъ песковъ и отъ Чеменъ-и-бида.

Минеральныя богатства.

О существованіи какихъ либо минеральныхъ богатствъ въ горахъ Борхуть туркмены ничего не знаютъ.

Большою извѣстностью во всѣхъ окрестныхъ странахъ пользуются богатыя соляныя озера, наз. Еръ-ойланъ или Дузъ. Дузъ значитъ просто соль, а Еръ-Ойланъ—провалъ земли; есть преданіе, что здѣсь когда-то была крѣпость, которая провалилась и на ея мѣстѣ явились два соляныя озера. Провалъ глубиною 130 саженъ; берега, состоящіе изъ красныхъ глинъ, мѣстами вертикальные обрывы, мѣстами пологіе; оба озера раздѣляются возвышеніемъ (70 саж. надъ дномъ), по которому и проходитъ дорога изъ Коюнъ-куи въ Акъ-робатъ. По южной сторонѣ озера есть нѣсколько отдѣльно стоящихъ кыровъ, видныхъ издалека. Въ озерахъ надъ солью около ½ аршина воды; для добыванія ломами вырубаютъ куски въ водѣ мельничныхъ камней; на слѣдующій годъ разработанное мѣсто снова заполняется солью, которой, по словамъ туркменъ, неизчерпаемое количество. Соль прекраснаго качества.

Этими озерами пользовались всѣ туркменскія племена обитающія окрестныя страны; Мервцы и Іолъ-отанцы пользовались западнымъ озеромъ, сарыки изъ Пенде восточнымъ. Большая дорога, которою направлялись мервскіе караваны за солью, проходила черезъ Келе-бурунъ и Коюнъ-куи; но въ виду опасности по ней могли двигаться только большіе караваны съ сильнымъ конвоемъ для защиты отъ нападеній сарыковъ или персовъ; поэтому кромѣ этой главной дороги къ Дузу отъ Мерва сердары

знали еще много тропинокъ, по которымъ и проводили небольшіе караваны. Прошлою зимою послѣ назначенія въ Серахсъ энергичнаго персидскаго правителя Али-Мерданъ-хана, отомстившаго мервцамъ за ихъ разбои разграбленіемъ текинскаго каравана близь Коюнъ-куи, движеніе изъ Мерва и Іолъ-отана къ Дузу прекратилось вовсе и мервцы стали покупать соль изъ Пенде черезъ посредство Іолъ-отанцевъ; по занятіи Мерва и послѣдовавшемъ за тѣмъ умиротвореніи края прежнее движеніе возобновилось.

Сарыки Пенде также имѣютъ извѣстныя имъ тропинки и кромѣ того двѣ большія дороги: первая по Кушку и далѣе черезъ Акъ-робатъ, длиннѣйшая, но богатая водою, и вторая безводная, кратчайшая, отъ Дашъ-кёпри прямо на Дузъ.

Солью изъ Еръ-ойлана пользовались и другія племена но они не осмѣливались являться за нею сами, а покупали ее главнымъ образомъ у жителей Пенде. Джемшиды пріобрѣтали ее не только для себя, но и для продажи въ Гератѣ, гдѣ она очень цѣнилась, такъ какъ соль, добываемая близь этого города въ Афганистанѣ худшаго качества; также въ Пенде покупали соль и жители Маймене.

Сообщенія въ краѣ.

Со времени водворенія текинцевъ въ Мервѣ и наступившаго безпорядка въ степи, движеніе по Ю. З. Туркменіи почти вовсе прекратилось; даже между Іолъ-отаномъ и Пенде сообщеніе было весьма мало оживленное; дорога изъ Пенде въ Гератъ по Кушку, бывшая прежде большимъ караваннымъ путемъ, нынѣ едва замѣтная тропинка. Внутри же страны проѣзжали только хорошо вооруженные караваны къ озерамъ Еръ-ойланъ, а главнымъ образомъ разбойники изъ Мерва и Пенде, ходившіе грабить другъ друга или чаще всего персовъ и афганцевъ. Торговые же караваны совершенно не могли двигаться. Но только что сказанное относится къ позднѣйшему времени и едвали справедливо мнѣніе Роулинсона о томъ, что здѣсь никогда не было большой дороги [1]). Развалины робатовъ въ Кунгрюэли и близь перевала

[1]) Proceed. of the R. G. S. Jan. 1883 p. 16. «Jhave stated that there never was a high road through Badgheis along the line of the Hari-rud».

Хомбоу указываютъ на одно изъ направленій; другое составляла дорога черезъ Акъ-робатъ; въ Гюрленѣ и близь перевала Караунъ-ашанъ существуютъ даже остатки укрѣпленій и слѣды посѣвовъ.

Дороги въ настоящемъ видѣ конечно вьючныя тропинки, но общій характеръ мѣстности въ высшей степени благопріятствуетъ проложенію здѣсь хорошихъ колесныхъ путей и даже устройству рельсоваго.

Подробное описаніе дорогъ изложено въ дневникахъ и маршрутахъ.

Населеніе Ю.-З. Туркменіи.

Во внутренней части Ю. З. Туркменіи мало мѣстъ, пригодныхъ для земледѣлія, и она имѣетъ значеніе только для скотоводства; поселенія же сарыковъ и салоровъ, чорва которыхъ пользовалась между рѣчьемъ для своихъ стадъ, расположены по рѣкамъ Мургъ-абу и Гери-руду.

Сарыки; раздѣленіе на отдѣленія.

Племя туркменъ сарыковъ, занимающихъ на Мургъ-абѣ оазисы Іолъ-отанъ и Пенде, раздѣляется на слѣдующія отдѣленія: байраджъ, сукты, алаша, хорасаллы и герзеки. Впрочемъ на вопросъ сколько у нихъ отдѣленій сарыки всегда отвѣчаютъ не пять, а шесть, такъ какъ, при соображеніи о распредѣленіи воды и земли, при выборѣ старшинъ и пр. герзеки считаются за два отдѣленія.

Способъ управленія оазисами былъ такой же, какъ и въ Мервѣ, т. е. дѣйствительной власти не было никакой; всякій поступалъ какъ хотѣлъ и только въ случаѣ крайней необходимости принять какое либо рѣшеніе, касающееся всего оазиса, дѣло рѣшалось аксакалами; власть хановъ также ничтожна, какъ было въ Мервѣ; такъ въ Іолъ-отанѣ Сары-ханъ былъ простымъ исполнителемъ постановленій аксакаловъ; приказать же онъ никому не могъ. Само собою теперь въ Іолъ-отанѣ все измѣнилось; Сары-ханъ въ настоящее время русскій чиновникъ и его приказанія

исполняются, но уже какъ приказанія русскаго начальника, а не какъ туркменскаго хана.

Численность племени.

Сарыки сами опредѣляютъ численность своего племени въ 20,000 кибитокъ. Но чтобы казаться сильнѣе, туркмены всегда увеличиваютъ дѣйствительную цифру населенія и болѣе довѣрія заслуживаетъ число 12,000 кибитокъ, принимаемое Петрусевичемъ; весьма вѣроятно, впрочемъ, что при провѣркѣ и оно окажется сильно преувеличеннымъ.

Изъ этихъ 12,000 кибитокъ треть, т. е. около 4,000, живетъ въ Іолъ-отанѣ; остальные въ Пенде и по Кушку, Кашу и Кайсору.

Между сарыками живетъ небольшое количество евреевъ: большая часть изъ нихъ прибыла изъ Герата; въ медрессе этого города евреи и до сихъ поръ посылаютъ воспитываться своихъ дѣтей.

Сарыки не преслѣдуютъ моисеевъ законъ, но притѣсняютъ и отнимаютъ деньги у его послѣдователей, когда тѣ богатѣютъ.

Нравы и обычаи.

По своимъ нравамъ, обычаямъ, занятіямъ и образу жизни сарыки мало отличаются отъ текинцевъ. Впрочемъ жители Пенде едвали не самое кочевое племя изъ всѣхъ туркменъ; мервцы уже начинаютъ прикрѣпляться къ землѣ хотя глиняными домиками для гостей и стѣнами своихъ кале и шехра. Сарыкъ же еще досихъ поръ гордится тѣмъ, что его крѣпость—это сѣдло и ружье. Находящіеся въ треугольникѣ между Мургъ-абомъ и Кушкомъ укрѣпленія Таза и Кегне-Пенде были развалины еще до прихода сарыковъ; они не возобновлены и во всемъ оазисѣ нѣтъ ни одного укрѣпленія, ни одной самой простой постройки: всѣ живутъ поселеніями по 20, тридцать, иногда до 100 кибитокъ, стоящихъ на совершенно открытыхъ и ничѣмъ не огражденныхъ мѣстахъ. Мазанки, существующія въ Іоль-отанѣ служатъ только какъ склады.

Вслѣдствіе большаго развитія у нихъ скотоводства живутъ сарыки весьма богато; у зажиточныхъ хозяевъ по нѣсколько ки-

битокъ; войлоки обшиты съ обѣихъ сторонъ бѣлымъ полотномъ, что придаетъ кибиткамъ нарядный, чистый видъ, весьма выгодно отличающій ихъ отъ кибитокъ другихъ племенъ. Стоимость кибитки отъ 300 до 800 тенге; внутри много ковровъ и имущества и даже снаружи многія кибитки украшены дорожками и весьма цѣнными коврами. Столь частыя въ Мервѣ камышевыя хижины, обмазанныя глиною, въ которыхъ живутъ бѣдняки, въ Пенде почти вовсе не встрѣчаются.

Языкъ.

По словамъ туркменъ можно отличить по разговору сарыка отъ салора или текинца, не говоря о болѣе удаленныхъ іомудахъ, ерсаряхъ и пр. Это весьма вѣроятно: обособленность каждаго племени, происходящая отъ постоянной вражды другъ съ другомъ, имѣетъ конечно послѣдствіемъ, что каждое изъ нихъ въ различной степени дѣлаетъ заимствованія у своихъ сосѣдей и даже вырабатываетъ себѣ нѣсколько отличное отъ другихъ нарѣчіе. Такъ напр. каналъ сарыки зовутъ ноу-хана, а не арыкъ, джаръ, джуй или ябъ, какъ другіе туркмены. Особенно отличны имена собственныя: большая крѣпость въ Мервѣ у сарыковъноситъ названіе Ханъ-геченъ, совершенно неизвѣстное текинцамъ, называющимъ ее Коушутъ-ханъ-кала или Мары шигаръ (городъ Мервъ). На этомъ мѣстѣ при сарыкахъ было небольшое укрѣпленіе и посѣвы; Медемій-ханъ въ теченіи 12 лѣтъ велъ войну съ туркменами и раззорялъ это мѣсто, отчего оно и получило свое названіе Ханъ-геченъ, т. е. ханъ прошелъ. Укрѣпленіе, извѣстное текинцамъ подъ именемъ Порсу-кала, построено сарыками во время войнъ съ Хивинцами для защиты плотины Дженаали-бендъ (нынѣ Коушутъ-ханъ-бендъ) и у сарыковъ еще въ настоящее время носитъ названіе Дженаали-бендъ-кала.

Одежда.

Одежда мущинъ весьма мало отличается отъ одежды другихъ туркменскихъ племенъ. Лишь сапоги у нихъ часто замѣняются мягкою кожаною обувью, сверхъ которой надѣваются доставленныя изъ Бухары калоши съ мѣдными задками. Дома

весьма многіе вмѣсто туркменской бараньей шапки носятъ бухарскія суконныя тюбетейки, обшитыя узкою полоскою мѣха. Въ аулахъ почти всѣ ходятъ съ длинными палками.

Женскій костюмъ нѣсколько болѣе отличается отъ текинскаго: рубашки и шаравары такія же, какъ у текинокъ, но только почти исключительно синяго цвѣта, между тѣмъ какъ у этихъ послѣднихъ преобладаетъ красный. Головной уборъ совершенно особенный и состоитъ изъ высокой войлочной шапки, обмотанной до половины тонкимъ тюрбаномъ изъ цвѣтной матеріи, которая затѣмъ спускается сзади широкимъ покрываломъ до пояса, а спереди приподнята и закрываетъ подбородокъ.

Занятія.

Главныя занятія сарыковъ скотоводство и земледѣліе; торговля и занятіе ремеслами развиты весьма мало; разбои же со стороны Іолъ-отана прекратились вовсе, а со стороны Пенде сильно стѣснены.

Также, какъ у другихъ туркменъ, скотоводы у сарыковъ называются чорва, земледѣльцы—чомуръ.

Скотоводство у сарыковъ развито болѣе, нежели у какого либо другаго туркменскаго племени, не смотря на то, что тревожное положеніе края до настоящаго времени не позволяло пользоваться лучшими пастбищами вокругъ Коюнъ-куи и заставляло ограничиваться ближайшими къ оазисамъ мѣстами. Жители Пенде—наиболѣе богатые скотоводы—пасли свои стада по холмамъ обоихъ береговъ Кушка и даже внутри Бадхыза, за что платили афганскому правителю подать около 6 телге за 100 барановъ.

На сѣверъ отъ Дашъ Кепри стадъ не выгоняли далѣе переправы Юнгенлы въ виду трудности охранять ихъ отъ мервскихъ разбойниковъ. Затѣмъ всѣми пастбищами до Курджукли никто не пользовался; это мѣсто было самое опасное во всей степи; тутъ бродили для набѣговъ разбойники всѣхъ окружающихъ племенъ.

Въ Іолъ-отанѣ стадъ очень мало: здѣсь живутъ только бѣдняки, переселившіеся сюда изъ Пенде, именно вслѣдствіе неимѣнія скота и недостатка хорошей земли при сліяніи Мургъ-аба и Кушка. Свои немногочисленныя стада Іолъ-отанцы пасутъ близь своихъ ауловъ.

Охранять каждое стадо особыми нанятыми людьми было бы невыгодно, и потому система защиты принята другая: въ удобныхъ пунктахъ ставятся скрытно караулы, которыхъ обязанность слѣдить за движеніемъ разбойниковъ; въ случаѣ нападенія караульщики спѣшатъ сообщить въ оазисъ, откуда и снаряжается соотвѣтствующая силѣ аламана погоня; стада гнать быстро нельзя и потому успѣшный угонъ рѣдко удавался; обыкновенно дѣло ограничивалось захватомъ лошадей, оружія и отдѣльныхъ людей.

Овцы сарыковъ очень хорошей породы; пастбища лучшія во всей степи, а потому, не смотря на бывшее тревожное время, сарыки самое богатое изъ туркменскихъ племенъ; многіе имѣютъ до 1000 барановъ; самые богатые—баи—даже до 2000 барановъ и 60—70 верблюдовъ.

Теперь при полномъ умиротвореніи края, большая часть стадъ конечно будетъ пастись на сѣверномъ склонѣ Эльбирынъ-кыра; рѣдкіе колодцы не препятствіе для пастьбы; часть времени стада поятъ изъ рѣки, пока не съѣдены ближайшія къ ней пастбища; потомъ перекочевываютъ къ колодцамъ; барановъ на пастьбѣ даже лѣтомъ можно поить одинъ разъ въ 4—5 дней; въ промежуткѣ достаточна влага, заключающаяся въ травѣ.

Въ худшихъ условіяхъ, нежели скотоводство, находится у сарыковъ земледѣліе. Также какъ и въ другихъ низменныхъ частяхъ Средней Азіи земля здѣсь не производитъ ничего безъ орошенія, а въ Пенде оно представляетъ большія трудности. Почти всюду долины Мургъ-аба и его притоковъ не широки; окаймляющіе ихъ холмы, хотя не высоки, но безъ серьезныхъ сооруженій все же не допускаютъ вывода каналовъ и потому сарыки, по вытѣсненіи отсюда салоровъ, заняли всѣ долины рѣкъ.

Главные каналы для орошенія Пенде выведены изъ Мургъ-аба; но берега его здѣсь неудобны для установки плотины и потому сарыки довольствуются небольшими каналами, питаемыми естественнымъ теченіемъ рѣки; только въ очень низкую воду устраиваются у истока западныхъ каналовъ нѣсколько ниже Меручака изъ камней и хвороста временныя загражденія для поднятія горизонта воды, которыя весною уносятся высокими водами. Начало этого канала отдѣляется отъ разливовъ рѣки дамбою,

называемою Бендъ-и-Кадири, построенною еще ерсарями-чоршангы, жившими здѣсь ранѣе салоровъ.

Впрочемъ кромѣ препятствій со стороны мѣстныхъ условій есть и другія причины, почему сарыки не дѣлаютъ чего-либо болѣе совершеннаго для орошенія Пенде: это неопредѣленность ихъ положенія, боязнь притѣсненій со стороны авганцевъ, которые могутъ принудить сарыковъ откочевать на сѣверъ, а главное —отсутствіе какого бы то ни было порядка среди самаго племени.

При такомъ положеніи только самая низкая часть долинъ шириною 200—300 саж. орошена; мѣстности же, возвышающіяся на 2—3 саж., уже недоступны для поливки.

Каналами праваго берега Мургъ-аба пользуются отдѣленія байраджъ и алаша, лѣваго берега сукты, хорассалы и герзеки.

Прежде сарыки пользовались водою, взятою изъ Мургъ-аба, близъ укр. Бала-Мургъ-абъ, гдѣ ежегодно устанавливалось временное загражденіе Бендъ-и-джоукара; въ послѣднее время афганцы вытѣснили сарыковъ изъ Бала-Мургъ-аба и ихъ посѣвы заняты теперь джемшидами и хазаре.

При проѣздѣ въ 1878 году генерала Гродекова черезъ Калеивали, укрѣпленіе это лежало въ развалинахъ, никѣмъ не занятое; нынѣ въ немъ поселились сарыки-хорассалы.

Изъ рѣки Кашъ также выведены небольшіе каналы отдѣленіемъ герзеки. Какъ выше уже было сказано, Кашъ иногда пересыхаетъ лѣтомъ и потому пользованіе имъ рисковано; впрочемъ даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ не даетъ много воды.

Не смотря на такой же рискъ отъ пересыханія, болѣе значенія для оазиса имѣетъ р. Кушкъ, обильная водою весною и послѣ дождей въ горахъ; вдоль всей долины рѣки племенемъ сукты и хорассалы выведены каналы, начиная отъ Чилъ-духтера до входа въ оазисъ Пенде (около 20 верстъ южнѣе Дашъ—Кепри); близъ этихъ посѣвовъ сарыки не живутъ круглый годъ; оставивъ семейства въ Пенде, сюда приходятъ лишь дехканы (земледѣльцы) для засѣванія полей и сбора жатвы; въ нѣсколькихъ пунктахъ по долинѣ построены ими небольшія укрѣпленія.

Далѣе на сѣверъ отъ герзеки отдѣленіе сукты ведетъ нѣсколько каналовъ, изъ которыхъ главный по акведуку Дашъ-кепри проходитъ на лѣвую сторону рѣки и орошаетъ земли до переправы Юнгенлы.

Но всѣ вышеописанныя мѣста еще были недостаточны для сарыковъ; они прямо говорятъ, что въ Пенде орошенной земли слишкомъ мало: тамъ могли жить только богатые скотоводы и разбойники. Возобновить бывшее прежде орошеніе между Юнгенлы и Іолъ-отаномъ не позволяло тревожное состояніе степи и потому черезъ 10 лѣтъ по занятіи Пенде, бѣднѣйшая часть населенія, не имѣвшая стадъ и слѣдовательно менѣе всего рисковавшая, по соглашенію съ мервцами, рѣшила выселиться къ развалинамъ брошеннаго салорами укрѣпленія Іолъ-отанъ. На 45 верстъ выше этого пункта они построили плотину Бендъ-и-Казахлы, отъ которой и идетъ каналъ, орошающій Іолъ-отанскій оазисъ; противъ мѣста Чаръ-багъ каналъ раздѣляется на два параллельные, идущіе почти до самаго Мерва. Болѣе мелкія подраздѣленія не постоянны, и въ нихъ пускается вода, смотря по тому, гдѣ сдѣланы посѣвы. Ширина большихъ каналовъ 3 сажени, одиночнаго же идущаго до Чаръ-Бага—четыре; глубина 1 до $1^1/_2$ аршина. Весь оазисъ Іолъ-отанъ состоитъ изъ узкой полосы, рѣдко болѣе 2 верстъ шириною, тянущейся отъ Казахлы почти до Мерва, т. е. на протяженіи почти 60 верстъ. Справа онъ ограниченъ рѣкою; слѣва—песками, все время то подходящими къ рѣкѣ мысами, то удаляющимися заливами; каналы идутъ близь самыхъ песковъ, иногда даже пересѣкаютъ ихъ. Собственно обработанная часть Іолъ-отанскаго оазиса начинается лишь у Чаръ-бага и продолжается до развалинъ Талхатанъ-баба, гдѣ къ ней непосредственно прилегаютъ мервскія поля.

Кромѣ главнаго канала въ самомъ разливѣ близь Іолъ-отана есть небольшіе посѣвы, вода на которые подымается при низкомъ горизонтѣ ея въ рѣкѣ, чигирями (водоподъемными колесами), такого же устройства, какъ употребляемые въ Хивѣ

По полномъ умиротвореніи края, нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть жителей Пенде перекочуетъ книзу и займетъ всѣ свободныя мѣста по Мургъ-абу, особенно близь Іолъ-отана,

гдѣ земля очень хорошая и ея много, тѣмъ болѣе, что и прекрасныя пастбища находятся близко.

(На прилагаемой картѣ нанесены все означенные каналы; изъ нихъ часть каналовъ, идущихъ изъ Меручака и Бала-Мургъ-аба— по разспросамъ; остальные же были осмотрѣны при поѣздкѣ моей въ Пенде въ мартѣ 1884 г.).

Въ оазисахъ Пенде и Іолъ-отанъ главнымъ образомъ воздѣлываются пшеница, джугара (сорго), ячмень (очень мало), рисъ прекраснаго качества, кунджутъ, юрунджа (люцерна), хлопокъ (очень не много); огороды также весьма незначительны. Садовъ вовсе нѣтъ ни въ Іолъ-отанѣ, ни въ Пенде.

Не смотря на то, что, какъ сказано выше, весь успѣхъ земледѣлія зависитъ отъ орошенія, оно находится у сарыковъ также, какъ и у другихъ туркменъ, на самой низкой степени развитія.

У другихъ народовъ Средней Азіи отсутствуютъ только теоретическія познанія въ этомъ дѣлѣ; у туркменъ же весьма мало и практической снаровки какъ въ устройствѣ каналовъ, такъ и въ содержаніи ихъ. Практики строители ирригаціонныхъ сооруженій, называемые пянджварами, вообще весьма неискусны.

Мѣсто для расположенія плотины или истока канала выбирается въ колѣнѣ рѣки, чтобы воспользоваться направляющимся сюда теченіемъ; затѣмъ каналы проводятся руководствуясь остатками существовавшихъ прежде и покинутыхъ сооруженій, которыхъ всюду много; если же таковыхъ нѣтъ, то направленіе выбирается ощупью; не имѣя понятія о нивеллировкѣ, туркмены никогда не увѣрены, что вода пойдетъ куда они желаютъ; поэтому каналъ роютъ начиная отъ рѣки небольшими участками, въ которые тотчасъ пускаютъ воду; если она не идетъ, то сдѣланный участокъ оставляютъ и вырываютъ новый; всюду видно множество такихъ брошенныхъ неудавшихся участковъ, иногда весьма длинныхъ. О приданіи уклона, соотвѣтствующаго качеству грунта, туркмены не имѣютъ понятія; это дѣлаетъ впослѣдствіи сама вода, подмывая берега и увеличивая извалинами длину канала; даже содержаніе въ исправности береговъ и дамбъ каналовъ не соблюдается: значительная часть воды пропадаетъ въ

разливахъ, занимающихъ большія пространства, особенно въ Мервскомъ оазисѣ; при этомъ кромѣ безполезный траты воды гибнутъ, если не на всегда, то на весьма продолжительное время, хорошія земли; вода испаряясь оставляетъ соли, которыя обращаютъ почву въ негодные для обработки солончаки.

Водосливы почти никогда не достаточные; при возвышеніи горизонта, вода не проходитъ черезъ нихъ и разрушаетъ плотину; если же она настолько прочна, что вода не можетъ прорвать ее, то обходитъ сооруженіе, что рѣдко представляетъ затрудненія, такъ какъ укрѣпленія береговъ у плотинъ не дѣлается. При возвышеніи горизонта воды, стража у плотины даетъ знать объ этомъ въ поселеніе; является нѣсколько сотъ, иногда даже двѣ, три тысячи человѣкъ и начинается борьба съ водою: все дѣлается безъ всякаго толка и почти нѣтъ плотины, которую бы не рвало каждыя 5—6 лѣтъ.

Понятно какая безобразная въ общемъ получается система орошенія, какъ непроизводительно расходуется вода и какіе ничтожные результаты большею частью соотвѣтствуютъ громадной затратѣ труда.

Сооруженія для ирригаціи самаго примитивнаго устройства: какъ сказано выше, въ оазисѣ Пенде нѣтъ плотинъ: въ низкую воду какъ въ Бендъ-и-джоу кара, такъ и по Кушку дѣлаютъ возобновляемыя ежегодно временныя загражденія изъ камней и хвороста для поднятія уровня воды и направленія ея въ каналы.

Акведукъ Дашъ-кепри построенъ во время господства здѣсь арабовъ; онъ состоитъ изъ девяти стрѣльчатыхъ арокъ пролетомъ по $1,_8$ саж., толщина быковъ $1,_{15}$, а вся длина акведука 30 саж.; высота отъ горизонта воды до верха парапета $2,_{45}$ саж. Каналъ, проходящій по верху имѣетъ 5 арш. ширины и $1^1/_2$ арш. глубины. Видъ акведука — неуклюжій, придавленный; при небольшой высотѣ, его стрѣльчатыя арки начинаются почти у дна рѣки и весьма некрасивы. Кладка сдѣлана на сарычѣ; такъ называется цемяночный растворъ, въ который кладутъ гажу, золу, солому и даже яйца для увеличенія его гидравлическихъ свойствъ; это впрочемъ не предохраняетъ акведукъ отъ разрушенія; многія арки выпали вполнѣ, другія частью и своды обра-

тились въ простое покрытіе; все держится лишь благодаря массивнымъ размѣрамъ, приданнымъ всѣмъ частямъ сооруженія.

Сарыки пробовали обратить акведукъ въ плотину, но при отсутствіи водослива поднявшаяся вода грозила обойти или снести акведукъ; поэтому загражденіе пролетовъ было разобрано.

Плотина Бендъ-и-казахлы, доставляющая воду въ каналы Іолъ-отана и Курджукли устроена изъ земли и хвороста, водосливъ для пропуска не входящей въ каналъ высокой воды сдѣланъ изъ камня и фашинъ и потому требуетъ постояннаго присмотра и ремонта. При сарыкахъ т. е. за послѣднія 17 лѣтъ плотину три раза сносила вода; одинъ разъ вслѣдствіе того, что мервцы подожгли фашинникъ.

Каналъ отъ Казахлы до Чаръ-бага былъ построенъ еще салорами; тогда рѣка въ этомъ мѣстѣ текла по другому руслу, которое и было преграждено плотиною, направлявшею воду въ каналъ; высокая вода обошла плотину и прорыла рукавъ, соединяющійся со старымъ русломъ у Баба-кемберъ; плотина сарыковъ расположена въ этомъ новомъ рукавѣ. Вода идетъ сначала по старорѣчью до дамбы, расположенной на мѣстѣ салорской плотины и оттуда по старому каналу; уклонъ дна его весьма значительный и если бы онъ на всемъ протяженіи содержался чисто, то можно бы обойтись вовсе безъ плотины. Съ этою же цѣлью сарыки пробовали сдѣлать истоки канала еще выше: прорытъ громадный арыкъ, но направленіи ему придано неудачное, онъ уперся въ песокъ и брошенъ.

Торговля.

Отсутствіе у сарыковъ почти всякихъ потребностей вслѣдствіе ихъ бѣдности и малаго развитія съ одной стороны, и трудности сообщеній съ сосѣдними странами съ другой объясняютъ незначительные размѣры ихъ торговли.

Получаютъ сарыки въ Іолъ-отанѣ—ситцы, красный товаръ, желѣзо, котлы, чай и шелкъ главнымъ образомъ изъ Бухары, халаты изъ Хивы. Изъ Герата привозятъ также чай, шелкъ, канаусъ, леденцы, индиго (отправляемое въ Бухару и Хиву).

Въ Пенде предметы торговли почти тѣ-же, но, въ виду чрез-

вычайной опасности пути изъ Іолъ-отана въ Пенде, первый изъ этихъ пунктовъ ведетъ торговлю главнымъ образомъ съ Бухарою, второй съ Гератомъ.

Изъ Бухары также привозятся столярныя подѣлки и предметы изъ дерева, сундуки, двери для кибитокъ и пр.; изъ Хивы остовы для кибитокъ. Въ года ранняго пересыханія Кушка и Каша или неурожаевъ, часто бывающихъ въ Пенде, и вслѣдствіе другихъ причинъ пшеница въ значительномъ количествѣ закупается въ Мервѣ или Гератѣ.

Главные предметы отпуска изъ обоихъ оазисовъ—это бараны, отправляемые въ Бухару и лошади и верблюды въ Гератъ. Цѣна самаго большого барана 20—25 тенге.

Лѣсъ, растущій по Мургъ-абу, рубятъ и сплавляютъ для продажи въ Мервѣ, гдѣ хорошее дерево стоитъ 6—7 крановъ. У Бендъ-и-казахлы плоты развязываютъ и переносятъ на другую сторону плотины; за это караульные берутъ баджъ натурою: съ нѣсколькихъ деревъ по одному, употребляя полученное на исправленіе плотины и моста у Іолъ-отана.

Рисъ, воздѣлываемый въ Пенде, славится во всѣхъ окрестныхъ странахъ какъ лучшій и вывозится въ Гератъ, Персію и Мервъ.

Въ буграхъ по берегамъ Мургъ-аба и Кушка охотники бьютъ лисицъ, шкуры которыхъ продаются въ Бухарѣ по 36—40 крановъ за пачку.

Затѣмъ вывозятся нѣкоторыя произведенія сарыковъ:

1) Первое мѣсто занимаютъ ковры; по рисунку они нѣсколько отличаются отъ Мервскихъ, а по качеству хуже этихъ послѣднихъ, вслѣдствіе примѣси бумаги и отсутствія примѣси шелка; въ оазисѣ, за неимѣніемъ тутовыхъ деревьевъ, шелководствомъ не занимаются вовсе. Цѣна ковровъ почти такая же какъ Мервскихъ.

2) Кошмы (войлоки) выдѣлываются въ довольно значительномъ количествѣ въ Пенде; кусокъ 5 арш. длиною и около 3 шириною стоитъ 20 крановъ.

3) Изъ шерсти молодыхъ верблюдовъ (одного, двухъ лѣтъ) дѣлаютъ прекрасную ткань для халатовъ; одна женщина въ годъ можетъ сдѣлать одинъ кусокъ около 9 арш. длиною и отъ 14 до

16 вершк. шириною. Ткань эта очень высоко цѣнится въ Персіи и Гератѣ; кусокъ ея стоитъ отъ 200—300 крановъ; у самихъ сарыковъ нѣтъ достаточно богатыхъ людей чтобы носить подобные халаты. Въ томъ же родѣ болѣе дешевая ткань (80 крановъ за кусокъ) дѣлается изъ бараньей шерсти; она бѣлаго цвѣта.

Остальныя произведенія сарыковъ ремесленниковъ служатъ только для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей.

Вслѣдствіе неспокойнаго положенія края торговое движеніе могло происходить только при соблюденіи большихъ предосторожностей: для охраненія каравана во 100 верблюдовъ приходилось нанимать 50—60 человѣкъ, за плату по 40 тенге до Чарджоу; эта охрана состояла изъ пѣшихъ людей (мергеновъ). Шли въ Бухару отъ 5—7 дней съ верблюдами и 12 дней съ баранами большею частью по дорогѣ черезъ Репетекъ, которая считалась лучшею; она достаточно снабжена водою и количество песка на ней не велико: затруднялось по ней движеніе разбоями мервцевъ и ерсарей.

Трудность сообщеній вліяла на цѣну предметовъ: кусокъ кумача въ 56 арш., стоющій въ Бухарѣ 38 тенге, въ Іолъ-отанѣ продавался за 60; фунтъ сахара стоилъ 60 коп.

На базары, бывающіе два раза въ недѣлю, вывозятся главнымъ образомъ мѣстныя произведенія; предметы же, получаемые изъ другихъ странъ, продаются въ лавкахъ у евреевъ, которыхъ въ Іолъ-отанѣ около 20 человѣкъ; въ ихъ же рукахъ находится и вся транзитная торговля между Гератомъ и Бухарою; Іолъ-отанъ былъ очень удобнымъ посредникомъ, вслѣдствіе дружественныхъ отношеніи его жителей къ Пенде и болѣе или менѣе мирныхъ къ Мервцамъ.

До настоящаго времени у сарыковъ главнымъ образовъ обращались бухарскія деньги—тенге (4 тенге составляютъ 1 кред. рубль) и старые персидскіе краны (около 30 коп.); еще весною настоящаго года сарыки не знали ни новыхъ персидскихъ крановъ (40 коп.) ни бумажныхъ денегъ.

Салоры.

По свѣдѣніямъ ген. Петрусевича салоры дѣлятся на три племени: кипчаги, дазарду-ходжа и караманъ-ялавачь. У ст. Серахса

ихъ теперь около 3,000 кибитокъ (салоры сами считаютъ, что 4,000 кибитокъ); кромѣ того по Мургъ-абу (среди мервцевъ и сарыковъ) около 1,000 кибитокъ, у Чарджуя 400, Маймене 200, близь Герата у Пулъ-и-Саларъ около 100 домовъ.

Ниже во главѣ II изложены свѣдѣнія о жизни салоровъ за послѣднее время; бѣдствія, которыя они претерпѣли, имѣли послѣдствіемъ полное обѣдненіе ихъ; кибитокъ почти ни у кого нѣтъ; всѣ живутъ въ камышевыхъ шалашахъ, обмазанныхъ глиною, стадъ почти вовсе нѣтъ; лошади и верблюды очень рѣдки; разбоями салоры уже давно не занимаются; земледѣліе почти единственное ихъ занятіе. Поселенія ихъ расположены частью у ст. Серахса, частью у развалинъ Коушутъ-калы; для орошенія салоры пользуются каналами, берущими начало у Даулетъ-абада, вода въ которые направляется временными плотинами, возобновляемыми ежегодно при спадѣ водъ. Система ирригаціи также не совершенна, какъ у мервцевъ и сарыковъ.

ГЛАВА II.

Историческій очеркъ.—Отношенія сарыковъ и салоровъ къ своимъ сосѣдямъ.—Положеніе края.—Соображенія о проведеніи пограничной черты между Южною Туркменіею и Афганистаномъ.

Сарыки.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія [1]), послѣ того какъ Мервъ былъ разрушенъ эмиромъ Мааусумомъ бухарскимъ и жители его уведены частью въ Бухару, частью въ Мешхедъ и Гератъ, мѣстность по Мургъ-абу близь Байрамъ-Али-кала заняли туркмены сарыки и владѣли ею до конца пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія, совершая оттуда свои набѣги на всѣ сосѣднія страны, не исключая и занятыхъ другими туркменскими племенами.

---

[1]) Нѣсколько свѣдѣній о болѣе древней исторіи этой мѣстности приведены Sir H. Rawlinson'омъ въ Proceedings of the R. Geogr. Society. Jan. 1883. См. Приложеніе I.

Для орошенія своихъ земель они построили плотину Дженаали-бендъ, недалеко отъ нынѣ существующей; ее часто разрушали высокія воды, а иногда и враги сарыковъ.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія сарыки подчинились хивинскимъ ханамъ и продолжалось это еще въ 1839 г., какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Абботъ. Туркмены часто возставали противъ хивинцевъ и борьба сдѣлалась особенно ожесточенной при Медемій-ханѣ, который почти ежегодно предпринималъ походы противъ возстававшихъ. По всѣмъ дорогамъ изъ Хивы въ Мервъ и Атекъ, затѣмъ по Мургъ-абу къ Пенде и оттуда въ Серахсъ, сохранились еще нынѣ слѣды этихъ движеній; въ пескахъ это непрерывныя линіи костей вьючныхъ животныхъ, въ другихъ мѣстахъ на каждомъ переходѣ указываютъ хандеки Медемій-хана, т. е. окопы, которыми окружали свой лагерь хивинцы.

Во время этихъ войнъ построено у плотины Дженаали-бендъ укрѣпленіе, развалины котораго въ настоящее время, какъ уже было упомянуто выше, извѣстны у текинцевъ подъ именемъ Порсу-кала.

Сначала походы Медемія были успѣшны, но послѣдній изъ нихъ въ 1855 году противъ текинцевъ, жившихъ у Ст. Серахса, кончился полною неудачею; самъ ханъ былъ убитъ и хивинцы бѣжали не только изъ Серахса, но и изъ Мерва.

Почти тотчасъ же послѣ этого, тѣснимые персами, текинцы подъ начальствомъ Коушутъ-хана двинулись изъ Серахса на Мервъ и послѣ двухлѣтней борьбы оттѣснили сарыковъ въ Пенде, откуда эти послѣдніе въ свою очередь вытѣснили жившихъ здѣсь салоровъ. Вслѣдствіе изложеннаго выше недостатка въ Пенде земли и трудности ея орошенія, десять лѣтъ спустя по занятіи Пенде, бѣднѣйшая часть сарыковъ заняла Іолъ-отанъ (1867 г.).

Салоры.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія мы застаемъ салоровъ у Стараго Серахса. Пунктъ этотъ считался очень важнымъ; за него спорили и хивинскій ханъ и бухарскій эмиръ. Когда Аббасъ-мирза рѣшился утвердить власть шаха отъ Хора-

сана до Окса, то первымъ дѣломъ онъ счелъ необходимымъ занять Серахсъ.

Хотя жившіе здѣсь салоры и не дѣлали сами набѣговъ, но они доставляли оружіе врагамъ Персіи и за это въ обмѣнъ получали персидскихъ плѣнныхъ, которыхъ частью удерживали въ качествѣ рабовъ, частью продавали въ Хиву и Бухару. Всего въ Серахсѣ было около 3,000 рабовъ шіитовъ.

Въ 1832 г. Аббасъ-Мирза потребовалъ сдачи Серахса и когда жители не согласились, то взялъ его приступомъ. Поселеніе было разграблено и большая часть жителей перерѣзана. Остальные около 5,000 человѣкъ были выкуплены хивинскимъ ханомъ за 50,000 тумановъ и приняли обязательство защищать персидскую границу отъ текинцевъ и сарыковъ. Конечно это послѣднее исполнено не было.

Послѣ этого разгрома салоры удалились съ береговъ Гери-руда на среднее теченіе р. Мургъ-аба и построили здѣсь Таза Пенде и обширное укрѣпленіе Іолъ-отанъ, развалины котораго нынѣ заняты сарыками. Изъ Пенде они вытѣснили жившихъ здѣсь ерсарей (племени чоршанги), которые перешли въ Шибирханъ и Балхъ.

Раззореніе салоровъ было настолько сильно, что они уже никогда не могли поправиться; когда 25 лѣтъ спустя сарыки явились на ихъ земли, то не встрѣтили почти никакого сопротивленія; салоры откочевали съ разрѣшенія персидскихъ властей къ Зуръ-абаду; здѣсь въ горахъ вода въ изобиліи, по ручьи текутъ въ узкихъ ущельяхъ и нѣтъ мѣста для посѣвовъ; у самаго же Зуръ-абада равнина, годная для обработки, невелика и воды весьма немного, такъ что приходится пользоваться арыками изъ кэризовъ, а выведеніе каналовъ изъ Гери-руда представило бы слишкомъ большія затрудненія. Поэтому послѣ пребыванія здѣсь двѣнадцать лѣтъ салоры стали проситься на правый берегъ Гери-руда къ Старому Серахсу. Персы согласились, но потребовали, чтобы салоры приняли на себя содержаніе кордона для защиты персидской границы отъ сарыковъ и мервцевъ. Эти послѣдніе, разсерженные такимъ поведеніемъ салоровъ, угнали весь скотъ ихъ и согласились вернуть его владѣльцамъ только въ случаѣ,

если все племя переселится въ Мервъ, что и было исполнено. Здѣсь тѣ немногіе, у кого были стада, занимались скотоводствомъ; часть занималась земледѣліемъ и за пользованіе землею и водою отдавала мервцамъ ¼ жатвы; а большинство—бѣдняки прямо поступали въ работники къ мервцамъ.

Лѣтомъ 1881 года, по совѣту Тыкма-сердара, мервцы рѣшили болѣе не задерживать салоровъ, а отпустить ихъ на старыя мѣста. Они въ числѣ болѣе 2,000 кибитокъ явились къ Серахсу, прося разрѣшенія персидскихъ властей поселиться здѣсь; вмѣсто этого частью подкупомъ старшинъ, частью обѣщаніемъ вспомоществованія, хорасанскій вали успѣлъ поселить большинство салоровъ у Зуръ-абада, съ тѣмъ чтобы образовать вдоль Гери-руда кордонъ отъ набѣговъ сарыковъ и мервцевъ. Салоры заняли отъ Пулъ-и-хатуна до Зуръ-абада и далѣе на югъ по берегу рѣки всѣ мѣста, годныя для посѣвовъ. Небольшое количество домовъ впрочемъ осталось у Стараго Серахса.

Отношенія салоровъ къ персамъ были самыя непріязненныя: по тѣмъ же причинамъ какъ и прежде кочевники не любили горной мѣстности у Зуръ-абада; персы же построили здѣсь укрѣпленіе, поставили гарнизонъ и пушки и не стѣснялись притѣснять поселенцевъ.

Вслѣдствіе этого, тотчасъ по занятіи русскими войсками Коушутъ-калы (близь Стараго Серахса), къ салорамъ жившимъ здѣсь присоединились всѣ бывшіе у Зуръ-абада и въ настоящее время на правомъ берегу Гери-руда собралось около 3,000 кибитокъ этого племени, которые просятъ о принятіи ихъ въ русское подданство.

Отношенія сарыковъ къ своимъ сосѣдямъ.

Введенные сарыками на занятыхъ земляхъ порядки и способы хозяйства (см. глава I) сохранились почти безъ измѣненія отъ начала поселенія до настоящаго времени. Напротивъ сношенія сарыковъ съ ихъ сосѣдями, туркменами другихъ племенъ, персами и афганцами существенно измѣнились въ послѣдніе годы, главнымъ образомъ въ зависимости отъ двухъ событій: взятія Гёкъ-тепе (12 января 1881 года) и занятія Мерва (3 марта 1884 года).

Отношенія сарыковъ къ текинцамъ всегда были враждебны; борьба за обладаніе мервскимъ оазисомъ довела взаимную ненависть племенъ до высшей степени; и до сихъ поръ сарыки не могутъ примириться съ мыслью объ утратѣ плодородныхъ низовьевъ Мургъ-аба. При проѣздѣ моемъ весною настоящаго года черезъ Пенде многіе заявляли, что теперь, когда русскіе заняли Мервъ, было бы справедливо выгнать оттуда текинцевъ на прежде занимаемыя ими земли въ Атекѣ и близь Серахса, а Мервъ возвратить сарыкамъ.

Во время похода персовъ противъ Мерва въ 1860 году сарыки были на сторонѣ персовъ и затѣмъ до послѣдняго времени не прекращалась между обоими племенами самая ожесточенная борьба, конечно выражавшаяся не какими либо военными дѣйствіями, а, по туркменскому обычаю, рядомъ разбоевъ: разбойники обоихъ племенъ шли особыми путями, чтобы не встрѣчаться другъ съ другомъ и нападали только на безоружныхъ лицъ по границамъ оазисовъ, на стада и караваны. Мервцы на аламанъ ходили по дорогѣ къ Серахсу до Келъ-хоуза или Ніязъ-абада, сворачивали на Адамъ-ёланъ, Акъ-робатъ и Пенде. Сарыки обыкновенно держались рѣки Мургъ-абъ.

Въ Кара-кумы они рѣдко заходили сѣвернѣе дороги изъ Бухары въ Мервъ и Серахсъ, хотя иногда и случались нападенія близь Дертъ-куи и Карры-бенда; по названной же дорогѣ появленіе сарыковъ было дѣло весьма обыкновенное и составляло главное препятствіе развитію торговыхъ сношеній Бухары съ Мервомъ и Персіею.

Въ виду всего этого свѣдѣнія о томъ, что сарыки Пенде помогали текинцамъ во время осады Гёкъ-тепе, едва-ли справедливы; если сарыки и принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, то вѣроятно это были жители Іолъ-отана.

Эти послѣдніе были въ значительной зависимости отъ мервцевъ; даже занятіе ими сѣвернаго оазиса не могло произойти безъ согласія текинцевъ. До сихъ поръ многіе въ Мервѣ съ презрѣніемъ говорятъ объ Іолъ-отанцахъ, указывая, что Іолъ-отанъ, это пешкемъ, который Нуръ-верды-ханъ и Коушутъ-ханъ дали сарыкамъ. Поля сарыковъ были рядомъ съ полями мервцевъ;

но при этомъ все же отношенія были весьма неопредѣленныя и возможныя только въ Азіи: нѣкоторые жители ѣздили другъ къ другу, вели торговлю, другіе ходили туда же грабить лошадей, верблюдовъ и барановъ; конечно это не могло оставаться въ тайнѣ и влекло за собою месть со стороны обиженныхъ и борьба продолжалась, но лишь скрытно. Относительно другихъ сосѣдей Іолъ-отанъ и Пенде сохраняли постоянную связь: жители вмѣстѣ ѣздили на ерсарей, персовъ и афганцевъ. Связь Іолъ-отана и Мерва лучше всего выразилась по занятіи этого послѣдняго русскими войсками: Іолъ-отанцы вполнѣ сознавали невозможность отдѣльнаго существованія и по выступленіи нашего отряда изъ Карры-бенда обратились къ мервскимъ старшинамъ, предлагая соединить судьбу обоихъ народовъ; когда же оазисъ былъ занятъ, то прямо просили о принятіи ихъ въ русское подданство.

Занятіе Мерва повліяло весьма существенно и на отношенія пендинцевъ къ мервцамъ; эти послѣдніе совершенно прекратили грабежи; пендинцы съ своей стороны сознаютъ, что нападеніе на русскихъ подданныхъ не останется безнаказаннымъ и въ настоящее время по Мургъ-абу стало довольно спокойно.

Ерсари въ своихъ набѣгахъ доходили до Мургъ-аба, откуда и угоняли стада сарыковъ; это причина почему на правомъ берегу не держали стадъ ни жители Пенде, ни Іолъ-отана, ни даже туркмены, жившіе далѣе на востокъ.

Съ салорами сношенія сарыковъ были тѣ же, что съ мервцами и ерсарями.

Гдѣ бы не жили сарыки, они всегда тревожили восточную часть Персіи; послѣ вытѣсненія ихъ въ пятидесятыхъ годахъ на югъ, раіонъ грабежей ихъ перемѣнился и главнымъ образомъ стали страдать провинціи Джамъ, Бахарзъ и Сеистанъ; нападать на сѣверныя части Хорасана они не рѣшались изъ страха встрѣчи съ мервцами. За эти грабежи персы мстили отдѣльными набѣгами, иногда весьма серьезными, какъ напримѣръ набѣгъ въ 1877 г. изъ Турбетъ-Шейхъ-и-Джама на оазисъ Пенде; при этомъ у сарыковъ угнано до 100,000 овецъ (подробности можно найти въ статьѣ Ген. Петрусевича. Зап. К. Отд. И. Р. Г. О., книга XI. Вып. I, стр. 40 и 41).

Но никогда персы не пробовали принять радикальныя мѣры для обузданія сарыковъ и утвердиться на правомъ берегу Гери-руда; даже и на лѣвомъ берегу этой рѣки между Доулетъ-абадомъ и Кусаномъ ихъ власть была чисто номинальная. Генералъ Петрусевичъ посѣтилъ эти мѣста въ концѣ семидесятыхъ годовъ, т. е. именно передъ самымъ покореніемъ Ахала, и весьма обстоятельно описалъ бывшее тогда положеніе дѣлъ въ этой части Персіи (тамъ же, стр. 91—93): „Въ треугольникѣ, образуемомъ рѣкою Кешафъ-рудомъ, прямою линіею отъ Мешхеда до границы съ Гератомъ (по ней идетъ дорога изъ Мешхеда въ Гератъ) и рѣкою Гери-рудомъ, отъ впаденія Кешафъ-руда до Гератской границы, было прежде, по разсказамъ старожиловъ, громадное населеніе; въ одномъ только округѣ Пясъ-и-кухъ-и-Джамъ (онъ заключается въ горной мѣстности, лежащей слѣва Гери-руда, вокругъ Зуръ-абада) считалось до 460 деревень, изъ которыхъ теперь не осталось и 20 деревень; да и тѣ держатся только благодаря близкому своему положенію къ Мешхеду; остальныя же уничтожены нашествіями бухарцевъ и хивинцевъ и въ особенности послѣдовавшими за ними туркменскими набѣгами, не прекращающимися и до сихъ поръ.

Весь треугольникъ, въ описанныхъ выше границахъ, я имѣлъ возможность объѣхать и убѣдился, что не только по Гери-руду не существуетъ населенія, но нѣтъ его вблизи этой рѣки. По Кешафъ-руду крайнее поселеніе—это дер. Шадиче, отстоящая отъ Мешхеда въ 50 верстахъ. За нею дальше на сѣверъ нѣтъ поселеній, хотя развалинъ прежнихъ деревень не мало; но для прикрытія жителей отъ внезапныхъ хищническихъ набѣговъ у начала тѣснины Акъ-дербендъ, въ которую прорывается Кешафъ-руда, прошедши еще верстъ 40 отъ деревни Шадиче, стоитъ незначительное укр. Акъ-дербендъ съ 14 человѣками караула изъ шамхальчи и, верстахъ въ 20 не доходя до него, въ полуразрушенной оградѣ деревни Багъ-и-баганъ стоитъ постъ изъ 4 человѣкъ шамхальчи. По прямой дорогѣ на югъ отъ дер. Шадиче, близь мѣстности, носящей названіе Оленги-шахи, есть еще 6 деревушекъ: Сулеймани, Аррау, Джелалъ-абадъ, Джизъ-абадъ, Кельмесанъ и Гейамей, имѣющихъ всѣ вмѣстѣ до 100 дворовъ и

населенныхъ племенемъ систани и мервли. Эти шесть деревень составляютъ совершенно особенное населеніе, отдѣленное отъ остальныхъ населеній Хорасана своимъ выдающимся положеніемъ, вслѣдствіе чего деревеньки чаще другихъ подвергались нападеніямъ хищническихъ партій туркменъ. Это самое крайнее восточное населеніе Хорасана, а на югъ отъ Мешхеда всѣ поселенія тянутся по дорогѣ, идущей къ Герату и восточнѣе этой дороги нѣтъ уже ни одного поселенія, такъ что, хотя персіяне и признаютъ Гери-рудъ своею границею, но на ней нѣтъ у нихъ не только поселеній, но даже карауловъ или какихъ либо постовъ, за исключеніемъ большаго укр. Серахса и лежащаго выше его по теченію р. Гери-рудъ, въ 15 верстахъ, форта Даулетъ-абада, гдѣ должны бы находится 20 человѣкъ шамхальчи, но въ дѣйствительности есть только 6 человѣкъ. Правда, говорятъ, что сертипъ Али-Merданъ-ханъ-теймури обязанъ содержать конные разъѣзды по лѣвому берегу Гери-руда; но въ свою поѣздку по тѣмъ именно мѣстамъ, гдѣ должны были встрѣтиться разъѣзды, я не только не видалъ никого, но даже не замѣтилъ слѣдовъ разъѣздовъ, хотя во время поѣздки мы прошли мимо небольшой партіи текинцевъ, совершившей грабежъ на границѣ Герата и Хорасана, а послѣ насъ на Кешафъ-рудѣ значительная партія напала на 30 человѣкъ шамхальчи, шедшихъ на смѣну шамхальчи, содержавшихъ караулъ въ фортѣ Муздеранѣ, лежащемъ на прямой дорогѣ отъ Мешхеда въ Серахсъ.

Такимъ образомъ, фактическая граница на В. проходитъ по Гери-руду, а западнѣе его, именно отъ укр. Серахса на укр. Даулетъ-абадъ, оттуда уклоняется немного на Ю.-З. на брошенное укр. Шурдже и затѣмъ на укр. Акъ-дербендъ, а потомъ идетъ вверхъ по долинѣ Кешафъ-руда до дер. Шадиче, и отъ нея прямо на югъ на группу 6 поселковъ, близь Оленги-шахи, откуда переходитъ къ верховьямъ р. Джама, въ селеніе Феримунъ, затѣмъ теченіемъ р. Джамъ до городка Турбетъ-и-шеихъ-и-джамъ, а потомъ большою караванною дорогою на дер. Мухсынъ-абадъ и Кэризъ, за которыми поселенія на восточной границѣ прекращаются на значительное разстояніе. Перечисленные пункты составляютъ фактическое право владѣнія персіянъ, или границу распространенія поселеній Хорасана на востокѣ“.

Извѣстно какой переворотъ въ поведенiи персидскихъ властей относительно туркменъ-теке совершило взятiе нашими войсками Гёкъ-тепе: уже въ концѣ 1881 года было положено начало цѣлому ряду попытокъ захватить непринадлежавшiя имъ прежде мѣстности: въ Баба-дурмасѣ начато возобновленiе разрушенной туркменской крѣпости, затѣмъ засѣяны поля на равнинахъ Атека, а на правомъ берегу Теджена возведено укрѣпленiе Рукнъ-абадъ.

Но въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ сарыкскимъ поселенiямъ персы не смѣли дѣйствовать такъ рѣшительно: это послѣднее племя не пострадало отъ взятiя Гёкъ-тепе и продолжало свою прежнюю дѣятельность; въ началѣ 1882 г. въ Серахсѣ персы мнѣ еще утверждали, что правый берегъ Гери-руда совершенно недоступенъ вслѣдствiе грабежей сарыковъ; но уже осенью того же года комендантъ Зуръ-абада передавалъ, что онъ посылаетъ разъѣзды отъ Зюлфагара къ Кэризъ-Илiясу; но спрошенные объ этомъ салоры, жившiе въ этой же крѣпости, смѣялись надъ этимъ хвастовствомъ хана: „мы туда не ходимъ, говорили они, а персы никогда не осмѣлятся этого сдѣлать“. Расположенные въ Мохсынъ-абадѣ всадники также передавали, что разъѣзды ихъ ограничиваются лѣвымъ берегомъ рѣки.

Послѣ назначенiя въ Серахсъ комендантомъ Али-Мерданъ-хана персы начали дѣйствовать нѣсколько рѣшительнѣе и пользуясь впечатлѣнiемъ, произведеннымъ движенiемъ русскаго отряда къ Мерву, стали посылать разъѣзды и на правый берегъ рѣки. Разъѣзды эти конечно не составляли ничего правильнаго или постояннаго: персидскiе всадники пробирались тайкомъ, слѣдили за движенiемъ разбойниковъ и въ случаѣ приближенiя ихъ предупреждали поселенiя лѣваго берега, сами большею частью не вступая въ битву, такъ какъ составъ разъѣзда всегда очень незначительный; въ аламанахъ же напротивъ принимали обыкновенно участiе не менѣе 10—20 человѣкъ. Необходимо при этомъ сказать, что этими разъѣздами и ограничивается вся система защиты своихъ владѣнiй персами; *никакихъ постовъ* на правомъ берегу Гери-руда они не только не имѣютъ, но и имѣть не могутъ до полнаго умиротворенiя края (т. е. до подчиненiя

Россіи пендинцевъ) безъ устройства укрѣпленныхъ пунктовъ для защиты отъ нападеній сарыковъ и для храненія припасовъ, иначе небольшой постъ непремѣнно будетъ истребленъ, или по крайней мѣрѣ ограбленъ кочевниками; присутствіе русскихъ въ Іолъ-отанѣ не удерживаетъ пендинцевъ отъ разбоевъ въ Сеистанѣ и Бахарзѣ и весною этого года они еще происходили.

Робатъ-и-сурхъ, близь котораго будто бы расположены другъ противъ друга афганскіе и персидскіе посты—это развалины, не могущія доставить прикрытіе для поста. Построить же укрѣпленіе дѣло нелегкое: извѣстно какія пререканія возбуждаютъ всегда вопросы разграниченія между Персіею и Афганистаномъ и потому нельзя себѣ представить, чтобы афганцы безъ всякихъ затрудненій позволили персамъ строить укрѣпленіе въ столь близкомъ разстояніи отъ Герата, въ пунктѣ, гдѣ персы досего никогда не имѣли владѣній. Разсказы о постахъ и т. п.—результатъ, главнымъ образомъ, хвастовства пограничныхъ персидскихъ властей и кромѣ того продуктъ недоразумѣнія, происходящаго отъ смѣшенія нашихъ понятій о постахъ, разъѣздахъ и караулахъ съ тѣмъ, что подъ этимъ именемъ понимается въ Азіи.

Въ виду предстоящаго разграниченія афганскихъ и туркменскихъ земель наиболѣе интереса представляютъ отношенія жителей Южной Туркменіи къ властямъ Кабула и Герата.

Занимавшее до сарыковъ среднюю часть Мургъ-аба сначала племя ерсари (отдѣленіе чоршанги) и вытѣснившіе ихъ затѣмъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ салоры не имѣли никакихъ сношеній съ афганскими властями; въ 1839 году Abботъ, проѣзжавшій вдоль Кушка и Мургъ-аба, по дорогѣ изъ Герата въ Хиву, передаетъ, что Джемшиды не смѣли селиться ниже Кара-тепе; пасти же свои стада сюда являлись пастухи изъ Мерва; въ Калеи-моръ начинались владѣнія Харезмскаго хана [1]).

---

[1]) Приложеніе № II заключаетъ переводъ той части «Narrative of a journey from Heraut to Khiva» by Capt. James Abbot, которая касается дороги по Кушку и Мургъ-абу и до положенія дѣлъ въ Ю. З. Туркменіи и Бадхызѣ во время, предшествовавшее утвержденію Достъ-магоммедъ-хана въ Кабулѣ.

Послѣднія афганскія поселенія были Кусанъ и Бала-мургъ-абъ; близь нѣкоторыхъ переваловъ черезъ горы Борхутъ въ настоящее время сохранились еще слѣды сторожевыхъ башень (Каруанъ-ашанъ), брошенныхъ афганцами во время безпорядковъ, сопровождавшихъ осаду персами Герата въ 1839 г.; съ тѣхъ поръ эти башни не возобновлялись и не были никѣмъ заняты.

Афганцы никогда не вмѣшивались въ дѣла на Мургъ-абѣ. Хотя уже въ 1850 г. Достъ-Магоммедъ-ханъ окончательно покорилъ себѣ провинціи Афганскаго Туркестана, но онъ не предъявлялъ никакихъ претензій на мѣстность восточнѣе Маймене. Она была подчинена Хивѣ, наравнѣ съ Мервомъ. Медемій-ханъ хивинскій являлся сюда неоднократно съ своими войсками для борьбы съ возстававшими противъ него туркменами, стоялъ подолго въ Пенде, ходилъ оттуда въ Серахсъ и все это не возбуждало никакихъ претензій со стороны правителей Кабула или Герата [1]).

Сарыки, поселившіеся въ Пенде, имѣли весьма значительныя стада; тревожное же состояніе края дѣлало большую часть пастбищъ недоступною для нихъ и потому новымъ поселенцамъ пришлось войти въ соглашеніе съ своими сосѣдями; борьба и оттѣсненіе джемшидовъ на югъ были невозможны вслѣдствіе поддержки, которую этому племени оказывало гератское правительство и сарыки стали гонять свои стада для пастьбы за сѣв. склоны Паропамиза, уплачивая за это гератскимъ властямъ по 6 и даже до 8 тенге за каждые 100 барановъ. За земледѣліе и пользованіе водою попрежнему сарыки никому ничего не платили, такъ какъ земли, занятыя ими, издавна считались туркменскими. Плата за пастьбу стадъ была весьма непостоянная: когда власть эмира была прочна въ Афганистанѣ и особенно въ Чаръ-вилайетѣ и Гератѣ, сарыки акуратно вносили слѣдуемыя съ нихъ деньги; но лишь только начинались какіе либо безпорядки, сарыки тотчасъ же ими пользовались для того, чтобы отказываться отъ уплаты условленнаго; афганцы никогда не яв-

---

[1]) Гератъ завоеванъ Достъ-магоммедъ-ханомъ въ 1863 г.; это также годъ смерти хана.

лялись за полученіемъ денегъ, а въ случаѣ сопротивленія сарыковъ захватывали на пастбищахъ часть стадъ ихъ, которыя и не отпускали до полученія требуемаго.

Въ то же самое время грабежи сарыковъ въ Гератской долинѣ было дѣломъ самимъ обыкновеннымъ.

Не прочнѣе была связь сарыковъ и съ Бухарою: была значительная партія какъ въ Пенде, такъ и въ Іолъ-отанѣ, которая признавала власть эмира бухарскаго; подчиненіе заключалось въ томъ, что сарыкскіе ханы ѣздили въ Бухару, получали подарки отъ эмира и въ случаѣ, если онъ лично терпѣлъ отъ разбоевъ племени, то старались вернуть награбленное. Конечно сарыки при этомъ не переставали грабить бухарскіе караваны, а эрсари сарыкскіе.

Таково было положеніе края въ моментъ взятія Гёкъ-тепе и нѣкоторое время послѣ сего.

Англійское правительство было очень встревожено занятіемъ Ахала; кромѣ агентовъ, наблюдавшихъ за дѣйствіями Россіи изъ пограничныхъ областей Персіи, нѣсколько англичанъ пытались проникнуть въ Мервъ и Пенде, впрочемъ неудачно. Но агенты изъ туземцевъ имѣли болѣе успѣха: такъ уже въ началѣ 1881 года въ Пенде появляется человѣкъ неизвѣстнаго племени, называвшій себя Сіяхъ-пушемъ, съ нѣсколькими афганцами и индѣйцами. Изъ Пенде онъ начинаетъ враждебную Россіи агитацію, въ Мервѣ соединяется съ англійскимъ агентомъ Каджаръ-ханомъ и вмѣстѣ съ нимъ пытается организовать сопротивленіе русскому отряду, назначенному для занятія этого оазиса. (Помѣщенные въ приложеніи № III, переводы двухъ писемъ вполнѣ выясняютъ существованіе сношеній захваченныхъ агитаторовъ съ англійскими агентами въ Персіи).

Когда выяснилась неизбѣжность подчиненія Мерва Россіи, то правительство Индіи сочло необходимымъ принять болѣе рѣшительныя мѣры для усиленія сѣверной границы Афганистана. Письмомъ отъ 16 іюня 1883 г. вице-король Индіи предложилъ эмиру Абдулъ-рахманъ-хану ежегодную субсидію, прямо указывая, что дается она для уплаты войскамъ и для принятія другихъ мѣръ, потребныхъ для защиты сѣверо-западной границы (a subsidy

of 12 lakhs of rupees a year, *to be devoted to the payment of your troops, and to the other measures required for the defence of your north-western frontier* [1]).

Для исполненія этого эмиръ принялъ рядъ мѣръ, часть которыхъ не противорѣчила состоявшемуся по этому предмету соглашенію между русскимъ и англійскимъ правительствомъ: всюду въ Чаръ-вилайетѣ усилены афганскія войска; весною настоящаго года закончено подчиненіе Маймене, правитель котораго отказывался признавать эмиромъ Абдулъ-рахманъ-хана и держалъ сторону Эюбъ-хана.

Напротивъ другія мѣры составляютъ прямое нарушеніе принциповъ, положенныхъ въ основаніе соглашенія 1873 года. На востокѣ эмиръ пытался занять Рошанъ и Шугнанъ, лежащіе на сѣверъ отъ границы Афганистана, въ этомъ мѣстѣ совершенно опредѣленно указанной нотою графа Гренвиля отъ 17 окт. 1872 г. Точно такое же нарушеніе составляютъ и мѣры, принимаемыя Абдулъ-рахманъ-ханомъ для подчиненія сарыкскихъ поселеній на Мургъ-абѣ и Кушкѣ: земли, занимаемыя ими, какъ выше объяснено, никогда не принадлежали ни Достъ-магоммеду, ни Ширъ-али и Абдулъ-рахманъ-ханъ не имѣетъ на нихъ никакихъ правъ. На основаніи той же ноты отъ 17 окт. 1872 г. англійское правительство не только не должно бы направлять эмира на эти незаконные захваты, а напротивъ обязалось удерживать его отъ попытокъ выйти изъ указанныхъ соглашеніемъ границъ.

Между тѣмъ афганцы совершенно не скрываютъ, что дѣйствуютъ исполняя волю англичанъ: „Англичане платятъ подать эмиру и онъ долженъ за нихъ сражаться“ объяснялъ джемшидъ, посланный ко мнѣ афганскимъ начальникомъ въ Бала-мургъ-абѣ. При этомъ надобно замѣтить, что часть, навязанной англичанами эмиру программы, относящаяся до Ю. З. Туркменіи, настолько неестественна и противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ афганцевъ, что они и до настоящаго времени съ нею не могутъ освоиться: хотя

---

[1]) См. приложеніе № IV. Переводы писемъ вице-короля Индіи къ эмиру афганскому, по поводу С. З. границы изъ Correspondence respecting the affairs of Asia. № I (1884) Inclosure in № 117.

англичане и указываютъ какъ на границу Афганистана на линію отъ Серахса къ Имаму и такъ ее обозначаютъ на своихъ картахъ, афганскій джернейль считаетъ возможнымъ простирать свои притязанія только на Бадхызъ до р. Кушкъ: „уйдите за Дашъ-кёпри, говорилъ онъ сарыкамъ, и тамъ вы полные хозяева, а здѣсь въ Пенде земли эмира“.

Для поддержанія своихъ притязаній на Пенде эмиръ въ концѣ прошлаго года въ Бала-мургъ-абѣ поставилъ 1,000 всадниковъ съ ихъ семействами изъ племенъ хазаре и джемшидовъ подъ начальствомъ афганскаго генерала (джернейль); жившіе же вдоль канала, выведеннаго отъ Бендъ-и-джоукара, сарыки были вытѣснены изъ своихъ поселеній и земли ихъ отданы водвореннымъ здѣсь племенамъ.

При джернейлѣ находится и спеціально назначенный сборщикъ податей, который теперь, опираясь на близость афганскихъ войскъ, является прямо въ Пенде за полученіемъ платы на пастьбу скота на склонахъ Паропамиза. Осенью прошлаго года афганцы стали требовать съ сарыковъ еще новой подати, именно $^1/_{10}$ часть жатвы; только жители Меручака, ближайщіе къ занятымъ афганцами укрѣпленіямъ, согласились ее уплатить, такъ какъ въ случаѣ неисполненія требованія, джернейль могъ уничтожить ихъ посѣвы. Въ остальныхъ поселеніяхъ новаго налога никто не признаетъ; вступить же для насильственныхъ дѣйствій въ самый оазисъ при имѣющемся количествѣ войскъ афганцы не смѣютъ.

Въ маѣ настоящаго года, пріѣзжавшіе въ Асхабадъ, сарыки передавали, что въ Бала-мургъ-абъ прибыли еще три фоуджа (баталіона) афганскихъ войскъ, и что будто они приготовляются строить укрѣпленіе близь Дашъ-кёпри; это послѣднее до настоящаго времени не подтвердилось.

Сарыки весьма враждебно относятся къ дѣйствіямъ афганцевъ, но сопротивляться имъ не могутъ; отношенія ихъ тѣ же, что были у жителей Атека къ ханамъ Келата и Дерегеза: ихъ поля и стада всегда могутъ подвергнуться внезапнымъ набѣгамъ афганскихъ войскъ. Во время пребыванія моего въ Пенде жители обращались съ просьбою о принятіи ихъ въ русское подданство; то же передавали они и черезъ старшинъ Іолъ-отана, но сами

явиться въ Мервъ или Асхабадъ не рѣшаются, опасаясь, что въ наказаніе афганцы нападутъ на ихъ семейства.

Сарыки теперь убѣдились, что подданство Афганистану не представляетъ выгодъ: правда афганскія власти не препятствуютъ производить грабежи въ Персіи и у ерсарей; но теперь это затрудняется сосѣдствомъ русскихъ и потому эта единственная приманка почти исчезаетъ, а затѣмъ произволъ начальниковъ, поборы и высокіе налоги заставляютъ сарыковъ желать сравненія своего положенія съ положеніемъ мервцевъ или ахальцевъ. Только самые упорные разбойники не хотятъ забыть старое и надѣются, что подъ покровительствомъ афганцевъ оно еще можетъ продолжаться; такихъ людей мало и конечно въ случаѣ появленія русскихъ въ Пенде оно будетъ встрѣчено въ высшей степени сочувственно громаднымъ большинствомъ населенія оазиса.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію вопроса о границахъ Южной Туркменіи, прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ о Персіи и о предполагаемыхъ ея правахъ на какую либо часть этой мѣстности. Покореніе Ахала русскими войсками и водвореніе порядка въ степи принесло Персіи громадныя выгоды, доставивъ ея С. В. провинціямъ безопасность отъ набѣговъ и возможность свободно развиваться. Выгоды эти пріобрѣтены Персіею безъ всякихъ трудовъ и жертвъ съ ея стороны и очевидно всякія притязанія ея воспользоваться плодами русскихъ побѣдъ для какихъ бы то ни было захватовъ у туркменъ вполнѣ неосновательны. Такимъ образомъ не признаны ея права на Атекъ и на Старый Серахсъ. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ захватъ сдѣланъ еще въ 1881 году и персы распоряжались этою землею болѣе двухъ лѣтъ, несмотря на свое обѣщаніе не вмѣшиваться въ дѣла туркменъ на правомъ берегу Теджена. Весною настоящаго года въ Рукнъ-абадѣ поставленъ русскій гарнизонъ и персы принуждены признать неосновательность своихъ притязаній на эту землю. Еще менѣе можетъ быть рѣчи о персидскихъ владѣніяхъ на правомъ берегу рѣки южнѣе Серахса: только выполненное русскими умиротвореніе края дало возможность персамъ фактически владѣть лѣвымъ берегомъ; введенные же въ 1884 г. разъѣзды,

прокрадывающіеся тайкомъ вдоль праваго берега, не даютъ никакого права на владѣніе этою землею, также, какъ аламаны туркменъ-теке и сарыковъ, заходившіе далеко вглубь Персіи, не доказываютъ того, что сѣв.-восточныя провинціи ея принадлежатъ этимъ племенамъ. Эти разъѣзды—робкія и нерѣшительныя попытки, какъ было сначала и въ Ст. Серахсѣ, и только въ случаѣ, если на нихъ не будетъ обращено вниманія въ теченіе продолжительнаго времени [1]) создастся давность, могущая служить нѣкоторымъ основаніемъ для притязаній персовъ.

Въ настоящее время ничего подобнаго нѣтъ и на югъ отъ Серахса границу Персіи безспорно составляетъ Гери-рудъ.

Если бы по какимъ либо соображеніямъ было признано цѣлесообразнымъ допустить Персію къ занятію части юго-западной Туркменіи, то это непремѣнно должно повлечь за собою соотвѣтственныя уступки со стороны Персіи въ пользу туркменъ (напр. исправленіе границъ у Лютфъ-абада и Шильгяна, или у Фирузе и Келтечинара. или др.).

Во всякомъ случаѣ допущеніе Персіи въ мѣстность между Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ было бы крайне нежелательно: 1) при мирномъ состояніи края количество стадъ у туркменъ быстро увеличится; тогда и всѣ имѣющіяся пастбища могутъ оказаться недостаточными, а потому никакая часть ихъ не подлежитъ уступкѣ; 2) если предположить, что западные перевалы горъ Борхутъ будутъ въ рукахъ Персіи, то значительная часть дорогъ въ этой мѣстности будетъ закрыта для Россіи, какъ въ мирное время, такъ и при военномъ движеніи на югъ, въ слу-

---

[1]) По договорамъ съ Персіею принятіе мѣръ къ водворенію порядка среди туркменъ и охраненія отъ нихъ с.-в. границы этого государства лежитъ на обязанности русскаго правительства; въ настоящее время для этой цѣли могутъ быть учреждены поселенія во всѣхъ удобныхъ пунктахъ по правому берегу Гери-руда, близь Ноурузъ-абада, Гярмъ-аба, Зюлфагара и Кэризъ-Иліяса. Для этого можно воспользоваться салорами, явившимися недавно къ Ст. Серахсу, съ просьбою объ отведеніи имъ земель близь этого пункта; однимъ изъ условій согласія на это со стороны русскихъ властей можетъ быть требованіе отъ салоровъ заселенія праваго берега въ указанныхъ выше пунктахъ, гдѣ какъ для земледѣлія, такъ и для скотоводства имѣются удобныя земли. Персидскіе разъѣзды въ такомъ случаѣ прекратятся сами собою.

чаѣ если будетъ желательно избѣгнуть занятія персидскихъ провинцій. Съ другой стороны афганцы получатъ возможность сосредоточить всѣ свои средства на защитѣ одного, двухъ восточныхъ проходовъ.

Что касается до проведенія пограничной черты между южною Туркменіею и сѣв. Афганистаномъ, то свѣдѣнія, имѣющіяся объ этихъ странахъ, настолько скудны, что достаточны лишь для установленія общихъ основаній разграниченія; остальное же выполненіе его можетъ быть произведено только на мѣстѣ, по собраніи необходимыхъ дополнительныхъ данныхъ и производствѣ, гдѣ потребуется, съемокъ; какъ извѣстно и въ настоящее время англійское правительство признаетъ для себя обязательными соглашенія, установленныя до сего между Россіею и Англіею касательно среднеазіятскихъ дѣлъ; такимъ образомъ соглашеніе, состоявшееся въ концѣ 1872 и началѣ 1873 г. относительно сѣв. границы Афганистана должно служить основаніемъ по этому вопросу и въ настоящее время. Въ приложеніи № V собраны переводы документовъ, касающихся этого соглашенія; на основаніи ихъ, а также и новыхъ данныхъ по географіи, этнографіи и исторіи этихъ странъ наприлагаемой картѣ нанесена пограничная черта.

Она начинается отъ вполнѣ опредѣленнаго соглашеніемъ пункта на Аму-Дарьѣ, именно у Ходжа-сале.

Далѣе, согласно § 3 ноты графа Гренвиля отъ 17 октября 1872 г., къ Афганистану отходятъ округа Ахча, Сарыпуль, Маймене, Шибирханъ и Андкой; причемъ Андкой составляетъ крайнее пограничное владѣніе Афганистана къ сѣверо-западу, а лежащая далѣе степь принадлежитъ независимымъ туркменскимъ племенамъ. Необходимо при этомъ замѣтить, что ханамъ этихъ округовъ, а слѣдовательно и Афганскимъ эмирамъ, которыхъ они по временамъ признаютъ своими сюзеренами, были подчинены только осѣдлыя населенія вдоль рѣчекъ Сангалака и Кайсора; остальныя мѣстности на сѣверъ не были ни кѣмъ заняты и пасти тамъ стада никто не смѣлъ: здѣсь грабили и ерсари, и мервцы, и сарыки, и степи эти такимъ образомъ никогда не принадлежали ни Достъ-Магоммеду, ни Ширъ-Али, и слѣдовательно упомянутая въ согла-

шеніи степь принадлежащая независимымъ туркменамъ, ограничивается линіею, идущею отъ Ходжа-сале вдоль края осѣдлости поселенія Андкой, обходя поля жителей съ запада, далѣе вдоль рѣки Сангалакъ, до находящихся на ней узбекскихъ поселеній; затѣмъ переходитъ на вершину кряжей, окаймляющихъ съ сѣвера какъ долину этой рѣки, такъ и Кайсора; пройдя по этому послѣднему до мѣстности близъ укр. Калеи-Вали, занятаго сарыками, пограничная линія спускается къ рѣчкѣ и по талвегу ея подходитъ къ р. Мургъ-абъ.

Такое начертаніе, удовлетворяя состоявшемуся соглашенію, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и единственное возможное: степь должна служить туркменамъ для пастбищъ ихъ стадъ и слѣдовательно къ нимъ должны отойти колодцы, лежащіе на сѣверномъ скатѣ названныхъ кряжей, составляющихъ водораздѣлъ рѣкъ Сангалакъ и Кайсоръ съ одной стороны и степи съ другой, тѣмъ болѣе, что колодцы эти, столь необходимые для кочевниковъ, совершенно не нужны для осѣдлыхъ жителей, посылающихъ свои стада на склоны горъ Сефидъ-Кухъ. Также необходимо проведеніе границы въ степной части по талвегу р. Сангалакъ и на западѣ р. Кайсоръ; къ сосѣднимъ пастбищамъ будутъ пригоняться стада въ жаркое лѣтнее время, когда колодцы высыхаютъ.

Справедливое распредѣленіе водъ этихъ рѣкъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ будутъ составлять границу между кочевниками и осѣдлыми жителями, можетъ быть возложено на ту же коммисію, которая будетъ проводить пограничную черту.

При такомъ начертаніи границы останется невыясненнымъ лишь слѣдующій вопросъ: при всѣхъ переговорахъ о пограничной чертѣ принималось, что къ Афганистану не должно отойти ни одно изъ туркменскихъ племенъ; между тѣмъ изъ собранныхъ свѣдѣній оказывается, что въ названныхъ выше округахъ живутъ туркмены: племя аліели составляетъ главную часть населенія Андкоя; живутъ они осѣдло, платятъ подати и признаютъ власть хана этого округа; о жизни Кара-туркменъ въ Шибирханѣ свѣдѣній не имѣется почти никакихъ; ерсари живутъ по Амударьѣ и выше Ходжа-сале. Вслѣдствіе недостаточныхъ свѣдѣній объ этомъ краѣ, объ образѣ жителей и отношеніяхъ племенъ

другъ къ другу въ настоящее время трудно что либо сказать о томъ, какія должны быть при разграниченіи установлены отношенія туркменъ, подчиненныхъ Афганистану, къ ихъ сосѣдямъ; имѣетъ ли право кочевая часть племенъ покинуть афганскіе округа и перейти на новыя мѣста, которыя станутъ доступными для кочевокъ при умиротвореніи края. Во всякомъ случаѣ Афганскіе пограничные начальники должны принять обязательство контролировать поведеніе подчиненныхъ имъ туркменъ, не давать убѣжища людямъ, совершившимъ разбой въ русскихъ предѣлахъ и не покупать въ рабство людей, захваченныхъ въ Россіи; до настоящаго времени этого не дѣлалось и разбои внѣ предѣловъ Афганистана не запрещались. Если такой порядокъ продолжится, то не будетъ возможности достигнуть умиротворенія степи и удержать ерсарей и сарыковъ отъ мести и грабежей афганскихъ поселеній. Впрочемъ, какое бы не было достигнуто соглашеніе, надобно помнить, что оно будетъ дѣйствительно, пока власть эмира будетъ прочна въ Афганистанѣ, а это никогда не бываетъ продолжительное время.

Какъ эти вопросы, такъ и другіе, которые конечно возникнутъ при ближайшемъ ознакомленіи съ краемъ, могутъ быть рѣшены только по производствѣ изслѣдованій на мѣстѣ; и если бы почему либо работы предполагаемой смѣшанной коммисіи по проведенію пограничной черты между Афганистаномъ и Туркменіею были отложены на нѣкоторое время, то было бы весьма цѣлесообразно воспользоваться этою отсрочкою для изученія мѣстности между Ходжа-сале и р. Мургъ-абъ.

Относительно мѣстности на западъ отъ рѣки Мургъ-абъ соглашеніе 1873 г. не даетъ столь категорическихъ указаній, какъ приведенныя выше для восточной части, но за то Ю. З. Туркменія болѣе извѣстна и потому и здѣсь, руководствуясь основными принципами соглашенія, не трудно провести въ общихъ чертахъ пограничную линію.

Главнымъ основаніемъ здѣсь должно служить признанное Россіею и Англіею начало, что эмиръ Афганистана не имѣетъ правъ на тѣ земли, которыя не принадлежали Достъ-магоммеду и сыну его Ширъ-али. Изъ приведеннаго выше историческаго очер-

ка сарыкскихъ земель видно, что Ю. З. Туркменія, ограниченная, какъ показано на прилагаемой картѣ [1]), никогда не принадлежала Афганистану. Само собою разумѣется, что плата за пастьбу стадъ есть простой паемъ земель и никакъ не доказываетъ подчиненія сарыковъ Герату. Теперь, когда будутъ доступны пастбища въ другихъ мѣстахъ, сарыки не станутъ гонять свои стада на сѣв. склоны Паропамиза и отношенія прежде существовавшія прекратятся сами собою. Взиманіе же десятины съ жатвы есть попытка захвата земель, лежащихъ внѣ условленной границы и остановить ее, на основаніи точныхъ соглашеній 1873 г., составляетъ обязанность Англіи.

Такимъ образомъ означенное направленіе пограничной черты вполнѣ удовлетворяетъ русско-англійскому соглашенію; не смотря на это, близость черты къ Герату неминуемо поведетъ къ возбужденію общественнаго мнѣнія въ Англіи и правительство этой страны употребитъ всѣ усилія, чтобы достигнуть перенесенія границы Афганистана по возможности на сѣверъ. Между тѣмъ уступка въ этомъ отношеніи со стороны Россіи едва ли возможна: не достаточно признать границею какую либо произвольную искуственную линію необходима граница, которая дала бы возможность поддерживать порядокъ, вводимый въ настоящее время въ Южной Туркменіи взамѣнъ прежняго анархическаго состоянія края; особенно необходима такая граница которая бы устранила всѣ поводы къ недоразумѣніямъ съ Афганистаномъ: это одинаково желательно какъ для Россіи, такъ и для Англіи.

На сѣверъ отъ г. Борхутъ, какъ сказано выше, мѣстность имѣетъ крайне неопредѣленный характеръ, и всякая пограничная черта проведенная сѣвернѣе хребта, будетъ совершенно искусственная. Не входя въ разсмотрѣніе стратегической стороны дѣла и сравненіе въ этомъ отношеніи естественной границы, про-

[1]) Отъ впаденія Кайсора въ Мургъ-абъ граница проведена къ пункту Чилъдухтеръ сѣвернѣе поселеній джемшидовъ, существовавшихъ здѣсь до занятія Мерва русскими войсками, далѣе по холмамъ окаймляющимъ р. Кушкъ, оставляя на западъ всѣ поселенія и посѣвы сарыковъ. Эта линія достигаетъ перевала Ардеванъ, откуда поворачиваетъ на западъ вдоль водораздѣльной линіи горъ Борхутъ и слѣдовательно проходитъ черезъ высшія точки переваловъ Каруанъашанъ, Хомбоу, Яки-тутъ и Карапкы.

ходящей вдоль горнаго кряжа, съ пограничной чертою, произвольно проведенной, необходимо лишь упомянуть о значенiи каждой изъ нихъ для спокойствiя края: весьма трудно препятствовать переходу разбойничьихъ шаекъ изъ Россiи въ Афганистанъ или обратно, когда движенiе можетъ происходить въ любомъ пунктѣ 100 верстной степи, и охраненiе отдѣльныхъ проходовъ, хотя бы длиннѣйшей естественной границы, будетъ дѣломъ гораздо болѣе легкимъ и дѣйствительнымъ.

Перенесенiе границы на сѣверъ отъ указанной на картѣ черты означало бы передачу оазиса Пенде Афганистану. Но можетъ ли то быть допущено? Можетъ ли эмиръ справиться съ задачею водворенiя порядка среди самаго безпокойнаго изъ всѣхъ кочевыхъ племенъ? Теперь Афганистанъ переживаетъ одинъ изъ рѣдкихъ перiодовъ сравнительнаго спокойствiя; такъ приходится называть моменты, когда власть эмира признается и въ Кабулѣ, и въ Кандагарѣ, и въ Гератѣ. Но это вовсе не значитъ, что Абдулъ-рахманъ-ханъ полновластный правитель у себя въ странѣ; лучше всего его безсилiе выяснилось изъ настоящихъ переговоровъ по поводу проѣзда членовъ пограничной коммисiи черезъ Афганистанъ: эмиръ обѣщаетъ способствовать этому проѣзду, но открыто объявляетъ, что не можетъ ручаться за безопасность англичанъ среди подчиненныхъ ему только номинально племенъ; но эти племена близъ Кабула, близъ Кандагара и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, не смотря на полученiе спецiально на этотъ предметъ субсидiи отъ вице-короля Индiи, афганское правительство могло прiобрѣсти только весьма сомнительную власть надъ отдаленными сарыками и не въ состоянiи помѣшать имъ грабить своихъ сосѣдей. Подъ афганскимъ правленiемъ сарыки будутъ попрежнему грабить, укрывать разбойниковъ изъ Ахала и Мерва, поддерживать торговлю рабами; при какихъ бы то ни было усложненiяхъ въ Средней Азiи, агитацiя противъ Россiи конечно найдетъ себѣ прiютъ среди этого неподчиненнаго ей племени и будетъ дѣйствовать, пользуясь связями его съ другими туркменами. Такъ поступали уже англiйскiе агенты для возбужденiя Мерва противъ Россiи.

Но и самое относительное спокойствiе въ Афганистанѣ никогда не бываетъ продолжительно; слѣдствiемъ же возстанiй въ

Кандагарѣ или Гератѣ неминуемо будутъ волненія на сѣверномъ склонѣ Паропамиза; тогда сарыки конечно не преминутъ воспользоваться уже совершенно фиктивнымъ подчиненіемъ Афганистану, чтобы подъ прикрытіемъ его возобновить съ полною силою грабежи въ сторону какъ персидскихъ, такъ и русскихъ предѣловъ. Невозможность оставить такое поведеніе безнаказаннымъ повлечетъ за собою необходимость вмѣшательства въ дѣла Афганистана, послѣдствія котораго въ настоящее время невозможно даже предвидѣть.

Правда есть другое рѣшеніе вопроса: передавъ эмиру земли, нынѣ занимаемыя сарыками по Кушку и въ Пенде, самихъ жителей выселить куда либо на сѣверъ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи, это рѣшеніе еще менѣе практично, чѣмъ первое.

До настоящаго времени кромѣ земледѣлія и скотоводства весьма существенная часть доходовъ туркменъ доставлялась разбоями. Прекратить разбои однимъ приказаніемъ нельзя: необходимо дать возможность замѣнить ихъ чѣмъ либо другимъ; уже это одно потребуетъ не отнятія у жителей части ихъ полей и пастбищъ, а напротивъ доставленіе имъ новыхъ. При этомъ не надо забывать, что приростъ народонаселенія, прежде происходившій весьма медленно вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и образа жизни, теперь при умиротвореніи края долженъ быстро увеличиться и въ непродолжительномъ времени обезпеченіе жителей землею и водою составитъ весьма серьезный и не легко разрѣшимый вопросъ.

Еще менѣе могутъ подлежать уступкѣ соляныя озера Ерънойланъ: ими пользуются всѣ окрестныя племена туркменъ. Нѣтъ надобности распространяться о значеніи этого продукта для удовлетворенія потребностей людей, для правильнаго веденія скотоводства. Отнять эти озера, или, что тоже, поставить пользованіе ими въ зависимость отъ чужой страны, столь мало организованной какъ Афганистанъ, значитъ нанести непоправимый ударъ хозяйству тѣхъ племенъ, мирное развитіе которыхъ столь важно поддержать въ моментъ перехода ихъ отъ безпорядочной разбойничьей жизни къ насильственно вводимому у нихъ порядку.

ГЛАВА III.

Дневникъ поѣздки въ Іолъ-отанъ, Пенде и по степямъ Ю. З. Туркменіи [1]).

Со времени покоренія Ахала до 1884 г. русскимъ властямъ не приходилось имѣть почти никакого дѣла съ сарыками.

Разбойничать они у насъ не могли за дальностью разстояній, и главнымъ образомъ вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ мервцамъ, черезъ земли которыхъ необходимо было проходить, чтобы попасть въ наши предѣлы.

Дружественныя же сношенія не шли далѣе нѣсколькихъ безсодержательныхъ писемъ старшинъ Іолъ-отана въ Асхабадъ и поѣздки ихъ съ Кара-кули-ханомъ въ Хиву и Петро-Александровскъ,—поѣздки, не имѣвшей никакихъ практическихъ результатовъ.

Занятіе Мерва измѣнило положеніе дѣлъ: сарыки стали нашими ближайшими сосѣдями; связь Мервскаго и Іолъ-отанскаго оазисовъ была настолько тѣсная, что сами сарыки, жившіе въ этомъ пунктѣ еще до вступленія нашихъ войскъ въ Коушутъ-ханъ-калу, рѣшили соединить свою судьбу съ судьбою Мерва и старшины ихъ спрашивали совѣта мервскихъ хановъ какъ поступить и могутъ ли они быть приняты въ русское подданство вмѣстѣ съ мервцами. Командующій войсками Закаспійской области поручилъ маіору Махдумъ-кули-хану отправиться въ Іолъ-отанъ, объяснить жителямъ отношенія Россіи къ новопокоренной области, требованія отъ новыхъ подданныхъ и сосѣдей и условія, при которыхъ сарыки могутъ пользоваться покровительствомъ Бѣлаго Царя и быть приняты въ его подданство.

Іолъ-отанъ и особенно Пенде были въ то время почти неизвѣстны; туда не проникалъ ни одинъ европецъ ни съ сѣвера, ни съ юга и даже разспросныя свѣдѣнія въ Мервѣ не могли многаго

---

[1]) 1. Описаніе поѣздки въ Южную Туркменію въ апрѣлѣ и маѣ 1882 г. (пути изъ Асхабада въ Гератъ) помѣщено въ VI выпускѣ настоящаго сборника.
2. Описаніе 2-й поѣздки въ эту мѣстность въ августѣ 1882 — въ Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XX.

выяснить, такъ какъ и для текинцевъ сарыкскія поселенія были мало доступны.

Депутація, привезшая письма къ мервцамъ и возвращавшаяся въ Іолъ-отанъ вмѣстѣ съ Махдумъ-кули-ханомъ, представляла удобный случай ближе ознакомиться съ сарыками, и я получилъ приказаніе отъ командующаго войсками отправиться съ депутатами въ Іолъ-отанъ, а если обстоятельства позволятъ, то и далѣе вверхъ по Мургъ-абу, и собрать свѣдѣнія о сарыкахъ, земледѣліи и скотоводствѣ у нихъ, орошеніи земель, торговлѣ, отношеніяхъ ихъ къ окружающимъ племенамъ и народамъ, вообще всѣ данныя, необходимыя какъ для ознакомленія съ нашими новыми подданными и сосѣдями, такъ и для выясненія границъ туркменскихъ земель и Афганистана.

Обстоятельства должны были указать въ какихъ размѣрахъ возможно выполненіе названной задачи: выступать приходилось 4 марта, а только наканунѣ отрядъ, назначенный для занятія Мерва, остановился на лѣвомъ берегу Мургъ-аба противъ текинской крѣпости Коушутъ-ханъ-кала. Агитаторы, возбуждавшіе мервцевъ къ сопротивленію (Сіяхъ-пушъ, афганецъ Ахметъ-шахъ и др.), бѣжали на югъ; хотя присутствіе депутаціи изъ Іолъ-отана въ нашемъ лагерѣ и указывало, что въ этомъ поселеніи бѣглецы не встрѣтятъ сочувствія, но они могли направиться дальше и, при неизвѣстности настроенія въ Пенде, поѣздка туда сдѣлалась бы невозможною.

Со мною ѣхали: переводчикъ Хатымъ, пять туркменъ, уже ранѣе сопровождавшихъ меня въ путешествіяхъ, и одинъ Мервецъ Кары-ягды; это былъ мой старый знакомый, отлично знавшій всѣ дороги въ степи; при приближеніи русскаго отряда онъ сначала принялъ участіе въ сопротивленіи, но потомъ поспѣшилъ явиться съ повинною, былъ прощенъ и просилъ какого нибудь дѣла для доказательства своего раскаянія и преданности.

Въ воскресенье *4 марта* мы выѣхали изъ русскаго лагеря; Махдумъ-кули-ханъ пожелалъ проѣхать черезъ оба своего брата и потому мы отправились не по большой дорогѣ въ Іолъ-отанъ, идущей по лѣвому берегу, а пройдя въ бродъ Мургъ-абъ, къ вечеру прибыли къ Юсунъ-хану.

Дорога, по которой мы шли, составляла часть большой дороги въ Бухару: черезъ главные каналы вездѣ сдѣланы мосты для вьючнаго движенія и въ началѣ марта двигаться было легко, такъ какъ вода еще не была пущена во второстепенные арыки; позже, при размокаемости грунта и небрежности мервцевъ, движеніе крайне трудное даже и по большимъ дорогамъ; о другихъ говорить нечего: о нихъ не заботятся вовсе.

Вообще вся мѣстность вокругъ Коушутъ-ханъ-калы, въ предѣлахъ нынѣшняго орошенія, низменная и дороги въ ней поддерживать необходимо весьма тщательно: разрывъ дамбъ каналовъ, а тѣмъ болѣе запруженіе ихъ, можетъ затопить огромныя пространства и сдѣлать дороги вовсе непроходимыми. Главные караванные пути стремятся по возможности скорѣе выйти изъ обработанной части оазиса, хотя бы съ этимъ было сопряжено удлиненіе ихъ.

5-го марта изъ оба Юсупъ-ханъ въ Іолъ-отанъ.

Отправивъ вьюки прямою дорогою въ Іолъ-отанъ, мы сами проѣхали осмотрѣть мервскую плотину; дорога очень плохая и для навьюченныхъ лошадей недоступна; осмотрѣвъ плотину, для движенія къ Іолъ-отану надо было искать брода: мостовъ черезъ главные каналы вблизи плотины нѣтъ. Тохтамышскій каналъ менѣе глубокъ, нежели отамышскій, и переправа оказалась возможною на высокихъ лошадяхъ; остальныя переправились вплавь. Далѣе мы шли около двухъ верстъ по берегу рѣки; здѣсь изъ нея выходитъ множество каналовъ; нынѣ дно ихъ значительно выше и вода въ нихъ не попадаетъ даже въ самую высокую воду; по увѣренію проводниковъ, ложе рѣки въ послѣднее время углубилось; быть можетъ прежде плотина была выше по теченію и въ мѣстахъ расположенія каналовъ болѣе подпирала воду.

Послѣ привала вышли на большую дорогу, ведущую изъ векильскихъ поселеній въ Іолъ-отанъ; въ 5 верстахъ отъ оба Юсунъ-ханъ расположены кибитки племени меджеуръ: это одно изъ отдѣльныхъ мелкихъ туркменскихъ племенъ, жившихъ здѣсь еще до прихода мервцевъ; когда явились эти послѣдніе, меджеуры остались въ оазисѣ въ качествѣ гостей (михмановъ) и поль-

зуются одинаковыми правами относительно воды, какъ и владѣтели оазиса.

Далѣе дорога проходитъ почти до Іолъ-отана по мѣстности, большею частью ровной; удобство ея, сравнительно съ дорогами, лежащими въ самомъ оазисѣ, заключается въ томъ, что она проходитъ по болѣе возвышенной мѣстности, вдали отъ каналовъ. По дорогѣ нѣсколько развалинъ, укрѣпленій и два кладбища; въ нихъ надгробные камни, подобные употребляемымъ въ Персіи; надписи сохранились вполнѣ. Приближаясь къ Іолъ-отану, встрѣчаются развалины кирпичнаго робата, называемыя жителями по двумъ сохранившимся сводамъ Коша-гумбесъ. Дорога пересѣкаетъ нѣсколько сухихъ каналовъ, проводившихъ воду при существованіи Султанъ-бенда. Почти тотчасъ за развалинами мѣстность пересѣкается балками, глубиною отъ 3 до 5 саженъ; а вблизи рѣчки одна изъ балокъ очень широка и представляетъ собою озеровидную котловину, вѣроятно произведенную дѣйствіемъ водъ рѣки; впадина весьма глубокая (саженъ 8—10); жители ее называютъ Гинду-кешъ, вслѣдствіе того, что здѣсь былъ убитъ индѣецъ. Дорога рѣку переходитъ по широкому, удобному для проѣзда, хотя весьма непрочному мосту, расположенному противъ обширныхъ развалинъ прежняго Іолъ-отана.

Не смотря на дождь, намъ на встрѣчу, за нѣсколько верстъ, выѣхали вліятельные Іолъ-отанцы съ Сары-ханомъ и его сыномъ во главѣ, а при приближеніи къ мосту, привезли связаннаго афганца Ахметъ-шаха (одного изъ англійскихъ агентовъ, возбуждавшихъ мервцевъ); Сары-ханъ приказалъ его схватить и рѣшилъ отправить въ Асхабадъ къ русскимъ; Сіяхъ-пушъ, Каджаръ-ханъ (также англійскій агентъ, но изъ мервцевъ) и остальные успѣли бѣжать въ Мервъ и ихъ утромъ рано видѣли на отамышской сторонѣ, близъ холма Гёкъ-тепе. Укрѣпленіе Іолъ-отанъ расположено на возвышенности берега; въѣздъ отъ моста крутой и при дождѣ отъ скользкости грунта весьма неудобный, для насъ былъ посыпанъ свѣжей землей; оживленіе всего вышедшаго на встрѣчу населенія носило самый дружественный характеръ. Въ приготовленной для насъ кибиткѣ у костра сидѣлъ и Ахметъ-шахъ; манеры, складъ лица и платье его рѣзко отли-

чали отъ сарыковъ, которые еще грубѣе и грязнѣе текинцевъ. Онъ очень любезно и привѣтливо меня встрѣтилъ и я даже переспросилъ: это ли Ахметъ-шахъ? не предполагая, чтобы такъ быстро могъ измѣниться одинъ изъ главныхъ организаторовъ сопротивленія въ Мервѣ; впрочемъ сарыки его скоро увели въ другую кибитку и приставили къ нему часовыхъ.

Вечеромъ Сары-ханъ очень хлопоталъ, чтобы заперли хорошенько ворота и приставили сторожей близъ нашей кибитки: впрочемъ вся обстановка ясно указывала, что надобности въ этомъ нѣтъ никакой, а дѣлалось это, чтобы мы замѣтили заботливость о насъ хана.

6-го марта. Пріѣхавшіе утромъ люди подтвердили извѣстія о бѣгствѣ Сіяхъ-пуша въ Мервъ. Каджаръ-ханъ и другіе рѣшительно потребовали, чтобы онъ сталъ во главѣ мервскаго сопротивленія; не видя поддержки въ Іолъ-отанѣ, скомпрометированный своими обѣщаніями, онъ долженъ былъ согласиться и отправился попытать счастья. Были также получены извѣстія изъ Маймене: тамъ все въ тревогѣ. Абдулъ-рахманъ-ханъ принялъ рѣшительныя мѣры для окончательнаго подчиненія этой области, которая одна еще изъ всего Чаръ-вилайета не признавала его власти; въ ней правилъ Делаваръ-ханъ, сторонникъ Сердаръ Эюбъ-хана, посаженный еще Ширъ-Али. Зная, что назначеніе афганскаго хана для борьбы съ Делаваромъ возбудитъ всѣхъ узбековъ Маймене, Абдулъ-рахманъ послалъ для означенной цѣли узбека Гюссейнъ-хана, предмѣстника Делавара въ Маймене, смѣщеннаго Ширъ-Али и до настоящаго времени жившаго въ Кабулѣ подъ надзоромъ афганскихъ властей. Гюссейнъ-ханъ, хорошо снабженный деньгами, воспользовался своимъ прежнимъ вліяніемъ, успѣлъ составить себѣ сильную партію въ Маймене и народъ сталъ на его сторону. Делаваръ-ханъ обращался въ Ташкентъ, Бухару и теперь, узнавъ о прибытіи русскихъ въ Мервъ, рѣшилъ обратиться къ командующему войсками Закаспійской области съ просьбою о принятіи Маймене подъ русское покровительство. Свѣдѣнія объ агитаторахъ можно было считать вполнѣ благопріятными относительно поѣздки въ Пенде и далѣе на югъ; но тутъ встрѣтились препятствія, кото-

рыхъ ранѣе нельзя было предвидѣть, а именно нежеланіе содѣйствовать моей поѣздкѣ со стороны Сары-хана и другихъ вліятельныхъ лицъ. Происходило это вотъ по какимъ причинамъ: текинцы и другіе туркмены все еще не могутъ освоиться съ перемѣною, происшедшею въ ихъ положенія послѣ взятія Гёкъ-тепе: они никакъ не хотятъ вѣрить что потеряли всякое значеніе къ средне-азіатскихъ дѣлахъ, что въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся ихъ собственной судьбы, ихъ желаніе не играетъ почти никакой роли, а все дѣлается на основаніи независящихъ отъ нихъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ. Не разъ приходилось мнѣ слышать отъ мервцевъ удивленіе по поводу того, что прежде изъ-за Мерва спорили нѣсколько падишаховъ, а теперь на нихъ никто не обращаетъ никакого вниманія. Персы отклоняютъ ихъ предложенія о подданствѣ; обѣщаніе англійскихъ агентовъ только доказывали, что Англія ничего не можетъ сдѣлать; русскія власти требовали только спокойствія въ степи и не звали мервцевъ въ подданство; эти послѣдніе не хотѣли вѣрить такому равнодушію; въ своемъ самообольщеніи они были убѣждены, что это все притворство. То же произошло въ Іолъ-отанѣ относительно моей поѣздки въ Пенде. Ханъ пришелъ къ убѣжденію, что цѣль моей поѣздки уговорить пендинцевъ перейти въ русское подданство. По ихъ мнѣнію это былъ подвигъ, за который, конечно, совершившій его получитъ и „погоны“ (т. е. чинъ), и „деньги“, и потому было весьма желательно предупредить меня и сдѣлать все самимъ. Но туркмены весьма неловко лгутъ и интригуютъ; они выдали свои дѣйствительныя побужденія съ первыхъ же словъ и обмануть меня имъ не удалось. Я имъ выяснилъ мои дѣйствительныя намѣренія и сообщилъ, что не буду уговаривать пендинцевъ что бы то ни было предпринять; если бы они желаютъ перейти въ русское подданство, то могутъ явиться въ Мервъ или Асхабадъ и тамъ имъ будутъ объяснены условія, при которыхъ это можетъ состояться. Конечно, всегда лживые въ дѣлахъ туркмены мнѣ не повѣрили. Впрочемъ они были очень удивлены моимъ полнымъ равнодушіемъ къ собравшемуся около 11 часовъ къ нашей кибиткѣ маслагату. Явилось человѣкъ 20 аксакаловъ; говорилъ рѣчь Махдумъ-кули-ханъ: онъ говорилъ съ ораторскими

пріемами, весьма убѣдительно, хотя убѣждать никого не приходилось; независимое существованіе Іолъ-отана отдѣльно отъ Мерва было немыслимо; всѣ это сознавали; маслагатъ была пустая формальность; сидѣвшіе едва слушали, конечно никто не возражалъ. Но вдругъ все собраніе оживилось; поднятый вопросъ заинтересовалъ всѣхъ: дѣло шло о моемъ путешествіи; люди, которые со мною поѣдутъ, конечно, получатъ награды, и нѣсколько сотъ крановъ, имѣвшихся въ виду, воодушевили аксакаловъ. Іолъ-отанцы гораздо менѣе требовательны, чѣмъ мервцы; они еще не были избалованы, какъ эти послѣдніе, сношеніями съ русскими и англичанами. Надо было заставить меня взять поболѣе людей. Въ моемъ распоряженіи изъ Мерва было назначено 5-ть всадниковъ текинской милиціи и отъ Іолъ-отанцевъ я просилъ 2—3 человѣкъ, хорошо знакомыхъ съ дорогами, необходимыхъ въ качествѣ проводниковъ и главнымъ образомъ для того, чтобы познакомить меня съ жителями Пенде, и объяснить этимъ послѣднимъ, что поѣздка моя дѣлалась съ самыми дружескими намѣреніями. На маслагатѣ рѣшили, что въ виду опасной дороги, мнѣ необходимо дать 12 всадниковъ. Лишніе люди могли только стѣснить меня и потому я объявилъ ханамъ, что 12 человѣкъ не возьму. Они обидѣлись. „Вы поступите какъ хотите, но лучше исполнить то, что рѣшено на маслагатѣ; если съ вами что либо случится, намъ будетъ совѣстно“.—Я, напротивъ, настаивалъ, что должно быть сдѣлано какъ я объяснялъ; случиться ничего не можетъ, да при 5 берданкахъ плохія ружья сарыковъ все равно пользы не принесутъ; наконецъ, мы согласились на половинѣ: меня будутъ сопровождать 6 человѣкъ, изъ нихъ два опытные проводника-сердаря. Мое невниманіе къ части маслагата, некасавшейся моего путешествія (я сидѣлъ въ кибиткѣ у стола и писалъ), направило подозрѣнія хановъ въ другую сторону: быть можетъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ не поручено приводить пенденцевъ въ русское подданство, а изъ Пенде я поѣду въ Маймене вести переговоры съ Делаваръ-ханомъ. Я ничего не опровергалъ и ханы пришли къ убѣжденію, что эта послѣдняя догадка вѣроятнѣе: довольные своею проницательностью, они приказали сердарямъ, сопровождавшимъ меня, въ случаѣ моего требованія согласиться со старшинами въ Пенде

и снарядить меня въ Маймене. Видя, что разсказы объ опасности со стороны афганцевъ не произвели впечатленія, ханы, чтобы отклонить меня отъ сношеній съ жителями Пенде, старались подѣйствовать на мое великодушіе: если я буду уговаривать сарыковъ перейти въ русское подданство, то афганцы узнаютъ и жителямъ грозитъ великая бѣда; такъ что лучше мнѣ въ самыя селенія не ѣхать и, остановившись у Дашъ-Кёпри, послать за всѣмъ необходимымъ 2 или 3 изъ бывшихъ при мнѣ сарыковъ. Я обѣщалъ принять во вниманіе всѣ эти соображенія и совѣты. Покончивъ такимъ образомъ вопросъ о продолженіи путешествія, я отправился осматривать Іолъ-отанъ: Сары-ханъ назначилъ для сопровожденія меня своего сына; разставаясь, онъ вынулъ изъ-за пояза пистолетъ и передалъ сыну—предосторожность совершенно лишняя въ виду вѣжливаго пріема, который намъ вездѣ оказывали; гораздо полезнѣе оказались нѣсколько плетей, которыми свита молодаго хана удерживала на приличномъ разстояніи стаи мальчишекъ, собиравшихся отовсюду и надоѣдавшихъ своимъ шумомъ, какъ и всегда туркменскія дѣти. Съ вершины полуразрушенной башни я сдѣлалъ съемку окрестностей; это нисколько не возбуждало неудовольствія въ комъ бы то ни было; всѣ удивились магнитной стрѣлкѣ, удивлялись, что она „боится“ желѣза и съ недовѣріемъ улыбались на увѣренія моего переводчика, что Кибла-наме служитъ для отысканія дорогъ. Мы осмотрѣли мостъ, перевозъ и ближайшія поселенія; затѣмъ я занялся распросами о жизни, занятіяхъ и торговлѣ сарыковъ; для этого Сары-ханъ пригласилъ нѣсколько свѣдущихъ по всѣмъ этимъ вопросамъ людей.

Самъ Сары-ханъ обыкновенный туркменъ безъ всякихъ претензій; носъ, какъ-бы перебитый посрединѣ, портитъ его лицо; этотъ недостатокъ здѣсь встрѣчается довольно часто. Обувь очень стѣсняетъ хана и онъ къ ней прибѣгаетъ только, когда этого требуетъ торжественность обстоятельствъ. Сынъ хана, глуповатый молодой человѣкъ, всѣмъ прислуживаетъ: главная его обязанность приготовлять кальянъ для являющихся ежеминутно гостей. Посреди кибитки очагъ съ углубленіемъ для пепла; при пріемѣ почетныхъ гостей, чтобы избѣгнуть дыма, огонь поддер-

живается деревяннымъ углемъ; обыкновенно же жгутъ просто кустарникъ, не обращая вниманія на дымъ.

Гостей принималъ Махдумъ-кули-ханъ; мое участіе ограничивалось тѣмъ что каждый своими двумя руками пожималъ мою руку. Войдетъ гость, пожметъ руку хану, тотъ его посылаетъ сдѣлать то же со мной, затѣмъ пришедшій садится, скажетъ „аманъ, аманлыкъ", погладитъ бороду и Махдумъ скажетъ: „аманъ". Гость посидитъ 2—3 минуты, покуритъ кальянъ, потомъ скажетъ: „я уйду", „якши", отвѣтитъ Махдумъ-кули и оба разстаются съ сознаніемъ исполненнаго долга. На прощаніе руки не подаютъ.

7-го марта. Утромъ снова извѣстія изъ Мерва: Каджаръ-ханъ и Сіяхъ-пумъ схвачены мервскими ханами и доставлены къ командующему войсками.

Я принялъ сдѣланное мнѣ наканунѣ евреями приглашеніе посѣтить ихъ лавки и отправился къ нимъ безъ свиты отъ хановъ. Евреи здѣсь одни имѣютъ постоянныя лавки, всего отъ 15-ти до 20-ти; туркмены торгуютъ только въ базарные дни. Собрались меня встрѣтить всѣ почетные люди; семитическій типъ сохранился въ полной чистотѣ; не составляютъ отступленія изъ общаго правила и замѣчательно красивыя лица молодыхъ людей и быстро состарившіеся, безобразные старики. Всѣ выразили свою радость по поводу прихода русскихъ: правда, за вѣру ихъ не преслѣдуютъ, не требуютъ перехода въ магометанство, но лишь только они достигнутъ извѣстнаго благосостоянія, ихъ непремѣнно ограбятъ; вотъ и теперь ихъ недавно обобрали сарыкскіе ханы; помогутъ ли имъ русскіе? Я пояснилъ, что въ разборъ старыхъ счетовъ входить нельзя; они должны быть окончены на основаніи прежнихъ обычаевъ; такъ сдѣлано и въ Мервѣ; теперь, когда будутъ введены русскіе законы, грабить болѣе никто не станетъ; съ другой стороны, едва ли есть въ степи хоть одинъ человѣкъ который бы не нуждался въ прощеніи за прошлое и потому, лучше о томъ, что было, позабыть, достаточно, что новые законы и новыя власти ручаются за будущее.

Въ это время нагрянули люди Сары-хана; они узнали куда я пошелъ и боялись, какъ бы евреи не начали жалобъ; они услы-

шали мои слова и были, очевидно, довольны ими. Евреи прекратили жалобы и начали общій разговоръ: евреи-купцы почти всѣ бывали въ Бухарѣ, въ Самаркандѣ, въ Индіи; воспитаніе они получаютъ въ Гератѣ, гдѣ у нихъ есть двѣ свои школы; объ Европѣ понятіе имѣютъ болѣе ясное, нежели туркмены; интересуются свѣдѣніями о своихъ единовѣрцахъ; знаютъ о Ротшильдѣ: онъ даетъ въ займы деньги самому калифу. На прощаніе одинъ старикъ улучшилъ минуту, чтобы предупредить меня по секрету, что еще вчера вечеромъ поскакалъ въ Пенде одинъ человѣкъ, дать знать афганскимъ властямъ о моемъ намѣреніи туда пріѣхать и что въ Іолъ-отанъ часто пріѣзжаютъ афганцы и сарыки, по порученію англичанъ, узнавать новости о русскихъ.

Весь вечеръ ханы писали прошеніе съ просьбою о принятіи Іолъ-отанцевъ въ русское подданство. Старшины прикладывали печати; выступленіе было назначено на слѣдующее утро. Сары-ханъ и Махдумъ-кули съ выборными отъ племенъ отправились въ Мервъ, захвативъ съ собою плѣннаго Ахмедъ-шаха, я съ назначенною мнѣ свитою въ Пенде.

8-го марта. Мои люди собирались весьма лѣниво и только въ 9 часавъ я могъ распроститься съ своими хозяевами. Сары-хану я подарилъ 50 крановъ. Наканунѣ я спрашивалъ, какъ лучше поступить: купить ли хану какой либо подарокъ или дать деньги. Отвѣтъ былъ: „туркмены люди бѣдные, деньги всегда пріятнѣе“. Это можетъ быть принято за общее правило, въ Іолъ-отанѣ, даже болѣе чѣмъ гдѣ либо; населеніе здѣсь очень бѣдное; породистыхъ лошадей вовсе не видно; оружіе самое жалкое, даже у хановъ. Мы выступили въ четвергъ, т. е. базарный день, и проѣхали черезъ базаръ: народу много и версты 1½ насъ провожали, желая поближе разсмотрѣть. На базарѣ продавали нѣсколько плохихъ лошадей, говядину, сѣно, колючку для топлива, кошмы и кое гдѣ грубыя полотна іолъ-отанскаго производства.

Выйдя изъ укрѣпленія, дорога идетъ сначала вдоль, а потомъ посреди двухъ параллельныхъ арыковъ; каналы здѣсь называются не арыкъ, а ноу-хана (т. е. новый домъ, новое помѣщеніе). Это два главные арыка, служащіе для орошенія Іолъ-отанскаго оазиса. Пески проходятъ на западъ отъ нихъ, въ раз-

стояніи отъ 100 до 400 саж. и вся ширина орошенной полосы между песками и рѣкою нигдѣ не болѣе 1¼—2 верстъ; то же и съ другой стороны рѣки. По дорогѣ развалины старыхъ укрѣпленій, нынѣ не возобновляемыхъ.

Дорога пригодна для движенія верблюдовъ, а тѣмъ болѣе для всадниковъ; черезъ каналы вездѣ мостики для вьючнаго движенія; колесную дорогу съ большею выгодою можно провести ближе къ пескамъ, причемъ минуются обработанныя поля и каналы. Въ мартѣ вода еще не была пущена во второстепенные каналы, большая часть которыхъ чистилась.

Отъ Іолъ-отана всего 9 верстъ до селенія Курджукли, гдѣ мы рѣшились ночевать.

Распростившись съ сыномъ Сары-хана, провожавшаго меня до этого селенія, я отправился осмотрѣть находящіяся въ 8 верстахъ далѣе на югъ на правомъ берегу Мургъ-аба развалины когда-то снабжавшей древній Мервъ плотины Султанъ-бендъ; хотя я приказалъ ѣхать со мною только двумъ текинцамъ и 2 сердарямъ-сарыкамъ, но сопровождавшіе меня текинцы стали проситься всѣ, не желая остаться одни съ сарыками. Конечно, я запретилъ это, чтобы не выказывать недовѣрія сарыкамъ и поручилъ моихъ спутниковъ хозяину. Проѣхавъ вдоль берега рѣки около 2 верстъ, мы переправились на правую сторону Мургъ-аба въ бродъ: теченіе было довольно сильное; вода по брюхо лошади; отъ бывшихъ дождей вода быстро прибывала: по словамъ жителей Курджукли еще наканунѣ вода была только по колѣна лошади. Выбравшись изъ русла, мы поѣхали вдоль него, то приближаясь къ рѣкѣ, то удаляясь отъ нея для спрямленія извилинъ рѣки и наконецъ выѣхали на большую дорогу изъ Мерва въ Пенде; мѣстами видѣнъ Шехръ-ноу-хана, иначе Султанъ-ябъ, т. е. каналъ, проводившій воду къ г. Байрамъ-али отъ Султанъ-бенда; мѣстами онъ весьма хорошо сохранился, хотя впрочемъ откосы весьма крутые и земля свалена тутъ же по берегамъ. На 3 верстѣ отъ брода окопы (Хандекъ) Медемій-хана. При движеніи на Пенде отъ Мерва, ханъ вездѣ въ мѣстахъ остановокъ дѣлалъ окопы вокругъ лагеря; слѣды ихъ сохранились по всей дорогѣ.

Осмотрѣвъ Бендъ-и-султанъ, на обратномъ пути, приближаясь

къ рѣкѣ, мы увидѣли, что во время нашего 3-хъ часоваго путешествія вода еще поднялась фута на 1½; хотя и удалось отыскать бродъ по ½ корпуса лошади, но теченіе было настолько сильно, что сносило лошадей и мы всѣ вымокли. Къ возвращенію нашему уже всюду было извѣстно о моемъ пріѣздѣ; на стѣнахъ развалинъ, на буграхъ, на крышахъ сакль всюду собрались люди разсматривать перваго заѣхавшаго къ нимъ френги. Собрались окола аула моего хозяина: кибитка были мгновенно продыравлена въ нѣскольких мѣстахъ, чтобы можно было заглядывать внутрь. Для меня развели большой костеръ и стали просушивать вымокшее при переправѣ платье. Стали собираться гости; все очень любезные, добродушные люди; видно было, что въ Іолъ-отанѣ приходу русскихъ радовались болѣе искренне, нежели въ Мервѣ.

Вчерашній лавочникъ еврей также прибылъ въ Курджукли и старался пуститься въ секреты, но и тутъ старшины ему все мѣшали, не оставляя его со мною наединѣ ни на минуту. Двое изъ пришедшихъ старшинъ стали меня увѣрять, что уже ранѣе меня видѣли въ Мервѣ, именно тотчасъ по взятіи Гёкъ-тепе, когда ханомъ былъ Каджаръ; только тогда я будто бы выдавалъ себя за инглиза. Они меня принимали за О'Донована; по словамъ моего переводчика эти старшины не одни такого мнѣнія: въ Асхабадѣ многіе текинцы убѣждены въ томъ же: они находятъ, что я очень похожъ на инглиза; прибылъ же я въ Асхабадъ осенью 1881 г., какъ разъ послѣ отъѣзда О'Донована изъ Мешхеда, и затѣмъ постоянныя мои поѣздки по новымъ мѣстамъ— по словамъ текинцевъ—въ чужіе народы, куда прежде не заѣзжали френги, все это окончательно доказывало мое тождество съ инглизомъ. Еще въ Асхабадѣ говорили моему переводчику: „хорошъ твой баринъ, въ Мервѣ всѣмъ обѣщалъ покровительство своей императрицы, въ Мешхедѣ увѣрялъ, что ѣдетъ въ Гиндъ, а самъ повернулъ въ Асхабадъ“. Я смѣялся надъ проницательностью старшинъ: это ихъ нисколько не убѣдило, да и не обидѣло: они стояли на своемъ: и въ Мервѣ меня любили за то, что я былъ человѣкъ веселый, кто смѣется, того туркмены всегда будутъ любить.

9 марта. Отъ Курджукли до Бендъ-и-казахлы (39 в.) и до

Чёпли-тепе (еще 7 верстъ). Вблизи Курджукли пески весьма близко подходятъ къ дорогѣ, которая въ 3 верстахъ далѣе входитъ въ нихъ; и на протяженіи 18 верстъ съ небольшими перерывами идетъ то по невысокимъ буграмъ, то по самому урѣзу песковъ; между песками и рѣкою вездѣ не менѣе $1^1/_2$—2 верстъ орошенной земли; дорога пересѣкаетъ пески частью для спрямленія пути, частью для избѣжанія необходимости пересѣкать каналы и арыки, которые для уширенія орошенной полосы подходятъ къ самымъ пескамъ. Пески, поросшіе кустарникомъ, для вьючнаго движенія не представляютъ никакого затрудненія; но бугры все же отъ 2 до 5 саж. и колесную дорогу пришлось бы провести ближе къ рѣкѣ, что потребовало бы только устройства довольно значительнаго количества мостиковъ.

На 11 верстѣ отъ Курджукли лежатъ развалины Чаръ-багъ, граница обработываемой полосы Іолъ-отанскаго оазиса; далѣе на югъ распространяться сарыки не осмѣливались.

На 22 верстѣ дорога вышла изъ песковъ и далѣе пошла по однообразной мѣстности; пески то приближаются къ рѣкѣ отдѣльными мысами, то удаляются отъ нея, образуя рядъ заливовъ, называемыхъ кёвъ; первый изъ нихъ Ходжа-кёвъ около 2 в. длиною. Дорога идетъ главнымъ образомъ по кёвъ, лишь пересѣкая мысы, которые нигдѣ не шире 50—100 саженъ.

Въ высокую воду многіе заливы покрываются водою и тогда по спадѣ ея сарыки засѣвали ихъ арбузами и дынями.

За 4 верстою отъ Бендъ-и-казахлы на правомъ берегу расположены развалины Баба-Кемберъ—нѣсколько надгробныхъ памятниковъ и робатъ близь гробницы слуги Алія Кембера.

За Бендъ-и-Казахлы пошли вдоль рѣки: тутъ кёвъ стали гораздо болѣе: длиною верстъ до 6; между отдѣльными кёвъ дорога идетъ по пескамъ двѣ, три и болѣе верстъ для спрямленія пути. У не высокаго бугра Чёпли-тепе въ 7 верстахъ на югъ отъ Казахлы обыкновенно останавливаются проходящіе караваны; здѣсь близко вода, есть кормъ и топливо.

Вечеромъ ко мнѣ явились два старшіе изъ моихъ спутниковъ сарыковъ: Сеизъ-батырь изъ племени сукты и Пата-сердарь-байраджъ. Они по секрету объяснили мнѣ, что всѣ свѣдѣнія, со-

общенныя ханами въ Іолъ-отанѣ, ложь; сарыки примутъ меня хорошо; правда при выступленіи нашемъ изъ Карры-бенда всѣ заволновались, но узнавъ о занятіи Мерва успокоились; зла имъ отъ афганцевъ за оказаніе мнѣ гостепріимства никакого не будетъ: ханы отправили нѣсколькихъ старшинъ въ Пенде, для переговоровъ съ жителями о переходѣ ихъ въ русское подданство; старшины должны были обогнать меня по дорогѣ, но едва ли успѣютъ это сдѣлать, такъ какъ лошади у нихъ плохія. Мои проводники уговаривали меня ѣхать въ Пенде; оказывалось Сеизъ и Пата задумали явиться ранѣе посланныхъ изъ Іолъ-отана и попробывать, пользуясь моимъ присутствіемъ, уговорить сарыковъ послать депутатовъ въ Мервъ, въ разсчетѣ на великія награды за этотъ подвигъ. Не давая обѣщанія принять участіе въ интригѣ, на поѣздку въ Пенде и остановку на одинъ или 2 дня въ оазисѣ я согласился, такъ какъ это вполнѣ согласовалось съ моими намѣреніями.

10 марта. Отъ Чёпли-тепе до Сары-язы — 46 верстъ. Пески между кёвъ пересѣкаются на значительномъ протяженіи; для колесной дороги ихъ потребовалось бы обойти, впрочемъ не очень приближаясь къ рѣкѣ, такъ какъ постепенные подмывы берега, именно у мысовъ, одна изъ причинъ отклоненія дороги въ пески. Для желѣзной дороги пески эти не представляли бы никакого затрудненія, они всѣ довольно плотны и поросли кустарникомъ. Самые кёвы здѣсь покрыты густымъ кустарникомъ саксаула и гребенщика, высотою болѣе лошади со всадникомъ.

Въ 10 верстахъ отъ Чёпли-тепе мысъ Келе-бурунъ; близь него хорошій бродъ, впрочемъ, какъ и всѣ броды на Мургъ-абѣ, доступный только въ низкую воду; у Келе-буруна отдѣляются дороги въ Афганскій Туркестанъ съ одной стороны и въ Коюнъ-куи и Денмезъ съ другой. Противъ Келе-буруна на правомъ берегу песчанные бугры смѣняются твердыми глиняными возвышенностями съ пологими скатами. По нимъ идетъ дорога, которая безъ труда можетъ быть раздѣлана въ колесную; только противъ Сары-язы бугры Кушле-кая очень круты и лежащая у подножія ихъ дорога заливается высокими водами; на это время пользуются узкою тропинкою, проходящею по верхъ обрывовъ.

Впрочемъ большая дорога изъ Пенде по правому берегу идетъ на востокъ отъ бугровъ и подходитъ къ рѣкѣ лишь у Бабакемберъ, пройдя безводный переходъ около 100 верстъ.

Въ $1^1/_2$ часахъ ѣзды отъ Келе-бурунъ ($8^1/_2$ верстъ) расположены развалины, называемыя Имамъ. Здѣсь очень обширное кладбище близь гробницы двухъ святыхъ; на могилахъ камни съ весьма красивыми персидскими надписями. Кромѣ того незатѣйливыя приношенія туркменъ: нѣсколько чираковъ, и болѣе всего куски палокъ, вѣтки, тряпки. Кромѣ гробницъ святыхъ здѣсь много могилъ людей, погибшихъ отъ аламановъ. Въ прежнее время дорога изъ Мерва въ Пенде считалась самою опасною во всей степи: и дѣйствительно почти нѣтъ версты гдѣ не было бы одной двухъ могилъ; палки съ тряпками указываютъ, что это все жертвы аламановъ: большею частью пастухи, купцы. „Шагитъ", говорятъ проѣзжая туркмены. Не далеко отъ могилъ близь рѣки развалины хоуза и большаго робата Абдула-хана; когда-то это было прекрасное зданіе, но построено оно безъ прочнаго фундамента и потому, не смотря на превосходный матеріалъ (весьма хорошо выженный кирпичъ) и толщину стѣнъ, все въ трещинахъ и разваливается. Кромѣ того здѣсь нѣсколько болѣе древнихъ развалинъ, представляющихся въ видѣ оплывшихъ возвышенностей, изъ которыхъ лишь кое гдѣ выступаютъ остатки стѣнъ; кирпичъ отъ развалинъ идетъ на покрытіе новѣйшихъ могилъ.

Вообще, по всей долинѣ Мургъ-аба, кромѣ мѣстности у Іолъотана много развалинъ: видно когда-то эта мѣстность была очень оживлена и теперь, когда возстановлено въ краѣ спокойствіе, не можетъ подлежать сомнѣнію возрожденіе всего пути; вообще берега Мургъ-аба гораздо удобнѣе для заселенія, нежели Гери-руда.

Близъ Имама встрѣтили 7 человѣкъ, возвращавшихся съ аламана. По словамъ разбойниковъ, они выступили изъ Іолъ-отана еще до поѣздки мервскихъ старшинъ въ Асхабадъ; предводитель былъ Ана-нефесъ изъ племени мджеуръ; съ ними было до 30 человѣкъ разныхъ племенъ; направились въ Сеистанъ; по словамъ встрѣченныхъ нами людей, аламанъ былъ неудаченъ: персы были предупреждены и разбойникамъ пришлось вернуться. Въ Пенде

они узнали о занятіи Мерва и рѣшили разойтись по домамъ; самъ Ана-нефесъ съ остальными людьми остался отдыхать у переправы Юнгенлы. Бывшіе со мною текинцы очень встревожились, они не довѣряли даже сопровождавшимъ насъ сарыкамъ и находили сосѣдство сарыкскаго аламана, особенно возвращавшагося послѣ неудачи, крайне опаснымъ; объясненіе происходило все время не опуская ружей и затѣмъ текинцы совѣтывали весь день, не растягиваясь, двигаться всѣмъ вмѣстѣ. Оказалось, что боятся не одни текинцы; нашимъ сарыкамъ едва удалось остановить бѣгство отъ насъ пастуховъ: они насъ приняли за разбойниковъ изъ Мерва и стали гнать въ воду барановъ и сами хотѣли броситься переплывать Мургъ-абъ; на вопросъ, развѣ такъ можно спастись отъ разбойниковъ, они отвѣчали, что, „душа дороже барановъ“, что они вышли, разсчитывая на водвореніе спокойствія по занятіи Мерва, а увидѣвъ не караванъ, а вооруженныхъ людей, испугались и потеряли голову. Сары-язы хорошо сохранившіяся развалины укрѣпленій близъ рѣки, противъ весьма обширнаго кёва, на которомъ много болѣе или менѣе древнихъ развалинъ укрѣпленій, башенъ; слѣды каналовъ и кэризовъ; мѣстность покрыта высокимъ кустарникомъ.

На ночлегъ текинцы отказались стать по указанію Пата-сердаря у дороги; они выбрали открытое мѣсто — въ сторонѣ отъ нея, съ такимъ разсчетомъ, чтобы близко нельзя было подобраться незамѣченными, и сами рѣшились дежурить около лошадей по три человѣка всю ночь. Сарыки всю ночь не спали, отчасти по причинѣ близости Ана-нефеса; но главная причина ихъ безпокойства была другая: они меня уговаривали ѣхать въ Пенде, а по словамъ текинцевъ, сами не были убѣждены какъ меня примутъ: всю ночь слышались ихъ совѣщанія, наконецъ, на разсвѣтѣ, Сеизъ-батырь, какъ богатый житель Пенде, имѣющій тамъ много родственниковъ, поѣхалъ впередъ приготовить мнѣ встрѣчу и просилъ меня не ѣхать далѣе Юнгенлы, пока онъ съ ханами не выѣдетъ ко мнѣ. Я, напротивъ, былъ совершенно спокоенъ въ отношеніи пріема въ Пенде: занятіе Мерва, конечно, произвело большое впечатлѣніе въ степи: такіе факты всегда имѣли послѣдствіемъ болѣе или менѣе продолжительный

періодъ страха и нерѣшительности, въ который можно всюду проникнуть совершенно безопасно.

11-го марта. Сары-язы до Дашъ-Кёпри 40 верстъ. Дорога шла то по берегу рѣки, то въ пескахъ; рѣка сильно размываетъ берегъ и во многихъ мѣстахъ дорога дѣлаетъ большіе изгибы, чтобы обойти такіе подмывы; еще видна тропинка прежде бывшей болѣе прямой дороги, упирающаяся въ обрывъ новаго берега.

На 16-й верстѣ отъ Сары-язы проводники указали мѣсто, гдѣ соединенныя силы туркменъ разныхъ племенъ ждали Медемій-хана и были ими разбиты.

Еще 4 версты далѣе пески удалились на западъ, образуя кёвъ длиною 13 вер.; поверхность его на 2—3 саж. выше рѣки; здѣсь скоро показались посѣвы, а потомъ и большіе каналы, проводящіе сюда воду отъ Дашъ-Кёпри; по сосѣднимъ холмамъ паслись стада.

На 26-й верстѣ, у Юнгенлы, мы стали ожидать встрѣчи: подъѣхавшій сарыкъ объяснилъ, что о моемъ пріѣздѣ въ Пенде уже извѣстно; сначала жители были недовольны, но когда имъ объяснили, что я не имѣю никакихъ дурныхъ намѣреній, то успокоились и теперь меня примутъ хорошо.

Близко къ Пенде разбойники другихъ племенъ подходятъ рѣдко и потому пастухи удаляются отъ Дашъ-кёпри на 10—15 верстъ, впрочемъ, всегда вооруженные ружьями и шашками: угнать барановъ не могутъ, такъ какъ, расположенные по близости караулы всегда нагонятъ и отобьютъ стадо, а отдѣльныхъ людей увезти могли-бы.

Здѣсь же мы узнали, что сарыки насъ обманули насчетъ результатовъ аламана: онъ вовсе не былъ неудаченъ: разбойники напали на одну изъ пограничныхъ деревень, взяли въ плѣнъ 12 персовъ и теперь продали ихъ племени гёрзеки, которое пользуется самою плохою репутаціею даже между сарыками; остальныя племена ихъ считаютъ выдающимися ворами.

Такъ какъ Сеизъ-батыръ не ѣхалъ съ условленной встрѣчей, то я рѣшилъ двинуться впередъ. Отъ Юнгенлы уже все время идутъ пашни, дорога извивается вправо и влѣво, избѣгая обвалившихся береговъ; во многихъ мѣстахъ обвалы происходятъ,

такъ сказать, на глазахъ, особенно послѣ впаденія р. Кушкъ, по берегу ея; тутъ трещины въ землѣ указываютъ на части берега, готовыя упасть. Русло Кушка подошло къ бывшему здѣсь каналу, который отнесенъ на западъ.

На 3 верстѣ отъ Юнгелы выступаетъ впередъ мысъ Баба-бурунъ; пески за нимъ уходятъ на западъ отъ дороги версты на 3—4.

Бугоръ Акъ-тепе находится между Кушкомъ и Мургъ-абомъ, а не на лѣвомъ берегу первой рѣки, какъ это указано на картѣ Walker'а; на этой же картѣ неправильно показано на Кушкѣ два моста: есть только одинъ, именно, Дашъ-кёпри, близъ Акъ-тепе, недалеко отъ впаденія Кушка въ Мургъ-абъ. Дашъ-кёпри служитъ одновременно акведукомъ и мостомъ, впрочемъ, для проѣзда особыхъ панелей нѣтъ, а всадники движутся по самому руслу канала въ водѣ, доходящей до колѣнъ лошади.

Недалеко не доѣзжая моста, на встрѣчу выѣхали старшины: народъ, очевидно, богатый, чисто одѣтый, на хорошихъ лошадяхъ: контрастъ съ Іолъ-отаномъ полный. Первое поселеніе племени сукты въ 1½ верстахъ отъ моста. Весь треугольникъ между Кушкомъ и Мургъ-абомъ саженъ на 5—10 выше долины рѣкъ, почти у моста дорога взбирается на это возвышеніе, близъ кладбища, гдѣ погребенъ какой-то святой и потомъ идетъ по ровному мѣсту; на всемъ возвышеніи нѣтъ ни одного дерева или куста; все вырублено на топливо; садовъ же сарыки не разводятъ. По обстановкѣ ауловъ видно, что здѣсь весь народъ долженъ быть очень и очень состоятельный: кибитки новыя, чистыя, у каждаго хозяина ихъ по нѣсколько.

Меня пригласилъ къ себѣ одинъ изъ старшинъ; отвели мнѣ чистую новую кибитку, убранную хорошими коврами: по туркменскимъ понятіямъ очень роскошное помѣщеніе. Приступили къ разведенію костра: какъ бы ни была велика жара, при пріѣздѣ гостя, это считается обязательнымъ; впрочемъ хозяинъ не скрывалъ своего удовольствія, когда я отъ костра отказался: дрова приходится привозить изъ Калеи-моръ и отъ Чеменъ-и-бида и стоятъ онѣ очень дорого.

Отдохнуть мнѣ дали не болѣе ¼ часа; затѣмъ начались визиты. Интересно было слушать этихъ разбойниковъ: по ихъ сло-

вамъ выходило, что сарыки никогда не нападали ни на кого; напротивъ, они терпѣли отъ всѣхъ: кто жаловался на эрсарей, угнавшихъ 2,000 барановъ, кто на Али-Merданъ-хана, отбившаго сарыкскихъ верблюдовъ, кто на персидскихъ всадниковъ, увезшихъ двухъ женщинъ и ребенка; всѣ находили справедливымъ, чтобы Бѣлый Царь ихъ защитилъ и еще болѣе справедливымъ, что разъ русскіе заняли мервскій оазисъ, то должны вернуть его сарыкамъ, отцы которыхъ владѣли этою землею. Но при этомъ они желали бы сохранить свою независимость, или другими словами право грабить своихъ сосѣдей. Это разъяснилъ мой хозяинъ; онъ глухой старикъ и считается у сарыковъ ораторомъ, т. е. кричитъ страшно, говоритъ пустыя громкія фразы, что очень нравится слушателямъ. Онъ началъ кричать: „Сарыки желаютъ одного спокойствія; имъ нуженъ Адилъ-падишахъ [1]), который бы водворилъ міръ и порядокъ въ краѣ; пусть русскіе придутъ въ Пенде; сарыки съ радостью имъ подчинятся; но теперь это невозможно. Положимъ они пойдутъ къ генералу въ Мервъ, но это далеко, а афганцы близко и убьютъ ихъ женъ и дѣтей. Хорошо ли это?“ Было ясно, что мои спутники успѣли убѣдить, что я прибылъ присоединять сарыковъ. Я успокоилъ хозяина: „Ни въ Мервъ, ни въ Асхабадъ жителей Пенде никто не зоветъ; они никому не нужны; русскіе, также какъ старикъ говорилъ про сарыковъ, желаютъ одного—спокойствія и съ умѣютъ прекратить разбои. Іолъ-отанцы сами просились въ подданство Россіи, потому что поняли, что иначе они существовать не могутъ. Если пендинцы когда либо придутъ къ тому же убѣжденію, то сами будутъ просить русскаго покровительства, въ которомъ быть можетъ Царь и не откажетъ имъ; во всякомъ случаѣ звать ихъ никто не станетъ. Теперь пусть будутъ независимы, но помнятъ, что кто будетъ разбойничать, не минуетъ строгаго наказанія. Хозяинъ очевидно не ожидалъ такого отвѣта и потому тотчасъ перемѣнилъ тонъ и предупредилъ, что между гостями есть лица, которыя могутъ донести афганцамъ, и потому онъ позже будетъ говорить откровеннѣе. Впрочемъ и это послѣд-

---

[1]) Справедливый.

нее онъ сказалъ настолько громко, что слышали не только бывшіе въ кибиткѣ, но и толпа, собравшаяся кругомъ ея и принимавшая все время участіе въ нашемъ разговорѣ своими замѣчаніями и возраженіями. Туркмены такъ кричатъ, что войлоки кибитки не составляютъ препятствія для такого обмѣна мыслей. Вечеромъ я подтвердилъ сказанное прежде старшинѣ, объяснилъ что вмѣшиваться въ дѣла Абдулъ-рахманъ-хана съ Маймене мы не станемъ, я туду не ѣду и прошу только снарядить меня для путешествія на западъ. Ханъ увѣрялъ въ своей преданности русскимъ, но убѣждалъ, что очень боится афганцевъ и совѣтовалъ и мнѣ быть осторожнымъ: въ Бала-Мургъ-абѣ стоитъ джернейль, у котораго 1,000 человѣкъ кавалеріи, если онъ захочетъ меня захватить, то защитить меня будетъ весьма трудно. На обратномъ пути лучше мнѣ не заѣзжать въ Пенде; я и не предполагалъ этого дѣлать и потому вполнѣ согласился: теперь мои текинцы, только бы быть подалѣе отъ афганцевъ и сарыковъ, находили лучшимъ путемъ для возвращенія въ Мервъ направленіе черезъ Акъ-робатъ, Коюнъ-куи и Шоръ-кала, а предложи я эту дорогу въ Мервѣ они навѣрно ее признали бы непроходимую вслѣдствіе безводія.

Явившіеся съ поклономъ мервцы рекомендовались торговцами лошадей; теперь спокойно и они явились въ Пенде торговать, впрочемъ интересовались они совсѣмъ иными вопросами, судя по которымъ ихъ можно было скорѣе принять за бѣжавшихъ изъ Мерва разбойниковъ: „пошлютъ ли Сіяхъ-пуша въ Сибирь? Что ждетъ тѣхъ которые сопротивлялись русскимъ, а теперь явятся съ повинною къ генералу? Придутъ ли еще войска въ Мервъ“? Они говорили съ озлобленіемъ, не скрывали сожалѣній о старомъ, но сознались что, люди, бывшіе въ Москвѣ на торжествахъ коронаціи знаютъ, что, въ случаѣ надобности можетъ быть прислано очень много войска. „Впрочемъ если вы не будете бить народъ, не будете съ нихъ брать много податей, то больше войска не потребуется, народъ не возстанетъ“, сказали они на прощанье.

12 Марта. Съ утра стали являтся старшины и почетныя лица, между ними явился одинъ персъ, взятый въ плѣнъ еще во время похода принца Гамза-мирза; теперь персъ женился и какъ чело-

вѣкъ умный и сравнительно очень образованный пользуется вліяніемъ среди дикарей туркменъ.

Сарыки съ гордостью говорятъ, что у нихъ нѣтъ укрѣпленій. Калы Кёгнэ-Пенде и Таза-Пенде обѣ были въ развалинахъ, когда сюда явились сарыки, и они не пробовали возобновлять старыя, ни строить новыя укрѣпленія. Таза-Пенде салорское укрѣпленіе, брошенное не за долго до прихода сарыковъ. Кёгне-Пенде современно акведу Дашъ-кёпри; какъ объ томъ, такъ и о другомъ жители имѣютъ самыя смутныя свѣдѣнія, постройку ихъ приписываютъ арабамъ. Кёгнэ-Пенде я посѣтилъ; укрѣпленіе близъ берега Мургъ-аба; стѣны обвалились и видны лишь мѣстами, уцѣлѣла лучше другихъ частей цитадель, состоящая изъ сводчатыхъ построекъ, мѣстами хорошо сохранившихся. Затѣмъ кругомъ остатки отдѣльныхъ построекъ, все изъ обоженнаго кирпича. Цитадель довольно хорошо раскопана: тамъ случайно были найдены 100 тилла золота; евреи купили и переплавили; съ тѣхъ поръ жители все раскапываютъ развалины: я засталъ за токою же работою двухъ человѣкъ, у одного я купилъ мѣдную монету (кара-пуль), найденную имъ здѣсь.

Затѣмъ много говорятъ о таинственной пещерѣ, находящейся въ холмахъ, окоймляющихъ Пендинскій оазисъ съ юга; длинный горизонтальный ходъ ведетъ къ обширной пещерѣ въ видѣ кибитки, изъ которой идутъ ходы въ разныя стороны; далѣе первой пещеры никто не рисковалъ идти, ибо огонь задуваютъ пѣтухи безъ перьевъ (летучія мыши), которыхъ въ пещерѣ очень много.

По оазису я разъѣзжалъ съ однимъ текинцемъ, переводчикомъ и сарыкомъ Пата-сердаремъ; вездѣ меня принимали вѣжливо и только надоѣдали туркменскимъ любопытствомъ. Аксакалы, посланные Іолъ-отанскими старшинами для переговоровъ съ пендинцами, прибыли только въ этотъ день; съ ними прибылъ и караванъ съ товарами; передовой верблюдъ имѣлъ большой колоколъ и далеко извѣщалъ о приближеніи каравана; люди стали увѣрять, что прежде колоколъ подвѣшивался только пройдя Дашъ-кёпри; теперь же русскіе водворили спокойствіе и колоколъ звонитъ всю дорогу отъ самаго Іолъ-отана; теперь никто

не страшенъ, скрываться нечего. Въ виду опасности, караваны ходили здѣсь рѣдко, съ большими предосторожностями и прибытіе ихъ составляло цѣлое событіе; объ немъ говорили всѣ въ оазисѣ. Ко мнѣ пришли просить подолѣе остаться въ Пенде: жители желали переговорить со мною подробно; я отказался, такъ какъ не уполномоченъ на переговоры; если это кому либо нужно, можетъ явиться въ Асхабадъ. Теперь уже всѣ на перерывъ заявляли о чувствахъ преданности Россіи: только страхъ афганцевъ ихъ удерживаетъ, но они очень желаютъ прихода русскихъ; если они получатъ приказаніе, такъ готовы бросить Пенде и идти куда скажутъ; я ихъ предостерегалъ отъ такого не осторожнаго поступка: лучше немного потерпѣть; бросятъ они свои земли, ихъ займутъ другіе, а по умиротвореніи края, потребуется не уменьшеніе количества земли и воды, а увеличеніе ея.

13-го марта. Отъ Дашъ-Кёпри до Калеи-моръ 44 версты. Провожать меня собралось очень много народа; впрочемъ это меня нисколько не стѣсняло дѣлать съемку: у Дашъ-Кёпри, въ ожиданіи своихъ текинцевъ, я стоялъ съ бусолью около ½ часа и всѣ на перерывъ старались мнѣ указать, что было интереснаго въ окрестностяхъ; затѣмъ повезли показать начатыя работы новаго канала.

Тутъ насъ нагналъ посланный афганскаго джернейля — старикъ хазаре; онъ говорилъ только по-персидски и потому съ сарыками объясняться не могъ; онъ ко мнѣ приступилъ съ распросами отъ имени джернейля: „Вѣдь вы знаете, что вся эта земля эмира, зачѣмъ пріѣзжать разговаривать съ народомъ. Если вы просто гость и пріѣхали купить запасъ на дорогу, то для чего ѣздили въ старый городъ и купили кара-пуль. Прежде эмиръ былъ гость русскихъ въ Самаркандѣ; теперь же онъ получаетъ подать отъ англичанъ и потому долженъ за нихъ сражаться и русскихъ принимать не можетъ. Если вамъ нужны сарыки, возьмите ихъ. Вы теперь взяли Мервъ, прогоните мервцевъ и отдайте сарыкамъ, то, чѣмъ владѣли ихъ отцы, а земли въ Пенде и все до Дашъ-кёпри принадлежитъ эмиру“. Я конечно все обратилъ въ шутку: „земли у эмира я отнимать не

буду, и защищать ему англичанъ противъ меня не придется. Если даже я разговаривалъ съ людьми, которые жили въ Кёгнэ-Пенде много столѣтій тому назадъ, то отъ этого зла Афганистану не будетъ. Теперь же, пожелавъ всякаго благополучія эмиръ-саибу и поручивъ передать мой поклонъ джернейлю, я ѣду въ Акъ-робатъ, по направленію къ Зереве".

Старикъ подъ конецъ самъ сталъ смѣяться и объяснилъ: „Джернейль приказалъ передать вамъ его слова, я такъ и сдѣлалъ. Теперь передамъ ваши слова ему, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ. Желаю вамъ счастливаго пути". Онъ пожалъ мнѣ руку, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ отъ насъ въ Бала-Мургъ-абъ. Я былъ очень доволенъ, что онъ не могъ объясняться съ жителями, такъ какъ чѣмъ позже джернейль узнаетъ сарыкскіе толки, тѣмъ лучше: пожелай онъ меня задержать, положеніе было бы крайне трудное; у меня было всего 5 текинцевъ и о сопротивленіи не могло быть и рѣчи; а быть въ плѣну у афганцевъ я не желалъ, зная, что это можетъ стѣснить свободу дѣйствій русскаго начальства относительно афганцевъ—англійскихъ агентовъ, взятыхъ въ Мервѣ. Сарыкскіе старшины еще разъ стали приставать съ увѣреніемъ въ преданности русскимъ и только послѣ большихъ усилій удалось отъ нихъ отдѣлаться.

Въ 10 верстахъ отъ Дашъ-кёпри вступили въ долину Кушка, огражденную съ обѣихъ сторонъ буграми: слѣва песчанными, а справа глинистыми. Гдѣ мѣстность позволяетъ, вездѣ выведены арыки и сдѣланы посѣвы; ширина долины нѣсколько сотъ саженъ и рѣдко доходитъ до одной версты. Мѣстность до Калеи-моръ сравнительно безопасна, въ виду близости ея къ Пенде: тутъ часто встрѣчались одиночные всадники, впрочемъ всѣ вооруженные; по холмамъ пасутся стада; много верблюдовъ и ословъ свозятъ колючку и кустарникъ изъ-подъ Калеи-моръ въ Пенде.

На 34 верстѣ есть родникъ солоноватый, но въ весьма слабой степени и имъ пользуются для орошенія. Каналы оттѣсняютъ дорогу на бугры лѣваго берега, часто весьма крутые и затрудняющіе движеніе; впрочемъ проведеніе дороги по ровному, хорошему мѣсту—есть вопросъ устройства нѣсколькихъ мостиковъ черезъ каналы.

14-го марта. Отъ Калеи-моръ до Чеменъ-и-бида 30 верстъ и далѣе до Ислимъ-чишме 19½ вер. У Калеи-моръ дорога расширяется. Самая крѣпость—кирпичныя развалины; часть стѣнъ ея и башни стоятъ; кругомъ, очевидно, были поселенія и дома, отъ которыхъ остались только груды кирпича; не вдалекѣ брошенный кэризъ. Близъ укрѣпленія пески уходятъ на западъ, верстъ на 6 или болѣе ихъ не видно; далѣе идутъ уже съ обѣихъ сторонъ баиры изъ глины съ прослойками гравія, скрѣпленнаго весьма крѣпкимъ цементомъ. Долина у Калеи-моръ очень широка; каналы для орошенія проведены издалека.

На 19 верстѣ развалины Хоуза, называемы Хоузъ-и-ханъ; близъ нихъ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія произошла битва между джемшидами и хазаре; Дервишъ-ханъ джемшидскій былъ убитъ. Близъ Хоуза кладбище: два камня съ надписями сохранились вполнѣ. Далѣе по долинѣ два небольшія укрѣпленія, построенныя земледѣльцами-сарыками, приходившими сюда для работъ. Здѣсь уже дорога считается весьма опасною; караваны почти не ходятъ: обширное кладбище у Чеменъ-и-бида все все занято жертвами набѣговъ. При нашемъ приближеніи люди бросились въ укрѣпленіе и знаками показывали, чтобы мы не приближались, угрожая стрѣлять. Послѣ долгихъ колебаній Патасердарь рѣшился выѣхать, но и его близко не подпускали, такъ какъ его никто лично не зналъ, а сарыка отъ мервца не отличишь; наконецъ, только мой костюмъ ихъ успокоилъ.

До Калеи-моръ дорога шла исключительно по лѣвому берегу рѣки; тамъ топкій грунтъ позволяетъ переправляться черезъ нее только въ немногихъ пунктахъ, не смотря на не глубокую воду; напротивъ, выше Калеи-моръ, грунтъ хрящеватый, плотный и дорога нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега на другой.

Послѣ 2-хъ часоваго привала на берегу Кушка мы переправились черезъ него въ послѣдній разъ и пошли на юго-западъ въ Ислимъ-чишме; дорога все время идетъ по оврагу соленаго ручья, пересѣкая его много разъ; ручей впадаетъ въ рѣку Кушкъ противъ Чеменъ-и-бида. Вода самаго родника Ислимъ прѣсная, но смѣшиваясь съ протекающею сверху соленою, уже въ 10 саж. отъ выхода становится негодною для питья. Туркмены увѣряютъ,

что вода становится соленою отъ грунта, по которому течетъ. Ислимъ-чишме не единственный прѣсный родникъ на берегу соленаго ручья; ихъ здѣсь нѣсколько; въ случаѣ надобности они легко могутъ быть отдѣлены и вода ихъ собрана въ хоузы.

Баиры (бугры) съ обѣихъ сторонъ долины очень невысоки; грунтъ справа чисто глинистый, слѣва съ примѣсью песка, но весьма плотный и не представляетъ для движенія никакихъ затрудненій.

Кустарникъ и даже отдѣльныя деревья, встрѣчавшіяся между Калеи-моръ и Чеменъ-и-бидъ, снова исчезли; для топлива служитъ здѣсь только колючка; вдоль ручья и у родниковъ растетъ камышъ.

15 марта. Отъ Ислимъ-Чишме до Акъ-робата 37½ верстъ.

Дорога отъ Ислимъ-Чишме на западъ держится низкой части праваго берега ручья, мѣстами подымаясь на холмы, но весьма незначительно. Во многихъ мѣстахъ не только у ручья, но и по сторонамъ налетъ соли. Въ 15 верстахъ отъ Ислимъ-чишме пунктъ сліянія 2-хъ ручьевъ, составляющихъ общій ручей, по которому мы шли: одинъ выходитъ изъ Хомбоу и былъ мною еще ранѣе пересѣченъ при проѣздѣ въ августѣ 1882 г. (изъ Гюрлена въ Кэризъ-суме); другой изъ Гюрлена. Ручьи идутъ съ юга и юго-запада; по ихъ долинамъ проходятъ дороги: 1) въ Хомбоу и 2) въ Ахтачи и Гюрленъ. Въ этомъ-же пунктѣ сліянія ручьевъ мы ихъ оставили, направляясь къ Акъ-роботу почти прямо на западъ. Дорога стала подыматься и мы прошли рядъ балокъ, идущихъ приблизительно съ сѣвера на югъ; грунтъ вездѣ песчано-глинистый, поросшій травой; возвышеніе гребней надъ дномъ саженъ 30—40 и мѣстами болѣе. Спуски и подъемы очень крутые; кустарника нѣтъ; чомучь покрываетъ очень значительныя пространства. Хотя мѣстность здѣсь всего на 1000′ выше долины, но растительность значительно отстала; цвѣты еще не появлялись и вся степь была въ томъ-же видѣ, въ какомъ ее оставилъ конецъ осени; мелкая зеленая трава только что начинала появляться. Зимы здѣсь должны быть очень суровыя; на 20 верстахъ мы пересѣкли нѣсколько разъ поля, буквально усѣянныя костями жирановъ: эти животныя укрываются отъ дующихъ здѣсь холодныхъ вѣтровъ въ углубленныхъ мѣстахъ и замерзаютъ въ нихъ массами.

На ночлегъ мы остановились у самыхъ развалинъ робата. Имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе времени, нежели въ первое мое посѣщеніе этого пункта (въ авг. 1882 г.), я подробнѣе осмотрѣлъ окрестности. Акъ-Робатъ лежитъ среди глубокой обширной впадины, близъ него нѣсколько колодцевъ, обдѣланныхъ песчаникомъ; при нихъ кирпичные желоба для водопоя скота; затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ впадины; за небольшими неровностями еще есть колодцы, у которыхъ обыкновенно останавливались разбойники, не желавшіе быть замѣченными на открытомъ мѣстѣ у развалинъ; вода почти вездѣ на глубинѣ отъ 1,7 до 2 саж.; слой ея около 3 аршинъ; ея очень много и колодцы не выбираются. Теперь вода застаивается и имѣетъ нѣсколько затхлый вкусъ и содержитъ много водяныхъ вшей.

Отъ робата мѣстами сохранились стѣны, ограждавшія какъ дворъ, такъ и комнатки, расположенныя кругомъ. У азіатцевъ, очевидно, страсть писанія на стѣнахъ развита не менѣе, какъ у европейцевъ: всюду, гдѣ оставалась штукатурка, были туркменскія и персидскія надписи; другихъ не было, такъ какъ и до настоящаго времени въ Акъ-робатъ, кромѣ меня, еще не попадалъ ни одинъ европеецъ.

Кромѣ робата въ этой-же впадинѣ есть и болѣе древнія развалины въ формѣ округленныхъ бугровъ, и глинянной съ оплывшими стѣнками калы.

Во впадинѣ кормъ весьма плохой; топлива-же нѣтъ вовсе; часть моихъ текинцевъ отправилась набрать колючки, а остальные стали бродить кругомъ робата; наконецъ собрались у одного изъ колодцевъ: на поверхности воды плавали два письма; съ большимъ трудомъ удалось ихъ достать; письма были въ конвертахъ и сохранились хорошо, сарыки узнали печати своихъ старшинъ, а по формату бумаги заключили, что эти письма писалъ Сіяхъ-пушъ; впослѣдствіи оказалось, что письма эти дѣйствительно написаны сарыками, по наущенію Сіяхъ-пуша; адресованы: одно къ Хорасанскому вали, другое къ коменданту Серахса Али-Марданъ-хану; оба заключали въ себѣ просьбу о принятіи въ персидское подданство.

По дорогѣ посланные, обдумавъ дѣло, пришли къ заключенію,

что Сіяхъ-пушъ довѣріемъ не пользуется, за доставку его писемъ награды не будетъ и потому предпочли выбросить ихъ.

Во всей мѣстности, гдѣ мы ѣхали съ утра, стояла чисто бадхызская погода: холодный пронзительный вѣтеръ дулъ всю ночь; къ утру температура была +6 °C.

16 марта. Утромъ вѣтеръ продолжался и только къ 10 час. температура поднялась до +9°C.

Три часа мы шли отъ Акъ-робата по пологимъ подъемамъ и спускамъ почти прямо на сѣверъ ко всѣмъ извѣстнымъ въ краѣ солянымъ озерамъ Еръ-ойланъ, часто называемымъ просто Дузъ, (т. е. соль). Дорога проходитъ между двумя озерами по перешейку, ихъ раздѣляющему и возвышающемуся надъ дномъ ихъ около 60′. Бугры, находящіеся на южной сторонѣ, видны очень издалека. Въ настоящее время всѣ дороги совершенно непосѣщаемы и заростаютъ травою: всему причина новой серахскій комендантъ Али-Мерданъ-ханъ. Этотъ энергичный разбойникъ на нападеніе мервцевъ на Келатъ и Дерегезъ отвѣтилъ разграбленіемъ туркменскаго каравана, шедшаго за солью, и затѣмъ отбилъ у пендинцевъ нѣсколько стадъ; этого было достаточно, чтобы туркмены попрятались: вообще большая часть ихъ подвиговъ прежняго времени зависѣла исключительно отъ трусости ихъ враговъ.

За Еръ-ойланомъ мѣстность слегка волнистая, состоитъ изъ широкихъ балокъ съ весьма пологими спусками и подъемами; съ дороги видны окаймляющія Гери-рудъ горы Гезъ-геадыкъ и Зюлфагаръ; ясно видно, что это отдѣльные кряжи и идущіе съ запада на востокъ баиры не имѣютъ съ ними никакой связи. Топлива тутъ нѣтъ никакого, кромѣ колючки. На полдорогѣ къ Коюнъ-куи лежатъ глинистые холмы Элбиринъ-кыръ. Съ обѣихъ сторонъ бугровъ брошенные кэризы. Съ Элбиринъ-кыра дорога опускается почти прямо на сѣверъ по пологому весьма длинному оврагу; пройдя по немъ 17 верстъ, мы къ вечеру вышли на равнину, гдѣ снова пошла болѣе богатая растительность, подобно той, которую мы видѣли ранѣе.

17 марта. За кряжемъ встрѣчаются уже отдѣльные холмы длиною иногда до 100—200 саженъ, высотою 10 до 20 саженъ,

разбросанные безъ всякаго порядка и не имѣющіе никакой связи другъ съ другомъ.

Отъ Акъ-робата до Коюнъ-куи 69 верстъ. Въ Коюнъ-куи 5 колодцевъ съ водою; къ счастью разсказы о томъ, что Алимерданъ-ханъ ихъ засыпалъ,не подтвердились; вода была во всѣхъ; она слегка солоноватая, но лошади и особенно овцы ее пьютъ очень охотно, да и сами туркмены считаютъ ее вполнѣ хорошею; глубина до воды 10 саженъ, слой воды болѣе двухъ саженъ; она никогда не выбирается. Это обиліе воды, при прекрасномъ кормѣ кругомъ, дѣлаетъ эту мѣстность одной изъ важнѣйшихъ для жизни близъ живущихъ туркменъ.

Изъ Коюнъ-куи мы рѣшили направиться къ р. Мургъ-абу и выйти къ ней у мыса Келе-бурунъ; по этому направленію есть дорога, все разстояніе 95 верстъ; воды нигдѣ на всемъ пути нѣтъ и ночевали мы среди степи, выбравъ мѣсто гдѣ кормъ и дрова были лучше.

18 марта. Пройдя Коюнъ-куи и далѣе видно, что Элбиринъ-кыръ дѣлитъ всю степь между Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ на двѣ части, отличныя какъ по климату, такъ и по растительности; на сѣверъ отъ возвышенности пошли сразу цвѣты, кустарникъ мѣстами довольно густой и высокая трава, лучшій кормъ во всей степи; грунтъ съ значительной примѣсью песка. Впрочемъ на первыхъ 30 верстахъ мѣстность почти ровная, возвышеній нѣтъ вовсе, лишь мѣстами небольшія балки, углубленія въ 1—2 саж. Съ 30-ой версты бугры песка дѣлаются болѣе и постепенно степь принимаетъ видъ песковъ 2-го рода въ Кара-кумахъ [1]); бугры песка все возвышаются къ рѣкѣ; кустарникъ все становится гуще и гуще. Въ общемъ мѣстность понижается отъ Коюнъ-куи къ рѣкѣ у Келе-буруна. Такировъ между песками вовсе нѣтъ, вслѣдствіе чего даже и послѣ сильнѣйшихъ дождей—*каковъ* по всей дорогѣ не встрѣчается.

Не далеко отъ Коюнъ-куи мы пересѣкли дорогу изъ Пенде въ Серахсъ, по которой ходилъ съ своими войсками Медемій-ханъ; она вездѣ пригодна для артиллеріи; только три часа ходу (между Коюнъ-куи и Старымъ Серахсомъ) есть пески нѣсколько трудные

[1]) По классификаціи, принятой мною при описаніи этой мѣстности. Сборникъ матеріаловъ по Азіи, вып. VI.

для движенія. Близъ пересѣченія дорогъ находится высокій отдѣльно стоящій кыръ, называемый Ханъ-кыръ.

18 марта. Температура къ 3 часамъ дня достигла 24° С. и мы, сильно замучивъ лошадей послѣ 13 часоваго перехода, достигли Келе-бурунъ. Здѣсь мы нашли нѣсколько каравановъ. Пользуясь наступившимъ спокойствіемъ и неувѣренные въ томъ, что оно долго продлится, сарыки спѣшили отправить свои товары въ Мервъ; то же дѣлали и Іолъ-отанцы; впрочемъ всѣ сопровождавшіе караванъ были вооружены. Съ караваномъ возвращались и Іолъ-отанскіе старшины, ѣздившіе въ Пенде; они сообщили новости объ афганскомъ джернейлѣ. Узнавъ подробности моего пребыванія у племени сукты, онъ прислалъ къ старшинамъ спросить зачѣмъ они меня не задержали и не выдали. На это, будто бы, старшины отвѣчали: „этотъ же самый бояръ 2 года тому назадъ былъ у васъ въ Горіанѣ. Отчего вы его тогда не задержали? Мы не считаемъ себя вправѣ задерживать гостя. Теперь пріѣхалъ одинъ русскій; за нимъ пріѣдутъ другіе: разговаривать не стоитъ, лучше готовиться къ войнѣ“. Отвѣтственность за достовѣрность этихъ словъ остается на сообщившихъ ихъ Іолъ-отанскихъ старшинахъ. Гораздо вѣроятнѣе, что въ дѣйствительности пендинцы отвѣчали джернейлю болѣе мягко.

19 марта. По прежде описанной дорогѣ прибыли въ Іолъ-отанъ, обгоняя и встрѣчая весьма часто караваны; вообще за 10 дней послѣ моего перваго проѣзда дорога успѣла чрезвычайно оживиться.

20 марта. Рано утромъ выступилъ я изъ Іолъ-отана въ Мервъ; дорога, по лѣвому берегу рѣки, почти у самаго укрѣпленія отдаляется отъ нея вслѣдствіе того, что рѣка дѣлаетъ весьма крутое колѣно, направляясь сначала на сѣверъ, а потомъ отъ мервской плотины на Коушутъ-ханъ-кала, почти прямо на западъ. Кратчайшая дорога изъ Іолъ-отана въ Коушутъ-калу идетъ близъ бугра Гёкъ-тепе; до этого пункта дорога вполнѣ исправная и пригодная для движенія верблюдовъ; далѣе же мѣстность низменная; каждый прорывъ дамбъ каналовъ заливаетъ большое пространство и потому караванное движеніе не пользуется этою дорогою и обходитъ ее другою болѣе длинною черезъ Келте-

минаръ, пересѣкающею лишь весьма незначительное количество каналовъ, покрытыхъ здѣсь мостиками.

Дорога, по которой мы направлялись, проходила черезъ пашни Іолъ-отана, которыя въ настоящее время продолжаются до Талхатанъ-баба. Это развалины могилы и хоуза, въ который вода напускается и въ настоящее время изъ Іолъ-отанскихъ каналовъ. Отъ Іолъ-отана до Талхатанъ-баба 9½ верстъ. Далѣе дорога на 19-й верстѣ проходитъ черезъ развалины Еризъ-кала, причемъ на пространствѣ между Талхатанъ-баба и Еризъ-кала на нѣсколькихъ верстахъ непрерывно тянутся развалины, разбросанныя груды кирпича отъ бывшихъ здѣсь сооруженій—какихъ въ настоящее время сказать трудно: что нибудь въ родѣ стѣны или водопровода; лишь мѣстами развалины имѣютъ настолько значительную ширину, что можно предположить здѣсь остатки калы.

На 21 верстѣ начинаются посѣвы текинцевъ; впрочемъ и на промежуткѣ отъ 9 до 21 версты вездѣ слѣды брошенныхъ пашень, часть которыхъ обработывалась еще недавно, часть же посрединѣ въ болѣе отдаленныя времена при помощи существовавшаго при Байрамъ-али канала отъ Кебутеръ-хана. Вообще говоря, Мервскій и Іолъ-отанскій оазисы сливаются и промежутка между ними нѣтъ.

Отъ Гёкъ-тепе съ большимъ трудомъ мы пробрались черезъ неудобные броды арыковъ, разливы ихъ и болота и къ вечеру прибыли въ новое русское укрѣпленіе, построенное въ мое отсутствіе близь Коушутъ-ханъ-калы.

Приложеніе № I.

Изслѣдованія мѣстности между рѣками Мургъ-абъ и Гери-рудъ, выяснившія дѣйствительный характеръ ея и отсутствіе прежде предполагавшагося здѣсь хребта горъ высотою 20,000 футъ и слѣдовательно отсутствіе неприступной преграды для движенія къ Герату съ сѣвера—обратили на себя гораздо болѣе вниманія въ Англіи, нежели у насъ въ Россіи.

Замѣтка о моей первой поѣздкѣ въ эту мѣстность, помѣщенная въ газетѣ „Голосъ“ (отъ 1 и 4 Сентября 1882 г.) была переве-

дена на англійскій языкъ и составила предметъ парламентской книги Central Asia № 1 (1883) [1]) и затѣмъ была доложена въ засѣданіи Лондонскаго Геогр. Общества (15/27 Ноября 1882 г.). Докладъ состоялъ изъ названной замѣтки съ нѣкоторыми сокращеніями. Относительно населенія Атека докладчикъ сдѣлалъ два замѣчанія, впрочемъ совершенно неосновательныя: полковникъ Стюартъ въ запискахъ Лондонскаго же Геогр. Общества говоритъ: „Ханъ Дерегеза, находя невозможнымъ существованіе курдскаго или тюркскаго населенія въ этихъ пограничныхъ деревняхъ, убѣдилъ текинцевъ и другихъ туркменъ занять ихъ [2]), что вполнѣ согласно съ моими словами о составѣ населенія; но желая доказать присутствіе въ Атекѣ персовъ, докладчикъ говоритъ: „полк. Стюартъ передаетъ, что населеніе Атека состоитъ изъ курдовъ, персовъ и туркменъ [3]). Точно также неосновательно, что аліелинцы въ Кахка пришли изъ Афганистана; близъ Андкоя есть аліелинцы; но тѣ, которые населяютъ Кахка, пришли изъ Хивы, гдѣ и теперь еще есть туркмены этого племени. Фактъ этотъ извѣстенъ всѣмъ не только въ Атекѣ, но и въ Келатѣ и Дерегезѣ и объ немъ заявляли англійскіе же путешественники [4]), посѣщавшіе эти страны.

По окончаніи доклада, Sir Henry Rawlinson прочелъ по поводу его замѣтку, представляющую весьма много интереса, какъ по заключающимся въ ней географическимъ и историческимъ свѣдѣніямъ, такъ и по выясненію въ ней и въ послѣдовавшихъ преніяхъ взглядовъ нѣкоторыхъ изъ выдающихся англійскихъ государственныхъ людей на проведеніе русско-индѣйской желѣзной дороги.

Здѣсь приведемъ съ нѣкоторыми сокращеніями переводъ этой замѣтки:

---

[1]) Despatches from her Majesty 's Ambassador at St Petersburgh forwarding translations of the published reports of M. Lassar 's journeys in Central Asia. (C.—3586).

[2]) Proceedings R. G. S. 1881 № 9.

[3]) Тоже 1883 № 1.

[4]) Extracts from a diary of atour in Khorassan, by capt. Napier. Journal of the R. G. S. Vol XLVI p. 91.

„Г. Лессаръ, пополнивъ не достававшее звено въ начертаніи кратчайшей линіи сообщенія Россіи съ Индіею, разсѣялъ заблужденія, которыя до настоящаго времени затемняли дѣло, и далъ намъ впервые вѣрный очеркъ вида страны. Много и много разъ въ этомъ обществѣ и въ другихъ собраніяхъ слышалъ я о непроходимыхъ пустыняхъ“, „недоступныхъ горныхъ хребтахъ“, воздвигнутыхъ самою природою какъ преграда приближенію къ Индіи съ сѣвера и сѣверо-запада. Еще не далѣе какъ въ послѣдней книгѣ „The Nineteenth Century“ я читалъ слѣдующія слова, принадлежащія перу одного изъ нашихъ выдающихся политическихъ писателей и сказанныя имъ въ опроверженіе мнѣнія о возможности движенія русскихъ къ Индіи: „не трудно, столкнувшись съ варварскими племенами, покорить и присоединить ихъ; но совсѣмъ иное дѣло перейти высокій горный хребетъ для вторженія въ цивилизованную страну“. Теперь же этотъ „высокій горный хребетъ“, на который оптимисты возлагали надежды для защиты Индіи, обратился, по изслѣдованіямъ г. Лессара, въ рядъ ничтожныхъ холмовъ песчанника, высотою не болѣе 1000 футъ; проложить по немъ колесную дорогу—дѣло нѣсколькихъ часовъ; не болѣе трудностей представитъ онъ и для постройки желѣзной дороги. Г. Лессаръ, съ точки зрѣнія инженерной и географической, прослѣдилъ линію наступленія Россіи, въ прошломъ и будущемъ, отъ Каспія къ Асхабаду, отъ Асхабада къ Сераxсу и отъ Сераxса къ Герату и выяснилъ, что характеръ мѣстности не представитъ затрудненій къ сооруженію по первому требованію въ нѣсколько мѣсяцевъ желѣзной дороги отъ Каспія къ столицѣ западнаго Афганистана; къ этому я прибавлю, что разъ это будетъ выполнено, то достаточно одной недѣли для доставки товаровъ (а если товаровъ—то почему не войскъ и продовольствія?) изъ кавказскихъ штабъ-квартиръ въ Гератъ.

Теперь перейдемъ къ подробному разбору путешествія г. Лессара. Онъ лишь вскользь касается первой части линіи, описанной въ его предыдущихъ докладахъ.... О второй части—отъ Асхабада къ Сераxсу — приведено болѣе подробностей и она представляетъ для насъ весьма большой интересъ. Изъ описанія прежнихъ путешественниковъ и особенно изъ донесеній маіора

Нэпира, лично осмотрѣвшаго значительную часть Атека, мы были уже довольно близко знакомы съ общимъ характеромъ страны. Мы знали, что тянущійся съ запада на востокъ хребетъ, по подножію котораго пролегаетъ дорога изъ Кизилъ-Арвата къ Асхабаду, пройдя Дерегезъ, постенно уменьшается въ высотѣ. Мы знали также, что скатъ хребта, обращенный къ пустынѣ, называемый Атекъ (по тюркски—пола платья), былъ весьма не густо заселенъ Туркменами, платившими зякетъ или десятину пограничнымъ персидскимъ начальникамъ за право пользоваться для обработки своихъ полей водами, вытекающими изъ вышележащихъ горъ. Обсуждая, (по поводу прочитаннаго въ вечернемъ собраніи нашего общества (27 Марта 1882 г.) сообщенія г. О'Донована о Мервѣ), вѣроятность наступленія Россіи по этому пути, я предполагалъ, что принадлежность Атека Персіи не подлежала спору и что поэтому постройка черезъ него русской желѣзной дороги можетъ совершиться только по особому соглашенію съ шахомъ. Изъ исторіи извѣстно, что разсматриваемые скаты горъ отъ Ахала до Серахса, всегда составляли нераздѣльную часть Хорасанской провинціи. Нисса, Абивердъ и Меана, лежащіе всѣ три въ Атекѣ, были главными городами провинцій наравнѣ съ Нишапуромъ и Тусомъ при всѣхъ персидскихъ династіяхъ до сравнительно недавняго времени; и хотя ахальцы въ послѣднее время силою завладѣли западнымъ Атекомъ, на востокъ отъ Дерегеза такого нарушенія границъ не было и даже, насколько мнѣ извѣстно, никогда и не предполагалось. Вслѣдствіе этого я былъ не мало удивленъ, узнавъ, что г. Лессаръ, безъ сомнѣнія на основаніи извѣстныхъ ему видовъ русскаго правительства, считаетъ вопросъ національности Атека открытымъ и даже находитъ, что персидскіе горные владѣтели притѣсняютъ текинскихъ земледѣльцевъ, вмѣшиваясь въ дѣло ирригаціи ихъ полей, а не туркмены захватываютъ персидскія земли и нарушаютъ персидскія права.

Но независимо отъ всякихъ соображеній по политическимъ вопросамъ, сообщеніе г. Лессара содержитъ много весьма цѣнныхъ данныхъ по статистикѣ и географіи. Его замѣчанія объ нижнемъ теченіи Теджена подтверждаютъ предположеніе, много разъ

высказанное мною, о томъ, что на сѣверъ отъ Серахса въ древности существовало большое озеро, питаемое Тедженомъ, Мургъабомъ, персидскими рѣчками изъ Келата и Абиверда и въ особенности южнымъ рукавомъ Окса, тогда извѣстнымъ подъ именемъ *Aces* или Ochus (нынѣ Ogoez). Это озеро, которое подобно Сеистанскому, въ зависимости отъ притока изъ рѣкъ колебалось отъ обширнаго открытаго воднаго бассейна до незначительнаго поросшаго камышомъ болота, по моему мнѣнію, было извѣстно древнимъ какъ „Aria Palus", изъ котораго былъ водный путь къ Каспію [1]). Когда южное теченіе Оксуса, главнымъ образомъ питавшее Aria Palus, было обращено къ сѣверу, озеро конечно висохло, но встрѣчаемыя и нынѣ по Теджену болота и озера, въ связи съ твердою наносною почвою, находимой вездѣ на нѣсколько футъ подъ песками—достаточно доказываютъ существованіе озера въ древности и конечно нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что въ не очень далекомъ будущемъ русское инженерное искусство можетъ возобновить колоссальныя ирригаціонныя работы, возбуждавшія удивленіе Геродота и давшія поводъ Плинію считать равнину у Абиверда, какъ „fertilitatis inclitae locus" [2]). Второе важное и при томъ совершенно новое свѣдѣніе, сообщаемое г. Лессаромъ, относится къ имени Аракаджъ, употребляемому персами для обозначенія страны, вмѣсто тюркскаго названія Атекъ. Это дѣйствительное этимологическое открытіе, ибо Аракаджъ, отбрасывая *дж* (обыкновенное окончаніе древнихъ восточныхъ персидскихъ названій), обращается въ Арака или Арага, имя, близко подходящее къ Ragau Исидора (въ связи съ Абивердомъ) и кромѣ того указываетъ, что Рага, названіе, и теперь употребляемое афганцами для обозначеніи „подножія возвы-

---

[1]) За «Aria Palus» Птоломея до настоящаго время принималось Сеистанское озеро; но необходимо обратить вниманіе, что рѣка Apeias (или Гери-рудъ), вытекающая изъ Паропамиза, направляется къ озеру на сѣверъ и что Аммiанъ прибавляетъ «Unde naviganti ad Caspium mare quingenta stadia numerantur et mille». Разстояніе къ Каспію быть можетъ слишкомъ малое, но направленіе ясно указываетъ на тедженскія болота.

[2]) Nat. Hist. VI. 16.

шенности“ [1]) имѣло то-же значеніе въ древне персидскомъ языкѣ [2]).

Но особенное вниманіе обращалъ г. Лессаръ на третій участокъ предполагаемаго русскаго пути, именно отъ Серахса къ Герату и тутъ достоинство его изслѣдованій составляетъ не только точность данныхъ, но и совершенная повизна ихъ, ибо ранѣе сего ни одинъ европейскій путешественникъ не заѣзжалъ въ Бадхызъ и даже у арабскихъ географовъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи большаго торговаго пути въ этой мѣстности. Бадхызъ, занимающій всю страну между Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ до предѣловъ пустыни, всегда славился на востокѣ своимъ лѣснымъ характеромъ. Пехлевійскій Бундегешъ говоритъ: „онъ изобилуетъ лѣсами, изобилуетъ деревьями“ и географы называютъ между его произведеніями тополь, чинары и фисташковыя деревья; но это вѣроятно относится только къ восточной части провинціи, гдѣ она прикасается къ Багшору и Гарджистану, на верхнемъ Мургъ-абѣ. Во время перваго нашествія арабовъ въ концѣ 7-го столѣтія по Р. Х., Бадхызъ былъ занятъ Хеатиле или Бѣлыми Гунами (Тохари прежнихъ временъ), которые происходили отъ Hioung-nu и были прародителями Ghuzor Туркменовъ [3]). Здѣсь было два города Baun и Bamyin, лежавшіе вѣро-

---

[1]) Какъ видно изъ «Afghan papers» p. 74 by Raverty.

[2]) Открытіе, что Рага или Арга есть коренное древне-персидское названіе для «подножія возвышенности», объясняетъ нѣкоторые весьма важные факты; во первыхъ значеніе имени древній медійской столицы Rhages (Arhagi Страбона p. 512) лежащей у подножія Эльбурса и Damghan, также происходящее отъ Daman (по персидски пола платья). Также разъясняется Ragh въ Бадахшанѣ, лежащ'й у подножія горъ Дарвазъ, и быть можетъ Arghassan (вмѣсто Arghastan) въ Афганистанѣ, и наконецъ позволяетъ предполагать, что Рага Вендидада, 12-е мѣсто, созданное Ормуздомъ, тождественно съ Daman или «скаты Сулеймановаго хребта», въ виду сопоставленія этого имени въ зендскомъ географическомъ спискѣ съ Верене или Ваппи (Falani китайцевъ) и съ «Семью рѣками» или Punjab.

[3]) Главное доказательство непрерывности связи Hioung-nu съ туркменами есть сохраненіе одного и того же царскаго титула, употребляемаго этимъ тюркскимъ племенемъ при его различныхъ перемѣнахъ имени и мѣстъ жительства. Chen-gu или Ien-yu племени Hioung-nu, такъ всегда называется китайцами въ 1-мъ столѣтіи до Р. Х. Остатки этого племени, называемые китайцами Tu-lo-ho (т. е. Тохари), впослѣдствіе занимали Тохаристанъ и начальникъ этой мѣстно-

ятно на Кушкѣ или на одномъ изъ меньшихъ притоковъ Мургъ-аба, такъ какъ географъ Якутъ посѣтилъ ихъ по пути изъ Герата въ Мервъ; но всѣ слѣды ихъ, также какъ и городовъ Kulwin и Bagħsħur [1]), взятыхъ Чeнгизъ-ханомъ, нынѣ исчезли.

Я сказалъ, что никогда не было большой дороги черезъ Бадхызъ вдоль Гери-руда. Самые берега рѣки были непроходимы, а сѣверо-западная часть края въ сторонѣ отъ рѣки была весьма бѣдно снабжена водою. Дѣйствительно, описывая пограничную линію, ведущую изъ Сарахса въ Балхъ черезъ Мургъ-абъ, Гамдулла говоритъ, что на 4-хъ переходахъ (около 100 миль) не было проточной воды; робаты, сооруженные вдоль дороги, снабжались колодцами и систернами [2]). Путь черезъ Бадхызъ далѣе на востокъ, соединявшій Мервъ и Гератъ, и слѣдовавшій по притокамъ Мургъ-аба, былъ гораздо богаче водою....

Описавъ вкратцѣ путь г. Лессара, отъ Серахса къ Кусану сэръ Роулинсонъ прибавляетъ:

„Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о территоріальной зависимости Бадхыза. Хотя вся страна отъ Кусана на сѣверъ до самой туркменской пустыни въ настоящее время ни кѣмъ не населена вслѣдствіе набѣговъ текинцевъ и сарыковъ, не прерывавшихся въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ, но, несмотря на это,

---

сти, сражавшійся съ арабами въ 119 г. по Р. Х., у Ибнъ-Атира названъ Іеппуеh (томъ V, стр. 148); наконецъ Biruni передаетъ, что въ его время точно такой же титулъ носилъ и начальникъ Għuz—тюрковъ, которые какъ извѣстно тождественны съ новѣйшими туркменами. (Хронологія, стр. 109).

Якутъ утверждаетъ положительно, что Бадхызъ былъ Даръ-алъ-молкъ, или мѣстопребываніе правительства Хеатиле, пришедшихъ сюда изъ Тохаристана; и вѣроятно Бундегешъ говоритъ объ этомъ поселеніи тюрковъ на верхнемъ Мургъ-абѣ, описывая Bakyir (или Bakeser по Деперону), нынѣшній Bagsħur, какъ твердыню Афросіаба. См. Sacred Books of the East. Vol. V, p. 38.

[1]) Бундегешъ говоритъ объ этой мѣстности: «во времена Yim миріадъ городовъ и селеній покрывалъ этотъ прекрасный и богатый край».

[2]) Названія этихъ робатовъ между Серахсомъ и Мургъ-абомъ:

Робатъ Джафери	9 фарс.
Милъ-и-Омари	7 »
Робатъ-и-Абу Маима	7 »
Дизъ Гинду или Казари	7 »

Мокадасси даетъ ту-же дорогу съ небольшими измѣненіями.

не можетъ быть сомнѣнія, что весь Бадхызъ есть афганская территорія. Границу Персіи составляетъ Гери-рудъ. Туркмены не предъявляютъ претензій ни на какія земли внѣ предѣловъ пустыни. Слѣдовательно путь г. Лессара изъ Серахса въ Кусанъ и тѣмъ болѣе до Горіана, шелъ исключительно по афганскимъ землямъ, и если-бы по этому направленію была построена желѣзная дорога, то она была-бы на всемъ протяженіи подчинена юрисдикціи гератскаго правителя, кромѣ случая, когда послѣдовало-бы какое либо особое соглашеніе о противномъ.

Когда г. Лессаръ прибылъ въ Кусанъ, безъ сомнѣнія, главная цѣль его путешествія была достигнута; но, какъ кажется, онъ имѣлъ еще порученіе осмотрѣть западный или персидскій берегъ Гери-руда и для этой цѣли направился въ Мешхедъ черезъ Хафъ и Турбетъ-и-Гейдари. Этотъ путь, также какъ и обратный отъ Мешхеда до Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джама, уже посѣтили и описали весьма многіе путешественники и отчетъ г. Лессара здѣсь не содержитъ новыхъ свѣдѣній; но между Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамомъ и Гери-рудомъ пройдено снова ранѣе неизслѣдованное мѣсто. Г. Лессаръ осмотрѣлъ теченіе рѣки отъ Кэфиръ-кале и Пешъробата на югѣ до Зуръ-абада или Пулъ-и-хатына, гдѣ впадаетъ Мешхедская рѣка, на сѣверѣ, пробираясь черезъ горы по тропинкамъ, и пришелъ къ убѣжденію въ невозможности построить отъ Кусана къ Пулъ-и-хатыну прямую колесную дорогу вдоль рѣки, или гдѣ либо близь ея; для избѣжанія тѣснинъ необходимо или отклониться на востокъ отъ рѣки и идти по Бадхызу или еще болѣе удлинить путь, пройдя на западѣ черезъ Кэризъ, Шейхъ-и-Джамъ, Ленкэръ и Зуръ-абадъ. Въ виду этого г. Лессаръ считаетъ направленіе изъ Серахса черезъ перевалъ Борхутъ [1]) въ Кусанъ, какъ естественное и единственно возможное для проложенія желѣзной дороги вдоль Атека отъ русской границы у Баба-Дурмаза черезъ Серахсъ въ Гератъ. По поводу вопроса объ этой желѣзной дорогѣ я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній, пользуясь недавнимъ рѣшеніемъ нашего предсѣдателя, заявившаго, что если желательно, чтобы въ засѣданіяхъ общества пренія

[1]) Горы называются Борхутъ; перевалъ Хомбоу. (Прим. переводчика).

не обращались въ споры партій, то, напротивъ, нѣтъ никакихъ причинъ избѣгать политическихъ замѣчаній и разсужденій болѣе общаго характера.

Никто не станетъ отрицать, что успѣхи русскаго оружія на востокѣ отъ Каспія въ послѣднія 20 лѣтъ принесли громадную пользу краю; дѣйствительно, замѣна въ значительной части Азіи власти киргизовъ, узбековъ и туркменъ русскою властью есть несомнѣнное благо. Отвратительный торгъ невольниками, со всѣми сопутствующими ужасами, уничтоженъ; разбои прекращены и магометанскій фанатизмъ и жестокость ослаблены и сдержаны. Торговля стала болѣе безопасною; мѣстное искусство и промышленность поощряются и на нужды населенія обращается болѣе вниманія, нежели это дѣлалось при азіатскихъ правителяхъ. Но какъ ни увлекательна подобная картина, я все-же никоимъ образомъ не могу признать, что желательно распространеніе сферы благодѣтельно русскаго вліянія по направленію къ Индіи и что наша обязанность для довершенія сего сочувствовать и способствовать сооруженію проектируемой г. Лессаромъ желѣзной дороги въ Гератъ. Понятно, что дѣло идетъ объ обсужденіи вопроса въ принципѣ; практически это было-бы преждевременно, такъ какъ мы слишкомъ еще отдалены отъ выполненія проекта.

Уже найти деньги на подобное предпріятіе будетъ дѣломъ первостепенной трудности; затѣмъ конечно возникнутъ усложненія съ Персіею и Афганистаномъ, если серьезно будетъ поднятъ вопросъ о проведеніи иностранной желѣзной дороги черезъ ихъ земли; наконецъ, придется имѣть дѣло съ формальнымъ сопротивленіемъ Великобританіи; ибо къ какой партіи не принадлежало бы въ то время правительство, я не могу допустить, чтобъ при настоящемъ положеніи нашемъ на Востокѣ націю можно побудить смотрѣть равнодушно, а тѣмъ болѣе сочувственно на мѣропріятіе, при успѣхѣ котораго будетъ подорванъ нашъ престижъ во всей Средней Азіи и исчезнетъ увѣренность въ спокойствіи и безопасности въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ, столь необходимая для благосостоянія Индіи, зависящаго отъ мирнаго развитія промышленныхъ и производительныхъ силъ страны.

Весьма возможно, что если бы Индія была соединена съ Европою непрерывною желѣзною дорогою, хотя бы пролегающею по русской територіи, все же Великобританіи, какъ наибольшей производительной странѣ въ мірѣ, рано или поздно досталась бы львиная доля торговли, какъ это уже произошло на Суезскомъ каналѣ. Но и при такомъ результатѣ все еще останется открытымъ вопросъ не будетъ ли простое облегченіе перевозки товаровъ и пассажировъ куплено слишкомъ дорогою цѣною политическихъ невыгодъ. Не надо забывать, что при этихъ обстоятельствахъ мы потеряемъ наше прославленное преимущество не имѣть границъ и будемъ принуждены держать Индію въ постоянной готовности къ войнѣ. Условія владѣнія страною совершенно измѣнятся, нельзя сказать, что непремѣнно въ конечномъ результатѣ невыгодно для насъ, но во всякомъ случаѣ измѣненія эти хотя временно будутъ сопряжены съ неизвѣстностью и отвѣтственностью, которыя, понятно, никакое правительство не приметъ на себя охотно.

Поэтому, признавая прекрасную роль, которую Россія до сихъ поръ играла и которую ей вѣроятно суждено играть и въ будущемъ въ дѣлѣ цивилизаціи Азіи, я все же съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю политическій принципъ, который это государство столь часто признавало и я думаю признаетъ и въ настоящее время, что Афганистанъ (включая, конечно, и Бадхызъ) внѣ сферы его вліянія и дѣйствій; и въ заключеніе, что касается до изслѣдованій г. Лессара, позволю себѣ выразить увѣренность, что его проектъ проведенія желѣзной дороги изъ Асхабада черезъ Серахсъ въ Гератъ не осуществится, покрайней мѣрѣ ранѣе того, какъ мы построимъ желѣзную дорогу къ тому же пункту отъ Сиби черезъ Кветту и Кандагаръ.

Въ послѣдовавшихъ преніяхъ: *Sir Bartle Frere* заявилъ: при обсужденіи этого вопроса, будь то русскими или англичанами, всегда разсматривалось время когда желѣзнодорожные изслѣдователи обѣихъ націй встрѣтятся гдѣ либо близь предполагавшейся великой цѣпи горъ, которая, какъ сообщилъ Sir Генри, нынѣ оказывается не выше 900′. Русскіе неустанно ведутъ свои изслѣ-

дованія по направленію къ Герату; что же дѣлаетъ Англія? Съ тѣхъ поръ, какъ Sir Ричардъ Темплъ довелъ свою желѣзную дорогу до окрестностей Боланскаго прохода, что совершено Англіею въ этомъ дѣлѣ? Казалось бы, что отрѣшаясь, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые оптимисты, отъ всякаго опасенія наступательныхъ дѣйствій со стороны Россіи, или просто въ видахъ развитія торговли, англичанамъ слѣдовало бы продолжать свои желѣзнодорожныя изслѣдованія на встрѣчу русскимъ, и вѣроятно чѣмъ скорѣе англійскіе желѣзнодорожные инженеры встрѣтятся съ русскими, тѣмъ позже наступитъ день, когда произойдетъ столкновеніе военныхъ инженеровъ обѣихъ націй.

Sir Генри Норманъ сказалъ, что онъ не раздѣляетъ опасеній г.г. Роулинсона и Bartle Frere относительно приближенія Россіи. Онъ вовсе не желаетъ идти впередъ, чтобы встрѣтить русскихъ въ неизвѣстномъ пунктѣ, и, какъ военный, предпочитаетъ держаться надежной базы. Онъ совершенно убѣжденъ, что столкновеніе не произойдетъ въ его время. Онъ предпочелъ бы, чтобы оно случилось въ пунктѣ, гдѣ Англія можетъ воспользоваться всѣми громадными средствами Индіи, а не двигаться къ Серахсу или Герату, 600 миль отъ границы, строя желѣзныя дороги, которыя будутъ стоить громадныя деньги и не приносить дохода. Не слѣдуетъ этого дѣлать для отстраненія воображаемой опасности, съ которою, когда придетъ время, наши наслѣдники по управленію Индіею будутъ всегда въ состояніи справиться.

Sir Ричардъ Темплъ сказалъ, что хотя необходимо признать, что Россія совершаетъ великое дѣло, но не слѣдуетъ забывать, что народы, также какъ и отдѣльныя лица, дѣйствуютъ на основаніи смѣшанныхъ мотивовъ. Объ этомъ не стоило бы упоминать, если бы многіе изъ его соотечественниковъ, въ увлеченіи заслугами Россіи передъ человѣчествомъ, не забывали о политическихъ опасностяхъ, грозящихъ ихъ собственной странѣ. Онъ слишкомъ довѣряетъ англійской администраціи и англійскому вліянію, чтобы не признать, что все, что способно серьезно уменьшить англійскій престижъ или власть Англіи въ Азіи, не можетъ быть полезно для человѣчества. Онъ вполнѣ признаетъ, что ужасы захватыванія рабовъ туркменами на персидской границѣ именно та-

ковы, какъ описываетъ Sir Роулинсонъ, и сожалѣетъ, что Англія не приняла участія въ поддержаніи свободы въ этой мѣстности; конечно, если никто другой не могъ сдѣлать этого дѣла, надобно радоваться, что оно исполнено Россіею. Но разъ оно совершено, Россія на основаніи соглашеній и государственной переписки, имѣющей значеніе международныхъ договоровъ, была обязана остановиться на границѣ Афганистана. Въ этой послѣдней странѣ не было тѣхъ ужасовъ, какъ на туркменско-персидской границѣ. Афганцы не увозились въ рабство (?) и всегда могли сами заботиться о себѣ и слѣдовательно Россія не имѣла права переступать границу. Онъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что сказалъ Sir Роулинсонъ. Постройка желѣзныхъ дорогъ въ Афганистанѣ сопряжена съ большими затрудненіями: первое будетъ заключаться въ международныхъ договорахъ. Далѣе есть большія физическія трудности, ибо хотя Паропамизскія горы съ русскаго конца линіи очень низки, напротивъ горы Белуджистана на англійскомъ концѣ ея весьма трудно проходимы; хотя послѣднія изслѣдованія и выяснили возможность сооруженія здѣсь желѣзной дороги, но онѣ же выяснили и фактъ, что это будетъ очень дорого стоить.

Президентъ (Lord Aberdare) замѣтилъ, что сообщеніе г. Лессара было прочитано не въ виду его политическаго значенія, а вслѣдствіе заключающихся въ немъ интересныхъ географическихъ свѣдѣній о мѣстности между Кушкомъ и Гери-рудомъ. Въ качествѣ предсѣдателя географическаго общества онъ долженъ держаться космополитическихъ возрѣній. Здѣсь было заявлено, что возбуждая сопротивленіе со стороны Персіи и Афганистана, можно помѣшать постройкѣ дороги къ Герату. Есть обстоятельства, когда мы должны стать выше національныхъ взглядовъ и принять во вниманіе общіе интересы человѣчества, и спросить себя, можно ли поддерживать варварское состояніе этихъ странъ, населенныхъ однимъ изъ наиболѣе безпокойныхъ племенъ земнаго шара, лишь для того чтобы отвратить могущую послѣдовать опасность для Британской имперіи. Какъ президентъ общества, какъ англичанинъ, и какъ человѣкъ, онъ громко протестуетъ противъ такого взгляда, который, по его мнѣнію, проти-

ворѣчитъ истиннымъ принципамъ гуманности. Обязанность президента общества не допускать пренія принять слишкомъ политическій характеръ, но съ другой стороны также мало желательно совершенно исключить политическія соображенія, имѣющія столь большое значеніе въ географіи, какъ и соображенія о торговомъ значеніи новѣйшихъ открытій или объ этнографическихъ фактахъ. Весь вопросъ въ томъ чтобы эти соображенія были въ строгомъ подчиненіи требованіямъ географической науки.

Перев. П. Лессаръ.

Примѣчанія переводчика:

1) Споръ о принадлежности Атека Персіи или туркменамъ въ настоящее время представляетъ только историческій интересъ. О составѣ населенія этой области было сказано выше. Правда, Нисса, Абивердъ и Меана когда то принадлежали Персіи; но ей же принадлежало и много другихъ областей, между прочимъ, Надиръ-шахъ владѣлъ всѣмъ Афганистаномъ и частью Индіи. Теперь же, когда Персія изъ сильнаго и великаго государства обратилась въ слабое, могущее поддерживать порядокъ даже въ своихъ коренныхъ областяхъ, лишь благодаря своимъ сосѣдямъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что она утратила часть удаленныхъ отъ центра окраинъ. Историческія права только тогда не бываютъ неосновательными притязаніями, когда предъявляющее ихъ государство можетъ нести и сопряженныя со владѣніемъ обязанности; персидское же правительство уже давно доказало свою полную неспособность совладать съ подчинявшимися ему по временамъ туркменами, и потому, когда настало время покончить съ господствовавшею въ краѣ анархіею, то пришлось руководствоваться не воспоминаніями прошлаго, а геоорафическими и этнографическими условіями и пріискать такое рѣшеніе вопроса, которое бы гарантировало прочность вводимаго порядка. До настоящаго времени это достигалось однимъ только способомъ. именно—подчиненіемъ земель, занятыхъ туркменами, Россіи.

2) Выше уже упомянуто, что Бадхызъ не есть страна между Мургъ-абомъ и к Гери-рудомъ, а лишь треугольникъ между рѣками Кашъ и Кушкъ. Это, впрочемъ, видно и изъ приводимаго самимъ Роулинсономъ описанія этой страны и изъ картъ индѣйскаго штаба (Turkestan by Walker, fifth edition). Абботъ, описывая переѣздъ изъ Чеменъ-и-бида въ Калеи-моръ, говоритъ: «теперь мы выѣхали изъ области, называемой Бадхызъ.... Далѣе страна называется Мауръ.... и тутъ начинается государство Харезмъ» (См. приложеніе II).

Вопросъ о территоріальной зависимости Бадхыза достаточно выясненъ во главѣ II.

Приложеніе № II.

Переводъ извлеченія изъ „Narrative of a journey from Heraut to Khiva“ by capt. James Abbot. Свѣдѣнія, касающіяся Ю. З. Туркменіи и Бадхыза. (Капитанъ Абботъ былъ посланъ въ 1839 г. англійскимъ агентомъ d'Arcy Todd, въ Хиву для переговоровъ съ Алла-кули-ханомъ по поводу ожидавшагося наступленія ген. Перовскаго).

„24-го декабря 1839 г. я выѣхалъ изъ Герата въ Хиву и послѣ многихъ остановокъ, вызванныхъ паденіемъ вьюковъ, достигъ Парвана, лежащаго въ возвышенной долинѣ, на разстояніи 11-ти миль отъ Герата. Дорога идетъ среди холмовъ незначительной высоты, поднимаясь все время къ Парвана. Это поселеніе постоянно опустошается набѣгами джемшидовъ—народа тюркскаго происхожденія, но платящаго дань Герату. Эти люди, поощряемые потворствомъ визиря Яръ-Магоммедъ-хана, постоянно захватываютъ несчастныхъ гератскихъ подданныхъ для продажи ихъ туркменамъ. Здѣсь много кэризовъ и кое гдѣ обработанныя поля. Населеніе—таджики; они приняли меня очень гостепріимно. Кругомъ поселенія холмы и возвышенныя равнины, покрытыя полынью, служащею кормомъ дикимъ антилопамъ. Гробницы 5 святыхъ, основавшихъ поселеніе, видны вблизи. Обойдя болѣе прямые и трудные перевалы горнаго хребта Каиту, мы переправились черезъ него безпрепятственно; по дорогѣ нѣтъ ни жилищъ, ни кибитокъ, кромѣ 2-хъ разрушенныхъ робатовъ въ долинѣ; пройдя нѣсколько зеленѣющихъ возвышенностей, мы остановились на ночлегъ близь углубленія, въ которомъ нашли немного воды. Мы шли подорогѣ къ Кушку, главному городу джемшидовъ, какъ совѣтовалъ Яръ-Магоммедъ-ханъ подъ предлогомъ, что начальникъ этого племени увеличитъ мое прикрытіе еще на 10 всадниковъ. Кушкъ на 2 перехода въ сторонѣ отъ большой дороги, но все же я рѣшилъ посѣтить его, такъ какъ разъ мнѣ приходилось проѣхать черезъ земли его начальника, который конечно зналъ о моемъ проѣздѣ, было важно расположить его къ себѣ всякою вѣжливостью, которая была въ моей власти.

27 октября.—Ночью небо покрылось облаками. Вся цѣпь Ка-

иту была покрыта снѣгомъ отъ вершины до подножія; велика была наша радость, что мы уже перешли эту преграду, гдѣ ежегодно много людей погибаютъ въ снѣгу. Чрезвычайно трудная тропинка, идущая по крутымъ холмамъ, покрытымъ травою, привела насъ къ ручью Кушкъ, вдоль котораго мы подошли къ поселенію того же имени. Здѣсь долина интересная и живописная. Низкіе холмы, окоймляющіе ее, совершенно обнажены, или же покрыты только травою. Деревьевъ нигдѣ нѣтъ. Но видъ черныхъ кибитокъ джемшидовъ, видъ живыхъ существъ представлялъ яркій и пріятный контрастъ съ дикостью только что пройденной мѣстности. Черныя кибитки, въ которыхъ живутъ джемшиды, сдѣланы изъ толстыхъ войлоковъ, покрывающихъ легкій переносный деревянный остовъ. Кибитки круглой формы; черный цвѣтъ происходитъ отъ дыма костровъ, разводимыхъ внутри ихъ, а иногда отъ цвѣта шерсти. Впрочемъ въ Кушкѣ есть нѣсколько глиняныхъ мазанокъ и укрѣпленіе, похожее на разрушенный глиняный заборъ. Джемшидовъ, по ихъ собственному счету, 15 т. семействъ или 75,000 душъ, но цифра вѣроятно преувеличена; ибо, проѣхавъ около 50 миль по ихъ странѣ, я почти нигдѣ не видѣлъ живой души.

Во время послѣдней осады Герата Магоммедъ-Земинъ-ханъ, начальникъ джемшидовъ, держалъ себя очень не хорошо. Въ это печальное время гератцы напрасно ждали помощи отъ этого дикаго племени, которое, содѣйствуя осажденнымъ, могло нанести персамъ много вреда. Пока джемшиды, казалось, калебались, персы появились у нихъ въ странѣ. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь благопріятною мѣстностью, безпокоить или уничтожить персовъ, джемшиды удалились безъ сопротивленія въ Меручакъ, и оставили въ распоряженіе нападающихъ всю свою страну и значительное количество зерна, зарытаго въ землю. Джемшиды тюркскаго происхожденія, какъ это и видно по ихъ наружности и образу жизни. Они низкаго роста, очень смуглые, черты лица рѣзко татарскія. Гдѣ есть удобный грунтъ и вода, они занимаются земледѣліемъ, но ихъ богатство заключается въ стадахъ овецъ и табунахъ лошадей туркменской породы, обыкновенно получаемыхъ въ обмѣнъ на невольниковъ, добываемыхъ изъ Гератской

провинціи. Джемшиды извѣстные трусы и, подобно всѣмъ татарскимъ племенамъ питаютъ къ артиллеріи суевѣрный страхъ.

Долина рѣчки Кушкъ имѣетъ въ среднемъ около ½ мили ширины и ограничена съ обѣихъ сторонъ пологими зеленѣющими скатами, на которыхъ паслись стада овецъ и козъ. У подножія низкихъ обрывовъ и холмовъ было разбросано значительное число кибитокъ джемшидовъ, а на равнинѣ паслись сотни лошадей. Долина очень плодородна и когда то была хорошо обработана. На ночлегъ мы остановились у оба (селеніе) и на слѣдующее утро продолжали спускаться по долинѣ рѣки; видъ мѣстности былъ такой же, какъ наканунѣ. Мнѣ указали нѣсколько глиняныхъ хиженъ близъ лѣваго края долины, гдѣ когда то жили 40 узбекскихъ дѣвъ; тутъ же у подножія холмовъ алтарь (или гробница), къ которому онѣ прибѣгли, будучи захвачены войсками какого то сосѣдняго племени. Въ этомъ критическомъ положеніи дѣвы просили смерти и были мгновенно похищены, но людьми или духами—это невыяснено. Мѣсто называется Чилъ-духтеръ, что значитъ „40 дѣвъ." Очевидно какъ преданіе, такъ и названіе персидскія.

Кара-тепе (Черный бугоръ) теперь былъ въ виду; это искуственный холмъ, около 150 футъ высотою; на вершинѣ остатки укрѣпленія; онъ расположенъ въ широкомъ изгибѣ долины, надъ которымъ господствуютъ съ запада возвышенные холмы.

Близъ укрѣпленія было разбросано много кибитокъ и стояли караваны, шедшіе изъ Мерва съ хлѣбомъ для Кушка.

Ниже Кара-тепе кибитки уже рѣдки, но еще часто встрѣчаются большія стада овецъ. Въ эту богатую долину приходятъ пастухи даже изъ Мерва. Жители Кара-тепе не признаютъ власти настоящаго правителя Кушка и далѣе этой границы подчиняющіеся ему джемишды не смѣютъ селиться. Къ вечеру мы пришли къ мѣсту, удобному для расположенія лагеря, около двухъ миль выше Чеменъ-и-бидъ. Вблизи стояло стадо около 1,000 овецъ, подъ присмотромъ трехъ пастуховъ.

Выступивъ отсюда на разсвѣтѣ, мы снова шли по Кушку. Мѣстность оставалась такою же, какъ прежде; но поселеній уже не было. Большія стада бѣлыхъ овецъ все еще виднѣлись по

холмамъ, но холмы эти становились болѣе безплодными и песчаными по мѣрѣ того, какъ мы подвигались. Укрѣпленіе Чеменъ-и-бидъ разрушено и никѣмъ не занято. Нѣсколько миль далѣе лежатъ развалины другаго укрѣпленія, называемаго Хоузъ-и-ханъ или „систерна хана". На равнинѣ близъ этихъ развалинъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, произошла битва между главою джемшидовъ Дервишъ-ханомъ и хазаре въ союзѣ съ Маммедъ-земинъ-ханомъ. Дервишъ-ханъ былъ убитъ и власть перешла къ Маммедъ-земинъ-хану: это источникъ кровной вражды между послѣднимъ и дѣтьми перваго. Мирза увѣрялъ меня, что въ Кушкѣ онъ видѣлъ въ домѣ хана не менѣе 20 туркменъ, пріѣхавшихъ для покупки рабовъ, захватываемыхъ въ Гератѣ джемшидами. Гератская долина, уже лишившаяся почти всего населенія во время персидскаго нашествія, такимъ образомъ совершенно не въ состояніи поправиться.

Потворство джемшидамъ Яръ-магоммедъ-хана, визиря гератскаго, объясняется слѣдующими обстоятельствами: уже до персидскаго нашествія визирь былъ полновластнымъ правителемъ; не прошло бы одного, двухъ мѣсяцевъ онъ, конечно, низложилъ бы Шахъ-Камрана и занялъ бы его мѣсто. Эти намѣренія были только пріостановлены обстоятельствами и Яръ-Магоммедъ-ханъ, родственники котораго занимаютъ всѣ высшіе посты въ государствѣ, опасается сопротивленія только со стороны кочевниковъ. Онъ ихъ старается расположить къ себѣ всѣми средствами, хотя бы вредными для государства, и всевозможною щедростью. Рѣдкое оружіе и другіе дорогіе предметы, попадающіеся ему въ руки, онъ даритъ начальникамъ племенъ и зная, что значительная часть ихъ богатства происходитъ отъ торговли рабами, онъ смотритъ на это сквозь пальцы, хотя и сознаетъ происходящій отъ этого вредъ.

Теперь мы выѣхали изъ области, называемой Бадхызъ или „страна вѣтра"; имя произносится Бахызъ и въ странѣ, гдѣ сохранилось столько преданій объ Алаксандрѣ Великомъ, первое побужденіе произвести это названіе отъ греческаго бога Бахусъ или Багызъ индѣйцевъ. Далѣе мѣстность называется Мауръ и здѣсь лежатъ развалины укрѣпленія Кале-и-моръ; въ настоящее

время сохранилась лишь одна комнатка, гдѣ можетъ пріютиться путешественникъ. Большой кэризъ, посреди долины, свидѣтельствуетъ о высокой степени ея обработки въ прежнія времена и заставляетъ думать, что тогда воды рѣчки расходовались на орошеніе выше, а не доходили до Кале-и-моръ; нынѣ долина ни кѣмъ не занята. Мы встрѣтили не менѣе 6 или 7 карава-новъ съ зерномъ изъ Мерва. *У этого укрѣпленія начинается государство Харезмъ...* Далѣе дорога идетъ по Кушку до сліянія его съ Мургъ-абомъ или Абъ-и-моръ. По этой послѣдней рѣкѣ мы дошли до самаго большаго селенія Пянджъ-дехъ, пройдя мимо брошенныхъ виноградниковъ и полей, когда то населеннаго и обработаннаго края. Въ поселеніи около 200 кибитокъ туркменъ-іомудовъ (Yahmoot Turkmuns) были расположены въ видѣ двухъ пустыхъ квадратовъ. Мы были окружены толпою любопытныхъ; черты лицъ ихъ рѣзко татарскія; впрочемъ, не всѣ безобразные.

1-го января 1840 г. Путь мой лежалъ по лѣвому берегу рѣки, и я переправился по мосту черезъ сухое русло Кушка, близъ впаденія его въ Мургъ-абъ, который здѣсь имѣетъ ширину около 60 футъ и течетъ въ руслѣ глубиною 30 футъ, вырытомъ въ глинистомъ грунтѣ долины. Берега обрывистые, окаймленные гребенщикомъ и камышами. Долина, шириною у Пянджъ-дехъ, около 9 миль, съуживается далѣе на сѣверъ до трехъ четвертей мили. Восточный берегъ ограниченъ пологими песчаными холмами, возвышающимися около 600 футъ надъ долиною. На западъ отъ рѣки лежитъ пустыня—возвышенная, песчаная равнина, поросшая низкимъ кустарникомъ и колючкою, и простирающаяся до возвышенностей персидскихъ предѣловъ. Долина Мургъ-аба была прежде хорошо обработана, новъ настоящее время отъ Пянджъ-дехъ до Іолъ-отана она ни кѣмъ не занята, вслѣдствіе тревожнаго состоянія края и только отъ времени до времени видны здѣсь развалины. Караваны, съ грузомъ пшеницы и ячменя изъ Мерва, встрѣчались каждыя двѣ три мили. Обратно везутъ, главнымъ образомъ, рабовъ обоего пола, преимущественно изъ Герата.

Приближаясь къ Іолъ-отану, видны слѣды недавнихъ посѣ-

вовъ, затѣмъ глиняныя стѣны, между которыми расположены кибитки; дорога постоянно пересѣкаетъ арыки; поселенія (оба) встрѣчаются чаще. Самая долина, постепенно уширяясь въ обѣ стороны, обращается въ обширную равнину, ограниченную песками. Двигаясь по ней, къ полдню мы прибыли, близъ укрѣпленія Мервъ, къ мѣсту пребыванія правителя оазиса узбека Магомметъ-эминъ-бека, родственника хивинскаго хана.

Перев. П. Лессаръ.

Приложеніе III.

Занятіе Мерва.—Англійскіе агенты—организаторы сопротивленія.

Необходимость занятія Мерва русскими войсками для полнаго умиротворенія степи выяснялась послѣ взятія Гёкъ-тепе все болѣе и болѣе по мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ. Большинство населенія понимало невозможность продолженія прежняго порядка вещей и желало мира. Это убѣжденіе было послѣдствіемъ штурма Гёкъ-тепе и особенно увеличилось послѣ поѣздки мервскихъ хановъ въ Москву на торжества коронаціи. Впечатлѣніе, произведенное на хановъ всѣмъ, что они видѣли, убѣдило ихъ въ полной безнадежности борьбы съ Россіею. При занятіи Мерва жители осуждали безуміе кучки сопротивлявшихся, именно на основаніи того, что ихъ ханы сами убѣдились во время поѣздки въ Россію въ силѣ и могуществѣ этой страны: „не трудно истребить 1000 человѣкъ, которые пришли, говорили они, но тѣ, которые были въ Москвѣ, видѣли сколько войска можетъ быть прислано въ случаѣ надобности“.

Но какъ ни было благопріятно подобное настроеніе, оно еще не было достаточно для умиротворенія степи. Царившее всегда въ Мервѣ безначаліе не давало возможности воспрепятствовать безпорядкамъ, производимымъ нѣсколькими сотнями упорныхъ разбойниковъ; по всякому же пустому поводу, при самомъ незначительномъ успѣхѣ аламана, къ нимъ присоединялась колебавшаяся часть населенія. При впечатлительности этихъ племенъ,

тотчасъ же вспоминались успѣхи въ борьбѣ съ Персiею и Хивою, въ свое время считавшимся въ Азiи сильными и непобѣдимыми государствами, и волненiя принимали значительные размѣры.

Лѣтомъ 1883 года этому способстволи нѣкоторыя постороннiя обстоятельства.

Путешествiе шаха персидскаго по Хорасану породило много толковъ: стали говорить, что войска его перейдутъ на Тедженъ и къ Мерву и разорятъ поселенiя текинцевъ; хотя изъ Асхабада и были посланы успокоительныя письма, но безпокойная часть населенiя воспользовалась волненiями въ оазисѣ, чтобы начать войну по своему, и съ осени отправились аламаны въ сторону Персiи и Атека.

Но болѣе всего возбужденiю оазиса способствовало присутствiе въ Мервѣ англiйскихъ агентовъ. Тотчасъ по взятiи Гёкъ-тепе въ Пенде явился человѣкъ, скрывавшiй свою нацiональность и именовавшiй себя Сiяхъ-пушемъ [1]); онъ возбуждалъ оставшихся независимыми туркменъ разныхъ племенъ не входить въ сношенiя съ русскими. Къ Сiяхъ-пушу присоединилось еще несколько человѣкъ, между прочимъ одинъ афганецъ и два индѣйца; они жили частью въ Пенде, частью въ Iолъ-отанѣ, въ Мервъ же прiѣзжали только по временамъ; здѣсь союзникомъ Сiяхъ-пуша былъ Каджаръ-ханъ, племени бахши-топазъ, извѣстный всему оазису какъ англiйскiй агентъ, состоящiй въ постоянныхъ сношенiяхъ съ англiйскимъ агентомъ въ Мешхедѣ Мирза Аббасъ-ханомъ. Сiяхъ-пушъ дѣйствовалъ сначала очень нерѣшительно и о немъ было мало слышно, но съ 1883 года дѣятельность его усилилась: онъ сталъ ѣздить самъ и посылать своихъ агентовъ въ Хорасанъ, ища войти въ сношенiя съ вали этой провинцiи, съ Эюбъ-ханомъ и со всѣми окрестными правителями.

При всемъ этомъ онъ старался придать своей дѣятельности религiозный характеръ. Въ Мервѣ онъ объявилъ: „не бойтесь русъ-кяфира ни въ какомъ случаѣ; въ скоромъ времени явится Сагибъ-хуруджъ изъ мусульманъ, который уничтожитъ кяфыра“. О себѣ Сiяхъ-пушъ говорилъ, что онъ повѣренный лица, кото-

---

[1]) Сiяхъ-пушъ не въ смыслѣ принадлежности къ племенамъ Кафиристана, а въ смыслѣ монаха—черноризца (сiяхъ—черный; пушъ—одѣтый).

рое будетъ защищать Мервъ отъ русскихъ; производить разбои онъ разрѣшалъ, обѣщая доставить оружіе и деньги своимъ послѣдователямъ.

Къ хорасанскому вали обращался Сіяхъ-пушъ неоднократно съ прошеніями отъ имени сарыковъ и мервцевъ о принятіи ихъ въ персидское подданство. Но извѣстно какъ составляются эти прошенія, и персидскія власти не нашли возможнымъ обратить на нихъ вниманіе, съ одной стороны будучи связаны обязательствомъ не вмѣшиваться въ дѣла туркменъ, съ другой вслѣдствіе того, что было извѣстно, что Сіяхъ-пушъ не пользуется сколько нибудь значительнымъ авторитетомъ ни въ одномъ изъ оазисовъ.

Въ Хорасанѣ Сіяхъ-пушъ называлъ себя Шейхъ - Мансуромъ, объявлялъ, что въ его распоряженіи сто тысячъ войска для изгнанія христіанъ; къ письмамъ онъ прикладывалъ печать, окаймленную именами двѣнадцати имамовъ. Впрочемъ религіозной миссіи его никто не вѣрилъ, а считали его всѣ англійскимъ агентомъ.

Какъ всякій азіятецъ, политическій агентъ Сіяхъ-пушъ не замедлилъ начать политическія сношенія и за свой счетъ: Эюбъ-хану онъ предложилъ помощь мервцевъ для завоеванія Герата; но надежда выманута этимъ путемъ деньги у хана не оправдалась: онъ былъ очень остороженъ и требовалъ сначала, чтобы Мервъ ему подчинился, отказываясь платить впередъ.

Вообще денежныя дѣла Сіяхъ-пуша были въ очень плохомъ положеніи, въ противоположность другимъ англійскимъ агентамъ. Происходило это вѣроятно вслѣдствіе того, что посланъ онъ былъ при посредствѣ афганскихъ властей, и деньги къ нему доходили черезъ нѣсколько рукъ въ очень уменьшенномъ размѣрѣ. Этотъ недостатокъ денегъ помѣшалъ ему набрать милицію въ Мервѣ, а потомъ и въ Іолъ-отанѣ. Въ первомъ пунктѣ Каджаръ-ханъ нанялъ для Сіяхъ-пуша 60 всадниковъ по 100 кранъ въ мѣсяцъ; но, не получивъ денегъ, люди разошлись. Въ Іолъ-отанѣ Сары-ханъ, не получая денегъ для нанятыхъ сорока всадниковъ, поступилъ энергичнѣе: онъ арестовалъ и заковалъ въ цѣпи Сіяхъ-пуша, пока тотъ не былъ выкупленъ іолъ-отанскими евреями.

Когда лѣтомъ начались аламаны вся степь заволновалась; по уборкѣ хлѣбовъ разбои еще усилились; уже въ августѣ мѣсяцѣ мирные жители (Сары-ханъ, вдова Нуръ-верды-хана Гюль-джамалъ, ея сынъ Юсунъ-ханъ) обращались въ Асхабадъ, извѣщая, что по всѣмъ направленіямъ вышли разбойники; ежедневно въ Мервъ привозили плѣнныхъ и награбленное имущество; даже въ самомъ оазисѣ грабили бѣдняковъ и беззащитныхъ. Анархія была полная. Сильно способствовалъ этому Баба-джанъ, правитель, присланный хивинскимъ ханомъ по просьбѣ Кара-кули-хана; Баба-джанъ выдавалъ себя за начальника, присланнаго русскими, а вмѣстѣ съ тѣмъ не стѣснялся совѣтывать мервцамъ не подчиняться асхабадскимъ властямъ, обѣщая въ случаѣ надобности призвать на помощь туркестанскія войска; туркмены, привыкшіе къ борьбѣ правителей отдѣльныхъ провинцій Персіи и Афганистана, вѣрили въ возможность такихъ же отношеній Туркестана и Кавказа и не знали на чью сторону перейти; часть готовилась переселиться въ Гератъ; Майлы-ханъ собирался ѣхать въ Мешхедъ, просить покровительства Персіи; другіе являлись въ Асхабадъ, прося разрѣшенія поселиться въ Карры - бендѣ и близь Ст. Серахса.

Сары-ханъ неоднократно указывалъ, что въ Мервѣ никто не довольно силенъ, чтобы остановить разбои, и что только утвержденіе русской власти въ Мервѣ и занятіе его русскими войсками можетъ положить предѣлъ безпорядкамъ.

Изъ Келата, Дерегеза, Хорасана и Атека въ Асхабадѣ постоянно получались жалобы на все болѣе и болѣе смѣлые разбои; хотя въ жалобахъ этихъ результаты грабежей были сильно преувеличены, но положеніе все же было очень серьезное. Было необходимо поддержать мирную партію въ Мервѣ: она по своему положенію никогда не могла дѣйствовать рѣшительно и предоставленная своимъ силамъ стушевывалась передъ кучкой буйныхъ, энергическихъ разбойниковъ, а толпа, какъ всегда, не разсуждая, готова была послѣдовать за тѣмъ, на чьей сторонѣ былъ въ данную минуту успѣхъ.

Посылка отряда на Карры-бендъ немедленно произвела свое дѣйствіе: мирная партія на столько взяла верхъ, что явилась

возможность не только настаивать на прекращеній разбоевъ, но и на выдачѣ ранѣе захваченныхъ людей и награбленнаго имущества. „Только при этихъ условіяхъ я могу отвратить бѣдствія, грозящія всему мервскому народу“, отвѣчалъ командующій войсками Закаспійской области на письмо Юсупъ-хана. Депутація, выѣхавшая изъ Мерва для засвидѣтельствованія дружественныхъ чувствъ къ Россіи, была остановлена въ Карры-бендѣ; генералъ Комаровъ соглашался ее допустить въ Асхабадъ и принять, не ранѣе того, какъ голословныя заявленія будутъ подтверждены фактами: мервцы должны были сначала освободить имѣвшихся въ оазисѣ рабовъ. Такой твердый и энергическій образъ дѣйствій достигъ цѣли: не только приказанія командующаго войсками были исполнены, но и большинство вліятельныхъ людей обратились съ просьбою о принятіи всего Мерва въ русское подданство. Рабы были отпущены и когда послѣдовало Высочайшее соизволеніе на просьбу мервцевъ—депутація изъ четырехъ главныхъ хановъ и 24 самыхъ почетныхъ и вліятельныхъ лицъ въ оазисѣ принесла присягу на подданство Бѣлому Царю.

Это было прекрасное начало дѣла, но оставалось сдѣлать еще весьма много. Слово присяга имѣетъ два весьма различныя значенія въ Россіи и Азіи. Уже нѣсколько разъ почетныя лица Мерва давали клятву соблюдать подписанныя ими съ русскими властями условія и потомъ каждый разъ отрекались отъ нея, говоря, что ихъ никто не признаетъ въ оазисѣ.

Правда, принесенная депутаціею присяга внушала болѣе довѣрія, вслѣдствіе числа вліятельныхъ лицъ, принимавшихъ въ ней участіе, и сопровождавшихъ ее обстоятельствъ. Но все же масса народа мало сознавала значеніе обязательствъ, принятыхъ на себя черезъ своихъ выборныхъ: и ранѣе старшины ѣздили къ сосѣднимъ правителямъ и вступали съ ними въ соглашенія, которыя на дѣлѣ не мѣшали прежнему розбойничьему строю жизни въ Мервѣ. При приближеніи отряда назначеннаго для занятія оазиса, когда выяснилась бы безповоротность новаго порядка, весьма легко мирное настроеніе могло измѣниться самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Все зависѣло отъ обстоятельствъ, при которыхъ будетъ выполнено дѣло. Конечно, покореніе Хивы въ

1873 г. произвело во всей Средней Азіи не меньшее впечатлѣніе, какъ и взятіе Гёкъ-тепе въ 1881 г., а между тѣмъ нѣсколько неосторожностей сдѣлали возможною неудачу экспедиціи 1879 года. Насильственное занятіе Мерва было бы, конечно, дѣломъ еще болѣе серьезнымъ, чѣмъ походъ 1880—81 г. Вопросъ заключался въ своевременной поддержкѣ мирной партіи и успѣшной борьбѣ съ посторонними вліяніями, которыя могли усложнить дѣло. Существованіе этихъ постороннихъ вліяній скоро обнаружилось: по выходѣ отряда изъ Карры-бенда тотчасъ распространился слухъ, что въ Мервѣ организуется сопротивленіе и что рѣшено русскихъ въ оазисъ не пустить; впрочемъ, при приближеніи къ границамъ его, дѣло выяснилось въ болѣе благопріятномъ смыслѣ: поднять весь народъ не удалось Сіяхъ-пушу и его сообщникамъ; небольшая же кучка недовольныхъ собралась около нихъ; къ нимъ то присоединялась, то отдѣлялась отъ нихъ колебавшаяся часть темнаго народа; количество желавшихъ сопротивляться то увеличивалось, то уменьшалось и конечно могло принять опасные размѣры при малѣйшемъ успѣхѣ начатой борьбы.

Но этого не случилось: отрядъ спокойно подвигался впередъ, всякая попытка сопротивленія энергически и рѣшительно подавлялась, а съ другой стороны даже и самые виновные находили прощеніе, когда являлись съ повинною. Не было ни одного случая наказанія; 40—50 жертвъ—всѣ пали во время перестрѣлокъ, съ оружіемъ въ рукахъ; на раскаившихся же смотрѣли, какъ на темную массу, введенную въ заблужденіе посторонними людьми, которые одни и заслуживали строгаго наказанія. Въ результатѣ черезъ четыре дня агитаторы остались совершенно одни; они сначала бѣжали на югъ, но были захвачены мервцами и выданы командующему войсками. 4-го марта русскій отрядъ безпрепятственно приступилъ къ устройству укрѣпленія близь Коушутъ-ханъ-калы. Всѣ жертвы съ нашей стороны заключались въ одномъ убитомъ рядовомъ.

Во главѣ сопротивленія стояли: англійскій агентъ Каджаръ-ханъ, Сіяхъ-пушъ, два индѣйца и одинъ афганецъ; Каджаръ-ханъ былъ единственный сколько нибудь вліятельный мервецъ. Уже такой составъ указывалъ на дѣйствительное значеніе сопро-

тивленія. Несмотря на это, при высокомъ мнѣніи, существующемъ у насъ обо всемъ англійскомъ, многіе не хотѣли вѣрить, чтобы такъ плохо организованное сопротивленіе могло быть дѣломъ англійскихъ агентовъ. Но приведенные ниже переводы двухъ писемъ не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія [1]); такимъ образомъ, противъ желанія подавляющаго большинства населенія оазиса, нѣсколько человѣкъ, присланныхъ извнѣ, пытались возбудить и организовать враждебныя дѣйствія противъ Россіи; вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, сдѣлать это не удалось и вся агитація имѣла послѣдствіемъ лишь гибель нѣсколькихъ десятковъ несчастныхъ, повѣрившихъ обѣщаніямъ этихъ англійскихъ агентовъ. Но интересъ выяснившихся обстоятельствъ не зависитъ отъ размѣровъ вреда, причиненнаго Россіи: въ свое время въ Англіи очень много говорили о перепискѣ Столѣтова съ эмиромъ Ширъ-али-ханомъ; но тогда генералъ Кауфманъ принималъ мѣры на случай дѣйствій ввѣренныхъ ему войскъ и происходило это много времени послѣ того, какъ были перевезены индѣйскія войска на Мальту и разрывъ съ Англіею казался неминуемымъ; въ 1884 же году, когда никакихъ разногласій съ Англіею не было, агенты если не центральнаго англійскаго правительства, то во всякомъ случаѣ англо-индѣйскаго штаба стояли во главѣ непріязненныхъ дѣйствій противъ Россіи.

Болѣе или менѣе также поступала Англія и въ 1880—81 годахъ и повторенія этого надо ждать и въ будущемъ; такой образъ дѣйствій конечно долженъ имѣть существенное вліяніе на рѣшеніе вопроса о проведеніи пограничной черты, которая опредѣлитъ хотя временно наши отношенія къ Персіи, Афганистану и вассальнымъ ему узбекскимъ княжествамъ.

Вотъ переводы упомянутыхъ выше писемъ:

---

[1]) На это указываетъ какъ содержаніе писемъ, такъ и имя Мирза-Аббасъ-хана—офиціальнаго англійскаго агента въ Мешхедѣ и, неоднократное упоминаніе о необходимости доставить свѣдѣнія въ Хафъ и о письмахъ, писанныхъ изъ Хафа. Какъ извѣстно, Хафъ мѣстопребываніе англійскихъ политическихъ агентовъ въ пограничныхъ областяхъ Персіи и Афганистана. Постъ этотъ сначала занималъ полковникъ Стюартъ, въ настоящее время его замѣнилъ Сентъ-Джонъ.

1. Переводъ письма (на теке-туркменскомъ нарѣчіи) отъ неизвѣстнаго лица къ мервцу Каджаръ-хану.

Адресъ на персидскомъ языкѣ: „Да разсмотритъ его степенство храбрецъ, щедрый и любезный другъ Каджаръ-ханъ". Написано 14 числа мѣсяца Джемади-элъ-ахеръ 1301 года гиджры (29 марта 1884 года).

Почтенный, отважный, щедрый, любезный и уважаемый другъ Каджаръ-ханъ!

Надѣюсь, что Божіею милостью вы живы и здоровы. Послѣ привѣтствія, слово наше въ томъ, что уже нѣсколько времени не имѣемъ свѣдѣній отъ васъ и со стороны Мерва. На этихъ дняхъ дошли до насъ прискорбные слухи относительно васъ, но, по неполученіи собственнаго вашего письма, мы не повѣрили тѣмъ слухамъ; по Божіей милости не подтвердятся эти голословныя извѣстія.

Въ виду сего мы признали нужнымъ воспользоваться случаемъ отправленія подателя сего, чтобы вспомнить о любезномъ другѣ нашемъ. Конечно, вы пріймете на себя трудъ написать нѣсколько словъ о положеніи своемъ и объ обстоятельствахъ и свѣдѣніяхъ, какія имѣются. Изъ Хафа спрашиваютъ насъ о свѣдѣніяхъ, а также о причинѣ молчанія Дурды-ходжа, отъ котораго въ эти дни не сообщаются туда никакія извѣстія для освѣдомленія. Если Богу угодно, то вы передадите нашъ поклонъ Дурды-ходжа и въ самомъ скорѣйшемъ времени сообщите какъ намъ, такъ и въ Хафъ свѣдѣнія объ обстоятельствахъ вашихъ и относительно положенія Мерва. Для нѣкоторыхъ соображеній и совѣта постараться всякими мѣрами, чтобы ни коимъ образомъ не попали въ руки русскихъ всѣ письма, посланныя раньше сего вамъ отъ насъ и изъ Хафа. Поскорѣе сообщите о своемъ положеніи для нашего свѣдѣнія. Если вы по полученіи сего письма найдете цѣлесообразнымъ, то мы пришлемъ къ вамъ одного человѣка, которому секретно передадите всѣ письма, посланныя раньше сего какъ отъ насъ, такъ и изъ Хафа на имя ваше и Дурды-ходжа; не допускать, чтобы означенныя въ тѣхъ письмахъ извѣстія доходили до русскихъ. Непремѣнно поскорѣе сообщите о своемъ положеніи. Далѣе слѣдующіе дни ваши проходили бы по вашему желанію.

Да будетъ извѣстно вамъ, что мы нашли особаго человѣка, знающаго писать по тюркски и за симъ всѣ письма будутъ написаны на тюркскомъ языкѣ, чтобы ваши муллы могли читать ихъ свободно, не встрѣчая никакихъ задрудненій. Послѣ этого прикладывать печати нѣтъ надобности. Печать замѣняется слѣдующими буквами: айнъ-ламъ-ей (т. е. А-л-и).

---

2. Письмо отъ того же лица къ Дурды-ходжа:

Любезный и уважаемый другъ Дурды-ходжа!

Да Господь Богъ сохранитъ васъ подъ высокимъ своимъ покровительствомъ. Послѣ поклона слово наше въ томъ, что у насъ получено теперь одно письмо отъ Его Высокостепенства *Мирза-аббасъ-хана*, о томъ, что онъ Мирза-аббасъ-ханъ слышалъ, что для спокойствія народа русскіе, заарестовавъ Каджаръ-хана, доставили его въ Асхабадъ. Для предупрежденія васъ на всякій случай намъ пишутъ сообщить Каджаръ-хану, чтобы ни коимъ образомъ не попали въ руки русскихъ посланныя раньше письма какъ ему, такъ и Дурды-ходжа; если дѣйствительно Каджаръ-ханъ отправленъ въ Асхабадъ, то объ этомъ сообщить ему туда, а въ противномъ случаѣ въ Мервъ. Такъ какъ о высылкѣ Каджаръ-хана въ Асхабадъ здѣсь не получено свѣдѣній, то мы сообщили Мирза-Аббасъ-хану, что Каджаръ-ханъ не доставленъ въ Асхабадъ. Вслѣдствіе совѣта Мирза-Аббасъ-хана утруждаю васъ просьбою по полученіи сего письма подробнѣе сообщить намъ про васъ и Каджаръ-хана, а равно объ обстоятельствахъ Мерва. Всѣ какія бы то ни было письма, посланныя прежде сего отъ насъ и Мирза-Аббасъ-хана, а также изъ Хафа къ вамъ, и Каджаръ-хану собрать въ одно мѣсто и держать ихъ наготовѣ на тотъ случай, что мы найдемъ нужнымъ прислать къ вамъ одного довѣреннаго человѣка, которому вы бы могли передать означенныя письма, или же напишемъ вамъ отправить таковыя прямо отъ себя съ мешхедскимъ караваномъ къ самому Мирза-Аббасъ-хану. Затѣмъ всѣ письма, которыя будутъ посылаемы отъ насъ къ вамъ, напишемъ на тюркскомъ языкѣ и знакъ нашей печати будетъ буквы: айнъ-ламъ-ей.

Приложеніе IV.

Переводъ переписки вице-короля Индіи съ эмиромъ Абдулъ-рахманъ-ханомъ, по повору сѣверо - западной границы Афганистана. (Изъ: Correspondence respecting the affairs of Asia. № 1 (1884).

№ 116. Вице-король Индіи къ авганскому эмиру.

(Послѣ привѣтствія). Симла, 16 Іюня 1883.

Ваше высочество выражаете желаніе получить документъ и карту, съ обозначеніемъ границъ между Авганистаномъ, Россіей и Персіею.

Границы Афганистана были опредѣлены англійскимъ правительствомъ совмѣстно съ Россіею въ 1873 г., когда составъ Афганской территоріи между Оксомъ и Гери-рудомъ установленъ слѣдующимъ образомъ:

„Внутренніе округа Ахча, Сарыпулъ, Маймене, Шибирханъ и Андкой, изъ которыхъ послѣдній составляетъ крайнее пограничное владѣніе Афганистана на сѣверо-западѣ, такъ какъ пустыня, лежащая за нимъ, принадлежитъ независимымъ туркменскимъ племенамъ“.

Впрочемъ эта граница никогда не была точно проложена на картахъ, и даже самая мѣстность не была изслѣдована для подобной цѣли. Вслѣдствіе этого, ни одна карта, которая могла бы быть послана вашему высочеству, не могла бы точно указать эту границу. Но я былъ бы радъ узнать какіе округа ваше высочество подразумѣваете подъ вышеприведенными словами и что вы считаете опредѣляемою ими границею.

№ 117. Вице-король Индіи къ Афганскому эмиру.

(Послѣ привѣтствія). Симла, 16 іюня 1883.

Какъ ваше высочество припомните, Sir Lepel Griffin при свиданіи съ вами въ Zimma 31 іюля 1880 года, сообщалъ, что индѣйское правительство можетъ только способствовать утвержденію вашей власти, выдавъ вамъ пособіе для уплаты вашей арміи и служащимъ и на ваши ближайшіе расходы; и что, признавъ васъ

эмиромъ, оно очень желаетъ видѣть васъ сильнымъ; но что по занятіи Кабула, вы имѣете разсчитывать лишь на собственныя средства.

Я всегда на столько интересовался успѣхами вашего высочества и на столько желалъ установленія сильнаго дружественнаго государства подъ вашимъ управленіемъ въ Афганистанѣ, что во многихъ случаяхъ шелъ далѣе рѣшенія, сообщеннаго тогда вамъ, и отъ времени до времени помогалъ вашему высочеству деньгами и оружіемъ, не говоря о затратѣ нѣсколькихъ лаковъ ежегодно на вспомоществованіе искавшимъ убѣжища или задержаннымъ афганцамъ, присутствіе которыхъ въ Афганистанѣ, какъ мнѣ было извѣстно, считалось вашимъ высочествомъ опаснымъ для вашей власти. Однако мой взглядъ на отношенія обѣихъ странъ другъ къ другу все же состоялъ въ томъ, что въ области внутренняго управленія и финансовъ Индія не должна вмѣшиваться въ дѣла Афганистана, но должна ограничиться ролью дружественнаго сосѣда и союзника. При этихъ условіяхъ, согласно обычаямъ народовъ, Афганистанъ долженъ былъ самъ руководить своими финансами и удовлетворять своимъ потребностямъ, какъ онъ всегда до настоящаго времени и дѣлалъ.

Что касается дѣлъ внѣшней политики, ваше высочество были увѣдомлены управляющимъ иностранными дѣлами индѣйскаго правительства отъ 20 іюля 1880, и потомъ моимъ письмомъ отъ 22 февраля 1883, что если какая либо иностранная держава попытается вмѣшаться въ дѣла Афганистана, и если подобное вмѣшательство поведетъ къ невызванному (вами) нападенію на владѣнія вашего высочества, въ такомъ случаѣ британское правительство готово помочь вамъ въ отраженіи его въ тѣхъ размѣрахъ и тѣмъ способомъ, какъ будетъ казаться британскому правительству необходимымъ, предполагая, что ваше высочество будете безпрекословно слѣдовать совѣту британскаго правительства въ дѣлѣ вашихъ внѣшнихъ сношеній.

Принимая во вниманіе, однако, сообщенія ваши о состояніи вашей сѣверо-западной границы, я убѣдился, что ваше высочество имѣете дѣло съ исключительными трудностями въ этомъ отношеніи. Я понялъ, что вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ

обстоятельствъ, ваше высочество еще не были въ состоянiи ввести въ важной пограничной гератской провинцiи порядокъ и безопасность, столь необходимые для защиты всего Афганистана; и что вслѣдствiе этого, для завершенiя дѣлъ на этой границѣ, вамъ необходима нѣкоторая дружественная поддержка. Кромѣ того я принимаю во вниманiе, съ удовольствiемъ, увѣренiя вашего высочества въ вѣрности и преданности британскому правительству; слова вашего высочества убѣждаютъ меня, что вы понимаете насколько въ интересахъ Афганистана поддерживать дружественныя сношенiя съ индѣйскимъ правительствомъ.

Въ виду этихъ соображенiй, я рѣшилъ предложить вашему высочеству лично, какъ помощь для борьбы съ настоящими затрудненiями по управленiю вашего государства, ежегодную субсидiю въ 12 лаковъ рупiй, уплачиваемыхъ помѣсячно, *которые должны идти на уплату войскамъ и на принятiе другихъ мѣръ, потребныхъ для защиты вашей сѣверо-западной границы.* Я чувствую, что могу вполнѣ положиться на ваше слово и умѣнiе посвятить это увеличенiе вашихъ средствъ на предметы, столь существенно важные, какъ названные мною выше.

№ 121. Афганскiй эмиръ вице-королю Индiи.

(Послѣ привѣтствiя). 6 Рамазана 1300 г. (11-го iюля 1883).

Я прочелъ оба столь дружественныя и любезныя письма вашего превосходительства отъ 16-го iюня 1883, что соотвѣтствуетъ 10 шабану 1300 года Г., полученныя мною въ Джеллалабадѣ. Мое сердце, хранилище согласiя, было при этомъ очень осчастливлено и обрадовано радостными вѣстями о томъ, что ваше превосходительство совершенно здоровы.

Въ одномъ изъ этихъ дружественныхъ посланiй упоминается о свиданiи со мною серъ Лепель Гриффина въ Циммѣ и о сочувствiи и участiи, отъ времени до времени оказанныхъ мнѣ и афганскому народу знаменитымъ британскимъ правительствомъ. Кромѣ того, въ немъ заключалось слѣдующее замѣчанiе:

„Мой взглядъ (на отношенiя обѣихъ странъ другъ къ другу) все же состоялъ въ томъ, что въ области внутренняго управленiя и финансовъ Индiя не должна вмѣшиваться въ дѣла Афгани-

стана, но должна ограничиться ролью дружественнаго сосѣда и союзника. Я рѣшилъ предложить вашему высочеству лично, какъ помощь для борьбы съ настоящими затрудненіями по управленію вашего государства, ежегодную субсидію въ 12 лаковъ рупій, уплачиваемыхъ помѣсячно“.

Въ другомъ любезномъ письмѣ, ваше превосходительство, относительно опредѣленія внутреннихъ округовъ и установленія границъ Афганистана англійскимъ правительствомъ, совмѣстно съ Россіею въ 1873 г., писали нижеслѣдующее:

„Внутренніе округа Ахча, Сарыпулъ, Маймене, Шибирханъ и Андкой, изъ которыхъ послѣдній составляетъ крайнее пограничное владѣніе Афганистана на сѣверо-западѣ, такъ какъ пустыня, лежащая за нимъ, принадлежитъ независимымъ туркменскимъ племенамъ“.

Я читалъ оба письма и основательно ознакомился съ ихъ содержаніемъ и былъ въ высшей степени обрадованъ и доволенъ многочисленными милостями, оказанными мнѣ знаменитымъ англійскимъ правительствомъ. Радостное извѣстіе о рѣшеніи вашего превосходительства, направленномъ ко благу британскаго правительства и афганскаго народа и имѣющемъ цѣлью привести въ порядокъ и поддержать мои дѣла, я возвѣстилъ всему афганскому народу, который весь вознесъ благодаренія, говоря: „Много лѣтъ мы, афганская нація, терпѣли неизчислимыя бѣдствія. Благодареніе Богу, что столь славное правительство, какъ это (британское) питаетъ къ намъ дружбу“.

Съ Божьею помощью, афганскій народъ никогда не отвратитъ своей головы отъ линіи дружбы къ знаменитому британскому правительству и пока я буду живъ, я не хочу и думать о томъ, чтобы быть въ дружбѣ съ кѣмъ либо другимъ, кромѣ знаменитаго британскаго правительства.

Я понялъ гдѣ мои сѣверныя границы, но я желалъ и въ настоящее время все еще желаю имѣть карту, которая дала бы мнѣ возможность вполнѣ ознакомиться съ Афганистаномъ, такъ чтобы я зналъ точную границу (пунктъ), до которой должно простираться мое вниманіе, и могъ заняться надлежащимъ образомъ охраненіемъ моихъ границъ и благосостояніемъ моихъ владѣній.

Я написалъ губернатору Балха, чтобы онъ прислалъ мнѣ опись границъ своей провинціи, т. е. всѣхъ деревень, всякаго селенія на границѣ будь то Балха или Андкоя, чтобы доставить свѣдѣнія объ этомъ вашему превосходительству. Я также писалъ и губернатору Бадахшана о доставленіи такой же описи границъ Бадахшана и Катагана, т. е. всѣхъ деревень и поселеній, чтобы и ее переслать вашему превосходительству.

Далѣе я всегда молился и теперь молюсь о добромъ здоровьи и благоденствіи вашего превосходительства.

Приложеніе V.

Переводъ переписки, относящейся къ сѣверной и сѣверо-западной границѣ Афганистана. (Изъ Correspondence with Russia respecting Central Asia, 1873, и Correspondence respecting Central Asia, № 2, (1873).

№ 60. Совѣтъ генералъ-губернатора Индіи герцогу Аргайлъ.

Симла. 20 мая 1870.

Г. герцогъ. Послѣ полученія вашей депеши отъ 26 ноября, Mr. Forsyth вернулся въ Индію и мы были очень обрадованы, узнавъ лично отъ него о дружественныхъ увѣреніяхъ Императора Всероссійскаго и его министровъ относительно политики русскаго правительства въ Средней Азіи.

2. Изъ приложеній къ вашей депешѣ, отъ 6 августа 1869 г., мы узнали, что, при свиданіи съ Mr. Forsyth въ Баденъ-баденѣ, князь Горчаковъ „съ удовольствіемъ говорилъ о счастливыхъ отношеніяхъ, существующихъ между настоящимъ правительствомъ Ея Величества и русскимъ и о томъ, что не наступательная политика, характеризовавшая правленіе Sir. J. Lawrence, повидимому будетъ продолжаться и при лордѣ Mayo“; что онъ утверждалъ, что „Россія не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться въ дѣла Герата, Кабула“ и проч.; что „пока Ширъ-Али не выступитъ за предѣлы своихъ владѣній, ему нѣтъ причины бояться наступательныхъ дѣйствій со стороны Россіи“; и что „Россія рѣшила,

что не должно быть несогласій между обоими правительствами относительно азіятскихъ границъ".

3. Въ разговорѣ съ лордомъ Кларендономъ въ Гейлделбергѣ, 3 сентября, переданнымъ намъ письмомъ Mr. Kaye (17 сентября 1869), князь Горчаковъ сообщилъ лорду „что мы не имѣемъ причины опасаться" (различія взглядовъ обоихъ правительствъ относительно Средней Азіи), „такъ какъ Императоръ считаетъ, и онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Его Величества, что увеличеніе территоріи есть увеличеніе слабости и что Россія не имѣетъ намѣренія идти далѣ на югъ"; что рѣшеніе британскаго правительства (о которомъ лордъ Кларендонъ увѣдомилъ его) удержать Ширъ-али отъ нападеній на своихъ сосѣдей „было совершенно достаточно и вполнѣ удовлетворительно, и что ему доставитъ большое удовольствіе доложить объ этомъ Императору".

4. Эти увѣренія были повторены посланнику Ея Величества въ Петербургѣ, который въ своей депешѣ лорду Кларендону (отъ 2 ноября) приводитъ слова князя Горчакова, помѣщенныя въ примѣчаніи [1]). Мы узнали также отъ Mr. Forsyth и изъ его писемъ, копіи которыхъ были препровождены намъ при вашей депешѣ отъ 26 ноября, что генералъ Милютинъ, русскій военный министръ, и г. Стремоуховъ, директоръ азіятскаго департамента русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, „согласны въ томъ, что мы должны считать Афганистаномъ всѣ провинціи, принадлежащія нынѣ Ширъ-али; что внѣ этихъ границъ онъ не долженъ проявлять свое вліяніе или вмѣшательство; что старанія Англіи будутъ направлены къ отклоненію его отъ всякой мысли наступленія; и что точно также Россія употребитъ все свое вліяніе для отклоненія Бухары отъ нарушенія границъ афганской территоріи"; что Его Величество Императоръ самъ замѣтилъ, „что нѣтъ намѣренія расширять Русскія владѣнія" и согласился

---

[1]) «Будьте добры», прибавилъ онъ «передать лорду Кларендону, что такъ какъ оба правительства не имѣютъ никакихъ заднихъ мыслей, честолюбивыхъ замысловъ или враждебныхъ чувствъ другъ къ другу, то чѣмъ полнѣе и откровеннѣе всѣ вопросы, касающіеся Средней Азіи, будутъ обсуждаться ими, тѣмъ полнѣе разсѣется туманъ, которыя по временамъ можетъ появляться благодаря неточнымъ донесеніямъ излишне-усердныхъ второстепенныхъ агентовъ».

съ замѣчаніемъ Mr. Forsyth'а, что „пока съ нашей стороны будутъ употребляемы всѣ усилія, чтобы побудить Ширъ-али довольствоваться своими настоящими владѣніями, мы надѣемся, что Бухара будетъ удержана отъ наступленія“.

5. Мы съ удовольствіемъ узнаемъ изъ приложеній къ вашей депешѣ отъ 4 марта, что русское правительство присоединилось къ вышеприведеннымъ увѣреніямъ и что г. Стремоуховъ признаетъ политику, выясненную въ нашей депешѣ отъ 7 декабря прошлаго года, сущность которой была сообщена ему Sir A. Buchanan'омъ, какъ вполнѣ совпадающую съ политикою, которую русское правительство желаетъ и которую оно пытается установить.

6. Мы очень рады, что политика Россіи, такъ откровенно выраженная, вполнѣ совпадаетъ съ изложенною нами въ Umballa политикою, которая была одобрена правительствомъ Ея Величества, и которой мы съ тѣхъ поръ всегда придерживались; и мы убѣждены, что пока оба правительства будутъ слѣдовать этой политикѣ, которая заключается въ раздѣленіи вліянія въ Средней Азіи, миръ и благосостояніе этихъ обширныхъ и важныхъ странъ будутъ постоянно обезпечены.

7. Г. Стремоуховъ предложилъ, въ виду дальнѣйшаго развитія этой мирной политики, чтобы британскимъ и русскимъ правительствами были приняты мѣры для выясненія границъ земель, которыя признавали власть Достъ-Магоммеда, и въ настоящее время находятся подъ управленіемъ Ширъ-али-хана, съ цѣлью возможно точно опредѣлить границы между этими землями и сосѣдними государствами Средней Азіи.

8. Нашею телеграммою отъ 11 іюня 1869 г., мы извѣщали ваше сіятельство, что если эмиръ выкажетъ какое либо стремленіе распространить свои границы за предѣлы владѣній Достъ-Магоммеда, мы немедленно сдѣлаемъ ему представленія. Владѣнія настоящаго эмира на сѣверѣ и сѣверо-западѣ почти вполнѣ совпадаютъ со владѣніями его отца; и предѣлы королевства Достъ-Магоммеда слѣдовательно, вообще говоря, могутъ быть приняты какъ границы, раздѣляющія Афганское государство отъ другихъ государствъ Средней Азіи на сѣверѣ и сѣверо-западѣ.

9. Мы не видимъ надобности подробно разсматривать правленіе Достъ-Магоммеда. Предѣлы его завоеваній въ Афганскомъ Туркестанѣ мы думаемъ не оспариваются. Кромѣ нѣкоторыхъ весьма короткихъ и исключительныхъ промежутковъ, Оксусъ служилъ признанной границей между Бухарою и Афганистаномъ; при переговорахъ Достъ-Магоммеда и бухарскаго эмира въ 1859, послѣдній заявилъ, что если афганцы воздержатся отъ вмѣшательства въ дѣла туркменъ на сѣверъ отъ Оксуса, бухарское правительство не будетъ предъявлять претензій на Бадахшанъ, Маймене и другія страны на югъ отъ рѣки. Практически Оксусъ былъ границею завоеваній Достъ-Магоммеда на сѣверѣ, отъ округа Балхъ съ запада до крайняго востока Бадахшана. Права эмира на Балхъ признаны 1 параграфомъ договора, заключеннаго съ Достъ-Магоммедъ-ханомъ 26 января 1857. Его западная граница есть провинція Керки, кончающаяся у переправы Ходжа-сале; Керки же и Чарджуй признаются эмиромъ Ширъ-али бухарскими провинціями.

10. Отъ западной границы Балха до восточной границы Бадахшана вся страна между Оксусомъ и Гинду-кушемъ была завоевана Достъ-Магоммедомъ. Въ нѣсколько походовъ отъ 1850 до 1855 г. Хулмъ, Маймене, Андкой, Шибирханъ и Сарыпулъ были завоеваны. Кундузъ присоединенъ въ 1859 г.; Бадахшанъ покорился въ томъ же году; а предъ своею смертью въ Гератѣ 9 іюня 1863 г., Достъ-Магоммедъ утвердилъ свою власть во всѣхъ этихъ земляхъ. Практически онѣ составляютъ Туркестанскія провинціи, нынѣ подчиненныя эмиру Ширъ-али.

11. Сѣверо-западная граница того, что по нашему мнѣнію должно считаться владѣніями Ширъ-али, идетъ отъ пункта на Оксусѣ между Ходжа-сале и Керки, въ юго-западномъ направленіи, огибая и включая провинціи Балхъ, Маймене съ зависимыми отъ нея Андкоемъ и др. и Гератъ съ зависимыми мѣстностями (dependencies) между рѣками Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ. Сѣверную границу составляетъ Оксъ отъ той же точки между Керки и Ходжа-сале на востокъ къ Пянжъ-абу и Вахану, и затѣмъ потокъ, проходящій Ваханъ, до пункта, гдѣ хребетъ Гиндукушъ соединяется съ южнымъ угломъ Памирской степи.

12. Въ странахъ, которыя никогда не были научно изслѣдованы и предѣлы которыхъ подвергались болѣе или менѣе измѣненіямъ, трудно вполнѣ точно опредѣлить существующія границы. Но опись приведенныхъ выше сѣверныхъ и сѣверо - западныхъ границъ Афганистана достаточно точна для всякихъ практическихъ цѣлей; и мы увѣрены, что изслѣдованія, которыя поручено сдѣлать генералу Кауфману, не преминутъ подтвердить фактъ, что эти границы согласны съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и съ правами, унаслѣдованными эмиромъ отъ своего отца. Вслѣдствіе этого мы вполнѣ полагаемся на обѣщанія, данныя русскимъ правительствомъ, что оно употребитъ всѣ законныя мѣры для огражденія этихъ территорій отъ угрозъ и нападеній со стороны сосѣднихъ государствъ и правителей, подчиненныхъ русскому вліянію. Примите и пр.

Подписано: Mayo, Napier of Magdala, Durand, Strachey, Temple, Stephen, Ellis.

№ 68. Меморандумъ, представленный sir A. Buchanan'омъ князю Горчакову.

Г. Стремоуховъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, что Ходжа-сале лежитъ въ предѣлахъ земель, принадлежащихъ Ширъ-али-хану [1]), какъ указано въ депешѣ индѣйскаго правительства герцогу Аргайлю (изъ Симлы 20 мая 1870). Вслѣдствіе этого sir A. Buchanan получилъ увѣдомленіе отъ лорда Грэнвиля, что предполагая, что Ходжа-сале будетъ признано лежащимъ въ предѣлахъ Афганистана, правительство Ея Величества не будетъ возражать противъ такого начертанія границы, при которомъ права Бухары будутъ начинаться на лѣвомъ берегу Оксуса непосредственно ниже этого мѣста.

№ 70. Sir A. Buchanan графу Гренвилю. (Получено 26 сент.).

Ваше Сіятельство. Петербургъ, 21 сентября 1870.

Директоръ азіятскаго департамента русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что депеша индѣйскаго

[1]) Г. Стремоуховъ считалъ за начало границы не пунктъ между Керки и Ходжа-сале, а самую переправу Ходжа-сале. *Прим. Перев.*

правительства относительно границъ земель кабульскаго эмира, послана генералу Кауфману на заключеніе. Г. Стремоуховъ заявилъ, что эта мѣра очень важна, такъ какъ если генералъ Кауфманъ признаетъ вѣрными мнѣнія индѣйскаго правительства по этому вопросу, то это признаніе будетъ равносильно обязательству уважать такимъ образомъ опредѣленную границу. Относительно Ходжа-сале его превосходительство заявилъ, что вѣроятно не будетъ сдѣлано возраженій противъ включенія его въ афганскіе предѣлы, но что необходимо соблюсти крайнюю осторожность при начертаніи пограничной линіи оттуда къ югу, такъ какъ Мервъ и страны туркменъ начинаютъ пріобрѣтать важное торговое значеніе.

№ 76. Князь Горчаковъ графу Бруннову (сообщено графу Грэнвилю графомъ Брунновымъ 13 дек.).

(Извлеченіе). С.-Петербургъ 1/13 ноября 1871.

Ваше сіятельство вполнѣ въ курсѣ переговоровъ по поводу средне-азіятскихъ дѣлъ между Императорскимъ кабинетомъ и правительствомъ Ея Величества. Какъ вы знаете, вслѣдствіе объясненій нашихъ съ Mr. Forsyth'омъ, въ принципѣ условлено:

1. Что земли, нынѣ дѣйствительно принадлежащія Ширъ-алихану, будутъ признаны составляющими границы Афганистана.

2. Что эмиръ не станетъ дѣлать попытки проявить свое вліяніе или вмѣшательство внѣ этихъ границъ и что англійское правительство приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы отклонить его отъ всякой попытки нападенія.

3. Что съ своей стороны Императорское правительство употребитъ все свое вліяніе, чтобы не допустить бухарскаго эмира до нападенія на афганскую территорію.

Эти основанія получили полное одобреніе лондонскаго кабинета и генералъ-губернатора Индіи.

Въ маѣ 1870 г., посланникъ Ея Величества сообщилъ намъ депешу лорда Mayo, который, хотя и выражалъ это одобреніе, но при развитіи условленныхъ принциповъ, какъ намъ кажется, значительно отклонился отъ мысли, относительно которой послѣдовало соглашеніе.

При семъ приложена копія этого документа. Ваше сіятельство усмотрите въ немъ важный оттѣнокъ, вводимый лордомъ Мауо.

§ 4 депеши подтверждаетъ принципъ, установленный относительно признанныхъ границъ афганской территоріи, т. е относительно всѣхъ провинцій, нынѣ принадлежащихъ Ширъ-али-хану.

§ 6 выражаетъ удовольствіе по поводу столь полнаго совпаденія политики Россіи со взглядами генералъ-губернатора Индіи, одобренными британскимъ правительствомъ.

Въ § 7 онъ вполнѣ присоединяется къ мысли, что для развитія этой мирной политики, русское правительство и англійское правительство должны принять мѣры для выясненія границъ территорій, признававшихъ власть Достъ-Магоммеда и которыя нынѣ подчинены Ширъ-али-хану.

§ 8 касается телеграммы, по которой если Ширъ-али-ханъ выкажетъ какое либо намѣреніе распространить свои владѣнія за предѣлы Достъ-Магоммедъ-хана, индѣйское правительство ему сдѣлаетъ представленія. Онъ прибавляетъ, что владѣнія нынѣшняго эмира на сѣверѣ и сѣверо-западѣ совпадаютъ почти вполнѣ со владѣніями его отца и заключаетъ, что вслѣдствіе этою границы королевства Достъ-Магоммедъ-хана, вообще говоря, могутъ быть признаны какъ границы, отдѣляющія Афганское государство отъ другихъ странъ Средней Азіи съ сѣвера и сѣверо-запада.

Такимъ образомъ въ той же самой депешѣ, исходный пунктъ нынѣшняго uti possidetis Ширъ-али-хана, ведетъ незамѣтно къ принятію состоянія владѣній Достъ-Магоммеда въ качествѣ естественной границы Афганистана.

Въ этомъ важномъ оттѣнкѣ и заключается разница взглядовъ нашего и лорда Мауо.

До настоящаго времени мы воздержались отъ выясненія ея при помощи офиціальнаго отвѣта на депешу генералъ-губернатора Индіи вслѣдствіе нѣсколькихъ причинъ.

Во первыхъ, данныя, касающіяся этихъ странъ, очень неполны и недостовѣрны. Немногочисленныя свидѣтельства туземцевъ, которыя имѣются, не заслуживаютъ вовсе довѣрія. Карты загадочны, основаны на предположеніяхъ и часто противорѣчатъ

другъ другу. Нѣтъ страны, настоящія и прошлыя, географическія и историческія условія которой были бы менѣе извѣстны. Далѣе было условлено, что порученіе собрать возможно болѣе свѣдѣній о политическомъ положеніи этихъ странъ будетъ возложено на генералъ-адъютанта Кауфмана, который въ виду близости и сношеній съ нѣкоторыми изъ нихъ, находится въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для выясненія этихъ вопросовъ. Необходимыя инструкціи ему были посланы и мы ждемъ результатовъ.

Наконецъ Императорскій кабинетъ полагаетъ, и мы надѣемся, что правительство Ея Британскаго Величества раздѣляетъ этотъ взглядъ, что въ настоящее время дѣло идетъ не объ установленіи какого бы то ни было порядка, но о томъ, чтобы благимъ принципамъ, относительно которыхъ оба правительства столь счастливо согласились, обезпечить практическое выполненіе и дальнѣйшее развитіе, которые бы позволили принять ихъ за основаніе прочной и постоянной политической системы, способной гарантировать на продолжительное время охраненіе ихъ интересовъ и взаимныхъ отношеній, также какъ и спокойствіе и благосостояніе странъ, лежащихъ между ихъ владѣніями.

Въ виду этого, намъ казалось, что сущность заключалась не въ томъ, чтобы спѣшить принятіемъ какого бы то ни было рѣшенія, рискуя его прочностью, если оно будетъ основано на неполныхъ и загадочныхъ данныхъ, которыя впослѣдствіи могли бы служить источникомъ разнорѣчивыхъ толкованій. Мы считали, напротивъ, что, разъ установлены общіе принципы, всего важнѣе было изучить возможно точнѣе мѣстность, къ которой ихъ предполагалось приложить, съ тѣмъ чтобы устранить возникновеніе какихъ бы то ни было недоразумѣній въ будущемъ и такимъ образомъ сдѣлать согласіе обоихъ правительствъ столь же прочнымъ при выполненіи, насколько оно было искренне при обсужденіи.

Однако, такъ какъ sir A. Buchanan съ настойчивостью вернулся къ этому вопросу предъ своимъ отъѣздомъ изъ Россіи, мы, не откладывая болѣе, рѣшили сообщить правительству Ея Британскаго Величества нашъ взглядъ по поводу вопроса, который насъ интересуетъ въ одинаковой степени.

№ 90. Графъ Грэнвилъ лорду Лофтусъ.

Министерство иностранныхъ дѣлъ 17 октября 1872.

Ваше сіятельство.

Правительству Ея Величества до настоящаго времени еще не сообщено петербургскимъ кабинетомъ донесеніе генерала Кауфмана, на котораго уже давно было возложено составленіе описанія странъ, лежащихъ къ югу отъ Оксуса, на которыя, какъ на наслѣдственныя владѣнія, предъявляетъ свои права правитель Афганистана.

Правительство Ея Величества ждало этого сообщенія въ полной увѣренности, что безпристрастныя изслѣдованія генерала Кауфмана подтвердятъ его собственные взгляды въ этомъ дѣлѣ, и такимъ образомъ дадутъ возможность обоимъ правительствамъ придти къ быстрому и окончательному рѣшенію вопроса, который столь долго уже обсуждался ими.

Но въ виду того, что сообщеніе имъ не получено и такъ какъ оно считаетъ весьма важнымъ какъ для сохраненія мира и спокойствія въ Средней Азіи, такъ и для устраненія всѣхъ поводовъ къ недоразумѣніямъ между Императорскимъ кабинетомъ и имъ самимъ, то, не откладывая далѣе, я рѣшилъ черезъ посредство вашего сіятельства извѣстить Императорское правительство о заключеніи, къ которому пришло правительство Ея Величества, послѣ тщательнаго обсужденія всѣхъ имѣющихся данныхъ.

По мнѣнію правительства Ея Величества права эмира Кабульскаго (Ширъ-али) на владѣніе землями до Оксуса внизъ до пункта Ходжа-сале вполнѣ выяснены, и оно считаетъ, и такъ заявило ему черезъ посредство индѣйскаго правительства, что онъ имѣетъ право защищать эти территоріи, если въ нихъ будетъ сдѣлано вторженіе. Съ другой стороны, правители Ея Величества въ Индіи объявили свое рѣшеніе энергически протестовать въ случаѣ, если эмиръ выкажетъ намѣреніе выступить за означенные предѣлы своего государства.

До настоящаго времени эмиръ выказалъ большую готовность выполнять совѣты индѣйскаго правительства и вполнѣ принялъ

мирную политику, которая ему была предложена, вслѣдствіе того, что индѣйское правительство могло сопровождать свои совѣты увѣреніями, что территоріальная неприкосновенность Афганистана будетъ точно также уважаема государствами, находящимися внѣ его владѣній и признающими вліяніе Россіи. Столь счастливо начатая политика дала самыя благодѣтельные результаты, утвердивъ миръ, въ странахъ, гдѣ онъ давно былъ неизвѣстенъ.

По мнѣнію правительства Ея Величества, нынѣ зависитъ отъ русскаго правительства, категорически признавъ права Кабульскаго эмира на земли, требуемыя имъ, признаваемыя за принадлежащія ему самою Бухарою и дѣйствительно нынѣ принадлежащія ему, какъ видно изъ всѣхъ добытыхъ до сихъ поръ данныхъ, способствовать британскому правительству въ упроченіи, насколько это въ человѣческихъ силахъ, мира и благосостоянія этихъ странъ, и устраненіи навсегда этимъ способомъ поводовъ къ недоразумѣніямъ и соперничеству между Англіею и Россіею въ политикѣ въ Азіи.

Для болѣе полнаго свѣдѣнія вашего превосходительства, я перечисляю земли и пограничныя области, которыя правительство Ея Величества считаетъ безспорно принадлежащими Кабульскому эмиру, именно:

1. Бадахшанъ, съ подчиненнымъ ему округомъ Ваханъ отъ Сарыкуля (озеро Вуда) на востокѣ до сліянія р. Кокча съ Аму-дарьею (или Пянджъ), составляющею сѣверную границу этой афганской провинціи на всемъ ея протяженіи.

2. Афганскій Туркестанъ, включающій Кундузъ, Хулмъ и Балхъ, сѣверную границу котораго составляетъ Оксусъ отъ сліянія его съ р. Кокча до пункта Ходжа-сале включительно, на большой дорогѣ отъ Бухары до Балха. Эмиръ не долженъ предъявлять никакихъ притязаній на лѣвый берегъ Оксуса ниже Ходжа-сале.

3. Внутренніе округа: Ахча, Сарыпулъ, Маймене, Шибирханъ и Андкой, изъ которыхъ послѣдній будетъ крайнимъ пограничнымъ афганскимъ владѣніемъ на сѣверо-западѣ, такъ какъ пустыня, лежащая за нимъ, принадлежитъ независимымъ туркменскимъ племенамъ.

4. Западная граница Афганистана между подчиненными Герату областями и персидскою провинціею Харосаномъ хорошо извѣстна и не требуетъ описанія.

Ваше сіятельство сообщите копію этой депеши русскому министру иностранныхъ дѣлъ.

Примите и проч.

(Подписано) Грэнвиль.

99. Князь Горчаковъ графу Бруннову (сообщено графу Грэнвилю графомъ Брунновымъ, 20-го декабря).

С.-Петербургъ, 7-го декабря 1872 г.

Ваше сіятельство уже получили копію депеши графа Гренвиля отъ 17-го октября, которую лордъ Лофтусъ сообщилъ намъ, согласно приказанію своего правительства.

Она касается средне-азіятскихъ дѣлъ.

Прежде нежели отвѣчать на нее, необходимо вспомнить ходъ нашихъ переговоровъ съ англійскимъ правительствомъ по этому вопросу.

Оба правительства были руководимы одинаковымъ желаніемъ устранить всякій поводъ къ разногласіямъ въ этой части Азіи. Оба желали установить такой порядокъ, который обезпечилъ бы въ ней миръ и упрочилъ бы ихъ отношенія дружбы и согласія.

Для сего они пришли къ соглашенію въ цѣлесообразности оставить между ихъ владѣніями нѣкоторую промежуточную зону, которая бы ихъ предохранила отъ непосредственнаго соприкосновенія.

Оставалось лишь начертать ея точную границу для того, чтобы согласіе обоихъ кабинетовъ оказалось столь же полное на практикѣ, какъ было достигнуто въ принципѣ.

Тутъ начинались сомнѣнія.

Основатель афганскаго государства, Достъ-Магоммедъ-ханъ, оставилъ послѣ себя безпорядокъ, который не позволялъ принять за основаніе территоріальное распространеніе, достигнутое Афганистаномъ въ нѣкоторые минуты царствованія хана.

Вслѣдствіе этого было условлено ограничиться землями, ко-

торыя прежде признавали власть Достъ-Магоммеда и кромѣ того въ настоящее время принадлежали Ширъ-Али-хану.

Оставалось выяснить состояніе этихъ владѣній съ желаемою точностью.

Для сего было необходимо получить положительныя мѣстныя данныя, которыхъ не имѣли оба правительства, объ этихъ удаленныхъ и мало извѣстныхъ странахъ.

Было условлено поручить генералъ-губернатору Туркестана, пользуясь пребываніемъ вблизи сосѣднихъ ханствъ и сношеніями съ ними, собрать всѣ свѣдѣнія, могущія выяснить вопросъ и дать возможность обоимъ правительствамъ составить практическое мнѣніе на основаніи положительныхъ данныхъ.

Какъ ваше сіятельство припомните, на этомъ остановились наши переговоры съ англійскимъ кабинетомъ.

Согласно этому рѣшенію, генералъ-адъютантъ Кауфманъ принялъ возможныя мѣры для производства этого предварительнаго разслѣдованія. Но затрудненія отъ разстояній, чрезвычайная запутанность вопросовъ, которые требовалось выяснить, отсутствіе достовѣрныхъ источниковъ и невозможность непосредственныхъ изслѣдованій не позволили ему выполнить эту задачу съ быстротою, которой мы желали не менѣе правительства Ея Величества.

Вотъ причина замедленій, упоминаемыхъ въ депешѣ лорда Грэнвиля.

Мы уже ранѣе заявляли о томъ, что эти замедленія происходили отъ серьезнаго вниманія, обращеннаго Императорскимъ Кабинетомъ на это дѣло. Легко было бы ограничиться кое какъ собранными свѣдѣніями, которыя впослѣдствіи послужили бы источникомъ недоразумѣній. Мы предпочли добросовѣстно изучить вопросъ, такъ какъ дѣло шло о томъ, чтобы установить прочное и постоянное основаніе политической организаціи Средней Азіи и добрыхъ и дружественныхъ отношеній, которыя оба правительства намѣревались построить на этомъ основаніи въ настоящемъ будущемъ.

Въ началѣ прошлаго октября мѣсяца, Императорское министерство получило возможность сообщить лорду Лофтусу и вашему сіятельству, что дѣйствительный статскій совѣтникъ Струве, ко-

торому были поручены эти изслѣдованія, наконецъ прибылъ въ Петербургъ, и что тотчасъ по разработкѣ собранныхъ имъ матеріаловъ, результаты будутъ сообщены лондонскому кабинету.

Во время этой работы, намъ была сообщена депеша лорда Грэнвиля, изъ которой мы ознакомились съ мнѣніемъ, на которомъ правительство Ея Величества остановилось относительно обсуждавшихся вопросовъ.

Императорскій кабинетъ, продолжая дѣйствовать въ духѣ соглашенія, установленнаго въ принципѣ между обоими правительствами, все же считаетъ своимъ долгомъ передать правительству Ея Величества свѣдѣнія, собранныя на мѣстѣ по приказанію туркестанскаго генералъ-губернатора, и изложить вполнѣ откровенно выводы, которые, по его мнѣнію, отсюда вытекаютъ.

Тѣ и другіе заключаются въ письмѣ (прилагаемомъ къ сему въ копіи) генералъ-адъютанта Кауфмана ко мнѣ и въ мемуарѣ, приложенномъ къ этому письму.

Я ихъ повторю вкратцѣ:

Вопросъ, который требовалось рѣшить, имѣлъ двѣ стороны:

1. Выяснить дѣйствительное настоящее положеніе владѣнія, насколько это возможно сдѣлать въ этихъ странахъ.

2. Изыскать, основываясь на этомъ statuquo, наилучшее начертаніе пограничной линіи, соотвѣтствующее цѣли настояшихъ переговоровъ, т. е. устраненію, въ предѣлахъ возможнаго, поводовъ столкновеній и взаимныхъ захватовъ между сосѣдними ханствами и слѣдовательно обезпеченію, насколько возможно, между ними мира, который оба правительства, каждое съ своей стороны, должны стараться поддерживать всѣмъ вліяніемъ, которымъ они пользуются.

Относительно этихъ обѣихъ сторонъ дѣла, произведенныя изслѣдованія даютъ такіе выводы:

1. На сѣверѣ Аму-Дарья дѣйствительно составляетъ нормальную границу Афганистана отъ сліянія съ р. Кокча до пункта Ходжа-сале.

Въ этомъ отношеніи наши данныя вполнѣ согласны съ мнѣніемъ правительства Ея Величества и граница, о которой идетъ рѣчь, представляется тѣмъ болѣе раціональною, что она не за-

ключаетъ данныхъ для пререканій со стороны прибрежныхъ владѣтелей.

2. На сѣверо-востокѣ, положительныя данныя собранныя нами, указываютъ, что сліяніе Аму-Дарьи съ р. Кокча есть предѣлъ земель, на которыя простирается безспорно дѣйствительная власть Ширъ-али-хана. За этой границею, именно относительно Бадахшана и Вахана, было невозможно прослѣдить признаки подобнаго владѣнія,—напротивъ, въ общемъ, собранныя свѣдѣнія даютъ многочисленныя указанія, на основаніи которыхъ приходится разсматривать эти страны какъ независимыя. Изъ сообщенія правительства Ея Величества, сдѣланнаго намъ въ прошломъ ноябрѣ, видно, что по свидѣтельству маіора Монгомери, эмиръ Кабула имѣетъ „значительную власть“ въ Бадахшанѣ, и что афганцы помогли Махмудъ-шаху свергнуть эмира этой страны, Джегандаръ-хана; но эти самые факты указываютъ на дѣйствительную независимость Бадахшана, скорѣе нежели на дѣйствительное подданство его кабульскому эмиру. Свѣдѣнія, собранныя г. Струве и заключающіяся въ его мемуарѣ, подтверждаютъ этотъ выводъ. Онѣ указываютъ, правда, факты вмѣшательства афганскаго эмира во внутреннія споры Бадахшана и попытки заставить оплатить свою помощь податью; но не видны признаки, сопровождающія въ Азіи проявленія владѣнія, т. е. присутствіе въ самой странѣ афганскихъ властей и сборщиковъ податей. Начальники Бадахшана считали себя сами, и признаются своими сосѣдями, независимыми правителями.

Отсюда слѣдуетъ, что можно лишь признать, что Кабульскій эмиръ пытался нѣсколько разъ вернуть Бадахшанъ подъ свою власть, и что нѣсколько разъ, пользуясь внутренними смутами, онъ имѣлъ на дѣла этой страны вліяніе, основанное на сосѣдствѣ и превосходствѣ силъ; но совершенно невозможно отсюда вывести существованіе дѣйствительной и безспорной власти.

Что касается до Вахана, то эта страна до настоящаго времени еще болѣе внѣ сферы всякаго прямаго дѣйствія правителей Афганистана.

3. Остается разсмотрѣть слѣдуетъ-ли, при данныхъ обстоятельствахъ и принимая во вниманіе цѣль, совмѣстно преслѣдуемую,

т. е. утвержденіе въ этихъ странахъ прочнаго мира, гарантированнаго обоими правительствами, признать права, предъявляемыя Кабульскимъ эмиромъ на Бадахшанъ и Ваханъ, и включить эти двѣ страны въ предѣлы Афганистана.

Генералъ-адъютантъ Кауфманъ держится противнаго мнѣнія и Императорскій кабинетъ пришелъ къ тому-же заключенію.

При настоящемъ положеніи дѣлъ Бадахшанъ не имѣетъ столкновеній съ своими сосѣдями. Бухара не имѣетъ притязаній на эту страну. Впрочемъ оба государства слишкомъ слабы, слишкомъ поглощены своими собственными дѣлами, чтобы ссориться другъ съ другомъ. Англіи и Россіи пришлось-бы лишь заботиться о поддержаніи мира какъ между этими ханствами, такъ и между Бадахшанамъ и Афганистаномъ, и эта задача, какъ кажется, не была-бы выше ихъ силъ. Не то будетъ имѣть мѣсто, когда Кабульскій эмиръ распространитъ свою власть на Бадахшанъ и Ваханъ. Онъ будетъ непосредственно граничить съ Кашгаромъ, Кокандомъ и Бухарою, отъ которыхъ онъ нынѣ отдѣленъ этими двумя странами; тогда будетъ гораздо труднѣе избѣгнуть столкновеній, происходящихъ или вслѣдствіе его честолюбія и сознанія своей силы, или-же вслѣдствіе зависти его сосѣдей.

Это значило-бы основать на весьма шаткомъ фундаментѣ миръ, который требуется упрочить въ этихъ странахъ, и подвергнуть опасности гарантію его обоими правительствами.

Такимъ образомъ, намъ кажется, что комбинація прямо противорѣчитъ совмѣстно преслѣдуемой цѣли.

Казалось-бы болѣе цѣлесообразнымъ оставить существующій нынѣ порядокъ вещей. Бадахшанъ и Ваханъ такимъ образомъ составятъ преграду, воздвигнутую между сѣверными и южными странами Средней Азіи, и эта преграда, усиленная соединеннымъ дѣйствіемъ, которое Англія и Россія могутъ проявить на тѣ изъ этихъ странъ, которыя подчиняются ихъ вліянію, дѣйствительно воспрепятствовала-бы всякому опасному соприкосновенію, и обезпечила-бы, по нашему мнѣнію, насколько возможно, миръ въ этихъ странахъ.

3. Что касается до границъ Афганистана съ сѣверо-западной стороны, начиная отъ Ходжа-сале, то по нашимъ свѣдѣніямъ

также представляются сомнительными факты, что Кабульскій эмиръ дѣйствительно владѣетъ городами: Ахча, Сарыпуль, Маймене, Шибирханъ и Андкой, которые нынѣ предполагается включить во владѣнія Афганистана.

Впрочемъ, такъ какъ сти страны отдѣлены отъ Бухары пустынями, то присоединеніе ихъ къ Афганистану не имѣло-бы послѣдствіемъ опасныхъ соприкосновеній, о которыхъ мы заявляли на сѣверо-востокѣ. Въ виду этого оно не представило-бы такихъ-же неудобствъ.

Если правительство Ея Величества продолжаетъ считать цѣлесообразнымъ включеніе этихъ мѣстностей въ предѣлы Афганистана, то мы не будемъ настаивать на условленномъ принципѣ, т. е. на признаніи частью Афганистана только тѣхъ земель, которыя, бывъ подъ властью Достъ-Магоммедъ-хана, и въ настоящее время дѣйствительно принадлежатъ Ширъ-али-хану.

Въ исполненіе желанія правительства Ея Величества, Императорскій кабинетъ готовъ присоединиться относительно этой части границы къ начертанію, указазанному въ депешѣ лорда Грэнвиля.

Таковы, графъ, выводы, которые мы считаемъ возможнымъ сдѣлать изъ имѣющихся у насъ данныхъ.

Благоволите представить ихъ первому министру Ея Величества.

Сообщая ихъ его сіятельству, мы имѣемъ въ виду не только исполнить данное обѣщаніе. Мы надѣемся поступить сообразно съ идеею, которая съ самаго начала руководила дружественнымъ обмѣномъ мыслей между обоими государствами, стараясь рѣшить наиболѣе раціональнымъ образомъ вопросъ, одинаково интересующій ихъ.

Примите и проч.

(Подписалъ) Горчаковъ.

Приложеніе къ № 99.

Генералъ Кауфманъ князю Горчакову.

С.-Петербургъ. 29 ноября 1872.

Имѣю честь представить при семъ вашей свѣтлости мемуаръ по вопросу о сѣверной границѣ Афганистана. Этотъ мемуаръ

составленъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ и матеріаловъ, которые мнѣ удалось собрать въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, относительно положенія дѣлъ на границѣ Афганистана и Бухары и относительно независимыхъ странъ по верхнему теченію Аму-Дарьи.

Данныя эти, признаюсь, далеко не полныя.

Личное наблюденіе или изслѣдованіе, произведенное на мѣстѣ, въ Средней Азіи составляетъ единственный способъ выясненія какого-бы то ни было вопроса политическаго или географическаго. До настоящаго времени я не прибѣгалъ къ этому способу. Посылка русскаго служащаго въ эти страны, хотя-бы подъ предлогомъ ученой экспедиціи, могла-бы возбудить волненія въ Афганистанѣ и подозрѣнія и опасенія со стороны индѣйскаго правительства. Я старался избѣгнуть всего, что могло-бы какимъ-бы то ни было образомъ повредить удовлетворительному состоянію нашихъ отношеній, установившемуся вслѣдствіе дружественнаго и искренняго обмѣна мыслей между правительствами Императорскимъ и Ея Величества.

Я уже имѣлъ честь докладывать Вашей Свѣтлости мое мнѣніе объ одной изъ причинъ волненій средне-азіятскихъ ханствъ, пограничныхъ и сосѣднихъ съ Россіею. Дѣло въ томъ, что наши сосѣди, особенно афганцы, проникнуты убѣжденіемъ, что между Россіею и Англіею существуетъ вражда, которая рано или поздно поведетъ насъ къ столкновенію съ Англіею въ Азіи.

Сообразуясь съ намѣреніями и видами министерства иностранныхъ дѣлъ, я стремлюсь совершенно устранить даже призракъ столкновенія, будто-бы неминуемаго, двухъ великихъ державъ. Въ моихъ сношеніяхъ съ Кокандомъ и Бухарою, и особенно въ письмахъ къ Ширъ-али-хану, я всегда упоминаю объ общности видовъ и дружбѣ, существующей между нами и Англіею, и стремлюсь доказать, что эти двѣ державы, какъ Россія, такъ и Англія, одинаково озабочены поддержаніемъ спокойствія въ странахъ и среди народовъ, находящихся въ сферѣ ихъ вліянія и покровительства. Вотъ по какой причинѣ, до настоящаго времени, я не рѣшился послать кого-либо на мѣсто, для собиранія свѣдѣній по вопросамъ, предложеннымъ мнѣ Императорскимъ министерствомъ.

Такое положеніе одинаково выгодно, какъ для насъ, такъ и для Англіи. Но оно можетъ измѣниться, если будутъ гарантированы Ширъ-али-хану владѣнія въ предѣлахъ предложенныхъ въ настоящее время лордомъ Грэнвилемъ въ его депешѣ лорду Лофтусу отъ $^{5}/_{17}$ прошлаго октября. Подобная гарантія сильно возвысить его престижъ и онъ попытается немедленно завладѣть de facto землями, которыя ему будутъ назначены. Прежде всего онъ обратится въ сторону Бадахшана и Вахана, какъ наиболѣе легкой и доступной добычи. Пріобрѣтя эти двѣ территоріи, онъ удлинитъ свою линію соприкосновенія съ Бухарою и станетъ бокъ о бокъ съ Каратегиномъ, откуда до Коканда рукою подать. Сѣверо-восточные-же предѣлы его будутъ граничить съ владѣніями Якубъ-бека. Вотъ путь, который прямо ведетъ къ столкновенію съ Россіею.

Если британское правительство дѣйствительно одушевлено тѣмъ же желаніемъ, какъ и мы, поддержать миръ и спокойствіе въ ханствахъ, отдѣляющихъ насъ отъ англійскихъ владѣній въ Индіи, если англичане согласятся повѣрить нашимъ искреннимъ заявленіямъ, что мы даже не думаемъ предпринимать что бы то ни было враждебное противъ ихъ владѣній въ Индіи, то простой здравый смыслъ долженъ указать имъ на необходимость признать независимость Бадахшана и Вахана, какъ отъ кабульскаго эмира, такъ и отъ бухарскаго.

Приложеніе 2 къ № 29 Меморандумъ.

Строго говоря, владѣнія эмира Ширъ-али-хана простираются на востокъ лишь до меридіана, проходящаго чрезъ пунктъ сліянія р. Кокча съ Аму-дарьею. Эта линія отдѣляетъ Бадахшанъ и Ваханъ отъ провинціи Кундузъ, составляющей безспорно часть владѣній Ширъ-али-хана. Она была присоединена къ Афганистану лѣтъ 20 тому назадъ сыномъ Достъ Магоммеда, Магоммедъ-Афзалъ-ханомъ, который въ то время былъ губернаторомъ Балха. Афзалъ-ханъ, какъ мы узнаемъ изъ англійскихъ источниковъ, сдѣлалъ безуспѣшную попытку овладѣть Бадахшаномъ, которая впрочемъ имѣла послѣдствіемъ то, что миръ Бадахшана, дабы обезпечить безопасность своихъ владѣній, обязался платить

Достъ-Магоммедъ-хану ежегодную контрибуцію по 2 рупіи съ дыма и предоставить ему залежи рубиновъ и лапись-лазули, находящіяся въ своихъ владѣніяхъ. Впрочемъ это обязательство не было исполнено; по смерти Достъ-Магоммеда, правители Бадахшана, не желавшіе подчиненія Кабулу, стали искать покровительства Бухары. Эмиръ Сеидъ Музафаръ впрочемъ отклонилъ всякое вмѣшательство въ дѣла Бадахшана, не потому, что онъ считалъ эту страну подчиненною Афганистану, а вслѣдствіе того, что въ это время онъ съ тревогою слѣдилъ за успѣхами нашего оружія въ Средней Азіи и собирался идти противъ Коканда.

Джегандаръ-шахъ, управлявшій въ то время Бадахшаномъ, былъ государь совершенно независимый и признавался таковымъ всѣми своими сосѣдями. Онъ былъ въ дружбѣ съ Магоммедъ-Афзалъ-ханомъ и его сыномъ, Абдулъ-рахманъ-ханомъ, и не платилъ имъ никакой подати. Когда Ширъ-али-ханъ, побѣдивъ Абдулъ-рахманъ-хана, занялъ Кабулъ и Балхъ и подчинилъ себѣ весь Афганистанъ, онъ отправилъ посольство Джегандаръ-хану, приглашая его выполнить обязательства, принятыя имъ на себя въ прежнее время. Джегандаръ-шахъ отвѣчалъ отказомъ. Тогда Махмудъ-шахъ, его племянникъ, при помощи афганскихъ войскъ, свергъ своего дядю, завладѣлъ Фэзабадомъ, главнымъ городомъ Бадахшана, въ то время, какъ его младшій братъ Мизрабъ-шахъ овладѣвалъ Чай-абомъ, главнымъ городомъ провинціи Рустанъ. Нынѣ оба брата платятъ Ширъ-али-хану, въ багодарность за оказанную имъ помощь ежегодную сумму въ 15,000 рупій (9000 р.). Впрочемъ за исключеніемъ весьма небольшаго числа афганскихъ авантюристовъ, въ Бадахшанѣ не встрѣчаются ни чиновники, ни войска кабульскаго эмира, а самъ народъ ненавидитъ афганцевъ.

Эти свѣдѣнія, доставленныя Абдулъ-рахманъ ханомъ, а частью посланными балхскаго сердаря, пріѣзжавшими въ Ташкентъ, подтверждены словами Алифъ-бека, бывшаго губернатора Сарыкуля (провинція Кашгара, граничащая съ Ваханомъ), прибывшаго въ Ташкентъ въ августѣ сего года. Кромѣ сего онъ сообщилъ, что Джегандаръ-шахъ, законный правитель Бадахшана, бѣжавшій сначала въ Бухару, впослѣдствіи вернулся черезъ Самаркандъ и Кокандъ въ Шугнанъ.

Такое положеніе дѣлъ въ Бадахшанѣ ясно доказываетъ, что эмиръ Ширъ-али-ханъ не можетъ заявлять притязаній на владѣніе Бадахшаномъ какъ на наслѣдіе, завѣщанное ему Достъ-Магоммедъ-ханомъ, и что его власть еще не утвердилась въ Бадахшанѣ; Махмудъ-шахъ и Мизрабъ-шахъ, настоящіе правители Бадахшана, не считаютъ себя беками кабульскаго эмира и уплачиваютъ ему подать лишь въ видахъ своей безопасности, и для огражденія отъ нападеній со стороны разбойниковъ Кундуза. Кромѣ того, они еще опасаются своего дяди Джегандаръ-шаха.

Нѣтъ указаній на то, что положеніе дѣлъ въ Бадахшанѣ можетъ измѣниться въ скоромъ будущемъ въ пользу Ширъ-али-хана, а съ другой стороны ясно, что существующій порядокъ въ этой странѣ отвѣчаетъ, приблизительно, видамъ, которые мы преслѣдовали въ средней Азіи съ общаго согласія и по предварительномъ и добровольномъ соглашеніи съ Англіею. Также ничто не указываетъ на возможность столкновенія между Афганистаномъ и Бухарою со стороны Бадахшана; эмиръ Сеидъ-Музафаръ не предъявляетъ притязаній на владѣніе этою страною. Точно также Ширъ-али-ханъ, который съ трудомъ поддерживаетъ слабое подобіе власти въ Бадахшанѣ, не въ состояніи оказывать какое бы то ни было вліяніе на дѣла Кулаба и Гиссара, бухарскихъ городовъ, ближайшихъ къ Бадахшану. Офиціальное признаніе Россіею и Англіею правъ Ширъ-али-хана на эту страну побудятъ немедленно этого государя употребить всѣ усилія, чтобы утвердиться въ Фэзабадѣ и Рустанѣ и разъ онъ этого достигнетъ столкновеніе между Афганистаномъ и Бухарою сдѣлается неизбѣжнымъ. Въ подтвержденіе этого достаточно вспомнить, что прежній бекъ Гиссара, возмутившійся въ 1869 г. противъ эмира Сеидъ-Музафара и въ 1870 г. бѣжавшій въ Афганистанъ, уже пытался вернуть себѣ власть при помощи афганцевъ, которымъ онъ обѣщалъ полное подчиненіе кабулскому эмиру всей провинціи Гиссаръ и Кулабъ. Эта комбинація не была выполнена; это объясняется тѣмъ, что власть Ширъ-али-хана въ Бадахшанѣ совершенно ничтожна и что эмиръ не располагалъ въ этой странѣ никакими средствами для нападенія.

На востокъ отъ Бадахшана, въ верхнемъ бассейнѣ Аму-Дарьи находится мало извѣстная страна, называемая Ваханъ. Страна эта, иногда называемая Дарья-пянджъ (пять рѣкъ) отъ пяти главныхъ рѣкъ—истоковъ Аму-дарьи, граничитъ съ сѣвера съ Паміромъ, отдѣляющимъ ее отъ Каратегина, съ востока—съ Сары-кулемъ, составляющимъ часть владѣній Якубъ-бека; съ юга она отдѣлена отъ Читралъ (страны, совершенно независимой отъ Кабула) горами Нукъ-санъ, составляющими продолженіе Гиндукуша.

Ваханъ управляется особымъ начальникомъ, но бѣдность жителей и безплодіе почвы этой горной страны поставило и его въ зависимость отъ Бадахшана; впрочемъ беки этого послѣдняго воздерживаются отъ вмѣшательства въ его внутреннія дѣла. Разъ въ годъ начальникъ Вахана уплачиваетъ беку Бадахшана извѣстную сумму денегъ; но нѣтъ никакихъ прямыхъ сношеній этой страны съ Афганистаномъ.

Дорога, соединяющая Кундузъ съ Сары-кулемъ, Яркендомъ и Кашгаромъ, пересѣкаютъ Бадахшанъ и Ваханъ; по нѣкоторымъ даннымъ, имѣющимся въ нашемъ распоряженіи, эта дорога длиннѣе прямаго пути изъ Пешавера въ Яркендъ, пройденнагѡ Mr. Shaw.

Что касается до Аму-дарьи, то эта рѣка служитъ границей между Афганистаномъ и Бухарой приблизительно на протяженіи 200 верстъ, отъ впаденія р. Кокча на востокѣ, до пункта, гдѣ оба берега принадлежатъ Бухарѣ, именно до переправы Чука-гузеръ, находящейся противъ бухарской деревни Ходжа-сале, расположенной на правомъ берегу рѣки.

Наконецъ, что касается до сѣверо-западной границы Афганистана, то хотя и есть большія сомнѣнія относительно факта принадлежности Кабульскому эмиру городовъ Ахча, Сарыпулъ, Маймене, Шибирханъ и Андкой, лежащихъ на западъ отъ Балха, но здѣсь можно принять во вниманіе, что вся эта страна отдѣлена отъ бухарскихъ владѣній пустынею, трудно проходимою и даже частью песками, и что слѣдовательно немедленное столкновеніе Бухары съ Афганистаномъ представляется здѣсь менѣе вѣроятнымъ.

№ 105. Графъ Грэнвиль Лорду Лофтусу.

Министерство иностранныхъ дѣлъ. 24 января 1872.

Ваше сіятельство. Правительство Ея Величества внимательно разсмотрѣло положенія и аргументы, содержащіеся въ депешѣ князя Горчакова отъ 7/19 декабря и въ приложенныхъ документахъ, которые сообщены мнѣ русскимъ посломъ 17/29 декабря, а Вашему Сіятельству княземъ Горчаковымъ 29 того-же мѣсяца.

Правительство Ея Величества съ удовольствіемъ признаетъ въ откровенныхъ и дружественныхъ выраженіяхъ этой депеши тотъ-же примирительный духъ, который руководилъ и мною при передачѣ въ депешѣ отъ 17 октября черезъ ваше сіятельство русскому правительству взглядовъ правительства Ея Величества на пограничную линію, которую Ширъ-али, правитель Кабула, считаетъ границею своихъ владѣній.

Правительство Ея Величества видитъ съ большимъ удовольствіемъ, что относительно главной части этой линіи, Императорское правительство согласно съ желаніями Ширъ-али, и оно полагается на дружественныя чувства Императора, представляя на разсмотрѣніе его, какъ я нынѣ поручаю вашему сіятельству сдѣлать, новый сводъ основаній, послужившихъ правительству Ея Величества для признанія правильными притязаній Ширъ-али на остальную часть границы, названной въ моей депешѣ отъ 17 октября.

Возраженія, приведенныя въ депешѣ князя Горчакова, касаются той части притязаній Ширъ-али, на основаніи которой провинція Бадахшанъ съ зависимымъ отъ нея округомъ Ваханъ должна быть включена въ предѣлы Афганистана. Императорское правительство утверждаетъ, что провинція Бадахшанъ съ зависимымъ отъ нея округомъ Ваханъ не была формально включена въ земли Ширъ-али и потому не составляетъ законно части Афганскаго государства.

На это правительство Ея Величества возражаетъ, что Кабульскій эмиръ, утвердивъ завоеваніемъ свою власть въ Бадахшанѣ, и достигнувъ самымъ формальнымъ образомъ подчиненія начальниковъ и народа этой провинціи, имѣетъ право установить въ ней

форму правленія, какую онъ считаетъ наиболѣе соотвѣтствующею положенію дѣлъ въ данное время. На основаніи этого права онъ назначилъ мѣстнаго губернатора и согласился въ видѣ опыта получать опредѣленную часть доходовъ страны, не принимая на себя общую финансовую и другую администрацію. Но эмиръ вполнѣ ясно оставилъ за собою право измѣнить этотъ порядокъ, введенный первоначально лишь на одинъ годъ, подчинить въ каждую данную минуту Бадахшанъ непосредственному управленію Кабула и соединить доходы провинціи съ общими доходами Афганскаго государства. Правительство Ея Величества не усматриваетъ въ этихъ обстоятельствахъ чего-либо уменьшающаго основательность притязаній Ширъ-али на неограниченное право владѣнія Бадахшаномъ. Завоеваніе и подчиненіе провинціи были полныя; и нельзя утверждать, что установленная въ видѣ опыта форма правленію, которую эмиръ, на основаніи признаннаго права владѣнія, нашелъ цѣлесообразнымъ ввести въ Бадахшанѣ, можетъ отдѣлить эту провинцію отъ другихъ земель на югѣ отъ Оксуса, владѣніе которыми признано за Кабульскимъ эмиромъ безъ всякаго колебанія русскимъ правительствомъ.

Правительство Ея Величества также обратило вниманіе на то, что въ тѣхъ частяхъ сообщенія русскаго правительства, на которыя я нынѣ отвѣчаю, возраженіе противъ признанія власти эмира Ширъ-али надъ Бодахшаномъ и Ваханомъ, основывается частью на выраженномъ опасеніи, что включеніе ихъ въ предѣлы Афганистана повлечетъ за собою нарушеніе мира въ Средней Азіи, и особенно побудитъ эмира распространять свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ странъ. Я обращалъ вниманіе, въ своей депешѣ отъ 17 октября, на успѣхъ, которымъ увѣнчались совѣты индѣйскаго правительства афганскому эмиру относительно принятія политики, имѣвшей результатомъ водвореніе мира въ странахъ, гдѣ онъ давно не былъ извѣстенъ; и правительство Ея Величества не видитъ причинъ почему одинаковые же результаты не будутъ достигнуты подобными же совѣтами. Правительство Ея Величества не преминетъ выяснить эмиру самымъ энергическимъ образомъ выгоды отъ признанія Великобританіей и Россіею границъ, имъ заявленныхъ, и вытекающихъ изъ этого для него обяза-

тельствъ воздерживаться отъ всякаго наступленія, и правительство Ея Величества и далѣе будетъ проявлять свое вліяніе въ этомъ же направленіи.

Съ другой стороны, правительство Ея Величества полагаетъ, что если Бадахшанъ и Ваханъ, которые, по его мнѣнію, эмиръ справедливо считаетъ своими владѣніями, будутъ признаны Англіею или Россіею, или одною изъ нихъ, совершенно независимыми отъ Афганистана, эмиръ можетъ пытаться подтвердить свои притязанія оружіемъ; въ этомъ случаѣ быть можетъ Бухара постарается воспользоваться случаемъ подчинить себѣ округа слишкомъ слабые для сопротивленія Афганистану и такимъ образомъ миръ въ Средней Азіи будетъ нарушенъ и явятся поводы къ недоразумѣніямъ между Великобританіею и Россіею, избѣгнуть которыхъ было бы столь желательно и которые будутъ одинаково тягостны для обѣихъ сторонъ.

Вслѣдствіе этого правительство Ея Величества увѣрено, что Императорское правительство, безпристрастно оцѣнивъ эти соображенія, согласится съ признаніемъ правъ Ширъ-али, сдѣланнымъ первымъ изъ нихъ, какъ указано въ моей октябрской депешѣ, и поступивъ такимъ образомъ, положитъ конецъ неосновательнымъ планамъ азіятскихъ народовъ, разсчитывающихъ, что между Великобританіею и Россіею существуютъ рѣзкія несогласія, и основывающихъ на этомъ свои надежды воспользоваться пограничными спорами для увеличенія своихъ территорій.

Правительство Ея Величества счастливо, что можетъ надѣяться на окончательное рѣшеніе обоихъ правительствъ по вопросу о границахъ Афганистана, подробности котораго столь долго обсуждались.

Благоволите, ваше сіятельство, прочесть и передать копію этой депеши князю Горчакову.

Примите и проч.

(Подписано) Грэнвиль.

№ 107. Князь Горчаковъ графу Бруннову. (Сообщено графу Грэнвилю графомъ Брунновымъ 5 февр.)

С.-Петербургъ, 19/31 января 1873 г.

Ваше сіятельство. Лордъ А. Лофтусъ сообщилъ мнѣ отвѣтъ

перваго министра Ея Величества на нашу депешу по поводу Средней Азіи отъ $^{7}/_{19}$ декабря. При семъ приложена копія этого документа.

Съ удовольствіемъ мы усматриваемъ, что англійскій кабинетъ продолжаетъ въ этихъ странахъ преслѣдовать ту же цѣль, какъ и мы, т. е. водвореніе въ нихъ мира и насколько возможно спокойствія.

Разногласіе нашихъ взглядовъ касалось границъ владѣній Ширъ-али.

Англійскій кабинетъ включаетъ въ нихъ Бадахшанъ и Ваханъ, которые по нашему мнѣнію пользуются извѣстною независимостью. Въ виду трудности подробно изслѣдовать дѣйствительное положеніе дѣлъ въ этихъ отдаленныхъ странахъ, въ виду болѣе благопріятныхъ условій, въ которыхъ находится Британское правительство, для полученія точныхъ данныхъ, и особенно въ виду нежеланія придать этому частному вопросу болѣе значенія, нежели онъ заслуживаетъ, мы не отказываемся признать англійскую пограничную черту.

Мы тѣмъ охотнѣе склоняемся на это доказательство предупредительности (acte de courtoisie), что англійское правительство принимаетъ на себя обязательство употребить свое вліяніе для удержанія Ширъ-али на пути мира и настоять на отклоненіи его отъ всякаго дальнѣйшаго наступленія или завоеванія. Вліяніе это безспорно. Оно основывается не только на матеріальномъ и нравственномъ превосходствѣ Англіи, но также на субсидіяхъ, которыя отъ нея получаетъ Ширъ-али. Вслѣдствіе этого мы можемъ въ немъ видѣть дѣйствительную гарантію сохраненія мира.

Благоволите, Ваше сіятельство, сообщить вышесказаное первому министру Ея Величества и передать ему копію этой депеши.

Мы убѣждены, что лордъ Грэнвиль увидитъ въ ней новое доказательство значенія, которое Его Величество Государь Императоръ придаетъ поддержанію и упроченію наилучшихъ отношеній къ правительству Ея Величества.

Примите и проч.

(Подписано) Горчаковъ.

№ 109. Совѣтъ генералъ-губернатора Индіи герцогу Аргайлю.

Фортъ Уиліямъ. 10 января 1873 г.

1) Имѣемъ честь извѣстить ваше сіятельство о полученіи вашихъ депешъ относительно границъ Бухары и Афганистана.

2) Граница, предложенная русскому правительству, вполнѣ согласна съ нашими взглядами и предположеніями, какъ изложено въ нашихъ депешахъ къ вашему сіятельству. Мы надѣемся что рѣшеніе этого важнаго вопроса совершится въ возможно скорѣйшемъ времени.

Примите и проч.

(Подписано) Northbrook, Temple, Ellis, Norman, Hobhouse, Bayley.

ЗАМѢТКИ
О ЗАКАСПІЙСКОМЪ КРАѢ
и
СОПРЕДѢЛЬНЫХЪ СТРАНАХЪ.

П. М. Лессара.

ПУТИ ИЗЪ АСХАБАДА КЪ ГЕРАТУ.

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1881 года, сдѣлалъ я первое путешествіе по Атеку и Хорасану [1]). Хотя съ того времени до второй моей поѣздки, въ апрѣлѣ 1882 года, прошло всего четыре мѣсяца, но весьма многое измѣнилось въ положеніи края, вслѣдствіе того, что отношенія русскихъ какъ къ ахальцамъ, такъ и къ сосѣднимъ непокореннымъ туркменамъ разныхъ племенъ успѣли выясниться. Штурмъ Геоктепе, 12-го января 1881 года, былъ послѣднимъ военнымъ дѣйствіемъ въ Закаспійскомъ краѣ: о дальнѣйшемъ сопротивленіи въ Ахалѣ не могло быть и рѣчи. Но значительная часть жителей, бѣжавшихъ во время войны и послѣ штурма въ Мервъ и на Тедженъ, несмотря на полное прощеніе, объявленное вернувшимся, не могла отрѣшиться отъ азіятскихъ понятій объ участи побѣжденныхъ и все еще не увѣренная, что̀ ее ждетъ, не рисковала явиться на прежнія свои мѣста.

Большое впечатлѣніе произвелъ на текинцевъ пріѣздъ въ Асха-

---

[1]) Сообщеніе о немъ читано въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, 26-го января 1882 года.

бадъ Тыкма-сердара [1]). Милостивый пріемъ, оказанный ему въ Петербургѣ, высокая награда, полученная сердаромъ, успокоили самыхъ недовѣрчивыхъ, и когда онъ поѣхалъ въ Мервъ, то разсказы его обо всемъ видѣнномъ, о силѣ и величіи Россіи значительно охладили пылъ той части мервцовъ, которая думала о дальнѣйшей борьбѣ; жители же Ахала, убѣжденные его увѣреніями, что все прошлое забыто, что прощеніе полное, а будущее зависитъ отъ поведенія ихъ самихъ, рѣшили, по сборѣ сдѣланныхъ ими въ Мервѣ и на Тедженѣ посѣвовъ, вернуться въ свои селенія. На это рѣшеніе, конечно, немало повліяло и то обстоятельство, что въ Мервѣ неохотно принимаютъ чужихъ, такъ какъ сами мервцы начинаютъ терпѣть отъ недостатка земли и воды и ищутъ новыхъ мѣстъ для поселенія. Обратное движеніе началось въ сентябрѣ и послужило сигналомъ полнаго умиротворенія края. Бывшіе до того времени рѣдкіе случаи грабежей, какъ на персидской границѣ, такъ и въ степи, по путямъ въ Хиву и Бухару, совершенно прекратились. Мервскіе текинцы, населявшіе Атекъ, при моей поѣздкѣ въ ноябрѣ, до этого времени никогда не видѣли френги [2]) и потому принимали насъ хотя и дружелюбно, но все же со сдержанностью и боязливостью азіятцовъ, первый разъ видящихъ европейца; съ тѣхъ поръ они ознакомились съ русскими, являясь все чаще и чаще въ Асхабадъ, сначала изъ любопытства, а потомъ и для покупокъ. Изъ Мерва и съ Теджена еще ранѣе были депутаціи для выраженія чувствъ дружбы къ Россіи; въ доказательство своей дружбы текинцы освободили артиллерійскаго солдата Кидяева, бывшаго у нихъ въ плѣну съ хивинскаго похода, и возвратили имущество, ограбленное, въ августѣ, у ахальцовъ, шедшихъ съ караваномъ изъ Хивы. Въ февралѣ нынѣшняго года караванъ купца Коншина съ краснымъ товаромъ проникъ даже въ самый Мервъ. Въ это время край уже былъ настолько умиротворенъ, что для поѣздки изъ Асхабада въ Серахсъ не требовалось никакого прикрытія; совершенно достаточно было двухъ-трехъ человѣкъ прислуги, необходимыхъ при путешествіи, вооружить ружьями противъ случайныхъ воровъ. Жители Атека не только принимали съ почестями русскихъ гостей, но постоянно являлись просить какой-нибудь службы. Этимъ я и воспользовался, когда мнѣ потребова-

---

[1]) Бывшій предводитель текинцовъ подъ Геоктепе. Онъ умеръ въ іюнѣ прошлаго года въ Бами.

[2]) Обозначаетъ вообще европейца.

лось прикрытіе для поѣздки по Гери-руду и землямъ сарыковъ. При настоящемъ положеніи края, и въ этихъ мѣстахъ большой опасности для русскаго путешественника быть не можетъ; но все же ѣздить по нимъ необходимо съ приличнымъ конвоемъ, такъ какъ во всякомъ племени всегда могутъ найтись мелкія шайки разбойниковъ, а при разнообразіи племенъ, населяющихъ эту мѣстность, и при отдаленности ея отъ русскихъ владѣній, мало вѣроятія даже узнать, кѣмъ было сдѣлано нападеніе, и потому разбойники могутъ гораздо болѣе разсчитывать на безнаказанность, нежели въ близкомъ къ намъ Атекѣ.

Доставить мнѣ прикрытіе взялись старшины деревни Кахка. Они обязались поставить 20 туркменъ-аліели на хорошихъ лошадяхъ; жалованье имъ было положено по 40 рублей въ мѣсяцъ; люди должны были сами заботиться о прокормленіи себя и своихъ лошадей. Десяти человѣкамъ были даны берданки изъ Асхабада, а остальные десять были вооружены своими ружьями, заряжающимися съ дула; кромѣ ружей, всякій аліелинецъ имѣлъ еще на себѣ цѣлый арсеналъ: два или три старые пистолета, шашку и ножъ.

I.

Атекъ.

16-го апрѣля, вечеромъ, выѣхалъ я изъ Асхабада и 21-го прибылъ въ Серахсъ, сдѣлавъ дневку въ Кахка для снаряженія прикрытія, которое, несмотря на обѣщаніе старшинъ, къ моему пріѣзду не было готово.

Для сбереженія силъ лошадей, я разрѣшилъ аліелинцамъ двигаться до Серахса по ночамъ и, вообще, какъ имъ удобнѣе; я ѣхалъ на простой, по весьма крѣпкой кабардинской лошади почти все время рысью; а текинскія лошади рыси вовсе не имѣютъ, идутъ или шагомъ, или вскачь, и, слѣдуя за мною, слишкомъ утомлялись. Дорога же вполнѣ безопасная; въ прошломъ году, мѣстные жители, при переѣздахъ изъ деревни въ деревню, пробирались горами и то партіями, по нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ; теперь же, по дорогѣ встрѣчались очень часто отдѣльные, невооруженные люди на ишакахъ [1]) и даже пѣшкомъ.

---

[1]) Ослахъ.

Вся дорога отъ Асхабада до Серахса, длиною 280 верстъ, идетъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ горъ, параллельно имъ, по совершенно ровной мѣстности. Только подъ Аннау и близъ Гяуарса въ двухъ мѣстахъ приходится пересѣкать невысокіе песчаные бугры.

Описаніе Атека, по даннымъ моей прошлогодней поѣздки, помѣщено въ „Извѣстіяхъ И. Р. Географическаго Общества“ [1]); здѣсь, въ дополненіе, я сообщу тѣ новыя свѣдѣнія, которыя собраны мною въ нынѣшнемъ году.

Слово Атекъ (т. е. подножіе горъ) служило прежде для наименованія всей мѣстности отъ Казанджика до Серахса; впрочемъ, это было названіе, весьма мало употребительное. Часть оазиса до Гяуарса, занятая текинцами, называлась Ахаломъ; полоса мѣстности далѣе на юговостокъ извѣстна въ окрестныхъ странахъ подъ именемъ Аракаджъ. Слово Атекъ, ни въ Афганистанѣ, ни въ Персіи жителямъ неизвѣстно. Необходимость отдѣльныхъ названій для покоренной нами и для независимой части оазиса дала право гражданства названію Атекъ, причемъ оно получило вполнѣ опредѣленное значеніе: такъ, въ настоящее время, называется подножіе горъ отъ нашей восточной границы до Серахса.

Гяуарсъ есть послѣдній населенный пунктъ ахалтекинскаго оазиса. Баба-Дурмазъ, лежащій на границѣ нашихъ владѣній, въ 71-й верстѣ отъ Асхабада, никѣмъ не занятъ. Въ Атекѣ только два пункта, Лютфабадъ и Шильгянъ, населены персами шіитами, подданными Насръ-Эдинъ шаха. Всѣ остальные пункты заняты туркменами: Кахка и частью Кюренъ племенемъ аліели, а остальные главнымъ образомъ текинцами изъ Мерва. Все это населеніе весьма недавнее. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, часть Ахала до Дуруна быля занята племенами эмралы и карадашлы, а далѣе на юговостокъ, около Янгы-кала, Хурмана, близъ Геоктепе, и Асхабада, кочевали аліелинцы. Въ это время туркмены-теке перекочевывали изъ Мангышлака къ Кизилъ-Арвату и стали тѣснить жителей Ахала; борьба длилась около полустолѣтія и въ началѣ нынѣшняго вѣка текинцы взяли верхъ: карадашлы ушли въ Хиву, эмралы въ Меана и Чача, аліелинцы частью въ Персію и Чинаранъ, частью въ Кязиръ (около Нухура), остальные въ Кюренъ и Абивертъ.

Пятьдесятъ шесть лѣтъ назадъ, Алла-кули, ханъ хивинскій, разбивъ туркменъ, увелъ гоклановъ, аліелинцовъ и эмралы въ Хиву,

---

[1]) Т. XVIII, Отд. II, стр. 127.

а съ текинцевъ взялъ дань и заложниковъ. Послѣ смерти Медемій-хана, убитаго въ Серахсѣ въ 1855 году, какъ гокланы, такъ и аліелинцы ушли изъ Хивы на свои старыя мѣста; но притѣсненія персовъ заставили аліелинцевъ еще разъ вернуться въ Хиву и только въ 1873 году, послѣ хивинскаго похода, они окончательно переселились въ Атекъ и построили новое укрѣпленіе Кахка. Переселеніе текинцовъ въ Атекъ началось въ послѣдніе годы: тѣснимые обѣднѣніемъ почвы и недостаткомъ воды, мервцы уходятъ изъ своего оазиса и селятся на рѣчкахъ, вытекающихъ изъ хребтовъ Даманъ-и-ку; здѣсь дѣвственная почва и достаточное количество воды—ручательство за хорошіе урожаи; бѣда одна—сосѣдство персидскихъ пограничныхъ владѣтелей (ильхани), Дерегеза и Келата, которые, набравшись храбрости послѣ покоренія русскими Ахала, не пропускаютъ случая тѣснить своихъ прежнихъ притѣснителей текинцовъ.

Живетъ населеніе Атека и въ глиняныхъ постройкахъ, и въ кибиткахъ. Впрочемъ, кибитокъ довольно мало: въ селеніяхъ отъ Лютфабада до Кахка ихъ совсѣмъ нѣтъ, а въ Душанѣ, Меана и Чача число ихъ уменьшается съ умиротвореніемъ края. Только самые осторожные мервцы приходятъ теперь въ Атекъ для посѣвовъ и сбора жатвы и оставляютъ при этомъ свои семейства въ Мервѣ; большая же часть жителей перешла въ Атекъ окончательно. Прежде каждое поселеніе состояло изъ укрѣпленія (кала), внутри котораго были глиняныя постройки и снаружи располагались кибитки, которыя, въ случаѣ опасности, могли быть перенесены въ калу; теперь въ Чача всѣ новыя постройки изъ глины строются внѣ стѣнъ укрѣпленія.

Относительно распредѣленія и обилія воды, этого существеннѣйшаго вопроса для каждой среднеазіатской страны, Атекъ находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и Ахалъ, т. е. вода имѣется въ очень ограниченномъ количествѣ и ручьи расположены на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ Атекѣ къ этому прибавляется еще то неудобство, что истоки и значительная часть протяженія рѣчекъ находятся въ горахъ, принадлежащихъ персамъ, которые имѣютъ, вслѣдствіе этого, возможность обижать текинцевъ, отводя воду отъ ихъ полей. Это случается очень часто и тогда требуется весьма много хлопотъ и времени, чтобы добиться отъ ильхани правильнаго распредѣленія воды. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ, такъ какъ неимѣніе во-время воды можетъ погубить всю жатву; если онъ не будетъ разрѣшенъ удовлетворительно въ скоромъ вре-

мени, то легко можетъ случиться, что жителямъ придется покинуть занятыя ими мѣста и Атекъ обратится въ пустыню.

Распредѣленіе воды и населенныхъ пунктовъ отъ Асхабада слѣдующее:

Аннау (13 верстъ отъ Асхабада, 200 кибитокъ) получаетъ воду изъ рѣки Кельтечинаръ, вытекающей изъ хребта Зыры-ку. Аннау принадлежитъ Россіи, да и Асхабадъ очень близокъ, и потому здѣсь недоразумѣній относительно воды не бываетъ.

Гяуарсъ (20 верстъ отъ Аннау, 40 кибитокъ) и *Баба-Дурмазъ* (38 верстъ отъ Гяуарса, жителей нѣтъ) имѣютъ отдѣльныя рѣчки также изъ хребта Зыры-ку, на всемъ протяженіи протекающія въ русскихъ владѣніяхъ. Вода въ первомъ пунктѣ прѣсная и въ достаточномъ количествѣ, во второмъ—слабосолоноватая, но вполнѣ годная для питья.

Артыкъ (16 верстъ отъ Баба-Дурмаза, 20 кибитокъ) получаетъ воду изъ рѣки Дурангяра, снабжающей всю богатѣйшую Дерегезскую долину. За Артыкомъ Дурангяръ теряется въ небольшихъ разливахъ.

Лютфабадъ и *Кюренъ* (пять верстъ отъ Артыка) и всѣ слѣдующія селенія, которыя здѣсь весьма часты, до Кахка, питаются водою изъ развѣтвленій рѣки Рудхана, или Рудбаръ, берущей начало въ хребтѣ Алла-Экберъ. Это богатѣйшая изъ всѣхъ рѣкъ Атека; воды здѣсь изобиліе и мѣстность отъ Лютфабада до Кахка составляетъ собственно оазисъ. Здѣсь въ двѣнадцати пунктахъ, разбросанныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги, до 500 кибитокъ; всѣ селенія окружены садами; посѣвы гораздо значительнѣе, нежели въ въ другихъ мѣстахъ.

Кахка (28 верстъ отъ Лютфабада, 650 кибитокъ), самое значительное поселеніе въ Атекѣ, получаетъ воду изъ рѣкъ Лаинъ и Арчинъ-янъ, которыя, снабдивъ водою, при проходѣ своемъ въ ущельяхъ Келата, небольшія персидскія поселенія, соединяются на равнинѣ въ одну рѣчку, проведенную въ Кахка. Во времена существованія Абиверда, большая часть воды рѣкъ Рудхана и Лаинъ шла на снабженіе этого города; Арчинъ-янъ тогда доходилъ до укрѣпленія Караханъ, нынѣ разрушеннаго. Въ ущельи, выше развалинъ *Ходжамедъ* (17 верстъ отъ Кахка), въ поселеніи *Наурекъ* (около 20-ти кибитокъ) текинцы занимаются хлѣбопашествомъ; вода ручья, которымъ они пользуются, только весною доходитъ до дороги.

Душакъ или Чаардей (21 верста отъ Ходжамеда, 160 кибитокъ), на рѣкѣ Чаардей, проходящей черезъ весь Келатъ и снаб-

жающей всѣ его поселенія водою. Жители Душака менѣе всего зависятъ отъ персовъ, такъ какъ вся рѣка протекаетъ въ узкомъ ущельи, гдѣ увеличить посѣвы почти невозможно, да и отвести воду некуда.

Меана (44 версты отъ Душака, 130 домовъ) и *Чача* (16 верстъ, 70 домовъ) получаютъ воду изъ двухъ параллельныхъ рѣчекъ, вытекающихъ также изъ массива келатскихъ горъ. Оба поселенія терпятъ очень много отъ притѣсненій персовъ.

Затѣмъ, на 55 верстахъ до *Серахса* воды нѣтъ; посрединѣ, около развалинъ Робата-Абдула-ханъ былъ когда-то хоузъ (систерна для сбора дождевой воды); во времена текинскаго владычества робатъ разрушенъ, хоузъ не чистился и не поддерживался и въ настоящее время вровень съ краями занесенъ землею.

Итакъ, на всемъ протяженіи отъ Баба-дурмаза до Серахса (несчитая Лютфабада и Шильгяна, населенныхъ персами), живетъ около 7000 туркменъ-аліели и текинцевъ (именно около 1400 кибитокъ, считая на кибитку въ среднемъ по пяти человѣкъ). Цифра эта измѣняется изо дня въ день, такъ какъ только въ Кюренѣ и Кахка можно считать населеніе постояннымъ, а въ другихъ пунктахъ, съ умиротвореніемъ края, оно увеличивается. Впрочемъ, значительнаго возростанія ожидать нельзя, такъ какъ Атекъ не можетъ пропитать большаго населенія; хотя почва вездѣ плодородная, но имѣющееся въ распоряженіи весьма ограниченное количество воды скоро положитъ предѣлъ дальнѣйшему переселенію мервцовъ и теджентцовъ въ Атекъ.

Небольшое населеніе Атека все занято земледѣліемъ и разведеніемъ бахчей (огородовъ). Воздѣлываются предметы первой необходимости: пшеница, ячмень, клеверъ, только въ Чача встрѣтился хлопокъ; на бахчахъ въ изобиліи арбузы и дыни — главная пища текинцовъ лѣтомъ. Фруктовыя деревья и сады существуютъ только между Лютфабадомъ и Кахка; отъ Кахка до Серахса нѣтъ вовсе деревьевъ. Вообще, бѣдность очень большая. Понятно, изъ Мерва выселяются не богачи, и переселенцы сильно бѣдствовали, особенно первый годъ. Привезли они съ собою только сѣмена для посѣвовъ, надѣясь остальное купить въ Келатѣ; персы брали громадныя цѣны, да еще притѣсняли всѣми способами являвшихся за покупками текинцовъ. Весною въ Чача, Меана и Душакѣ нельзя было найти фуража для нѣсколькихъ лошадей. Прекрасный урожай 1882 года поправилъ положеніе края.

Понятно, что при подобныхъ обстоятельствахъ о торговлѣ въ

Атекѣ не можетъ быть и рѣчи. У туркменъ вообще потребностей весьма немного, да и, при бѣдности ихъ, имъ не на что покупать даже самое необходимое; базары въ Лютфабадѣ и Кахка болѣе чѣмъ достаточны для удовлетворенія нуждъ всего Атека.

II.

Дороги изъ Серахса и Мерва въ Гератъ.

Изъ Серахса предстоялъ путь въ пять или шесть переходовъ по мѣстамъ, совершенно ненаселеннымъ. Необходимо было снарядиться основательно, и въ Серахсѣ я сдѣлалъ дневку. Немало измѣнился съ осени 1881 года видъ этого укрѣпленія: мервцы прекратили свои грабежи не только нашихъ владѣній, но и въ сторону Хорасана; спокойствіе полное; персы стали ѣздить въ Мешхедъ по муздеранской дорогѣ, безъ всякаго прикрытія, партіями въ два-три человѣка. Даже семидесятилѣтній комендантъ Серахса, персидскій полковникъ (сертибъ) Абасъ-рей-ханъ, несмѣвшій прежде показаться за стѣны своей крѣпости безъ конвоя въ 50 всадниковъ, теперь спокойно разъѣзжаетъ всюду съ десятью. Встрѣтилъ меня сертибъ уже какъ стараго знакомаго; пошелъ обмѣнъ любезностей. Съ трудомъ уговорилъ я старика, чтобъ, по крайней мѣрѣ, аліелинцамъ было разрѣшено купить необходимые на дорогу припасы и фуражъ у жителей. Сертибъ непремѣнно хотѣлъ дать все даромъ; онъ настоялъ, чтобъ я для своихъ лошадей взялъ фуражъ изъ его складовъ и угощалъ меня и аліелинцовъ во все время нашего пребыванія у него въ гостяхъ.

Пока люди заботились о снаряженіи, я занимался разспросами о дальнѣйшемъ пути. Хотя проводникъ мой, мервецъ Ана-Гельды-сердаръ, много грабившій въ сѣверномъ Афганистанѣ и Хорасанѣ, хорошо зналъ всѣ дороги, да и между аліелинцами было нѣсколько человѣкъ, не впервые ѣхавшихъ по Гери-руду, но на нихъ полагаться не слѣдовало. Одна мысль о путешествіи по странѣ между Гери-рудомъ и Мургабомъ приводила ихъ въ ужасъ: съ наглостью, съ которою лгутъ текинцы всѣхъ племенъ, они старались меня увѣрить, что въ Серахсѣ нѣтъ переправы черезъ Гери-рудъ даже вплавь, что далѣе нѣтъ никакой дороги; напротивъ, всѣ въ одинъ голосъ хвалили дорогу, идущую по западному персидскому берегу; привлекательную сторону этой дороги для аліелинцовъ составляла ея безопасность.

Но текинцы лгутъ неумѣло и настолько наивно, что человѣка, немного привыкшаго къ ихъ хитростямъ, никогда не обманутъ. Свѣдѣнія, собранныя мною изъ другихъ источниковъ, заставляли предполагать, что лучшіе пути изъ Серахса на югъ идутъ между Мургабомъ и Гери-рудомъ, а никакъ не по Персіи. О существованіи брода у Серахса я узналъ еще ранѣе отъ купцовъ, ѣхавшихъ изъ Мерва въ Асхабадъ, и потому утромъ, 23-го апрѣля, выступивъ изъ Серахса, я приказалъ проводнику, данному мнѣ сертибомъ для указанія брода, переправиться на восточный берегъ Гери-руда.

Окрестности Серахса замѣтно оживляются. По обоимъ берегамъ Гери-руда, вокругъ укрѣпленія, располагаются поселенія мервцовъ, получающихъ отъ персидскаго правительства разрѣшеніе занимать землю и отводить для обработки полей воду изъ Гери-руда, взамѣнъ уплаты серахскому коменданту подати въ размѣрѣ $^1/_{10}$ части жатвы. Уже у Даулетъ-абада рѣка раздѣляется на нѣсколько рукавовъ и разливается во многихъ мѣстахъ очень широко, вслѣдствіе чего во время низкой воды, начиная съ августа, а иногда и іюля, Гери-рудъ не доходитъ до Серахса. Въ 16-ти верстахъ выше его сдѣланы плотины, направляющія воду въ глубокіе каналы (арыки), которые проводятъ ее нетолько къ Серахсу, но и верстъ на 10—12 сѣвернѣе. У плотины берутъ начало три главные канала: одинъ на персидскомъ берегу, два другіе на восточномъ; всѣ три идутъ почти параллельно рѣкѣ. Каналъ западнаго берега поддерживался всегда для снабженія Серахса и Кале-и-Нау водою; остальные два возобновлены только въ этомъ году мервцами, поселившимися около нихъ и у стараго Серахса. Каналы эти существовали еще въ тѣ времена, когда персидскаго укрѣпленія въ Серахсѣ не было, а жили тутъ мервцы: одинъ принадлежалъ племени отамышъ, другой тохтамышъ. Каналы эти нынѣ доходятъ до стараго Серахса, а прежде шли еще далѣе на сѣверовостокъ до Ніязъ-абада.

До взятія Геоктепе, персы не смѣли заявлять претензіи на земли по восточному берегу Гери-руда; да и на западномъ берегу не было поселеній далѣе 50-ти верстъ отъ Мешхеда. Теперь обстоятельства измѣнились и персы начинаютъ хозяйничать около Стараго Серахса, пользуясь тѣмъ, что салыры, которымъ эти мѣста прежде принадлежали, не въ состояніи отстаивать свои права на нихъ. А мѣстность эта одна изъ лучшихъ по всему теченію Гери-руда отъ самаго Кусана, отъ котораго рѣка течетъ въ пологихъ и удобныхъ

для обработки берегахъ только до Пешъ-робата. Далѣе Гери-рудъ входитъ въ ущелье между двумя кряжами высокихъ горъ; долины на которыя можно вывести оросительные арыки, очень рѣдки и весьма незначительнаго протяженія; только отъ Пуль-и-Хатуна на персидскомъ берегу и отъ Кассапъ-калы на восточномъ (16 верстъ на югъ отъ Серахса) возможны поселенія въ большихъ размѣрахъ.

Гери-рудъ отъ Кусана до Пуль-и-Хатуна течетъ, большею частью, однимъ рукавомъ, шириною отъ 15-ти до 20-ти саженъ. Высокая вода бываетъ отъ начала января до конца марта; въ это время броды рѣки вслѣдствіе быстроты теченія очень опасны, но уже въ апрѣлѣ можно переправляться во многихъ мѣстахъ, при глубинѣ не болѣе четырехъ футовъ. Къ лѣту вода въ рѣкѣ быстро уменьшается и въ іюнѣ и іюлѣ переправы возможны вездѣ, гдѣ крутизна береговъ не составляетъ препятствія. Въ сентябрѣ же, на переправѣ изъ Кусана въ Кяфиръ-калу, при глубинѣ воды около трехъ футовъ, Мак-Грегоръ не замѣтилъ почти никакого теченія.

По всей долинѣ рѣки склоны горъ поросли, большею частью, фисташковыми деревьями; кой-гдѣ встрѣчались тутовыя; въ самомъ разливѣ почти исключительно ивнякъ, кустарникъ и камыши, настолько густые, что во многихъ мѣстахъ къ рѣкѣ нетолько невозможно подъѣхать, но даже пробраться пѣшкомъ. Кормъ для лошадей вездѣ въ изобиліи и хорошаго качества. Вода въ Гери-рудѣ хотя мутная, но вкусная и здоровая.

Въ Серахсѣ утверждаютъ, что въ прежнее время воды въ Гери-рудѣ было болѣе; вѣрить этому нѣтъ основаній. Борнсъ, проѣзжавшій черезъ Серахсъ въ сентябрѣ 1832 года, нашелъ русло Гери-руда совершенно сухимъ и настолько незначительнымъ, что принялъ его за русло особой рѣчки Теджень, будто бы берущей начало въ сосѣднихъ холмахъ и отрицалъ связь ея съ гератскою рѣкою.

Продолженіе Гери-руда на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Серахса извѣстно подъ именемъ Теджена; теченіе въ этой части рѣки бываетъ только во время половодія: тогда вода здѣсь очень глубока и во многихъ мѣстахъ переправа вовсе невозможна. О'Донованъ, въ февралѣ, переправился немного сѣвернѣе Кангалы-Гузаръ вплавь. Прапорщикъ Алихановъ и хорунжій Соколовъ, отправившіеся, въ въ началѣ 1882 года, съ караваномъ купца Коншина въ Мервъ, переправились черезъ Тедженъ у плотины Кары-бентъ; въ срединѣ февраля Тедженъ здѣсь имѣлъ ширину около 12-ти саженъ и глубину $5^1/_2$ футовъ. Часто вода бываетъ здѣсь гораздо

глубже, и тогда переправа въ теченіи одного или полутора мѣсяцевъ для каравановъ возможна только у Аламанъ-Джунгуля, куда Теджен не доходитъ, а доходятъ отдѣльные, выведенные изъ него каналы. Разливы рѣки и затопленіе этой мѣстности бываютъ только въ случаѣ прорыва плотины, построенной нѣсколько выше Герата для орошенія афганской части долины Гери-руда.

Лѣтомъ теченіе въ Тедженѣ прекращается; мѣстами онъ вовсе пересыхаетъ, а большею частью состоитъ изъ длинныхъ озеръ, питаемыхъ, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, ключами, а можетъ быть, и подземнымъ продолженіемъ рѣчекъ Чача, Меана и Душакъ, изчезающихъ въ болотахъ въ 15—20-ти верстахъ отъ Теджена. Такое мнѣніе основано на томъ, что вода въ этихъ озерахъ прохладная и не пересыхаетъ въ теченіи самаго жаркаго лѣта, что едва ли могло бы быть, еслибъ эти озера были только скопленіемъ весенней воды въ глубокихъ впадинахъ русла Теджена.

Поселенія текинцевъ, кочующихъ на Тедженѣ, сосредоточены сѣвернѣе Кары-бента, по направленію къ Аламанъ-Джунгулю; остальныя названія, встрѣчаемыя на картахъ, обозначаютъ переправы; жителей же близъ нихъ нѣтъ.

Мѣстность между Мургабомъ и Гери-рудомъ, до нынѣшняго времени, была совершенно неизвѣстна. По Мургабу, южнѣе Мерва, идутъ поселенія сарыковъ: Юлатанъ, Пенде и Бала-Мургабъ; еще далѣе на югъ, на склонахъ Парапамиза живутъ джемшиды и теймуры. На западъ отъ Мургаба до Гери-руда нѣтъ ни одного населеннаго пункта; всѣ укрѣпленія до Кушки въ развалинахъ, и брошены жителями. Дорога изъ Мерва въ Гератъ, идущая вдоль этой рѣки, описана проѣзжавшими по ней въ 1840 и 1841 годахъ англійскими путешественниками Шекспиромъ и Абботомъ. Относительно же мѣстностей между Кушкой и Гери-рудомъ свѣдѣній не имѣлось: туда не заѣзжалъ ни одинъ европейскій путешественникъ, да и изъ жителей окрестныхъ странъ дороги въ ней извѣстны только сердарамъ, предводителямъ разбоевъ. Сарыки Юлатана поневолѣ не вели открытой борьбы съ слишкомъ близкими своими сосѣдями текинцами Мерва; напротивъ, сарыки-Пенде и Мургаба постоянно грабили мервцовъ. Мервцы имъ платили тѣмъ же; отношенія обоихъ племенъ къ джемшидамъ и теймурамъ ничѣмъ не отличались отъ отношеній ихъ между собою. Но главное и постоянное занятіе какъ мервцовъ, такъ и сарыковъ составляли грабежи селеній сѣвернаго Афганистана и Хорасана. Куда бы ни былъ направленъ разбой, путь шайки всегда пролегалъ до описываемой

мѣстности, и потому селиться здѣсь никто не смѣлъ и существовавшія прежде по Кушкѣ и Гери-руду укрѣпленія, такъ же какъ и робаты по дорогамъ, всѣ брошены; ни караваны, ни путешественники никогда не рискнули бы показаться сюда изъ страха встрѣтить или сарыковъ, или мервцовъ на пути въ Афганистанъ или Персію. Въ настоящее время грабежи мервцовъ—дѣло только отдѣльныхъ воровскихъ шаекъ, и сарыки единственное племя, которое еще грабитъ открыто. Сопровождавшіе меня аліелинцы чрезвычайно боялись встрѣчи какой-нибудь большой партіи: они имѣли счеты и съ мервцами, и съ сарыками. Ана-Гельды-сердаръ, проводникъ изъ Мерва, въ разное время получилъ три шашечныя раны отъ сарыковъ, и сознавался, что получилъ недаромъ; всѣ откровенно говорили, что вся надежда ихъ на то, что въ настоящее время русскаго никто не осмѣлится тронуть.

Какъ отнеслись бы къ намъ сарыки, не представилось случая выяснить—мы не встрѣтили ни одной партіи ихъ. Встрѣчи же съ мервцами и афганцами вполнѣ подтвердили мнѣніе аліелинцевъ. Первый случай, въ 15-ти верстахъ отъ Серахса, едва не кончился перестрѣлкой только вслѣдствіе недоразумѣнія. Я отъѣхалъ въ сторону; въ это время показались люди, какъ потомъ оказалось, мервцы изъ-подъ Серахса, вышедшіе на работу для починки канала; аліелинцы потерялись, начали скакать, отъискивая меня; мервцы приняли насъ за партію сарыковъ и приготовились къ защитѣ; наконецъ проводникъ Ана-Гельды-сердаръ рискнулъ выѣхать и объясниться, и дѣло обошлось счастливо. Чтобъ избѣгнуть подобныхъ случайностей, я приказалъ при встрѣчахъ съ людьми всѣмъ останавливаться и выѣзжалъ съ переводчикомъ впередъ; мервцы, обыкновенно, завидѣвъ насъ, сейчасъ спрыгивали съ лошадей и прятались въ ближайшій оврагъ для защиты. Видъ человѣка въ неизвѣстномъ костюмѣ, подъѣзжавшаго къ засадѣ безъ прикрытія, успокоивалъ спрятавшихся, а когда они узнавали, что я русскій, то завязывался разговоръ и аліелинцамъ давался сигналъ подъѣхать; происходилъ обмѣнъ привѣтствій, куреніе кальяна и мы разъѣзжались самымъ дружелюбнымъ образомъ. Афганцевъ мы встрѣтили только вблизи Кусана; они гораздо храбрѣе мервцовъ; они не прятались при встрѣчѣ, а, увидѣвъ выѣзжавшихъ къ нимъ двухъ человѣкъ, высылали двухъ-трехъ изъ своей среды для объясненій. Текинцы сознаются, что афганцы очень храбры, и только при большомъ численномъ превосходствѣ рѣшаются нападать на нихъ, когда они вооружены. Набѣги на Афганистанъ дѣлаются всегда очень боль-

шими партіями и, главнымъ образомъ, стараются нападать на отдѣльныхъ невооруженныхъ людей.

Дорога изъ Серахса въ Кусанъ (218 верстъ) пройдена была въ пять переходовъ.

Изъ *Серахса* дорога сначала идетъ на юго-востокъ и, не доходя одной версты до укрѣпленія Старый Серахсъ, поворачиваетъ прямо на югъ. Въ полуверстѣ отъ персидскаго укрѣпленія мы переправились черезъ Гери-рудъ въ бродъ, который здѣсь очень удобенъ; рѣка протекаетъ четырьмя рукавами, только въ одномъ изъ нихъ глубина воды по брюхо лошади, въ остальныхъ менѣе; берега пологіе, грунтъ плотный гравелистый — нѣтъ ни ямъ, ни карчей ни камней. При нашемъ проѣздѣ вода уже немного спала; случается, что и у Серахса нѣтъ брода, но это никогда не длится болѣе нѣсколькихъ дней. Прямо противъ брода мервскіе текинцы, съ согласія персидскаго правительства, строютъ на восточномъ берегу укрѣпленіе [1]); на три версты отъ него дорога проходитъ черезъ арыки и поля новыхъ поселенцевъ. До развалинъ Деу-кала дорога идетъ вдоль выведенныхъ изъ-подъ Даулетъ-абада больших каналовъ, о которыхъ было писано выше. Мѣстность все время совершенно ровная, грунтъ песчаноглинистый; песковъ, означенныхъ на картахъ, нѣтъ нигдѣ.

Деу-кала (14 верстъ отъ Серахса) — развалины небольшаго укрѣпленія; здѣсь дорога оставляетъ каналъ вправо и, прошедши до Кассапъ-кала около пяти верстъ равниною, далѣе идетъ по холмистой мѣстности до персидскаго укрѣпленія *Наурузъ-абадъ* (на западномъ берегу). На этомъ протяженіи Гери-рудъ подходитъ вплотную къ невысокимъ обрывамъ восточнаго берега и оттѣсняетъ дорогу на возвышенности, впрочемъ, всюду незначительныя, съ пологими спусками и подъемами; грунтъ глинистый; колесное движеніе здѣсь не потребовало бы никакой раздѣлки дороги. Противъ Наурузъ-абада персидскаго, дорога снова сходитъ къ рѣкѣ на низменность и въ четырехъ верстахъ южнѣе проходитъ мимо развалинъ Наурузъ-абада текинскаго ($21^1/_2$ верста отъ Деу-кала). Оба эти пункта брошены жителями вслѣдствіе нападеній текинцевъ и сарыковъ. Еще около десяти верстъ на югъ, почти до бугра Ширъ-тепе, дорога идетъ вдоль Гери-руда, затѣмъ уклоняется на юго-востокъ, оставляя рѣку вправо, и болѣе не подходитъ къ ней до самаго Кусана. Отъ поворота до развалинъ ро-

---

[1]) По имени старшины укрѣпленіе называется Попышъ-Пелуанъ-кала.

бата у входа на перевалъ черезъ горы Борхутъ (около 50-ти верстъ отъ Кусана) общій характеръ дороги почти одинаковый: частью она идетъ по ровной мѣстности, частью по холмистой, причемъ возвышенности нигдѣ не достигаютъ значительныхъ размѣровъ; грунтъ, за рѣдкими исключеніями, песчаноглинистый. Крутые подъемы и спуски рѣдки, несмотря на то, что въ настоящее время существуетъ только вьючная дорога, которая часто, для избѣжанія самаго небольшаго объѣзда, взбирается на холмы и спускается въ овраги. Колесное движеніе измѣнило бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ направленіе дороги, а въ другихъ — потребовала бы раздѣлки ея, но вездѣ въ мягкомъ грунтѣ и съ небольшими работами. На всемъ этомъ пространствѣ во многихъ мѣстахъ имѣется хорошій кормъ для лошадей. По склонамъ горъ довольно часто встрѣчаются отдѣльно стоящія фисташковыя деревья.

Въ 29-ти верстахъ отъ Наурузъ-абада, на полуверстѣ дорога идетъ вдоль засореннаго кэриза [1]); въ нѣкоторыхъ колодцахъ еще имѣется вода. По словамъ проводниковъ, горьковатый вкусъ ея только отчасти зависитъ отъ того, что колодцы давно не чищены и вода въ нихъ застоялась; даже въ то время, когда кэризъ содержался въ порядкѣ, вода была не вполнѣ прѣсная, хотя годная для питья. Присутствіе солей въ породахъ окружающихъ горъ подтверждается еще тѣмъ, что на небольшомъ разстояніи отъ дороги (на западъ у подножія горъ, которыя тянутся вдоль Герируда) видны два значительныхъ размѣровъ солончака, покрытыхъ налетомъ, по словамъ текинцевъ, горьковатой соли, очевидно, выносимой дождями изъ окружающихъ горъ.

Колодцы *Адамъ-Ёлэнъ* (41 верста отъ Наурузъ-абада), числомъ два, лежатъ въ элиптической впадинѣ между холмовъ; при нашемъ проходѣ вода была совершенно прѣсная, несмотря на то, что колодцы давно не чищены. Впрочемъ, и тутъ мервцы передавали, что въ очень жаркое время вода имѣетъ слабосолоноватый вкусъ; надо думать, что вѣрнѣе не солоноватый, а горьковатый отъ застоя воды. Колодцы — глубиною около 1½ саженъ до воды и двѣ сажени до дна; по словамъ проводниковъ, вода не выбирается вовсе. Прежде число колодцевъ было болѣе, но въ настоящее время, всѣ, кромѣ двухъ, засыпаны. Кругомъ кормъ для лошадей прекрасный.

---

[1]) Кэризъ — рядъ колодцевъ, которые дѣлаются на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга и соединяются между собою подземнымъ ходомъ; они служатъ для собиранія воды и проведенія ея на поля для орошенія.

Агаръ-чишме ($12^1/_2$ верстъ отъ Адамъ-Ёлэна) родникъ съ прекрасною прѣсною водою; въ полуверстѣ вверхъ по долинѣ второй родникъ, въ настоящее время засоренный. Кругомъ по всѣмъ долинамъ въ большомъ изобиліи кормъ для лошадей.

Развалины робата *Кунгрюэли* ($8^1/_2$ верстъ отъ Агаръ-чишме); колодцы здѣсь даютъ на глубинѣ $2^1/_2$ саженъ много воды, но слабосолоноватой, впрочемъ, при хорошемъ содержаніи колодцевъ, очевидно, годной для питья, такъ какъ около нихъ былъ расположенъ большой робатъ, отъ котораго въ настоящее время остались только развалины. Изъ Кунгрюэли къ Афганистану ведутъ двѣ дороги: одна на Кизилъ-булакъ и Хомбоу, по которой мы пошли, а другая на Акъ-робатъ, разспросныя свѣдѣнія о которой будутъ помѣщены ниже. Дорога изъ Кунгрюэли до Кизилъ-булака идетъ почти все время по ровному мѣсту.

Кизилъ-булакъ ($39^1/_2$ верстъ отъ Кунгрюэли) богатый родникъ съ прѣсною водою, лежитъ въ 200 саженяхъ въ сторонѣ отъ дороги, въ ущельи, ведущемъ къ Гери-руду; стороны ущелья изъ краснаго песчаника; вѣроятно, отъ него и получилъ свое названіе родникъ. На 20-й верстѣ дорога пересѣкаетъ ручей Шоръ-ябъ, съ водою настолько солоноватою, что не всѣ лошади ее пьютъ; берегомъ этого ручья дорога идетъ пять верстъ по ровному мѣсту до развалинъ робата, у котораго входитъ въ ущелье горъ Борхутъ; здѣсь на самомъ берегу Шоръ-яба есть небольшой прѣсный родникъ.

Подъемъ на перевалъ черезъ Борхутъ не представляетъ затрудненій; даже по нынѣшнему направленію при небольшой раздѣлкѣ возможно колесное движеніе; конечно, для большой колесной дороги пришлось бы нѣкоторые подъемы развить по боковымъ оврагамъ, но это не потребовало бы значительныхъ работъ. Горы состоятъ изъ песчаника, дорога идетъ по ущелью рѣки Шоръ-яба, поросшему густымъ камышомъ; начинается ручей почти у вершины перевала изъ болота, шириною мѣстами до 200 саженъ. Высота перевала 3.100 футовъ надъ поверхностью моря и около 900 надъ окружающею мѣстностью. Спускъ въ сторону Кусана положе и удобнѣе подъема и годенъ даже въ настоящее время для движенія телѣгъ. Около середины спуска, гдѣ онъ переходитъ въ совсѣмъ пологую дорогу, лежитъ прѣсный родникъ *Хомбоу* (36 верстъ отъ Кизилъ-Булака), а въ двухъ верстахъ далѣе въ концѣ ручья, вытекающаго изъ родника, находятся развалины робата Абдула-ханъ. Отъ Хомбоу пологій спускъ продолжается еще шесть верстъ, потомъ дорога раздѣляется: одна идетъ въ Пешъ-

робатъ на западномъ берегу Гери-руда, другая въ Кусанъ; обѣ по совершенно ровной мѣстности.

Кусанъ (45½ верстъ отъ Хомбоу) первое афганское поселеніе па берегу Гери-руда по пути изъ Мешхеда въ Афганистанъ. Далѣе отъ Кусана къ Герату дорога описана многими путешественниками, какъ русскими, такъ и англійскими; она идетъ сѣвернымъ берегомъ Гери-руда и по совершенно ровной мѣстности.

Изъ сравненія съ другими пройденными мною дорогами и по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, пути въ мѣстности между Мургабомъ и Гери-рудомъ лучшіе между Серахсомъ и Кусаномъ, а слѣдовательно, между Асхабадомъ и Гератомъ. Дороги къ Герату отъ Каспійскаго моря черезъ Мешхедъ, проходя, бо̀льшею частью, по населеннымъ, хорошо воздѣланнымъ и богатымъ водою мѣстамъ, представляютъ значительныя удобства для большаго движенія. Недостатокъ этихъ дорогъ — необходимость пересѣчь нѣсколько горныхъ кряжей; устройство удобнаго колеснаго пути черезъ нихъ, а тѣмъ болѣе проложеніе желѣзной дороги потребуетъ весьма значительныхъ работъ. Еще въ худшихъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находятся дороги изъ Асхабада въ Гератъ черезъ Мешхедъ: чтобъ попасть изъ Ахала и Атека въ Хорасанъ, надобно перейти хребетъ Даманъ-и-Ку. Гермабскій перевалъ изъ Геоктепе въ Буджнурдъ считается самымъ удобнымъ, но и онъ для устройства желѣзной дороги представилъ бы громадныя затрудненія, которыя едва ли окупились бы преимуществами движенія по Хорасану, вмѣсто Атека. Еслибъ потребовалась скорая постройка желѣзной дороги, то о другихъ направленіяхъ, какъ черезъ Серахсъ, не могло бы быть и рѣчи.

Дороги изъ Серахса въ Гератъ по персидскому берегу будутъ описаны ниже; онѣ богаты водою, но перевалы черезъ пересѣкаемыя здѣсь горы потребовали бы несравненно болѣе работъ, чѣмъ по дорогѣ черезъ Хомбоу. Вся длина этого послѣдняго пути отъ Асхабада до Герата 585 верстъ. Устройство желѣзной дороги на этомъ протяженіи не требовало бы никакихъ работъ на первыхъ 300 верстахъ и на послѣднихъ 135-ти; участокъ около 150-ти верстъ посрединѣ почти весь находился бы въ тѣхъ же условіяхъ, какъ большинство нашихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ частью по ровной, частью по холмистой мѣстности. Перевалъ принадлежитъ къ числу легкихъ; работы, конечно, будутъ; еслибъ потребовалась быстрая постройка, то, при допущеніи крутыхъ уклоновъ, принятыхъ въ этихъ случаяхъ, перевалъ не за-

держалъ бы остальной части линіи, что безусловно невозможно по всѣмъ остальнымъ направленіямъ.

Дорога черезъ Хомбоу вполнѣ удобна для колеснаго движенія; но, кромѣ нея, есть еще нѣсколько дорогъ, также идущихъ по мѣстности между Гери-рудомъ и Мургабомъ съ сѣвера на югъ и соединенныхъ между собою поперечными путями. О нихъ при проѣздѣ собраны разспросныя свѣдѣнія. Наиболѣе интереса, какъ колесный путь изъ Мерва въ Гератъ, представляетъ дорога, отдѣляющаяся отъ пройденной мною у развалинъ робата Кунгрюэли; отсюда она идетъ въ Акъ-робатъ, мѣстность, чрезвычайно обильную прѣсною водою, получаемою на глубинѣ не болѣе одной сажени изъ колодцевъ, которые могутъ быть выкопаны въ любомъ мѣстѣ на очень значительной площади. Затѣмъ дорога проходитъ черезъ Гюрленъ и Чишме-и-себзъ — два обильные прѣсные ручья; перевалъ Каруанъ-ашанъ черезъ Борхутъ вблизи Чишме-и-себзъ, судя по описаніямъ, не хуже, какъ у Хомбоу. За переваломъ одна дорога идетъ въ Кусанъ по совершенно ровной мѣстности, а другая въ Шекиванъ черезъ невысокія линіи холмовъ. Дорога изъ Мерва въ Акъ-робатъ идетъ сначала вдоль рѣки Мургаба, затѣмъ рѣки Кушка до Джевеневейда [1]), гдѣ сворачиваетъ и проходитъ мимо родника Ислимъ-чишме въ Акъ-робатъ. Этимъ путемъ совершенно избѣгаются Паропамизскія горы у истоковъ Кушка, перевалъ черезъ которыя заставилъ признавать дорогу изъ Мерва въ Гератъ недоступною для большаго колеснаго движенія. Вся длина дороги изъ Мерва въ Гератъ по этому направленію около 380 верстъ.

III.

Четыре дня въ Афганистанѣ.

При составленіи плана путешествія, я не предполагалъ попасть въ Афганистанъ, но судьба рѣшила иначе. Изъ Хомбоу прямая дорога въ Персію идетъ на развалины Пешъ-робата; вблизи этого мѣста есть два или три брода, которые въ концѣ апрѣля не представили-бы никакого затрудненія для переправы, еслибъ нашелся

---

[1]) Эта часть дороги описана Шекспиромъ и Абботомъ, какъ удобная для движенія; она обильна водою, проходя все время вдоль рѣки, и богата кормомъ для лошадей.

проводникъ; но никто изъ нашихъ людей не зналъ этого пути, и потому оставалось только идти въ Кусанъ, взять тамъ проводниковъ и проѣхать въ Персію по большой дорогѣ изъ Герата въ Мешхедъ.

Къ Кусану мы подъѣхали въ девять часовъ утра. Оставивъ алієлинцовъ, ѣхавшихъ шагомъ, верстахъ въ четырехъ отъ укрѣпленія, я съ двумя переводчиками [1]) проѣхалъ впередъ.

Много еще развалинъ въ Кусанѣ, но послѣдствія умиротворенія Средней Азіи послѣ паденія Ахала видны и здѣсь: разрушенныя зданія возобновляются; много полей обработывается нетолько у самой крѣпости, но и на значительномъ разстояніи отъ нея. Когда мы приблизились, караулъ у воротъ встрѣтилъ насъ безъ непріязни, но съ величайшимъ недоумѣніемъ; особенно удивляла дорога, по которой мы пріѣхали — для афганцевъ она и въ настоящее время недоступна.

Послали предупредить начальника крѣпости Ата-Мамедъ-хана. Я остался разговаривать съ солдатами. Одинъ изъ нихъ подошелъ поздороваться по-русски: онъ былъ проданъ текинцами въ Хиву и освобожденъ въ 1873 году, нѣкоторое время находился въ услуженіи у русскихъ и потомъ вернулся къ себѣ на родину.

Ханъ вышелъ къ воротамъ крѣпости и просилъ въ свое помѣщеніе. Пройдя нѣсколько узкихъ улицъ между полей и садовъ, мы вошли въ двухъэтажное зданіе среди прекраснаго сада съ бассейномъ. Воды, проведенной арыками изъ Гери-руда, вездѣ изобиліе и потому растительность богатѣйшая. Ханъ очень любезно пригласилъ закусить и началъ хвастать передъ своею свитою, что въ Кабулѣ онъ видѣлъ много френги и знаетъ ихъ привычки; по этому случаю онъ отдалъ приказаніе, когда будутъ жарить курицу, не крошить ее на мелкіе куски, какъ это дѣлается въ Афганистанѣ, а разрѣзать только на половины, какъ всегда дѣлаютъ френги. Когда подали чай, въ комнату набралось человѣкъ двадцать, которые, вмѣстѣ съ ханомъ, стали обсуждать, что̀ можетъ обозначать мой пріѣздъ: европеецъ, и особенно русскій, попадаетъ въ Кусанъ

---

[1]) Въ Хорасанѣ и Афганистанѣ всѣ говорятъ по персидски и почти никто не понимаетъ татарскихъ нарѣчій, на которыхъ можно объясняться въ западной Персіи и съ туркменами. Переводчикъ же съ русскаго языка на персидскій въ Асхабадѣ — большая рѣдкость; поэтому, приходится разговаривать при помощи двухъ человѣкъ: одинъ переводитъ съ русскаго на тюркскій языкъ, другой — съ тюркскаго на персидскій. Нечего и говорить, что этотъ способъ крайне утомителенъ и въ высшей степени затрудняетъ разспросы.

разъ въ нѣсколько лѣтъ; а тутъ еще дорога, по которой я пріѣхалъ, казалась такою необычайною. Люди осторожные говорили, что правитель Герата, Кундузъ-ханъ, можетъ быть недовольнымъ, если его не извѣстятъ о моемъ пріѣздѣ; другіе, напротивъ, утверждали, что, задержавъ русскаго, ханъ навлечетъ на себя непріятности. Ханъ долго колебался, не зная, какъ поступить; наконецъ, первое мнѣніе взяло верхъ, и Ата-Мамедъ сталъ меня упрашивать погостить у него день или два, пока онъ напишетъ письмо и получитъ отвѣтъ изъ Герата. Я былъ вовсе не прочь посвятить день или два Гератской долинѣ, но, конечно, не съ тѣмъ, чтобъ сидѣть все время въ Кусанѣ; поэтому, я объявилъ хану, что если для переправы изъ Кусана въ Кяфиръ-калу необходимо разрѣшеніе изъ Герата, то ждать его я поѣду въ Горіанъ. Ата-Мамедъ очень обрадовался сбыть меня своему начальнику, горіанскому хану, и, такимъ образомъ, отклонить отъ себя неудовольствіе Кундузъ-хана, еслибъ онъ не одобрилъ затрудненій, которыя мнѣ дѣлались. Проводить меня въ Горіанъ были назначены помощникъ хана (наибъ) и три всадника.

Когда я вышелъ съ Ата-Мамедъ-ханомъ изъ воротъ, то нашелъ аліелинцевъ, все время остававшихся внѣ укрѣпленія, чрезвычайно смущенными и растерявшимися: я провелъ въ укрѣпленіи болѣе двухъ часовъ, и аліелинцы страшно боялись, чтобъ со мною что-нибудь не случилось, такъ какъ участь ихъ послѣ этого не подлежала бы сомнѣнію. Страхъ ихъ еще увеличился, когда я приказалъ садиться на коней и ѣхать въ Горіанъ. То, что насъ сопровождало только четыре человѣка, нисколько не успокоило аліелинцовъ, а лишь внушило имъ чисто текинскую мысль: они стали черезъ переводчика просить разрѣшенія убить въ удобный моментъ афганцевъ и бѣжать. „Лучше попробовать счастье, чѣмъ отдаваться живыми въ руки, говорили они: — граница недалеко, нагнать не успѣютъ, а преслѣдовать далеко за свою границу не посмѣютъ“. Я запретилъ переводчику передавать мнѣ такія глупости. Всѣ старанія мои убѣдить аліелинцевъ, что мы находимся въ организованной странѣ, а не между ворами, какъ шли до сихъ поръ, и что бояться нечего, — были напрасны: совершенно заслуженныя чувства ненависти и отвращенія, которыя разбойничьи туркменскія племена внушаютъ всѣмъ своимъ сосѣдямъ, были хорошо извѣстны аліелинцамъ; въ Афганистанѣ и Персіи пощады они могутъ ждать гораздо менѣе, нежели отъ сарыковъ. Даже вѣра въ мою неприкосновенность, какъ русскаго, колебалась; но все-же это

была послѣдняя надежда на спасеніе и аліелинцы гнали своихъ измученныхъ лошадей, стараясь какъ можно менѣе отъ меня отставать.

Дорога изъ Кусана въ Горіанъ отдѣляется отъ дороги въ Гератъ вблизи укрѣпленія, идетъ вдоль оросительныхъ каналовъ, выведенныхъ изъ Гери-руда, и на 12-й верстѣ проходитъ черезъ мостъ въ Тирпулѣ. Мостъ этотъ, построенный Яръ-Мамедъ-ханомъ, вмѣстѣ съ въѣздами, длиною 40 саженъ (120 шаговъ). Рѣка у Тирпуля течетъ однимъ рукавомъ по довольно широкой долинѣ; въ самыя высокія воды не бывало случая, чтобъ вода обходила мостъ. Кладка устоевъ и арокъ кирпичная; только ледорѣзы облицованы твердымъ камнемъ, такъ какъ въ суровыя зимы ледъ настолько толстъ, что можетъ выдерживать всадника и ледоходы бываютъ весьма значительные. Въ высокую воду дорога изъ Герата въ Мешхедъ также идетъ не черезъ Кусанъ, а черезъ Тирпуль и далѣе вдоль берега въ Кяфиръ-калу. Изъ Тирпуля есть дорога въ Хафъ; надобно перевалить горы у самаго моста. Гери-рудъ подходитъ весьма близко къ возвышенностямъ южнаго берега и дорога какъ въ Кяфиръ-калу, такъ и къ Горіану лѣпится въ видѣ узкихъ тропинокъ, иногда по довольно крутымъ косогорамъ. Вслѣдствіе этого, въ низкую воду черезъ мостъ обыкновенно не ѣздятъ, а предпочитаютъ переходить рѣку въ бродъ и двигаться по ровнымъ дорогамъ. Въ десяти верстахъ отъ Тирпуля, долина Гери-руда расширяется, по берегу тянутся богатѣйшіе луга, на которыхъ пасутся большіе табуны лошадей, по увѣренію афганцовъ, болѣе 40.000 головъ. Это одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ Гератской провинціи въ Персію; лошади малорослыя, простыхъ породъ (ябу), но крѣпкія и выносливыя. Сверхъ того, у жителей имѣется въ значительномъ количествѣ и другой скотъ.

Отъ Горіана до Герата одинъ переходъ (45 верстъ). Долина еще расширяется и все также плодородна. Нѣсколько выше Герата, на Гери-рудѣ устроена плотина, которая направляетъ воду въ каналы, разводящіе ее по этой долинѣ, безспорно богатѣйшей во всей Средней Азіи на югѣ отъ Амударьи. Въ настоящее время главные продукты: асафетида, шафранъ, фисташковый орѣхъ, всякіе фрукты, виноградъ прекрасныхъ сортовъ, хлѣбъ, ячмень и клеверъ. Шелковичный червь разводится въ довольно значительномъ количествѣ. Но лѣса и даже кустарникъ существуютъ лишь мѣстами въ разливѣ Гери-руда; склоны горъ совершенно обнажены; всякое селеніе имѣетъ богатые фруктовые сады, топливомъ же служитъ только колючка, привозимая изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ.

По дорогѣ встрѣчались лишь кочевья пастуховъ; селенія всѣ въ развалинахъ и брошены жителями, вслѣдствіе набѣговъ туркменъ. Намъ показывали деревни, ограбленныя въ ноябрѣ прошлаго года мервцами. Я въ то время производилъ изъисканія линіи желѣзной дороги между Асхабадомъ и Серахсомъ; слухъ, что 3.000 всадниковъ вышли изъ Мерва и направились неизвѣстно куда, произвелъ панику во всемъ Атекѣ; мервцы же разными дорогами кинулись на югъ, ограбили всѣ деревни между поселеніями Шебешъ и Шекиванъ. Нападеніе было произведено такъ быстро, что разбойниковъ не успѣли преслѣдовать и они ушли, угнавъ много скота и захвативъ плѣнныхъ. Это былъ послѣдній аламанъ мервцовъ. Съ тѣхъ поръ изрѣдка являются сарыки, но и то небольшими партіями.

Въ Горіанѣ я провелъ два дня. Ханъ горіанскій всѣми силами старался мнѣ угодить; я же все время выражалъ неудовольствіе на то, что меня задерживаютъ изъ-за формальностей, изъ-за какого-то разрѣшенія даже не путешествовать по Афганистану, а переправиться черезъ рѣку, недалеко отъ афганскаго укрѣпленія. Я подсмѣивался, спрашивая, какъ въ Самаркандѣ поступаютъ съ афганскими купцами: посылаютъ-ли также изъ-за каждаго человѣка спрашивать разрѣшенія Яримъ-падишаха [1])? Разсказы, какъ русскіе путешествуютъ безпрепятственно всюду по Персіи и персы по Россіи, особенно не нравились афганцамъ. Ханъ старался объяснить необходимость существующихъ у нихъ порядковъ. „Россія—государство большое, говорилъ онъ; бояться ей некого, а намъ и одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать вредъ; оттого и законъ у насъ такой, что высшія власти должны знать, когда кто пріѣзжаетъ. А тутъ еще судьба привела на нашу землю человѣка изъ такого большаго государства, какъ Россія; мы должны его принять, угостить и проводить, какъ подобаетъ. Развѣ мы не люди, — прибавляетъ обиженнымъ тономъ ханъ, — что у насъ нельзя погостить; что же мы вамъ сдѣлали, что вы хотите проѣхать мимо нашего дома, не останавливаясь отдохнуть. Вы не плѣнный у насъ, а гость; вся земля ваша, требуйте, чего хотите“. Ханъ запретилъ намъ продавать что-нибудь, велѣлъ вернуть деньги, которыя я далъ по дорогѣ одному афганцу за хлѣбъ для людей и все время нашего пребыванія присылалъ все необходимое для меня и для

---

[1]) Яримъ-падишахъ значитъ полуцарь; подъ этимъ именемъ извѣстенъ во всей средней Азіи генералъ-губернаторъ Туркестана.

аліелинцевъ. Для меня поставили огромную палатку и поминутно являлся кто-нибудь, спрашивая, не нужно ли мнѣ чего-нибудь.

Къ вечеру этого дня прибылъ изъ Герата съ большою свитой Низаметдинъ-ханъ, помощникъ и главный совѣтникъ гератскаго правителя Сердаръ-Кундузъ-хана. Низаметдинъ-ханъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Ахундъ-Заде (сынъ какого-то афганскаго ученаго), считается въ Гератѣ очень умнымъ и хитрымъ человѣкомъ и былъ посланъ выпытать у меня, съ какимъ порученіемъ я ѣду. Онъ привезъ подарки: конфекты, чай и сахаръ. Разговоръ начался, какъ всегда, о здоровьи, о благополучіи дома и имущества; всѣмъ-ли я доволенъ въ Афганистанѣ? Я поблагодарилъ за гостепріимство и выразилъ сожалѣніе, что побезпокоилъ такого человѣка, у котораго должно быть и безъ того много дѣла по управленію страною. „Что за безпокойство — говорилъ Ахундъ-Заде — гость изъ такого великаго государства есть дорогой гость; вся страна ваша; прикажете, всѣ готовы вамъ служить“.

Наконецъ, обмѣнъ любезностей кончился; ханъ сказалъ, что имѣетъ переговорить со мною наединѣ. Онъ удалилъ свою свиту, я своихъ людей и тутъ началась дипломатическая часть порученія Ахундъ-Заде: правитель Герата прислалъ его узнать, не желаю-ли я чего? можетъ быть, мнѣ дано какое нибудь порученіе въ Афганистанъ; всѣ такъ рады будутъ мнѣ служить; много людей изъ Афганистана ѣздитъ въ Самаркандъ и имъ всегда оказываютъ хорошій пріемъ, а афганцамъ такъ рѣдко случается принять русскаго. Мнѣ жаль было, что вся хитрость и мудрость Ахундъ-Заде пропадаютъ даромъ и я поспѣшилъ ему отвѣтить: „Выѣзжая изъ Асхабада, я и не думалъ быть въ Афганистанѣ; необходимость взять проводниковъ для переправы въ Персію привела меня въ Кусанъ, а исполненіе формальностей, требуемыхъ афганскимъ закономъ отъ иностранцевъ—въ Горіанъ; я былъ-бы очень счастливъ быть гостемъ хана въ Гератѣ, но обстоятельства мнѣ этого не позволяютъ—мнѣ необходимо ѣхать въ Хафъ, куда и прошу Ахундъ-Заде дать мнѣ проводниковъ“. — „Вся страна ваша, куда прикажете, туда и проведутъ“, отвѣтилъ Ахундъ-Заде и предложилъ конвой для сопровожденія до персидской границы. Отъ этого я отказался и мы порѣшили, что на слѣдующій день на разсвѣтѣ два проводника будутъ къ моимъ услугамъ.

Наконецъ, когда стемнѣло, ханъ извинился дальностью пути и уѣхалъ, наговоривъ на прощаніи массу любезностей и отдавъ приказаніе, чтобъ всѣ мои желанія были исполнены въ точности. Те-

перь для мѣстныхъ властей уже было ясно, какъ къ моему пріѣзду отнеслись въ Гератѣ, ханы не знали удержу и страшно надоѣдали: не нужно-ли мнѣ чего нибудь, они посидятъ со мною, чтобъ мнѣ не было скучно и т. д. Напрасно я наводилъ разговоръ на необходимость очень рано встать на слѣдующій день; ханы намековъ не понимали и уѣхали только въ девять часовъ вечера; на прощаніе они взяли, для представленія въ Гератъ, съ меня росписку въ томъ, что я вполнѣ доволенъ оказаннымъ мнѣ пріемомъ. Интересно-бы знать, кто ее будетъ читать, такъ какъ я отклонилъ просьбу приложить печать къ роспискѣ, написанной по персидски, и написалъ самъ всю по-русски.

IV.

Горіанъ. Турбетъ-и-Гайдари. Мешхедъ.

30-го апрѣля на разсвѣтѣ мы выступили изъ Горіана. Дорога сначала проходитъ по богатымъ пастбищамъ, на которыхъ паслись большія стада барановъ и табуны лошадей; но направленіе ея NW 80° и потому она быстро уходитъ отъ Гери-руда. Скоро мы стали подниматься, чтобъ перевалить черезъ невысокій отрогъ горъ; его легко избѣгнуть для колесной дороги небольшимъ обходомъ. Высшая точка перевала надъ окружающею мѣстностью около 45 сажень. Въ широкой долинѣ, лежащей за нимъ, мы проходили мимо нѣсколькихъ хоузовъ и развалинъ робатовъ; въ бассейнахъ хоузовъ есть вода, но самыя зданія ихъ, также какъ и робаты, разрушены мервцами и сарыками; здѣсь каждый шагъ дороги носилъ на себѣ слѣды подвиговъ этихъ негодяевъ и вся долина до самаго Герата брошена жителями.

Мѣстность вообще небогата водою. Около середины дороги, изъ сѣверныхъ отроговъ вытекаетъ небольшой ручей, называемый Шороу; теченіе въ немъ бываетъ только послѣ дождей; при нашемъ проходѣ, въ руслѣ мѣстами стояли лужи со слабо солоноватою водою. Кэризы, снабжавшіе прежде робаты и поселенія по этой дорогѣ, теперь засорены и не даютъ воды. Въ одной верстѣ отъ Шороу проводникъ мнѣ указалъ персидско-афганскую границу, которая, впрочемъ, на картахъ показана гораздо восточнѣе, но афганецъ утверждалъ, что въ былыя времена, когда жители еще не бросили края, Шороу-кала было афганское поселеніе. На сѣверъ

отъ дороги, по которой мы шли, тянется долина Бахарзъ. Нѣсколько далѣе Керата вытекаетъ изъ горъ ручей Тейбадъ-су, разбираемый на орошеніе у селенія Тейбадъ; только послѣ сильныхъ дождей этотъ ручей, также какъ и остальные овраги Бахарза, обыкновенно сухіе, несетъ свои воды къ Гери-руду.

Вправо и влѣво отъ дороги встрѣчаются искусственные бугры такого-же вида, какъ въ Атекѣ: они насыпаны, какъ объясняютъ афганцы, по приказанію Надиръ-шаха для устройства укрѣпленій и караульныхъ или сигнальныхъ башень.

При приближеніи къ Керату, издали виднѣется большой столбъ, построенный во времена Надиръ-шаха балхскими жителями, тогда державшими здѣсь караулъ. Столбъ служилъ сторожевою башнею, вершина его обвалилась, оставшаяся кругомъ верхняя часть наклонилась и, вѣроятно, скоро упадетъ. Внутри столбъ пустой и въ немъ помѣщается витая лѣстница, ведущая на вершину.

Кератъ имѣетъ теперь большое значеніе, какъ опорный пунктъ для охраненія персидской границы отъ набѣговъ сарыковъ и мервцовъ: онъ расположенъ при выходѣ изъ горъ большой дороги изъ Хафа въ Горіанъ; изъ Керата же высылаются караулы въ остальные горные проходы. Такимъ образомъ, большая дорога изъ Хафа въ Мешхедъ совершенно обезпечивается отъ нападенія разбойничьихъ шаекъ.

Изъ Керата дорога идетъ шесть верстъ по оврагу ручья Серъ-и-чишме и потомъ пересѣкаетъ ручей Дердевей, оба незначительные, такъ что Кератъ получаетъ воду изъ кэризовъ; далѣе дорога переваливаетъ на западную сторону кератскихъ горъ и спускается къ роднику Шишоу, у котораго есть небольшой лужокъ съ хорошею травою. За нѣсколько дней до нашего проѣзда, въ этихъ горахъ захвачены были сарыками шесть жителей Хафа, шедшихъ съ верблюдами въ Гератъ. Вслѣдствіе этого паника была общая. Завидя аліелинцовъ, проходившіе съ навьюченными ослами персы побросали животныхъ и вьюки, а сами побѣжали въ горы. Напрасно бывшій съ нами персидскій проводникъ въѣзжалъ на высоты, вызывалъ и успокоивалъ бѣглецовъ; они спрятались гдѣ-то далеко и не рѣшались показаться.

Изъ Шишоу дорога спускается въ долину, съ поперечнымъ скатомъ къ Хафу, который виденъ верстъ за 15; не доходя этого города, пересѣкаются два ручейка, текущіе на югъ. Топлива по всей дорогѣ, начиная отъ Горіана, почти нѣтъ; съ трудомъ можно было набрать его для приготовленія обѣда или чая! Корма для лоша-

дей, когда кончается богатая лугами долина Гери-руда, также немного.

Хафъ состоитъ изъ нѣсколькихъ укрѣпленій, построенныхъ другъ около друга; чтобъ проникнуть на базаръ, приходится проѣхать черезъ трое воротъ. Снаружи укрѣпленія, у первыхъ воротъ, расположенъ большой, прекрасно построенный хоузъ. На базарѣ караванъ-сараи почти всѣ пусты и ничего нельзя найти; лавки же разбросаны по укрѣпленіямъ среди прекрасныхъ садовъ, посѣвовъ тиріака (опіумъ) и богатѣйшихъ тутовыхъ и фруктовыхъ плантацій. Предметы торговли почти всѣ мѣстные персидскіе; красный товаръ частью русскихъ, частью англійскихъ фабрикъ, что видно по ярлыкамъ, которыми, по мѣрѣ продажи тканей, купцы оклеиваютъ свои лавки.

Хафъ—мѣстопребываніе полковника Стюарта, англійскаго агента въ Гератѣ. Послѣ печальной участи, постигшей Каваньяри, англійскіе агенты въ Афганистанѣ предпочитаютъ жить не во ввѣренныхъ ихъ наблюденію провинціяхъ, гдѣ, при ненависти афганцевъ къ англичанамъ, жизнь ихъ всегда въ опасности, а гдѣ-нибудь неподалеку. Стюартъ, во время тэкинской экспедиціи въ 1880 и 1881 годахъ, переодѣвшись армяниномъ, подъ предлогомъ покупки лошадей, проѣхалъ въ Дерегезъ и оттуда слѣдилъ за дѣйствіями русскихъ войскъ. Въ настоящее время, Хафъ составляетъ, такъ сказать, главную квартиру полковника; большую же часть времени онъ разъѣзжаетъ и занятъ съемками по границѣ Персіи и Афганистана. Весною этого года онъ былъ въ Кератѣ, Кяфиръ-калѣ, доходилъ до Мосынъ-абада и Пешъ-робата; затѣмъ, снарядивъ нѣсколько неудавшихся экспедицій, желавшихъ проникнуть въ Мервъ, отправился на югъ Персіи.

Дорога изъ Хафа идетъ до Турбетъ-и-Гайдари на сѣверозападъ по широкой долинѣ; съ восточной стороны все время виднѣются горы; съ западной онѣ переходятъ въ невысокіе холмы и часто на горизонтѣ ничего не видно. На равнинѣ дорога идетъ по удобному гравелистому грунту. Черезъ всѣ овраги съ крутыми берегами сдѣланы мостики, по которымъ можетъ проѣхать несильно нагруженная телѣга.

Какъ на русскихъ, такъ и на англійскихъ картахъ по дорогѣ къ Мешхеду показаны не всѣ поселенія, которыя существуютъ въ дѣйствительности; вѣроятно, съ умиротвореніемъ края (теперь уже сюда не смѣютъ являться сарыки) явились новыя деревни. Растительность вездѣ очень богатая, но дальнѣйшаго большаго разви-

тія жизни здѣсь ждать нельзя: предѣлъ ему положитъ недостатокъ воды. Всѣ деревни, лежащія по дорогѣ, представляютъ собою темнозеленое пятно садовъ среди свѣтлозеленаго цвѣта окружающихъ ихъ посѣвовъ ячменя, пшеницы, клевера, тиріака и т. п. Эти небольшія пятна рѣзко отличаются отъ мрачнаго, печальнаго, пыльнаго цвѣта остальной долины: вся вода изъ нея высосана кэризами и проведена къ деревнямъ, и затѣмъ остальная, безплодная часть земли не производитъ даже травы и кустарника. Корма для скота нѣтъ нигдѣ до самаго Мешхеда; лошадей держатъ только ханы; иногда въ цѣлой деревнѣ нѣтъ ни одной лошади. Всѣ передвиженія дѣлаются на ослахъ; это относится какъ къ товарамъ, такъ и къ путешественникамъ, ѣдущимъ, большею частью, на богомолье въ Мешхедъ; какъ мужчины, такъ и женщины ѣдутъ на ослахъ, причемъ женщины, обыкновенно, поверхъ цѣлой кучи одѣялъ и вьюка. Верблюды встрѣчаются рѣдко, только при большихъ караванахъ, идущихъ издалека; при гористой мѣстности, изъ Турбета къ Мешхеду перевозка на верблюдахъ невыгодна. Фруктовыя деревья есть въ каждомъ селеніи, въ садахъ; лѣсовъ же нѣтъ нигдѣ. Отъ отсутствія дерева зависитъ типъ персидскихъ построекъ, какъ отдѣльно стоящихъ, такъ и составляющихъ цѣлые робаты и караванъ-сараи. Помѣщеніе нѣсколько значительныхъ размѣровъ подраздѣляется столбами на небольшіе квадраты, покрываемые купольными сводами. Дерева ни куска. Робаты для остановки путешественниковъ очень часты; они расположены по дорогѣ около родниковъ, а въ случаѣ отсутствія ихъ, около хоузовъ. Иногда зданія стоятъ вдали отъ поселеній, иногда около нихъ, но всегда внѣ укрѣпленія. Внутри робатъ состоитъ изъ нѣсколько возвышенной части около стѣнъ, въ видѣ глиняныхъ, иногда вымощенныхъ, наръ для людей и части вровень съ землею—для скота и лошадей. Въ стѣнахъ около наръ очаги для варки пищи; въ углу витая лѣстница на крышу, гдѣ всѣ купола окружены стѣною съ бойницами для обороны; теперь эта часть постройки обыкновенно не поддерживается. Робаты часто изъ обожженнаго кирпича, иногда сырцовые. Какъ всѣ азіятскія постройки, они недолговѣчны; много встрѣчается развалинъ. Въ робатахъ ничего не платится за помѣщеніе; построены они, обыкновенно, благочестивыми людьми на общее пользованіе.

Недостатокъ дерева—одно изъ важныхъ неудобствъ этой дороги при путешествіяхъ: купить дровъ не вездѣ можно; кустарника же нѣтъ вовсе, нерѣдко даже нельзя набрать и колючки, которая здѣсь

почти исключительно служитъ топливомъ и подвозится къ поселеніямъ часто изъ-за очень большихъ разстояній.

У небольшой караулъ-калы, у Гиндабада, дорога изъ долины входитъ на невысокіе холмы. Послѣ переправы черезъ нихъ виденъ Турбетъ-и-Гайдари. Сады, окружающіе укрѣпленіе, разбросаны на много верстъ; мы около нихъ проходили болѣе часа; вода изъ родниковъ и кэризовъ. Турбетъ-и-Гайдари—одинъ изъ большихъ городовъ этой части Персіи; въ калѣ находится базаръ, прекрасное кирпичное зданіе въ видѣ буквы Т, крытое сводами; средняя часть его оставляетъ весьма широкій проѣздъ; мы ѣхали верхомъ трое рядомъ, не стѣсняя проходившихъ по сторонамъ; лавки весьма вмѣстительныя, съ жильемъ сзади для продавцовъ. Главные предметы торговли тѣ же, что и въ Мешхедѣ: ткани, принадлежности верховой ѣзды (войлоки, сѣдла, уздечки, хурджимы [1]), чай, французскій сахаръ, лампы, желѣзныя издѣлія, стеклянныя и ювелирныя произведенія; потомъ лавки съ мясомъ, зеленью, крупою, ячменемъ, хлѣбомъ и т. п.

За Турбетомъ начинается горная часть дороги и продолжается до самаго Мешхеда. Приходится перейти три перевала, болѣе $6^1/_2$ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Дорога часто идетъ по камню, по которому скользятъ и падаютъ даже ослы; спуски и подъемы очень крутые, дорога совершенно не раздѣлана и вообще весьма трудная; самая плохая часть — ближайшая къ Мешхеду, отъ Кяфиръ-калы почти до Тирока. Воды вездѣ много; корма же для лошадей нѣтъ, лѣса и топлива также. Чѣмъ ближе къ Мешхеду, тѣмъ чаще и чаще приходится обгонять караваны съ товарами и особенно много богомольцевъ, направляющихся въ святой городъ. За 15 верстъ съ горъ уже видно мерцаніе золоченаго купола надъ гробницей имама Риза.

Въ Мешхедѣ я предполагалъ провести два дня въ приготовленіяхъ къ дальнѣйшему путешествію. Благодаря гостепріимству и любезности русскаго коммерческаго агента въ этомъ городѣ, г. Насырбекова, снаряженіе не представило никакихъ затрудненій и пребываніе въ Мешхедѣ обратилось въ весьма пріятный отдыхъ. Оказалось, что слухи о моей поѣздкѣ въ Горіанъ уже достигли Мешхеда, но въ весьма извращенномъ видѣ; говорили, что я былъ захваченъ въ плѣнъ горіанскимъ ханомъ и потомъ освобожденъ по приказанію гератскихъ властей. Въ такомъ видѣ и даже съ при-

[1]) Переметныя сумки.

бавленіемъ, что мнѣ было запрещено возвращаться въ Гератъ, слухи были переданы въ Тегеранъ и оттуда черезъ телеграфныя агентства попали въ наши и англійскія газеты.

Наканунѣ моего отъѣзда, выступилъ изъ Мешхеда хорасанскій генералъ-губернаторъ (вали), принцъ Рухнудъ-Дауле, братъ шаха, для объѣзда восточной персидской границы и для постройки укрѣпленій въ Каушутъ-калѣ, Старомъ Серахсѣ и на линіи Теджена. Этимъ путемъ хорасанскія власти захватываютъ никогда непринадлежавшій имъ, весьма удобный для заселенія и обработки восточный берегъ Гери-руда и надѣются утвердить свое вліяніе между мервцами, какъ здѣсь поселяющимися, такъ и живущими въ Мервѣ. Мервцы, стѣсненные въ своихъ грабежахъ сосѣдствомъ Россіи, уже перестали быть прежнимъ страшилищемъ для персовъ и, напротивъ, стараются снискать ихъ расположеніе: фиктивное покровительство слабой державы, какъ Персія, было-бы чрезвычайно выгодно мервцамъ, такъ какъ позволяло-бы имъ дѣлать все, что они хотятъ.

Весьма упорно держался слухъ, что сношенія обѣихъ сторонъ происходятъ при участіи англійскихъ агентовъ, одинъ изъ которыхъ, будто-бы, долженъ былъ сопровождать принца Рухнудъ-Дауле при его путешествіи. Для сопровожденія принца шелъ отрядъ изъ 1.000 человѣкъ пѣхоты, 1.200 всадниковъ и четырехъ орудій, со свитою и прислугою до 3.000 человѣкъ, а вмѣстѣ съ транспортомъ всего до 5.000 человѣкъ. Маршрутъ вали былъ по Кара-су (Хешефъ-рудъ) въ Пуль-и-Хатунъ и оттуда въ Серахсъ. Путешествіе это произвело въ Мешхедѣ большое волненіе, такъ какъ подъ транспортъ требовалось множество верблюдовъ иословъ, которые собирались реквизиціей; караваны, предупрежденные во время, предпочитали по десяти и болѣе дней ждать отъѣзда принца гдѣ-нибудь въ двухъ-трехъ переходахъ отъ Мешхеда, чѣмъ рисковать своими верблюдами. Полученіе денегъ за работу взятыхъ реквизиціей верблюдовъ и ословъ болѣе чѣмъ гадательно, а неполученіе обратно самихъ животныхъ, напротивъ, весьма вѣроятно.

V.

Мешхедъ. Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ. Догару. Серахсъ.

Изъ Мешхеда мы выступили, 9-го мая, на Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ, чтобъ пройти до Гери-руда и оттуда берегомъ рѣки въ

Серахсъ. Дорогъ изъ Мешхеда къ Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джаму нѣсколько: на англійскихъ картахъ показана самая близкая къ горамъ; она посѣщалась въ тѣ времена, когда большая дорога изъ Мешхеда въ Гератъ подвергалась постояннымъ нападеніямъ мервцевъ и сарыковъ. На русской картѣ означена вторая дорога гораздо ниже, но и она частью проходитъ по косогорамъ и пересѣкаетъ весьма неудобные овраги. Теперь, при полной безопасности пути, эта часть дороги оставлена, и движеніе происходитъ прямо по долинѣ изъ Феримуна, на Катты-Шимширъ, развалины Хейрабада и Ленкара, причемъ, не говоря объ улучшеніи пути, длина его сокращается почти на десять верстъ.

Сравнительно съ дорогою изъ Хафа, описываемый теперь путь безлюденъ и пустъ. Здѣсь вездѣ видны еще слѣды подвиговъ туркменъ, хотя послѣднее время и тутъ почти прекратились разбои, но край только-что начинаетъ оживать и еще не успѣлъ оправиться отъ перенесенныхъ бѣдъ.

Дорога, бòльшею частью, ровная, только мѣстами, особенно между Гусынъ-абадомъ и Феримуномъ, на шести верстахъ есть овраги и холмы при пересѣченіи водораздѣла между Кара-су и Джамомъ; для желѣзной дороги здѣсь трудностей не представилось бы никакихъ. За Феримуномъ же мѣстность совершенно ровная. Вода по дорогѣ въ изобиліи, населеніе есть во всѣхъ пунктахъ, кромѣ Гусынъ-абада, Хейрабада (развалины), Хоузъ-Сефида и Абасъ-абада, причемъ, въ Хейрабадѣ и Абасъ-абадѣ водоснабженіе было изъ кэризовъ, и когда эти укрѣпленія были брошены жителями, изъ страха текинцевъ, то водоснабженіе погибло. Въ Хоузъ-Сефидѣ зданіе хоуза разрушено, но систерна съ водою существуетъ и теперь. Населеніе—персы, кромѣ Ленкара, гдѣ много салыръ, поселившихся здѣсь лѣтъ тридцать назадъ; говорятъ они какой-то смѣсью тюркскаго и персидскаго языковъ.

Въ Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ бѣжалъ Эйюбъ-ханъ по взятіи Герата нынѣшнимъ его правителемъ Сердаръ-Кундузъ-ханомъ. По настоянію англійской миссіи, Эйюбъ-хану было предложено переселиться въ Тегеранъ, чтò онъ и сдѣлалъ; но семейство его и бòльшая часть бѣжавшихъ съ нимъ приверженцевъ все еще живетъ въ Турбетѣ. Я встрѣчалъ многихъ изъ нихъ; они чрезвычайно настойчиво просили какой-нибудь работы и всегда стоило большаго труда отъ нихъ отдѣлаться. По дорогѣ, какъ только узнавали, что я русскій, сейчасъ же начинались разговоры о русскомъ, который былъ въ плѣну въ Гератѣ. Наиболѣе догадливые спрашивали, не

обо мнѣ ли идетъ рѣчь; я не отрекался и этою откровенностью совершенно сбивалъ съ толка своихъ собесѣдниковъ, привыкшихъ къ тому, что на Востокѣ никто въ дѣлахъ не говоритъ правды. Многіе приходили къ убѣжденію, что я нарочно стараюсь ихъ ввести въ заблужденіе, а въ дѣйствительности ѣду хлопотать объ освобожденіи гератскаго плѣнника.

Для преслѣдованія разбойничьихъ шаекъ и защиты дороги, на востокъ отъ нея выдвинуты два пункта: Буджгунъ и Мосынъ-абадъ; въ Буджгунѣ стоятъ 400 всадниковъ милиціи, въ Мосынъ-абадѣ 100. Мосынабадъ въ пяти верстахъ отъ большой дороги; въ немъ до 300 домовъ; водоснабженіе весьма обильное изъ кэризовъ. Показанный на картахъ, подъ названіемъ Мосынъ-абадъ-су, притокъ Гери-руда, извѣстенъ у жителей подъ именемъ Равасъ; въ дѣйствительности это не рѣка, а оврагъ: вода въ немъ бываетъ только послѣ сильныхъ дождей и теченіе ея бываетъ непродолжительно. Вообще, при пользованіи картами этой мѣстности, весьма легко впасть въ ошибку и придти къ убѣжденію, что весь бассейнъ Гери-руда чрезвычайно обиленъ водою: на картахъ показано множество рѣкъ и ихъ притоковъ, на самомъ же дѣлѣ это все овраги, дренирующіе бассейнъ отъ дождей. Рѣкъ только двѣ: Кара-су и Джамъ. Постоянное теченіе Джама начинается лишь у развалинъ Хейрабада; притоковъ же рѣки не имѣютъ. Тейбадъ-су не доходитъ до Гери-руда и разбирается вся у Тейбада. Вообще эта мѣстность, такъ же какъ и весь Хорасанъ, скорѣе бѣдна, нежели богата водою.

Изъ Мосынъ-абада я проѣхалъ въ Кэризъ. Дорога совершенно ровная, бо̀льшая часть селенія въ развалинахъ, робатъ разрушенъ; жители только недавно начали возвращаться. Не въ лучшемъ состояніи и находящійся на афганской границѣ робатъ Догару — груда развалинъ; бывшее здѣсь водоснабженіе не существуетъ. Изъ Догару ясно видно укрѣпленіе и робатъ Кяфиръ-кала; въ этотъ послѣдній пунктъ ежедневно высылаются изъ Кусана пять человѣкъ для наблюденія за переправою; на ночь они возвращаются въ Кусанъ. Изъ Догару мы повернули на сѣверосѣверовостокъ и шли въ этомъ направленіи до Гери-руда у Пешъ-робата, построеннаго, по словамъ мосынабадскаго хана, дочерью Тимура. Какъ объяснялъ ханъ, это и гласитъ надпись на фасадѣ, высѣченная въ полосѣ сѣраго камня, вдѣланнаго въ кладку. Зданіе изъ прочной кирпичной кладки сохранилось, сравнительно, хорошо, только одинъ уголъ упалъ; своды, покрывающіе отдѣльныя части робата, безъ трещинъ; размѣры грандіозные; всюду внутри можно проѣхать вер-

хомъ. У Пешъ-робата дорога подходитъ къ Гери-руду; оба берега поросли густымъ камышомъ, кустарникомъ и деревьями; во многихъ мѣстахъ къ рѣкѣ нельзя не только подъѣхать, но даже подойти пѣшкомъ.

Изъ Догару въ Зурабадъ три дороги. Одна переходитъ рѣку, удаляется внутрь страны для обхода горъ, составляющихъ ущелье Гери-руда и недалеко отъ Зурабада возвращается на персидскій берегъ. Главное неудобство этого пути — двѣ переправы черезъ рѣку, доступныя не во всякое время года, да и проходятъ онѣ по ущельямъ, гдѣ двигаться, судя по разспросамъ, нелегко. Второе, кратчайшее направленіе, по которому я шелъ, черезъ горы, не можетъ быть собственно названо дорогою — тутъ мѣстами нѣтъ даже вьючной тропы. Наконецъ, третья дорога, длиннѣйшая, но лучшая — черезъ Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ и Ленкаръ въ Зурабадъ; по ней только одинъ переходъ въ горахъ.

Вторая изъ этихъ дорогъ отъ Пешъ-робата идетъ по берегу Гери-руда до Кассапъ-калы, потомъ удаляется на западъ и пересѣкаетъ Джамъ въ трехъ верстахъ отъ впаденія его въ Гери-рудъ. Отъ этого пункта мѣстность холмистая; дорога проходитъ мимо развалинъ Кале-и-Мелу у прѣснаго ручья и восемь верстъ далѣе входитъ въ горы; отсюда почти все время приходится двигаться узкими тропинками въ ущельяхъ, бо̀льшею частью по голому камню, то поднимаясь на высокіе перевалы, то спускаясь въ глубокія долины; дороги нѣтъ вовсе, часто нѣтъ и слѣда пути, даже вьючное движеніе здѣсь крайне затруднительно; устройство же колесной дороги потребовало бы громадныхъ работъ. Воды много; почти въ каждомъ ущельи течетъ ручей; кормъ для лошадей прекрасный. Склоны горъ покрыты деревьями, около ручья Голебетъ есть даже довольно густой лѣсъ.

Изъ горъ мы вышли верстахъ въ 12-ти отъ поселеній салыровъ и прошли мимо нѣсколькихъ линій брошенныхъ кэризовъ и потомъ вдоль обильнаго ручья, проведеннаго на поля у Зурабада.

Зурабадъ, въ настоящее время, пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе. Сюда, съ разрѣшенія персидскаго правительства, переселилось до 2000 кибитокъ салыръ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, они жили у Стараго Серахса. Мервцы напали на нихъ, угнали весь скотъ и принудили бо̀льшую часть племени переселиться въ Мервъ; тамъ имъ не было дано ни земли, ни воды и они или занимались скотоводствомъ, или поступали на работы къ тэкинцамъ. Во время экспедиціи 1880—1881 года, въ Мервѣ было до 4000

кибитокъ салыръ; остальные распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: между сарыками по Мургабу кочевало 1000 кибитокъ, у Чарджуя 400, близъ Маймене 200, близъ Герата въ Пуль-и-Саларъ было около 100 домовъ.

По совѣту Тыкма-сердара, лѣтомъ прошлаго года, мервцы рѣшили болѣе не задерживать салыровъ, а отпустить ихъ на старыя мѣста. Они, въ числѣ 2000 кибитокъ, явились къ Сераху; но здѣсь очень ужъ хорошія мѣста, на которыя всегда найдутся охотники; наконецъ, персы на нихъ имѣли другіе виды, и потому салырамъ назначили мѣста для поселенія у Зурабада для того, чтобъ образовать вдоль Гери-руда кордонъ отъ набѣговъ сарыковъ и мервцевъ. Салыры — самое слабое изъ туркменскихъ племенъ; не пользуясь ничьимъ покровительствомъ, они не могли сопротивляться и отстаивать свои права на Старый Серахсъ, который имъ еще такъ недавно принадлежалъ, тѣмъ болѣе, что явились они совершенно раззоренные, нуждаясь въ сѣменахъ для посѣвовъ. Отказъ въ этомъ со стороны персовъ поставилъ бы переселенцевъ въ безвыходное положеніе и они должны были поселиться гдѣ имъ указали, хотя Зурабадъ имъ очень не нравится; въ горахъ вода въ изобиліи, но ручьи текутъ въ узкихъ ущельяхъ и нѣтъ мѣстъ для посѣвовъ; у самаго же Зурабада равнина, годная для обработки, невелика и воды весьма немного, такъ какъ приходится пользоваться арыками изъ кэризовъ, а выведеніе каналовъ изъ Гери-руда представило бы слишкомъ большія затрудненія. Салыры заняли отъ Пуль-и-Хатуна до Зурабада и далѣе на югъ по берегу рѣки всѣ мѣста, годныя для посѣвовъ: земли едва хватаетъ, а между тѣмъ, оставшіяся въ Мервѣ 2000 кибитокъ желаютъ поселиться вмѣстѣ со своими единоплеменниками, зурабадскіе же старшины идутъ еще далѣе и толкуютъ о необходимости собраться всѣмъ салырамъ въ одно мѣсто.

Главное поселеніе салыровъ — на бугрѣ около стараго укрѣпленія Зурабадъ. Тутъ же недалеко персы предполагаютъ построить новое укрѣпленіе.

Приняли меня салыры въ высшей степени гостепріимно, съ выраженіями глубочайшей преданности и благодарности Россіи: свое освобожденіе изъ Мерва, гдѣ имъ такъ плохо жилось, они приписываютъ исключительно покоренію русскими Ахала и совѣтамъ Тыкма-сердара. Конечно, это не помѣшало имъ взять съ меня за все въ-три-дорого.

Изъ Зурабада къ Пуль-и-Хатуну ведутъ двѣ дороги: первая,

кратчайшая, идетъ черезъ горы; вторая же переходитъ на восточную сторону рѣки и черезъ Гермау-Дербентъ возвращается на персидскій берегъ, гдѣ соединяется съ первою. Горная дорога до Деана-Дербентъ неудобная и трудная; она почти такого же характера, какъ дорога изъ Кале-и-Мелу въ Зурабадъ. Близъ Деана-Дербентъ дорога спускается къ Гери-руду и его берегомъ идетъ до самаго Серахса; здѣсь, съ восточной стороны рѣки горы продолжаются почти до Пуль-и-Хатуна; на персидскомъ же берегу онѣ отходятъ отъ рѣки и дорога лишь мѣстами пересѣкаетъ невысокіе выступы ихъ, а отъ Пуль-и-Хатуна къ Серахсу идетъ по чрезвычайно пологому и совершенно ровному косогору. Прежде дорога изъ Серахса въ Пуль-и-Хатунъ проходила черезъ Даулетъ-абадъ и Шурдже, въ сторонѣ отъ рѣки, по холмистой и довольно трудной мѣстности. Это направленіе предпочиталось вслѣдствіе его сравнительной безопасности; въ настоящее же время, по умиротвореніи края, оно почти оставлено.

Пуль-и-Хатунъ значитъ въ переводѣ мостъ женщины. Здѣсь черезъ Гери-рудъ былъ построенъ очень давно женщиною (текинцы не знаютъ подробностей) мостъ; четыре арки его существуютъ и по настоящее время; средняя же, пятая, разрушена Медемій-ханомъ во время похода его противъ Мерва. Вся длина моста 28 саженъ. Близъ моста въ Гери-рудъ впадаетъ Кара-су (Кешефъ-рудъ). Ширина его здѣсь около шести саженъ; глубина весьма незначительна, не болѣе, какъ по колѣна лошади, но бродъ чрезвычайно неудобный, вслѣдствіе громадныхъ булыгъ, составляющихъ дно рѣки.

Въ Пуль-и-Хатунѣ мы остановились на ночлегъ около лагеря принца Рухнудъ-Дауле. Пока я большими переходами прошелъ на Догару и Пуль-и-Хатунъ, принцъ успѣлъ пройти по Кара-су 120 верстъ. Онъ и состоящіе при немъ начальники военной и гражданской части ѣхали въ каретахъ, свита верхомъ; обстановка всего лагеря весьма роскошная. При движеніи, всѣ части, кромѣ артиллеріи, шли чрезвычайно нестройно и въ разбродъ; обозъ растянулся болѣе чѣмъ на десять верстъ. Чисто одѣты только лица, ближайшія къ принцу; другіе всѣ оборванные. Насколько можно судить по войскамъ, сопровождавшимъ вали, сапоги въ пѣхотѣ необязательны, да и вообще форма соблюдается весьма мало. Вооруженіе все старыхъ системъ; скорострѣльныя ружья встрѣчаются только у офицеровъ, и то весьма рѣдко.

На слѣдующій день, 18-го мая, обогнавъ персидскій отрядъ у Наурузъ-абада, я пріѣхалъ въ Серахсъ, гдѣ дѣлались большія

приготовленія для встрѣчи вали и были собраны люди для предполагавшихся работъ.

Во все время по дорогѣ въ Асхабадъ пришлось выслушивать жалобы жителей Атека на бѣдственное положеніе: персы систематически отнимаютъ у нихъ воду въ моменты, когда она наиболѣе необходима для посѣвовъ; текинцы не смѣютъ силою поддерживать свое право и видятъ для себя только два исхода: или сдѣлаться персидскими подданными и платить пограничнымъ ильхани подать, или бросить свои поселенія и откочевать въ Мервъ или Тедженъ, не смотря на сопряженное съ этимъ полное раззореніе.

ПОѢЗДКА ВЪ ПЕРСІЮ, ЮЖНУЮ ТУРКМЕНІЮ, МЕРВЪ И ЧАРДЖУЙ.

Въ 1882 году я проѣхалъ по разнымъ частямъ Средней Азіи болѣе 5000 верстъ; разработка собранныхъ при этомъ свѣдѣній, конечно, потребуетъ не мало времени, и потому не ожидая вычисленій и окончательной разработки собранныхъ матеріяловъ, я предварительно сообщу нѣсколько замѣтокъ о своихъ путешествіяхъ во второй половинѣ того года. Главное мѣсто при этомъ отведено описанію пройденныхъ дорогъ и нѣкоторыхъ менѣе извѣстныхъ мѣстностей; я вездѣ по возможности избѣгалъ повторенія свѣдѣній ранѣе сообщенныхъ путешественниками, не имѣя въ виду представить что-либо полное и законченное о посѣщенныхъ странахъ, а лишь изложить отдѣльные интересные факты.

Также отрывочны свѣдѣнія о характерѣ и жизни текинцевъ: я упоминаю лишь о тѣхъ сторонахъ, въ которыхъ истина наиболѣе расходится съ господствовавшими у насъ до сихъ поръ понятіями. Вообще представленія о текинцахъ и Мервѣ у насъ самыя несоотвѣтствующія дѣйствительности: въ англійскихъ источникахъ, въ виду политическихъ соображеній, факты часто извращены, выводы же почти всегда пристрастны. Мы, русскіе, только въ послѣднее время стали въ условія благопріятныя для изученія этого народа; до войны, сношенія съ текинцами были весьма рѣдки, свѣдѣнія о нихъ большею частью собирались у ихъ сосѣдей и конечно не могли имѣть большой цѣны; по взятіи Геокъ-тепе сближеніе происходило медленно, люди, возвращавшіеся изъ Закаспійскаго края, незнакомые съ дѣйствительностью и великодушные, надѣляли текинцевъ всевозможными добродѣтелями. Отсюда и пошли разсказы

о храбрости, честности и рыцарствѣ текинцевъ, о совершенствѣ ихъ государственнаго устройства; невольно являлся страхъ, что покоривъ текинцевъ, мы разрушили что-то столь совершенное, что̀ не съумѣемъ ничѣмъ лучшимъ замѣнить. Тѣ, которымъ пришлось остаться въ Закаспійскомъ краѣ и имѣть частыя сношенія съ текинцами, быстро разочаровались: недостатки и пороки ихъ такъ рѣзки и грубы, что никакія иллюзіи невозможны.

Приступая къ описанію путешествія, мнѣ необходимо сдѣлать двѣ оговорки.

Во первыхъ, ниже часто встрѣчаются соображенія о пригодности того или другаго направленія къ проложенію желѣзной дороги, хотя таковую, насколько извѣстно, вовсе не предполагается строить; въ Россіи едва-ли отъ кого можно услышать предположеніе о проведеніи въ настоящее время желѣзной дороги на юго-востокъ отъ Асхабада; даже вопросъ о продолженіи Закаспійской желѣзной дороги къ Бами и Асхабаду обсуждается главнымъ образомъ въ Англіи. Важно было произвести изслѣдованіе теперь-же, пользуясь спокойнымъ состояніемъ степи, такъ какъ обстановка въ ней мѣняется иногда совершенно неожиданно; впослѣдствіи, изслѣдованія могутъ быть сопряжены съ большими трудностями, а между тѣмъ, если когда нибудь возникнетъ вопросъ о продолженіи Закаспійской дороги, то весьма важно будетъ знать впереди лежащую мѣстность; всѣ соображенія о дорогѣ зависятъ отъ того, можетъ ли она быть введена въ связь съ другими линіями, или же останется навсегда отдѣльною вѣтвью.

Во вторыхъ, необходимо выяснить степень достовѣрности сообщенныхъ мною свѣдѣній. Замѣчу при этомъ, что я передаю или то, что̀ вижу и наблюдаю самъ, или же то, что̀ узнаю изъ распросовъ; въ послѣднемъ случаѣ, всегда оговариваю это, такъ какъ при лживости туркменъ и персовъ трудно ручаться за собранныя среди нихъ распросныя свѣдѣнія, даже провѣренныя изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Ошибки и неточности, замѣченныя мною въ описаніи прежнихъ путешествій, я исправляю въ моемъ трудѣ. Но нигдѣ, при изложеніи фактовъ, я не руководствуюсь политическими соображеніями. Обвиненіе это взводитъ на меня Лондонское географическое общество. Читая переводы русскихъ статей о Средней Азіи на англійскій языкъ, нельзя было не обращать вниманія на то, что многіе факты переведены не вѣрно; конечно, это можно было приписать недостаточному знанію русскаго языка у лицъ переводившихъ статьи; труднѣе объяснить неточную передачу словъ

англійскихъ авторовъ, которая допущена въ отчетѣ о моемъ путешествіи (засѣданіе Лондонскаго географ. общества 15 (27) ноября 1882 г.). Хотя полковникъ Стюартъ въ запискахъ этого же общества рѣшительно заявляетъ: „Ханъ Дерегеза, находя невозможнымъ существованіе курдскаго или тюркскаго населенія въ этихъ пограничныхъ деревняхъ, убѣдилъ текинцевъ и другихъ туркменъ занять ихъ“ [1]), что̀ вполнѣ согласно съ моими словами о составѣ населенія; но желая доказать присутствіе въ Атекѣ персовъ, составитель отчета говоритъ: „полковникъ Стюартъ передаетъ, что населеніе Атека состоитъ изъ курдовъ, персовъ и туркменъ“ [2]). Въ дѣйствительности же факты таковы, какъ я ихъ передалъ [3]). Точно также неосновательно, что аліелинцы въ Кахка пришли изъ Афганистана; близь Андкоя есть аліелинцы; но тѣ, которые населяютъ Кахка, пришли изъ Хивы, гдѣ и теперь еще есть туркмены этого племени. Фактъ этотъ извѣстенъ всѣмъ не только въ Атекѣ, но и въ Келатѣ и Дерегезѣ и его не могутъ не знать англійскіе путешественники [4]), посѣщавшіе эти страны.

Эта вторая оговорка необходима, такъ какъ при отсутствіи разъясненій съ моей стороны, эти искаженія могли бы быть приняты за истину, а при изложеніи фактовъ подобныхъ недоразумѣній слѣдуетъ избѣгать.

По возвращеніи въ Асхабадъ, въ маѣ 1882 года, выяснилась необходимость продолжать изслѣдованіе мѣстности между Гери-рудомъ и Мургъ-абомъ; о ней имѣлось слишкомъ мало свѣдѣній: была пройдена только одна дорога черезъ Хомбоу. Сопровождавшіе меня аліелинцы и теке увѣряли, что это дорога лучшая изъ Серахса въ Кусанъ, напротивъ персы говорили, что болѣе восточный путь черезъ Акъ-робатъ, Гюрлэнъ и Каруанъ-Ашанъ несравненно лучше пройденнаго, но что, будучи близокъ къ поселеніямъ сарыковъ, онъ очень опасенъ и что по этой причинѣ мои спутники скрываютъ его преимущества, боясь какъ бы я не заинтересовался имъ и не пожелалъ его осмотрѣть.

Продолжать путешествіе въ маѣ было совершенно невозможно;

---

[1]) Proceedings R. G. Society. 1881. № 9.

[2]) Тоже. 1883. № 1.

[3]) Ниже, см. стр. 41 и слѣд., помѣщены подробныя свѣдѣнія о населеніи Атека.

[4]) Extracts fom a diary of a tour in Khorassan, by Cap. Napier. Journal of the R. G. S. V ol. XLVI p. 91.

въ 35 дней мы прошли 1600 верстъ; люди жаловались на утомленіе; конечно, это препятствіе можно было устранить обѣщаніемъ хорошей награды, но лошади дѣйствительно были не въ состояніи идти далѣе; по дорогѣ изъ Догару въ Зуръ-бадъ нѣкоторыя изъ нихъ захромали и вообще всѣ были совершенно истощены: туркмены, вслѣдствіе своей жадности, даже при самыхъ трудныхъ переходахъ не кормятъ достаточно лошадей и потому онѣ ни въ какомъ случаѣ неспособны на путешествіе болѣе 20—30 дней. Пришлось отложить на время дальнѣйшія изслѣдованія.

Лишь 3-го августа могъ я вновь выступить въ путь. Прикрытіе, состоявшее въ прежнюю поѣздку изъ 20 человѣкъ, я уменьшилъ до десяти. Теперь я уже зналъ страну, которую требовалось проѣхать, и для снаряженія не нуждался въ указаніяхъ мѣстныхъ жителей. Къ указаніямъ этимъ слѣдуетъ прибѣгать только въ крайности: туркмены никогда не говорятъ правды и всегда стараются обмануть человѣка, съ которымъ имѣютъ дѣло. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ старшина селенія Кахка, желая, чтобы я поболѣе нанялъ людей, старался меня убѣдить, что проѣхать даже по персидскому берегу изъ Серахса въ Кюсанъ невозможно безъ прикрытія по крайней мѣрѣ во сто всадниковъ; впрочемъ, когда я заявилъ, что болѣе 20 ни въ какомъ случаѣ не возьму, то старшина согласился и на это. Въ дѣйствительности 10 человѣкъ совершенно достаточное прикрытіе; на разбои туркмены выходятъ партіями въ пять, десять человѣкъ; партіи въ тридцать, сорокъ человѣкъ очень рѣдки; встрѣтить же болѣе 50 разбойниковъ вмѣстѣ — совершенно исключительный случай; при этомъ они вооружены очень плохо; если къ текинцамъ и попало нѣсколько берданокъ во время войны съ Россіею, то у сарыковъ скорострѣльнаго оружія вовсе нѣтъ; въ виду этого 10 хорошо вооруженныхъ всадниковъ вполнѣ обезпечиваютъ безопасность движенія. Говорить нечего, что двигаться надобно весьма осторожно: если прикрытіе будетъ даже и въ 20 или въ 30 человѣкъ, а по ночамъ около лагеря не будетъ часовыхъ, то самая небольшая партія весьма легко можетъ перерѣзать спящихъ или по крайней мѣрѣ угнать лошадей.

Взятые мною 10 человѣкъ были всѣ текинцы. Кромѣ нихъ меня сопровождалъ переводчикъ и одинъ афганецъ Маммедъ-Аламъ въ качествѣ повара и конюха. Этотъ послѣдній уже нѣсколько лѣтъ служилъ при русскихъ и научился немного говорить по русски. Онъ былъ человѣкъ ловкій и расторопный, но плутъ; уже въ Асхабадѣ онъ не пропускалъ случая чѣмъ-либо воспользоваться при покуп-

кахъ. Какъ всякій афганецъ, онъ выдавалъ ржавчину на своей шашкѣ за кровь англичанъ и увѣрялъ, что отецъ его былъ приверженецъ Эюбъ-хана, и что поэтому онъ, Маммедъ-Аламъ, не можетъ вернуться въ Афганистанъ. Неизвѣстно почему, въ этой странѣ сложилось весьма странное мнѣніе. Хотя Эюбъ-ханъ никогда не имѣлъ никакихъ сношеній съ Россіею и былъ врагомъ бывшаго русскаго гостя Абдурахманъ-хана, всякій афганецъ, желающій поступить на службу къ русскому или получить отъ него что-либо, считаетъ вѣрнѣйшимъ способомъ для достиженія своихъ цѣлей заявить, что онъ изъ приверженцевъ Эюбъ-хана и слѣдовательно (?) пострадалъ за Россію. Въ началѣ путешествія Маммедъ-Аламъ былъ очень полезенъ. Своимъ знаніемъ персидскаго и тюркскаго языковъ онъ много помогалъ при всѣхъ покупкахъ и, что было особенно важно, выучилъ ничего незнающихъ текинцевъ вьючить лошадей такъ, чтобы вещи не падали во время дороги и не били бы спинъ животнымъ.

Хотя главную цѣль путешествія и составляло дальнѣйшее изслѣдованіе мѣстности между Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ, но я не направился по прямой дорогѣ къ Серахсу черезъ Атекъ. Путь этотъ уже былъ вполнѣ извѣстенъ, не представлялъ для меня никакого интереса и потому я предпочелъ болѣе длинный путь черезъ Дерегезъ, Келатъ и Мешхедъ.

Дороги Дерегеза и Келата уже столько разъ описаны, что я не стану о нихъ распространяться. Гораздо интереснѣе водная система ханствъ въ связи съ орошеніемъ Атека. Сообщаемыя здѣсь подробности [1]) послужатъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ объ этомъ краѣ, сообщеннымъ мною выше.

I.

Келатъ, Дерегезъ и Атекъ.

Всѣ рѣчки, орошающія поля атекскихъ поселеній, берутъ свое начало и частью протекаютъ по Дерегезскому и Келатскому ханствамъ. Вслѣдствіе этого туркмены разныхъ племенъ, населяющіе Атекъ, относительно своихъ посѣвовъ всегда были въ зависимости отъ персидскихъ пограничныхъ правителей. До покоренія Ахала рус-

---

[1]) Тутъ соединены данныя, собранныя какъ въ описываемую поѣздку, такъ и позже, въ ноябрѣ и декабрѣ того же 1882 года, во время втораго пребыванія моего въ Келатѣ и Дерегезѣ.

скими зависимость эта была весьма мало чувствительна: персамъ было выгодно образовать вдоль своей границы отъ текинскихъ нападеній кордонъ, который не только не требовалъ никакихъ расходовъ, но еще вносилъ ханамъ 1/10 часть сбора со всѣхъ своихъ посѣвовъ. Въ тѣ времена персы не осмѣливались, конечно, выходить изъ горныхъ проходовъ для какихъ либо работъ въ Атекѣ; но даже и въ горахъ они могли обработывать земли только вблизи своихъ укрѣпленныхъ поселеній. Мнѣніе о неприступности Келата вѣрно лишь относительно долины р. Чардэ между горными проходами (дербентами) Аргуанъ-шахъ и Нефте; горы же остальной части ханства, такъ же какъ и Дерегеза, имѣютъ множество проходовъ и дорогъ вполнѣ удобныхъ для разбойничьихъ набѣговъ, которые и случались довольно часто.

Жители этихъ мѣстъ не рисковали разбрасываться и только подъ самыми стѣнами укрѣпленій обработывали небольшія поля, достаточныя для личной потребности ихъ и для уплаты податей ханамъ. Во всѣхъ рѣчкахъ оставалась неразобранная вода, въ количествѣ даже превышавшемъ потребности Атека. Если къ этому прибавить, что ханы нуждались въ союзѣ съ жителями, для борьбы съ ихъ же единоплеменниками Ахала и Мерва, то понятно, что атекцамъ не приходилось часто жаловаться на недостатокъ воды. Когда же это случалось, то у властей Хорасана они находили весьма энергическую защиту отъ притѣсненій.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ между пограничными ханами и атекцами господствовало полное согласіе: ханы совершенно не вмѣшивались въ дѣла поселеній по равнинѣ; жители же предупреждали персовъ о готовившихся на нихъ набѣгахъ и давали ханамъ 1/10 часть жатвы. (Съ персидскихъ подданныхъ, кромѣ всѣхъ остальныхъ налоговъ, берется 1/7 часть сбора). За пастьбу своихъ небольшихъ стадъ постоянные жители ничего не платили; за стада же, пригоняемыя въ Атекъ изъ Мерва (въ года неурожая тамъ на травы) ханы взимали весьма значительную подать, доходившую до 1/2 крана (20 коп.) въ мѣсяцъ съ барана; уплата этихъ податей впрочемъ вовсе не означала, что Атекъ признается персидскою территоріею, а деньги платились за то, чтобы ханы не нападали на текинскія поселенія и не угоняли бы ихъ стада.

Со взятіемъ Геокъ-тепе все измѣнилось: нападенія текинцевъ на персовъ и обратно стали дѣломъ прошлаго, персы болѣе не нуждаются въ текинскомъ кордонѣ, а текинцамъ нѣтъ причинъ уплачивать подати ханамъ: по мусульманскимъ обычаямъ подать

за воду совершенно незаконна; вода есть достояніе всѣхъ; кто первый займетъ берега, она тому и принадлежитъ, при чемъ владѣлецъ верховьевъ вовсе не есть владѣлецъ всей воды и не имѣетъ права увеличивать свои посѣвы, если отъ этого произойдетъ ущербъ жителямъ, ранѣе занявшимъ низшія части рѣки. Брать деньги за воду можно было только при прежнихъ разбойничьихъ порядкахъ въ краѣ, постоянно угрожая поселенцамъ разграбленіемъ, въ случаѣ сопротивленія ихъ. Ханамъ Келата и Дерегеза это положеніе дѣлъ было очень выгодно и они всѣми силами стараются его поддерживать.

Граница между обоими ханствами довольно неопредѣленная; принято, что поселенія по Рудбару подчинены Бегларъ-беги [1]) дерегезскому, а по Лаину—хакиму [2]) келатскому. „Шамсханъ—Аллаяръхана, говорятъ жители, а Хеба-абадъ—Бехбудъ-хана". Между этими двумя пунктами лежитъ не населенная полоса земли шириною около 20 верстъ; по ней гдѣ-то проходитъ граница двухъ ханствъ. Что касается до Атека, то съ той части его, которая орошалась водами Дурангяра и Рудбара, бралъ десятину Аллаяръ-ханъ, а со всѣхъ поселеній далѣе на юго-востокъ (отъ Кахка до Чача)—Бехбудъ-ханъ.

Рѣка Дурангяръ, оросивъ дерегезскую долину, выходитъ изъ персидскихъ владѣній у Кале-и-миръ. Здѣсь остатки ея круто поворачиваютъ на сѣверъ и снабжаютъ водою поселенія Гекланъ и Артыкъ, въ каждомъ изъ которыхъ въ настоящее время не болѣе десяти семействъ теке. Когда-то воды Дурангяра шли еще далѣе на сѣверъ и, снабдивъ нѣсколько кале на равнинѣ, обводняли дорогу изъ Гяуарса къ Теджену (часть дороги изъ Мерва въ Ахалъ, извѣстной подъ названіемъ Мамуръ-іолъ). По мѣрѣ большаго развитія обработки Дерегеза, количество водъ, попадавшее на равнину, все уменьшалось и въ 1883 году даже Артыкъ терпѣлъ недостатокъ въ водѣ.

Изъ р. Козгонъ-су или Рудбаръ берется вода для орошенія всѣхъ остальныхъ селеній Атека Дерегезскаго отъ Лютфъ-абада и Кюрена на западѣ до Ходжа-кала на востокѣ. Рѣка эта выходитъ изъ предѣловъ Персіи нѣсколько выше туркменскаго поселенія Козгонъ и прежде разливалась по степи въ сѣверо-восточномъ направленіи; для орошенія вся рѣка повернута сначала на сѣверъ и потомъ на сѣверо-западъ по подножію холмовъ, окаймляющихъ Атекъ;

---

[1]) Титулъ хана Дерегёзскаго.

[2]) Хакимъ значитъ начальникъ или правитель.

только селеніе Махдумъ получаетъ воду изъ рѣки выше Козгона; остальныя всѣ изъ новаго русла отдѣльными каналами, за исключеніемъ Кюрена, который пользуется третью воды Лютфъ-абадской канавы. Безполезной работы потрачено весьма много: селенія, лежащія рядомъ, ведутъ каждое свой каналъ на протяженіи семи, осьми верстъ, не смотря на сопряженный съ этимъ лишній трудъ и бо́льшую потерю воды на просачиваніе и испареніе въ двухъ, трехъ малыхъ каналахъ, нежели въ одномъ большомъ. Но другой порядокъ здѣсь былъ бы невозможенъ; даже среди жителей одного и того же племени у туркменъ идутъ постоянные споры и драки за воду и конечно нельзя ожидать правильнаго распредѣленія ея при смѣшанномъ населеніи Дерегезскаго Атека [1]).

Козгонъ-су обыкновенно снабжалъ съ излишкомъ всѣ поселенія; въ этомъ году было особенно много воды и отнималась она у жителей Кюрена и Чукуръ-акыла только чтобы мстить имъ за то, что они перестали платить подати. Бываютъ исключительные годы, когда въ іюлѣ и августѣ не хватаетъ на всѣхъ воды, но и это легко устранить присмотромъ за каналами: какъ главный каналъ, такъ и разводныя канавы всѣ содержатся очень небрежно и масса воды пропадаетъ въ разливахъ; не смотря на это весною и осенью ея всегда довольно, когда же въ лѣтніе мѣсяцы ея не хватало, то при безпорядкѣ, царившемъ въ Атекѣ, жители не думали объ исправленіи каналовъ, а старались перехватить воду одно селеніе у другаго, разоряли чужія плотины и портили чужіе арыки; драки изъ-за этого на главномъ каналѣ были весьма часты. Исправное содержаніе ирригаціи становится особенно важнымъ въ настоящее время: въ нѣкоторыхъ кале населеніе возрастаетъ,—послѣ умиротворенія края вездѣ посѣвы увеличены, а между тѣмъ къ Козгону воды будетъ приходить все менѣе, такъ какъ Аллаяръ-ханъ съ своей стороны увеличиваетъ посѣвы на части рѣчки, протекающей въ его владѣніяхъ. Выше сел. Зенгиналы (10 дв.) мѣстъ удоб-

---

[1]) Населеніе это слѣдующее: Лютфъ-абадъ (400 дворовъ) и Шиль-янъ (30 дворовъ) населены почти исключительно персами шіитами; по нѣскольку домовъ ихъ есть также въ Хасарѣ (всего 45 дв.) и Мегенли (всего 30 дв.). Въ остальныхъ деревняхъ какъ Дерегезскаго, такъ и Келатскаго Атека персовъ нѣтъ; курдовъ нѣтъ ни въ одномъ поселеніи. Въ Чукуръ-акылъ до 50 дв. анаузцевъ; въ Кюренѣ преимущественно аліели, но есть нѣсколько домовъ теке. Хосрёвъ, Маммедъ-оразъ, Коушютъ, Даргана и Ходжа-кала имѣютъ смѣшанное текинское населеніе. Племя Махдумъ занимаетъ 4 укрѣпленія: именно Махдумъ (20 дв.) Кесаули (30 дв.) Козгонъ (60 дв.) и Риза-абадъ (10 дв.)

ныхъ для обработки весьма мало; ниже этого пункта они встрѣчаются; прежде здѣсь почти никто не занимался земледѣліемъ; теперь же около Зенгиналы и особенно Шамсхана расчищены большія поля подъ посѣвы риса. Воздѣлываніе его, требующее большаго количества воды, обыкновенно встрѣчается тамъ, гдѣ она въ изобиліи, а никакъ не въ краѣ, гдѣ ея хватаетъ на пропитаніе весьма ограниченнаго населенія. На сколько этотъ родъ культуры несвойственъ мѣстности, видно изъ того, что кромѣ хановъ никто имъ не занимается; во всемъ Атекѣ нѣтъ ни одного рисоваго поля у жителей.

Теперешніе жители Келатскаго Атека начали селиться здѣсь лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, по соглашенію съ Бехбудъханомъ. Кахка было занято племенемъ аліели; въ Душакѣ и Ходжамедѣ поселились теке-тохтамышъ, въ Меана и Чача—отамышъ. Этотъ порядокъ существуетъ и по настоящее время: приходящіе изъ Мерва теке селятся каждый при своемъ племени и весьма рѣдкимъ исключеніемъ является тохтамышъ въ Меана или Чача и наоборотъ отамышъ въ Душакѣ или Ходжамедѣ. По существующему обычаю, текинцы не имѣютъ права отказать пришельцу въ водѣ, пока ея довольно; при увеличеніи поселенія участокъ каждаго уменьшается, пока обработанное поле хватаетъ на семью; затѣмъ самъ собою кончается наплывъ новыхъ поселенцевъ. На участки всѣ имѣютъ одинаковыя права и раздача ихъ производится по жребію. На каждый участокъ кладется палочка съ мѣткою; палочки съ такими же мѣтками разыгрываются и всякій получаетъ мѣсто, которое ему укажетъ судьба.

Интересны бывшія отношенія поселенцевъ къ текинцамъ Мерва и Ахала. Эти послѣдніе грабили всѣ поселенія по Атеку, кромѣ занимаемыхъ священными племенами махдумъ и ходжа; текинцевъ въ плѣнъ не брали, у нихъ угоняли лишь скотъ и лошадей, и то скрытно. На аліелинцевъ и другихъ туркменъ нападали открыто; но взявши въ плѣнъ кого-либо изъ нихъ, не продавали въ Хиву или Бухару, какъ дѣлали съ персами-шіитами, а держали у себя работниками, пока родственники не выкупали плѣннаго.

Аліелинцы, живущіе въ Кахка, явились въ Атекъ изъ Хивы по взятіи ея русскими войсками; первоначально они поселились въ Коушютѣ и Абивердѣ и платили подати Аллаяръ-хану. Впослѣдствіи они переселились въ Кахка и для поливки своихъ полей провели сюда р. Лаинъ, прежде орошавшую ихъ же поля у Абиверда, и рѣку Арчингянъ.

Рѣка Лаинъ въ верхнихъ частяхъ своихъ протекаетъ между горъ, гдѣ мало мѣстъ удобныхъ для обработки и она производится безъ поливки, какъ это вообще дѣлается въ высокихъ частяхъ Келата [1]); только верстъ за 20 ниже Хеба-абада земледѣліе возможно въ значительныхъ размѣрахъ; прежде приходили сюда для этого лишь курды, живущіе въ верховьяхъ небольшими поселеніями, по три — четыре семейства, но ихъ было немного, посѣвы невелики и требовали самаго незначительнаго количества воды, которая почти вся шла къ Кахка. Теперь-же правитель Келата нагналъ жителей изъ поселеній по Арчингяну, которые повернувъ отъ дербента того же имени къ Науреку, по новому руслу сдѣлали большіе посѣвы и въ Кахка изъ Арчингяна въ настоящее время ничего не приходитъ.

На востокъ отъ Арчингяна находятся два небольшіе ручья: 1) Наурекъ, дающій воду для посѣвовъ лишь на нѣсколько семействъ, родникъ въ Атекѣ, внѣ персидскихъ предѣловъ и 2) Дехче-су, когда-то снабжавшій брошенныя нынѣ поселенія Ходжамедъ и Сермечитъ; родникъ заброшенъ и большую часть года въ его руслѣ нѣтъ воды.

Тохтамышское поселеніе Душакъ снабжается водою изъ р. Душакъ или Чардэ, одной изъ самыхъ большихъ на сѣверномъ склонѣ горъ Хэзаръ-месджидъ. Рѣчка беретъ начало на южномъ склонѣ Келатскихъ горъ и орошаетъ посѣвы еще до входа въ Аргуанъ-шахъ-дербентъ; тутъ выходятъ изъ горъ родники, доставляющіе наибольшее количество воды рѣчкѣ, которая течетъ затѣмъ до Нефте-дербента въ весьма узкой долинѣ. Всѣ годныя здѣсь къ обработкѣ мѣста, вслѣдствіе полной безопасности этой части Келата, всегда были воздѣланы подъ рисъ, пшеницу, клеверъ и пр. Въ Ходжа-дербентѣ, при выходѣ въ Атекъ, Чардэ еще дополняется весьма богатыми сѣрными родниками. По преданію, эти послѣдніе явились лишь около 150 лѣтъ тому назадъ: здѣсь въ горахъ, и теперь называемыхъ Дивана-кю, жилъ дивана (юродивый) Ходжа-джиганъ; въ Душакѣ тогда пили воду изъ колодцевъ; дивана, довольный благочестіемъ и добротою жителей, повелъ ихъ съ собою въ горы и, ударивъ посохомъ по камню, приказалъ водѣ течь къ Душаку; при этомъ, принявъ во вниманіе нечистоплотность жителей и ихъ стадъ, отъ которой тѣ и другія сильно страдаютъ чесоткою, дивана придалъ водѣ свойство излечивать эту болѣзнь (источники сѣрные). Святой этотъ не умеръ, а изчезъ въ обширной пещерѣ, изъ которой

---

[1]) Способъ земледѣлія безъ орошенія называется *дамiэ*.

вытекаетъ главный родникъ; остальные меньшіе текутъ изъ щелей въ скалахъ.

Въ прежнее время персы не осмѣливались выходить на равнину и потому ниже воротъ Нефте посѣвовъ было весьма мало и лишь въ части ближайшей въ казармѣ, защищающей ворота. Въ прошломъ году персы расчистили и воздѣлали почти всѣ удобныя мѣста между дербентами Нефте и Ходжа (разстояніе около 6 верстъ) и даже сдѣлали посѣвы по косогорамъ окаймляющимъ Атекъ [1]).

До настоящаго времени по рѣкѣ Меана въ персидскихъ предѣлахъ было три поселенія: небольшое поселеніе въ горахъ Серъ-и-рудъ, ниже Янги-кала и Кара-тыкянъ, при выходѣ рѣки въ Атекъ. У укрѣпленія Янги-кала долина расширяется и тутъ жители его и Серъ-и-руда занимаются обработкою земли; почти на всемъ протяженіи отсюда до Кара-тыкяна (около 100 домовъ) рѣчка идетъ среди высокихъ скалъ и только у послѣдняго пункта долина снова расширяется. И здѣсь въ этомъ году персы вышли изъ дербента и заняли мѣста по косогорамъ Атека. Текинское поселеніе Меана имѣло въ 1882 году около 130 домовъ постоянныхъ жителей и 300 саллахъ-дехкановъ. Рѣчка Хеврь или Чача-су беретъ свое начало въ самомъ массивѣ горъ Хэзаръ-месджидъ. Первое поселеніе Хеврь (около 300 дворовъ) въ горахъ; земель здѣсь мало, воды жители не брали и небольшіе участки свои обработывали безъ орошенія. Ниже—Эмиръ-абадъ (20—30 дв.), жители котораго и прежде занимались земледѣліемъ, но немного, такъ какъ вся мѣстность сильно подвержена разбоямъ. Всѣ родники, питающіе Хеврь, выше поселенія Эмиръ-абадъ. Долина рѣки почти на всемъ протяженіи довольно широкая и если воздѣлать всѣ удобныя мѣста, то въ лѣтніе мѣсяцы воды можетъ не хватить даже для самой долины, не говоря объ Атекѣ. Еще и теперь большая часть долины не расчищена и рѣчка проходитъ по густымъ камышамъ; климатъ всей мѣстности очень плохой; вода, пройдя черезъ камыши и рисовыя поля, вредна для здоровья, жители Эмиръ-абада и Чача почти всѣ страдаютъ отъ весьма злокачественныхъ лихорадокъ, и потому жители Хевра, имѣющіе въ горахъ родники хорошей воды для питья, не хотятъ спускаться ниже; земли тутъ однако вообще мало плодородныя и желающихъ селиться здѣсь немного. Въ 1882 году

---

[1]) Въ 1882 г. въ Душакѣ было, кромѣ постоянныхъ жителей, до 200 человѣкъ пришедшихъ изъ Мерва безъ семействъ лишь на время посѣвовъ и уборки хлѣба. Такихъ земледѣльцевъ называютъ *саллахъ-дехканами*.

правитель Келата Бехбудъ-ханъ силой согналъ жителей Хевра для посѣвовъ внизъ и они расчистили большія пространства главнымъ образомъ подъ рисъ. Жители Чача персидскаго (около 60 дв.) также увеличили свои посѣвы и даже воздѣлали земли ниже дербента на равнинѣ. Жители Чача текинскаго (70 дв. постоянныхъ и столько же саллахъ-дехкановъ) болѣе всѣхъ терпѣли въ 1882 году отъ недостатка воды.

Вообще положеніе атекцевъ очень тяжелое; какъ бы справедливо къ нимъ ни относились центральныя власти Персіи, полунезависимые пограничные владѣтели ничего не хотятъ знать и дѣлаютъ по своему. Пока туркмены кое-какъ все переносятъ, но уже теперь приходятъ къ убѣжденію, что вѣроятно скоро имъ придется бросить свои поселенія и грозятъ жестоко отомстить за притѣсненія.

Изъ Асхабада я проѣхалъ въ Мешхедъ черезъ Кельте-чинаръ, Маммедъ-абадъ, Козгонъ, Кябудъ-Гюнбетъ и черезъ горы Хэзаръ-месджидъ между деревнями Кардэ и Вардэ. Это лучшая дорога изъ Асхабада въ Мешхедъ; по ней происходитъ почти все торговое движеніе между названными пунктами. Хотя путь изъ Маммедъ-абада черезъ Атекъ и Гяуарсъ ровнѣе и удобнѣе для колеснаго движенія, но для вьючнаго всѣ преимущества на сторонѣ дороги по долинамъ рѣчекъ Кельте-чинаръ и Дурангяръ: онъ короче, очень обиленъ водою, поселеніями, а главное безопаснѣе; купцы же и теперь, гдѣ есть возможность, предпочитаютъ не довѣряться спокойному состоянію степи: всегда можетъ встрѣтиться шайка въ 2—3 человѣка, совершенно достаточная, чтобы отбить у перса всѣ его товары.

Перейдя изъ долины р. Кельте-чинаръ въ долину Дурангяра черезъ невысокій (около 25 саж.) и легкій перевалъ, дорога у деревни Дурангяръ раздѣляется на двѣ: одна идетъ въ Кучанъ, другая въ Маммедъ-абадъ; эта послѣдняя весьма порядочно раздѣлана для вьючнаго движенія: вездѣ есть мостики, крутые косогоры срѣзаны; грунтъ весьма удобный для движенія и дорога эта одна изъ лучшихъ въ краѣ. Дорога изъ Маммедъ-абада переходитъ въ Мешхедъ черезъ перевалъ Алла-экберъ; склонъ его, обращенный къ Дерегезу, уже теперь весьма порядочно раздѣланъ, хотя, впрочемъ, съ очень крутыми уклонами. Южный же склонъ гораздо хуже и составляетъ трудную часть пути. На немъ находится одинъ изъ

интереснѣйшихъ историческихъ памятниковъ въ этой мѣстности: это лѣстница (нэрдбанъ) Надиръ-шаха. Находясь въ сторонѣ отъ дороги, лѣстница эта мало извѣстна и ни у одного изъ путешественниковъ мнѣ не случилось встрѣтить ея описанія. Я натолкнулся на нее случайно. Не далеко отъ вершины горы спускъ къ Мешхеду раздѣляется на два: направо идетъ болѣе удобная для вьюковъ и кратчайшая дорога къ деревнѣ Дербенды; но тропинка настолько узка, что колесное движеніе здѣсь невозможно. Поэтому, когда я, въ ноябрѣ 1881 г., проѣзжалъ изъ Мешхеда въ Маммедъ-абадъ, имѣя съ собою двѣ повозки съ вещами, то пришлось розыскивать какой либо обходъ вьючной тропинки. Жители деревни Дербенды указали на Нэрдбанъ. Сначала изъ деревни мы шли нѣсколько времени на сѣверо-востокъ вдоль рѣки Рудбаръ, потомъ, повернувъ на сѣверъ, подошли къ подножію горъ, гдѣ и увидѣли въ скалѣ лѣстницу въ 1000 ступеней, вырубленныхъ по приказанію Надиръ-шаха, какъ гласила надпись на камнѣ около 400-ой ступени. Работа громадная: хотя скала выбрана довольно ровная, но все же пришлось сгладить не мало препятствій, кромѣ труда высѣчь ступени въ скалѣ; длина ихъ 5 аршинъ, ширина 1 арш. и высота около $^1/_4$ арш. Лѣстница, конечно, строилась какъ памятникъ величія Надиръ-шаха; о раздѣлкѣ дороги никто не думалъ: отъ конца лѣстницы до вершины горъ остается около версты отвратительной дороги, заваленной камнями, улучшеніе которой и до сихъ поръ не сдѣлано, хотя оно не потребовало бы почти никакихъ работъ сравнительно съ трудомъ, потраченнымъ на сооруженіе нэрдбана.

Отъ деревни Теберрикъ дорога проходитъ до Мешхеда по долинѣ Кара-су (Кешефъ-рудъ) по мѣстности совершенно ровной, съ удобнымъ для движенія грунтомъ.

Во время пребыванія моего въ Маммедъ-абадѣ я ѣздилъ по Дерегезу и разспрашивалъ весьма многихъ, не сохранились ли здѣсь какія нибудь преданія о бывшемъ въ этихъ мѣстахъ христіанствѣ: никто ничего не могъ сообщить. Вообще историческія воспоминанія между жителями этой части Азіи не восходятъ далѣе Надиръ-шаха и то весьма смутны и сбивчивы. Мнѣніе полковника Стюарта о сохранившихся здѣсь слѣдахъ христіанства есть результатъ грамматической ошибки: полковникъ принялъ особую форму родительнаго падежа тюркскаго языка *каласы* (кала—крѣпость) за слово *келиса*, означающее церковь и на этомъ основаніи считалъ развалины персидскихъ укрѣпленій за остатки христіан-

скихъ церквей; также и названія текинскихъ крѣпостей Ходжа-каласы, Кара-ханъ-каласы объясняются какъ происшедшія отъ бывшихъ здѣсь христіанскихъ церквей. Само собою понятно, что правильный переводъ будетъ не церковь Ходжи или Кара-хана, а укрѣпленіе Ходжи или Кара-хана [1]).

Нельзя не упомянуть здѣсь объ искусственномъ холмѣ Яримъ-тепе, находящемся въ 2 верстахъ отъ Маммедъ-абада. По преданію онъ насыпанъ по приказанію Надиръ-шаха; каждый изъ солдатъ, возвращавшихся изъ похода въ Хиву, долженъ былъ принести оттуда по шапкѣ земли; но большинство сплутовало: кто не принесъ вовсе, кто принесъ половину и вышелъ холмъ вдвое меньшихъ размѣровъ, чѣмъ предполагали. Отсюда и произошло названіе Яримъ-тепе (Яримъ—половина). Матеріялъ, изъ котораго сдѣланъ холмъ, заключаетъ много селитры; она теперь и добывается изъ него для приготовленія пороха.

Дорога изъ Маммедъ-абада въ Келатъ черезъ Козгонъ и Хеба-абадъ проходитъ по холмистой мѣстности; тропа вьючная, но трудностей при движеніи не встрѣчается. Вообще, какъ Дерегезъ, такъ и Келатъ состоятъ изъ нѣсколькихъ почти параллельныхъ хребтовъ, идущихъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Поперечныя возвышенности, соединяющія хребты между собою, не высоки и потому дороги какъ по Келату, такъ и по Дерегезу вообще довольно удобны при переѣздахъ изъ пункта въ пунктъ параллельно горамъ, но становятся крайне трудными, если ѣхать поперегъ страны, тѣмъ болѣе, что онѣ нигдѣ не раздѣланы и въ горахъ лѣпятся узкими тропинками на краю пропастей и никто не позаботится расчистить дорогу даже въ самыхъ труднѣйшихъ мѣстахъ. Перевалъ изъ Келата въ Мешхедъ черезъ Хэзаръ-месджидъ между селеніями Кардэ и Вардэ, хуже Алла-экберскаго и движеніе по этой дорогѣ весьма незначительное.

Въ Мешхедѣ все болѣе и болѣе привыкаютъ къ русскимъ; чаще встрѣчаются по улицамъ наши кавказскіе купцы, на базарѣ наши товары; пройдетъ два, три года и святой городъ потеряетъ, вѣроятно, большую часть своей замкнутости.

---

[1]) Объ этой ошибкѣ говоритъ Роулинсонъ: Proceedings of the R. Geogr. Soc. 1883. № 1.

II.

Мешхедъ.—Зуръ-абадъ.—Южная Туркменія.

Изъ Мешхеда я направился на востокъ по р. Кара-су до деревни Бахбаги. Здѣсь я былъ въ ноябрѣ 1881 года; самыя поселенія, конечно, мало измѣнились; одно было ново: близъ каждаго изъ нихъ были расположены персидскіе солдаты. Мои текинцы, смѣясь, объяснили, что въ Персіи всегда такъ: войска располагаются тамъ, гдѣ безопасно; теперь край умиротворенъ и хорасанскій вали (намѣстникъ) размѣстилъ солдатъ вдоль рѣки для сбора съ жителей усиленныхъ податей.

Обитатели Бахбаги съ осени 1881 года почти не поправились: деревня такъ же бѣдна какъ и прежде; съ трудомъ удалось достать курицу и немного корма для лошадей. Въ деревнѣ оказался одинъ плѣнный, который воспользовался нашимъ проѣздомъ, чтобы освободиться. Утромъ, выступивши изъ Бахбаги, въ полуверстѣ отъ укрѣпленія я увидалъ всадника, который прикладомъ ружья билъ какого-то человѣка; несчастный бросился подъ ноги моей лошади и сталъ просить защиты. Это былъ сарыкъ, попавшій въ плѣнъ 8 лѣтъ тому назадъ; сначала онъ работалъ въ Мервѣ, потомъ перешелъ вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ въ Бахбаги; „теперь пришли русскіе, говорилъ сарыкъ, и я свободенъ; русскіе вездѣ освободили рабовъ". Мое положеніе было крайне трудное: до настоящаго времени въ Мервѣ много рабовъ персовъ, а въ Персіи туркменъ; обмѣна не происходитъ и уже, конечно, я не имѣлъ никакого права освободить кого бы то ни было. Но съ другой стороны нельзя было не помочь плѣнному; попытка бѣжать могла ему стоить жизни или, по крайней мѣрѣ, истязаній; приходилось его взять съ собою; надо было только обдумать, какъ оформить дѣло. Помогъ самъ хозяинъ: для него также было аксіомою, что если русскіе пришли, то рабы свободны, и онъ сталъ увѣрять, что сарыкъ вовсе не рабъ, а рабочій и заслужилъ побои лишь тѣмъ, что хотѣлъ уйти безъ спроса. Конечно, за это бить человѣка нечего и, послѣ нѣсколькихъ минутъ переговоровъ, сарыкъ получилъ разрѣшеніе отъ своего хозяина идти за нами. Радость освобожденнаго не знала предѣловъ: снявъ башмаки, онъ весело бѣжалъ, не чувствуя усталости и не отставая отъ лошадей, все время разговаривалъ, смѣялся и старался быть чѣмъ нибудь полезенъ. Впрочемъ, при приближеніи къ Зуръ-абаду онъ сталъ тревожнѣе; тутъ

были расположены персидскія войска и сарыкъ боялся, какъ бы мои текинцы, при враждѣ, существующей между обоими племенами, не выдали бы его персамъ; верстахъ въ 10 отъ Зуръ-абада онъ исчезъ и болѣе я его не видѣлъ.

Дорога изъ Бахбаги шла прямо на юго-востокъ; она обходитъ съ юга горный кряжъ Пескемеръ, находящійся въ углу между Гери-рудомъ и Кара-су; на всемъ протяженіи отъ Мешхеда до самаго Зуръ-абада дорога колесная даже въ теперешнемъ состояніи; есть лишь два или три мѣста, гдѣ потребуются небольшія исправленія и то въ мягкомъ грунтѣ. На 12 верстѣ отъ Бахбаги отдѣляется дорога черезъ горы Пескемеръ въ Пуль-и-хатунъ. Между Бахбаги и Зуръ-абадомъ одинъ переходъ; вода есть въ двухъ мѣстахъ: 1) въ 4 часахъ ѣзды отъ перваго пункта — ручеекъ, въ весеннее время впадающій въ Кара-су между Акъ-дербентомъ и Бахбаги и 2) въ 3 часахъ ѣзды отъ Зуръ-абада ручеекъ, теряющійся въ оврагѣ. Оба совершенно прѣсные. Зуръ-абадъ названіе персидское; туркмены его зовутъ Зереве. Послѣ умиротворенія края и поселенія здѣсь салыровъ, персы возобновили часть старой крѣпости, построили въ ней казармы, базаръ и поставили 200 солдатъ и одну пушку. Комендантъ укрѣпленія, одинъ изъ многочисленныхъ въ Персіи шахъ-заде (принцы крови, родственники шаха), человѣкъ любезный, но очень безтолковый. Онъ хотѣлъ меня задержать на нѣсколько дней и послать спросить въ Мешхедъ, можно ли мнѣ ѣхать далѣе. Дѣйствовалъ онъ на основаніи бумаги отъ властей Хорасана; но въ бумагѣ было ясно сказано задерживать людей, желающихъ проникнуть съ восточнаго берега Гери-руда въ Персію и не желающихъ выѣхать изъ ея предѣловъ. Съ трудомъ выяснилъ я это шахъ-заде; но все же онъ согласился меня отпустить только съ условіемъ, что я съ его провожатымъ проѣду въ Серахсъ и пусть уже тамъ комендантъ поступаетъ какъ хочетъ. Эти задержки были крайне некстати, Зуръ-абадъ не представлялъ ничего привлекательнаго: салыры увѣряли въ своей преданности, жаловались на персовъ, просили о заступничествѣ и принятіи въ русское подданство; я, конечно, не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ мѣстныя дѣла и желалъ только поскорѣе уѣхать. Съ другой стороны существенное условіе для безопаснаго движенія по степи — это держать въ тайнѣ свой маршрутъ; при этомъ встрѣча съ разбойниками можетъ быть только случайная и неопасная; на разбой туркмены собираются не въ одинъ день, для приготовленій нужно время. Если бы я остался въ Зереве 3 — 4 дня, вѣсти о моемъ

движеніи дошли бы до сарыковъ и снаряженіе шайки намъ на встрѣчу было весьма возможно. Надо было принять рѣшительныя мѣры. Замѣтивъ, что шахъ-заде самъ сомнѣвается въ справедливости своихъ требованій, я согласился на предложеніе принять отъ него провожатаго до Серахса, но заявилъ, что пойду по восточному берегу Гери-руда; затѣмъ принялъ обиженный видъ, отказался отъ угощенія и, садясь на лошадь, объявилъ окружавшимъ меня салырамъ, выражавшимъ свое неудовольствіе на образъ дѣйствій хана, что подобныя дѣла разбираются не въ Зуръ-абадѣ, а въ Тегеранѣ. Ханъ это слышалъ и угроза подѣйствовала.

Выйдя изъ крѣпости, мы перешли въ поселеніе салыровъ, расположенное въ полуверстѣ южнѣе. Здѣсь я объявилъ своимъ спутникамъ мои намѣренія: купить все необходимое для людей и лошадей на 7 дней и немедленно перейти на туркменскій берегъ въ сопровожденіи ханскаго человѣка, которому и объяснить, что для поѣздки въ Серахсъ я выбираю путь черезъ земли сарыковъ; если персу угодно будетъ меня сопровождать, я очень радъ и даже готовъ назначить ему жалованье за указаніе дороги; если нѣтъ, ему предоставляется вернуться въ Зуръ-абадъ. Я не сомнѣвался въ рѣшеніи перса: страхъ сарыковъ навѣрно превысилъ бы желаніе получить деньги. Черезъ два часа снаряженіе было окончено; хлѣбъ и ячмень у всѣхъ въ мѣшкахъ. Салыры всѣми силами старались услужить: при неподвижности туркменъ можно считать за подвигъ и за лучшее доказательство расположенія то, что хлѣбъ намъ приготовили въ теченіи двухъ часовъ. Послѣ этого я послалъ просить шахъ-заде поскорѣе прислать назначеннаго человѣка и получилъ отвѣтъ, что онъ нагонитъ меня по дорогѣ. Мы выступили, направляясь къ Гери-руду и никто насъ не нагналъ. Только впослѣдствіи у салыровъ близъ Пуль-и-Хатуна я узналъ, что̀ произошло далѣе: не желая меня раздражать, шахъ-заде пустилъ насъ ѣхать куда хотимъ; съ другой стороны, не смотря на всѣ разъясненія, онъ все еще боялся отвѣтственности передъ хорасанскими властями и черезъ два часа послѣ моего отъѣзда собралъ конныхъ салыровъ и приказалъ имъ меня нагнать и вернуть, зная хорошо, что это не будетъ сдѣлано. Салыры не спѣшили и когда собрались, то, зная куда я поѣхалъ, сами отправились по другой дорогѣ и донесли, что меня не могли найти.

Зереве находится въ 12 верстахъ отъ р. Гери-руда; дорога ровная, посрединѣ ручей и далѣе рукавъ рѣки. Въ самомъ руслѣ Гери-руда теченія не было, только кое-гдѣ сохранились плесы воды,

мѣстами почти прѣсной, мѣстами настолько солоноватой, что лошади неохотно пили ее. Ложе вездѣ состоитъ изъ крупнаго булыжника и, по увѣренію жителей, когда проходятъ высокія воды, то теченіе продолжается, но лишь подземное, и обнаруживается только въ глубокихъ мѣстахъ русла; во всякомъ случаѣ подземный притокъ существуетъ, иначе нельзя объяснить мелкіе плесы, не пересыхающіе всю осень; вода такой глубины даже на глинистой почвѣ высохла бы въ два, три дня. Теченіе прекращается къ концу іюля или въ началѣ августа нѣсколько сѣвернѣе Кяфиръ-кале и затѣмъ возобновляется только отъ Пуль-и-хатуна, гдѣ въ Гери-рудъ впадаетъ рѣка Кара-су, и особенно усиливается около Наурузъ-абада отъ выходящихъ изъ дна богатыхъ родниковъ; здѣсь воды такъ много, что она всегда проводилась каналами къ поселеніямъ салыровъ у Стараго Серахса и снабженіе ихъ было непрерывное въ теченіе цѣлаго года. Вода снова появляется во всей рѣкѣ въ ноябрѣ или въ декабрѣ; далѣе же на сѣверъ къ Кары-бенду она проходитъ иногда также въ декабрѣ, а иногда въ январѣ и даже въ февралѣ. На югъ отъ Пуль-и-хатуна по берегамъ русла вездѣ есть родники; плесы, въ которыхъ лѣтомъ сохраняется вода, настолько часты, что путь вдоль Гери-руда во всякое время года можетъ считаться очень богатымъ водою; но кое-гдѣ препятствуютъ двигаться вдоль рѣки горы, близко подходящія къ самой водѣ. Осенью вездѣ можно пройти самымъ русломъ; въ высокую же воду не то: отъ Серахса до Пуль-и-хатуна дорога хорошая по обоимъ берегамъ, отъ этого послѣдняго пункта на югъ надобно идти по западному берегу черезъ горы Пескемеръ до Зуръ-абада по очень трудной дорогѣ, а по туркменскому можно обойти по ровному мѣсту съ востока горы Келетъ-коя, тянущейся обрывами по самому берегу рѣки отъ Гярмъ-абъ-дербента до Зюлфагарскаго ущелья. Затѣмъ снова оба берега удобны для движенія. Во второй разъ горы подходятъ къ рѣкѣ въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ впаденія р. Джамъ и тутъ движеніе вдоль рѣки совершенно невозможно.

Дорога изъ Зуръ-абада на югъ выходитъ по ровной мѣстности къ Гери-руду противъ Зюлфагарскаго ущелья, тутъ переходитъ на текинскій берегъ и въ 10 верстахъ далѣе оставляетъ рѣку вправо; затѣмъ по оврагу соленаго ручья углубляется внутрь страны и черезъ 2½ часа пути доходитъ до вытекающаго изъ кэриза ручья Кэризъ-Иліасъ; по дорогѣ есть нѣсколько прѣсныхъ родниковъ, впадающихъ въ соленый ручей главнаго оврага, а въ сторонѣ отъ дороги есть колодцы; вообще чѣмъ ближе къ Гери-руду тѣмъ чаще вода.

У Кэризъ-Иліаса видны слѣды бывшихъ здѣсь когда-то полей, развалины башни и небольшаго укрѣпленія; здѣсь пересѣкается одна изъ дорогъ изъ Кýсана и Мосынъ-абада въ Серахсъ съ дорогою изъ Зереве въ Кизилъ-булакъ и Гюрлэнъ; по обѣимъ въ прежнее время должно было происходить оживленное движеніе: вездѣ видны развалины башень и укрѣпленій. Въ 5 верстахъ отъ Кэризъ-Иліаса на востокъ недалеко отъ дороги два прѣсные колодца и небольшой родникъ Дынгли-чишме. Въ 10 верстахъ отъ Кэризъ-Иліаса мы вышли на пройденную въ апрѣлѣ дорогу къ роднику Кизилъ-булакъ.

Не смотря на осеннее время, родникъ былъ довольно обиленъ, но вода застаивалась въ камышахъ и пришлось долго расчищать болото, чтобы спустить загнившую воду. Родники и колодцы здѣсь никто не чиститъ и потому послѣ жаркаго лѣта вода въ нихъ имѣетъ затхлый и горьковатый вкусъ; проводники говорятъ—вода соленая; дѣйствительно соленыхъ родниковъ и колодцевъ немного; остальные требуютъ только расчистки.

Главное зло загнившихъ родниковъ—масса піявокъ (въ рѣчкахъ на равнинѣ и въ колодцахъ ихъ не бываетъ); онѣ при водопоѣ забираются въ ротъ лошадямъ и присасываются очень глубоко въ горлѣ и только послѣ длинныхъ безводныхъ переходовъ, когда горло пересохнетъ, спускаются поближе къ железамъ, откуда ихъ можно вынимать. У нѣкоторыхъ лошадей только на десятый день по выходѣ изъ горъ были вынуты послѣднія піявки.

Въ путешествіи это большое зло: лошади становятся скучными, неохотно ѣдятъ и тощаютъ. Случается, что отъ піявокъ страдаютъ и люди. При всемъ этомъ текинцы никогда не чистятъ родниковъ и не заботятся о предохраненіи себя отъ бѣды. Когда я сталъ разсказывать своимъ спутникамъ сколько труда при походѣ по Атреку стоило избавить неосторожныхъ солдатъ отъ забравшихся къ нимъ въ горло піявокъ, отвѣтъ былъ: „да отъ этого умерло не мало текинцевъ“, и затѣмъ только одинъ послѣдовалъ моему примѣру и пропустилъ воду для питья черезъ платокъ; остальные становились на колѣна и прямо тянули ее ртомъ изъ болота.

По остаткамъ костровъ и слѣдамъ, текинцы опредѣлили, что у родника прошлую ночь были всадники, мѣсто лагеря которыхъ означали кучи скорлупы фисташковыхъ орѣховъ. Одно изъ удобствъ этой мѣстности для разбоевъ, это возможность осенью вездѣ найти хотя какую нибудь пищу, отъ голода человѣкъ не умретъ; разбойники не могутъ взять съ собою въ дорогу много хлѣба и дополняютъ

недостатокъ его фисташками, собранными съ деревьевъ, которыя здѣсь по холмамъ въ изобиліи.

Изъ Кизилъ-булака въ Хомбоу (36 верстъ) дорога уже описана [1]). Близь робата на берегу Шоръ-яба, по слѣдамъ животныхъ къ водопоямъ, мы нашли еще нѣсколько прѣсныхъ родниковъ; теперь они всѣ впадаютъ въ соленый ручей; очевидно, прежде ихъ отдѣляли и они-то служили для снабженія робата.

На сколько можно судить по времени, проведенному мною здѣсь (одна недѣля въ апрѣлѣ и одна недѣля въ августѣ), мнѣніе текинцевъ, что въ этой мѣстности не бываетъ хорошей погоды, вѣрно; хотя на равнинѣ было вполнѣ спокойно, здѣсь на югъ отъ Пуль-и-хатуна насъ преслѣдовали сильнѣйшіе сѣверные вѣтры, дувшіе на склонахъ горъ Борхутъ съ силою шторма. Часто набѣгали облака и на сѣверномъ склонѣ при нашемъ проходѣ оба раза шелъ дождь, впрочемъ очень мелкій, едва смачивавшій дорогу. На южномъ склонѣ горъ, вѣтеръ по мѣрѣ удаленія отъ нихъ становится все слабѣе и на полъ-дорогѣ до Кусана уже вовсе нечувствителенъ. Въ Персіи мнѣ объясняли, что страна, сосѣдняя съ пройденною мною частью южной Туркменіи и имѣющая одинаковый съ нею климатъ, получила самое названіе *Бадхызъ*, именно отъ этого состоянія атмосферы: бадъ значитъ вѣтеръ; хастенъ (корень хызъ) подниматься, вставать. Текинцы произносятъ это названіе нѣсколько иначе; у нихъ нѣтъ никакихъ письменныхъ памятниковъ и потому всѣ названія съ теченіемъ времени измѣняются; особенно искажены собственныя имена, взятыя съ другихъ языковъ: такъ и Бадхызъ у нихъ обратился въ Бай-кызъ (богатая дѣвушка); въ своихъ письмахъ муллы и теперь пишутъ Мервъ, а никто изъ текинцевъ не называетъ оазиса иначе какъ Мары; также персы говорятъ Кизилъ-робатъ, текинцы Кизилъ-арватъ; прежнее Пянджъ-де называютъ Пенде; Чеменъ-и-бидъ произносятъ Джевеневейдъ и т. д.

Текинцы и персы, съ которыми мнѣ приходилось говорить, называютъ горы между Хомбоу и Гери-рудомъ—Борхутъ, производя это имя отъ имени святаго дивана Борхутъ, жившаго здѣсь когда-то очень давно. Какъ и обо всемъ относящемся къ сколько нибудь отдаленному времени, текинцы знаютъ объ этомъ святомъ очень мало: они не могутъ даже приблизительно опредѣлить времени когда онъ жилъ и чѣмъ замѣчателенъ; знаютъ только, что это былъ святой человѣкъ, съ людьми онъ не знался; питался фисташками и

---

[1]) См. выше.

молокомъ дикихъ козъ; животныя его не боялись и не бѣгали отъ него. Вотъ все, что о святомъ Борхутѣ знали текинскіе муллы; персы объ немъ вовсе ничего не знаютъ, названіе же взяли у текинцевъ.

Переночевавъ въ Хомбоу, мы спустились на равнину къ кусанской дорогѣ; потомъ, повернувъ на юго-востокъ, пошли вдоль горъ Борхутъ до пересѣченія съ горіанской дорогой и отсюда стали подниматься на перевалъ. Персы были вполнѣ правы, говоря, что дорога на Каруанъ-Ашанъ (что значитъ караванный проходъ) лучше идущей черезъ Хомбоу. Подъемъ съ юга и спускъ на сѣверную сторону почти нигдѣ не круче 0,02; перевалъ на 300 футъ ниже, чѣмъ у Хомбоу; горъ собственно нѣтъ нигдѣ; все бугры; Паропамизъ отдѣляется отъ Борхута пониженіемъ, по которому весьма легко проложить желѣзную дорогу, тѣмъ болѣе, что предгорія съ обѣихъ сторонъ дѣлаютъ всю мѣстность кругомъ болѣе возвышенною и слѣдовательно къ перевалу легко подойти; спускъ отъ Каруанъ-ашана къ Шебешу оченъ удобенъ, приходится пройти только черезъ невысокіе отроги (баиры) Паропамиза; къ Кусану же совершенно пологій. Родники есть съ обѣихъ сторонъ перевала; особенно обиленъ ручей, текущій на сѣверъ; онъ прекращается два раза, течетъ подъ гравіемъ и снова выступаетъ на поверхность, обогащается новыми родниками и выходитъ на равнину. У Каруанъ-ашана былъ прежде пограничный афганскій караулъ; сохранились еще башни.

Въ Каруанъ-ашанѣ дорога изъ Мерва на югъ раздѣлялась на три: 1) въ Гератъ, 2) въ Шекиванъ и Горіанъ и 3) въ Кусанъ. Судя по развалинамъ поселеній и робатовъ, слѣдуетъ думать, что движеніе здѣсь было очень оживленное. Между Хомбоу и Каруанъ-ашаномъ есть еще нѣсколько проходовъ, которые, по словамъ туркменъ, хуже этого послѣдняго; ихъ весьма полезно осмотрѣть: неосторожно полагаться на мнѣніе текинцевъ о преимуществахъ того или другаго пути.

Въ 5 верстахъ отъ вершины перевала, уже въ долинѣ, мы прошли мимо развалинъ укрѣпленія; здѣсь брошенный кэризъ, сохранились слѣды полей; теперь сарыки и мервцы сдѣлали это мѣсто совершенно необитаемымъ; караваны не ходятъ и караула болѣе нѣтъ. Нѣсколько далѣе лежатъ развалины большаго робата и видны слѣды обширнаго кладбища. Вода проводилась вѣроятно изъ описаннаго ручья по канавѣ и оттуда кэризомъ къ робату. Въ 1 часъ дня мы пришли въ Гюрлэнъ ($20^1/_2$ в. отъ вершины перевала и 61 в. отъ Шебеша). Здѣсь изъ окрестныхъ бугровъ и кэриза вытекаетъ очень

богатый ручей; видны развалины калы и мельница, вообще слѣды большаго поселенія; широкая элиптическая долина была очень удобна для обработки; теперь ручей разлился, все мѣсто покрыто камышами. Послѣ остановки на 20 минутъ, чтобы напоить лошадей, мы продолжали путь въ Кэризъ-суме (34 версты отъ Гюрлэна), куда и прибыли къ 7 часамъ вечера по совершенно ровной дорогѣ, идущей почти прямо на сѣверъ. Дорога идетъ по широкой долинѣ; русло протекающаго здѣсь ручья въ августѣ было почти сухое и по сторонамъ покрыто налетомъ соли; вода въ сохранившихся лужахъ совершенно соленая. Близъ Кэризъ-суме слѣдовъ поселеній не видно; у дороги вырыты 3 колодца; вода на глубинѣ двухъ аршинъ имѣется только въ одномъ изъ нихъ, остальные засорены. Къ водѣ сдѣлапъ пологій спускъ; она совершенно прѣсная, но затхлая отъ застоя. Корма кругомъ мало. Отсюда идетъ дорога въ Ахтачи и Кизилъкоя къ Чеменъ-и-биду (по текински Джевеневейдъ) на Кушкѣ.

Въ 12 верстахъ отъ Кэризъ-суме развалины кирпичнаго караванъ-сарая Акъ-робатъ; при немъ нѣсколько колодцевъ съ прѣсною, но затхлою водою на глубинѣ 6 аршинъ. Корма мало.

Пунктъ этотъ очень важный; въ немъ сходятся дороги изъ Пенде, Мерва, Зуръ-абада, Герата и Кусана. Путь изъ Кэризъсуме почти все время ровный, лишь на небольшомъ протяженіи пролегаетъ по пологимъ, невысокимъ глинянымъ буграмъ.

Приближаясь къ Акъ-робату, мы обратили въ бѣгство 4 человѣкъ, подъѣзжавшихъ туда же со стороны Адамъ-ёлэнъ. Мы остановились у колодцевъ и одинъ изъ нашихъ людей, конечно соблюдая при этомъ всѣ требуемыя предосторожности, поѣхалъ переговорить съ бѣглецами, которые оказались мервцами; они просили позволенія явиться. Пришли, разсказали, что они калтаманы (разбойники), вышли изъ Мерва грабить сарыковъ; ѣдутъ не прямою дорогою, а кружнымъ путемъ на Шоръ-калу, Ніязъ-абадъ, мимо Стараго Сарахса на Адамъ-ёлэнъ и затѣмъ чрезъ Акъ-робатъ къ Мургъабу. На прямой дорогѣ всегда много отправляющихся на грабежъ къ Мерву сарыковъ; разбойники же обоихъ племенъ предпочитаютъ не встрѣчать другъ друга и нападать на безоружныя случайныя жертвы. По словамъ текинцевъ, Пенде, это—единственное направленіе, куда мервцы еще дѣлаютъ набѣги, но судя по тому, что̀ мнѣ говорили персы и что̀ мнѣ самому пришлось впослѣдствіи видѣть, это не правда: хотя рѣдко, но мервцы ходятъ и въ сторону персовъ и афганцевъ, прикрываясь при этомъ именемъ сарыковъ. Мы уѣхали, оставивъ разбойниковъ на колодцахъ.

Изъ Акъ-робата дорога къ Кунгрюэли (28 верстъ) идетъ по глинянымъ буграмъ; колесная дорога здѣсь не потребовала бы никакихъ работъ, желѣзная—самыхъ незначительныхъ. На небольшомъ разстояніи на востокъ отъ дороги лежитъ соленое озеро Еръ-ойланъ—впадина глубиною до 20 саж.; дно покрыто солью, добываемою на западной половинѣ сарыками, на восточной мервцами; соль хорошаго качества, выламывается большими кусками; по восточную сторону озера идетъ дорога въ Коюнъ-куисы. Еръ-ойланъ значитъ провалъ земли; есть преданіе, что здѣсь когда-то была крѣпость, которая провалилась и на ея мѣстѣ явилось соленое озеро. На впадинахъ по дорогѣ во многихъ мѣстахъ бѣлый налетъ.

Въ Кунгрюэли, поджидая отставшихъ людей, мы расчистили одинъ колодезь; вода вовсе не соленая, а затхлая отъ застоя, какъ и слѣдовало предполагать: робата не построили бы у воды негодной для питья.

Перевалъ черезъ Каруанъ-ашанъ на столько лучше Хомбоу, что 8 верстъ отъ Кунгрюэли къ Акаръ-чишме, хотя не трудныя, но становятся худшимъ мѣстомъ на всей линіи; здѣсь дорога пересѣкаетъ невысокій пряжъ, идущій отъ Зюлфагара, на востокъ; неровности встрѣчаются и на дорогѣ изъ Акъ-робата къ Коюнъ-куисы, хотя значительно меньшей высоты. Отъ Гюрлэна до Пуль-и-хатуна весною весьма много корма; теперь же его совсѣмъ не было; все выжжено. Текинцы говорятъ, что это происходитъ отъ неосторожности: закурятъ кальянъ, бросятъ огонь на траву, выгораютъ громадныя пространства. Акаръ-чишме мы не узнали; камыши и трава кругомъ сгорѣли, родникъ засоренъ; вырытъ бассейнъ, въ которомъ стояла гніющая вода; вѣроятно, въ маѣ мѣсяцѣ здѣсь пасли лошадей отряда Рухнудъ-дауле, такъ какъ по персидскому берегу неосторожные солдаты еще при мнѣ выжгли почти всю траву.

Изъ Акаръ-чишме по прежней дорогѣ прошли въ Адамъ-ёлэнъ; здѣсь у колодца насъ догналъ одинъ изъ четырехъ калтамановъ, встрѣченныхъ въ Акъ-робатѣ; лошадь его захромала и онъ рѣшилъ вернуться съ нами; остальные три продолжали свою дорогу къ Пенде. Изъ Адамъ-ёлэна прошли по ровной дорогѣ къ развалинамъ моста Пуль-и-хатунъ (30 верстъ). Ставши здѣсь, мы послали за ячменемъ, а главное за мясомъ въ поселеніе салыровъ, расположенное въ 3—4 верстахъ отъ развалинъ. Всѣ 6 дней единственную пищу моихъ текинцевъ составлялъ хлѣбъ и фисташки; я же хлѣбъ, загнившій вслѣдствіе жары на третій день, замѣнялъ вареннымъ рисомъ; запасъ мяса лѣтомъ дѣлать нельзя, куръ же въ Зуръ-абадѣ мы

не нашли. Выступая, мы надѣялись на охоту, но текинцы плохіе стрѣлки: мы встрѣчали много жирановъ (антилопъ); было потрачено не мало патроновъ и ничего не убито. Кабановъ считать нельзя, такъ какъ лѣтомъ это очень вредная пища. Также лучше вовсе обходиться безъ мяса, чѣмъ прибѣгать къ консервамъ; въ большія жары организмъ ихъ совершенно не выноситъ. Съ припасами явилось въ лагерь и нѣсколько салыровъ, сообщившихъ подробности о посланной за нами изъ Зуръ-абада погонѣ. Я снялъ фотографію моста и, пользуясь низкою водою, точно измѣрилъ развалины. Все разстояніе между наружными пятами крайнихъ сводовъ 28½ саж. Изъ нихъ 4 быка неровной толщины занимаютъ 9½ саж., а для пропуска воды служатъ пять пролетовъ въ общей сложности 19 саж. Первый отъ туркменскаго берега имѣетъ 4 саж., затѣмъ два по 5 саж., и наконецъ у персидскаго берега по 2½ саж. Разрушена часть арки средняго пятисаженнаго пролета. Ширина моста не много болѣе 2 саж. Мостъ сохранился довольно хорошо, трещинъ въ сводахъ нигдѣ не видно; въ случаѣ возобновленія средней арки онъ и теперь годится для вьючнаго движенія. Подмывовъ у быковъ нигдѣ нѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ облицовка ихъ на горизонтѣ высокой воды сорвана теченіемъ; исправленія здѣсь были бы вообще не трудны, такъ какъ отъ конца іюля до декабря мостъ почти на сушѣ: только подъ однимъ, двумя пролетами бываетъ по 2 — 3 вершка воды.

Вечеромъ на привалѣ меня встревожилъ калтаманъ, присоединившійся къ намъ; онъ все бродилъ по лагерю, какъ бы высматривая что-либо; это было тѣмъ болѣе подозрительно, что лошадь его, съ тѣхъ поръ какъ онъ съ нами ѣхалъ, не хромала; конечно могло быть, что она поправилась, но еще вѣроятнѣе было, что все сказанное ложь и что мервецъ желаетъ ночью насъ ограбить или по крайней мѣрѣ угнать лошадей; товарищи его могли быть недалеко. Но мои текинцы объявили, что всѣ хорошо знаютъ разбойника и ручаются за него; въ виду этого я его не удалилъ, но приказалъ ночью лежать спокойно и не ходить по лагерю, предупредивъ, что пустое недоразумѣніе въ такомъ опасномъ мѣстѣ можетъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія.

Утромъ на слѣдующій день оказалось, что я принималъ предосторожности не съ той стороны, гдѣ слѣдовало. Мой афганецъ Маммедъ-аламъ бѣжалъ, укравъ лучшую лошадь, ружье и нѣсколько мелкихъ вещей. Преслѣдовать мы не могли: побѣгъ произошелъ около 1 часа ночи, оставшіяся лошади всѣ были хуже и утомлены;

я предложилъ награду въ 100 рублей за возвращенie ружья и лошади. Сначала охотниковъ между салырами нашлось много, но когда узнали, что негодяй увезъ скорострѣльное ружье, то всѣ отказались. Сто рублей очень привлекательная сумма, но отнять ружье и лошадь безъ борьбы, конечно, было нельзя, а одно названie „созонъ“ [1]) всегда остановитъ самаго предпрiимчиваго туркмена. Стали припоминать: оказалось, Маммедъ задумалъ бѣгство гораздо ранѣе; когда въ Мешхедѣ я у него потребовалъ отчетъ въ данныхъ ему на покупки деньгахъ, онъ увидѣлъ, что много красть нельзя и что надежды его попользоваться во время путешествiя не оправдываются, онъ сталъ ждать случая сдѣлать что можно; уже въ Акаръ-чишме онъ просилъ позволенiя на ночь поставить лошадей на гору, подъ предлогомъ, что тамъ кормъ лучше. Въ Пуль-и-хатунѣ онъ объявилъ караульнымъ, что не будетъ спать всю ночь, что они могутъ ложиться, увелъ лошадь переводчика и ускакалъ на ней по дорогѣ къ Адамъ-ёлэнъ, вѣроятно направляясь черезъ Хомбоу въ Афганистанъ.

Мы продолжали путь по восточному берегу Гери-руда; дорога ровная; желѣзная дорога можетъ быть проведена по берегу до пункта за три версты южнѣе Ширъ-тепе; здѣсь бугры удалены отъ воды на 50—100 саж. и рѣка имѣетъ пологie берега. За три версты отъ Ширъ-тепе начинаются берега крутые и обрывистые и потому здѣсь надо подняться на слегка волнистую возвышенность до 5 — 6 саж. надъ водою и идти по ней до Наурузъ-абада, далѣе по такой-же возвышенности (10 — 15 саж. надъ водою) вдоль берега между рѣкою и существующею теперь вьючною дорогою, по которой мы шли въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Мѣсто можетъ быть пройдено безъ затрудненiй. Бугры кончаются и всѣ дороги пойдутъ по равнинѣ отъ Даулетъ-абада. У этого пункта расположены плотины, направляющiя воду въ теперешнie каналы къ Старому Серахсу и видны остатки прежней плотины у каналовъ къ Шоръ-калѣ и далѣе.

Изъ Даулетъ-абада сначала вдоль берега Гери-руда, а потомъ по прежней дорогѣ мы прошли въ поселенie мервцевъ и салыровъ у Стараго Серахса.

Въ заключенie описанiя пройденныхъ по Южной Туркменiи путей я приведу выводы изъ данныхъ, добытыхъ при обоихъ путешествiяхъ, относительно проведенiя здѣсь желѣзной дороги.

---

[1]) Испорченное *сузени*, что значитъ по персидски игольчатый и прилагается ко всѣмъ скорострѣльнымъ ружьямъ.

Линію отъ Серахса на югъ всего выгоднѣе вести вдоль Герируда до Пуль-и-хатуна; персидскій берегъ ровнѣе туркменскаго и мѣсто у Пуль-и-хатуна очень удобно для постройки моста. Но если-бы почему либо встрѣтились къ этому препятствія, то и восточный берегъ вполнѣ пригоденъ для проложенія линіи желѣзной дороги, какъ описано выше; главное преимущество этого направленія по тому или другому берегу — обиліе воды. Версты за три сѣвернѣе развалинъ моста надо повернуть на Адамъ-елэнъ, Акаръчишме, Акъ-робатъ, Гюрлэнъ, Шебешъ и Горіанъ. Необходимо при этомъ изучить еще перевалы между Каруанъ-ашаномъ и Хомбоу. Также важно осмотрѣть, нельзя-ли обойти упомянутый выше кряжъ, идущій отъ Зюлфагара на востокъ между Кунгрюэли и Акаръчишме; кряжъ начинается не прямо отъ Келетъ-коя, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него и, судя по осмотрѣнной части мѣстности и разспросамъ объ остальной, линія можетъ быть проведена отъ Пюль-и-хатунъ по восточную сторону Келетъ-коя къ Кэризъ-Иліасу, а далѣе близь Кизилъ-булака къ Гюрлэну.

Въ виду недоразумѣній, бывшихъ въ Зуръ-абадѣ, я предпочелъ не ѣхать въ персидское укрѣпленіе Серахсъ, и остановился на восточномъ берегу у туркменъ и близь шалаша старшины Папушъ-Пелвана. Здѣсь все было въ смятеніи: пользуясь беззащитностью туркменъ, персы съ нихъ сначала взяли подать, а потомъ потребовали, чтобы жители имъ продали остальную пшеницу по низкой цѣнѣ и сами переселились къ Мешхеду или же уѣхали обратно въ Мервъ. Туркмены перевезли семейства въ Чача и ждали рѣшенія своей участи изъ Мешхеда. Персидскіе часовые стояли по полямъ и не позволяли жителямъ пользоваться собраннымъ ими хлѣбомъ. Просьбы о заступничествѣ я отклонилъ, не имѣя никакого крава вмѣшиваться въ дѣла персовъ съ текинцами; старшины спрашивали, что имъ дѣлать: они прекратили разбои, конечно, не изъ страха персовъ, а вслѣдствіе ужаснаго наказанія, постигшаго ахальцевъ; теперь же сами персы ихъ раздражаютъ притѣсненіями; при этихъ условіяхъ трудно удержать буйную часть населенія отъ возвращенія къ грабежамъ.

Пока я расположился у Папушъ-Пелвана и писалъ письма въ Асхабадъ, комендантъ Серахса Сертибъ-Аббасъ-ханъ узналъ о моемъ пріѣздѣ и тотчасъ прискакалъ съ большою свитою. Онъ меня поздравилъ съ благополучнымъ окончаніемъ втораго путешествія по столь опаснымъ мѣстамъ и сталъ упрекать, что я предпочелъ текинскій шалашъ дому стараго друга. Я ему объяснилъ всѣ недо-

разумѣнія, бывшія у меня съ персидскими властями. Ханъ сказалъ, что онъ уладилъ дѣло, относительно того, что я въ первый пріѣздъ въ Пуль-и-хатунъ не сдѣлалъ визита принцу Рухнудъ-Дауле. Принцъ былъ сначала очень обиженъ, но удовлетворился объясненіемъ, которое я тогда же просилъ сертиба передать, что въ путешествіи не имѣю платья, въ которомъ-бы можно явиться столь высокому лицу, какъ братъ персидскаго шаха. Но это не должно быть препятствіемъ въ подобныхъ случаяхъ: русскій даже въ текинскомъ халатѣ болѣе дорогой гость, чѣмъ кто-бы то ни было въ шелкѣ и бархатѣ. Много смѣялся ханъ надъ зуръ-абадскимъ происшествіемъ; особенно забавенъ былъ эпизодъ преслѣдованія по той дорогѣ, гдѣ знали, что меня нѣтъ. Этотъ способъ выйти изъ затрудненія всѣ находили очень остроумнымъ.

Вечеромъ я сдѣлалъ визитъ хану и встрѣтилъ у него нѣсколько человѣкъ изъ Мосынъ-абада; они мнѣ сообщили, что послѣ моей первой поѣздки мѣстность между Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ посѣтилъ полковникъ Стюартъ. Окончивъ работы въ Сеистанѣ, онъ пріѣзжалъ въ Мосынъ-абадъ, откуда направился на Бешъ-робатъ, Гюрлэнъ и Ислимъ-чишме и по этой-же дорогѣ вернулся обратно.

Нѣсколько позже, осенью 1882 года, еще одна дорога по Бадхызу пройдена двумя русскими путешественниками: капитаномъ Гладышевымъ, опредѣлявшимъ астрономическіе пункты, и подпоручикомъ Хабаловымъ, производившимъ съемки. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Хабаловымъ, они прошли изъ Мосынъ-абада въ Бенги-кэризъ и перевалили по трудной дорогѣ черезъ горы Борхутъ у родника Якитутъ (западнѣе переваловъ Хомбоу и Каруанъ-ашанъ); далѣе прошли въ Кизилъ-булакъ (названный ихъ проводникомъ Туланъ-чишме), направляясь въ Акъ-робатъ; но проводникъ не съумѣлъ найти этого пункта и провелъ ихъ черезъ Адамъ-елэнъ въ Серахсъ; такимъ образомъ положеніе Акъ-робата до настоящаго времени не опредѣлено астрономически и нанесено на карту по моей маршрутной съемкѣ.

III.

Дорога изъ Серахса въ Мервъ.

Въ Серахсъ мы прибыли 22-го августа. Здѣсь я собралъ своихъ текинцевъ и объявилъ имъ, что намѣренъ вернуться въ Асхабадъ не прямо черезъ Атекъ, а кружнымъ путемъ черезъ Мервъ, Чарджуй и Хиву. Первое препятствіе я легко устранилъ: текинцы мало

кормили своихъ лошадей и онѣ такъ утомлены, что не могутъ идти далѣе, но въ Мервѣ у всякаго теке есть родственники и онъ можетъ обмѣнять лошадь; придачу при обмѣнѣ я уплачу, но, конечно по возвращеніи въ Асхабадъ; такимъ образомъ, въ видѣ награды, мои спутники пріобрѣтали лучшихъ лошадей, для меня же въ Мервѣ являлось нѣсколько человѣкъ, денежно заинтересованныхъ въ моемъ благополучіи. Этими соображеніями никогда не слѣдуетъ пренебрегать въ дѣлахъ съ туркменами. Обѣщаніе денегъ устранило затрудненіе и явилась необходимость выбирать, кто поѣдетъ далѣе и кто вернется въ Асхабадъ.

По разспроснымъ свѣдѣніямъ, впереди было много безводныхъ переходовъ; лошади же могутъ идти безъ воды не болѣе двухъ дней и слѣдовательно запасы ея придется брать съ собою, нанимая для этого верблюдовъ. При этомъ каждый не необходимый человѣкъ — только затрудняетъ движеніе. Пять текинцевъ я отправилъ въ Асхабадъ, а съ пятью рѣшилъ ѣхать далѣе. Такимъ образомъ сначала 19, а потомъ 5 человѣкъ—вотъ отрядъ [1]), который, по словамъ Вамбери, сопровождалъ меня въ моихъ путешествіяхъ; при спокойномъ состояніи степи, это было вполнѣ достаточное прикрытіе.

Оставался еще одинъ вопросъ; къ обсужденію его я пригласилъ и старшинъ жившихъ у Серахса текинцевъ. Я хочу проѣхать въ Бухару, но проѣду черезъ Мервъ только въ такомъ случаѣ, если меня тамъ примутъ дружественно, какъ гостя. Всѣ единогласно заявили, что сомнѣваться въ этомъ нечего, что ханы будутъ рады моему посѣщенію и сочтутъ за честь пріѣздъ къ нимъ въ гости русскаго бояра (такъ называютъ русскихъ въ форменномъ платьѣ, а я первый являлся въ такомъ костюмѣ въ Мервъ. Бывшія до меня тамъ лица путешествовали переодѣтыя). Я вѣрилъ этимъ заявленіямъ; они вполнѣ согласовались съ собранными мною свѣдѣніями, которыя я считалъ необходимымъ провѣрить лишь въ виду разногласій, бывшихъ по этому поводу въ Асхабадѣ. Хотя караванъ съ краснымъ товаромъ купца Коншина, бывшій въ январѣ и февралѣ 1881 г. въ Мервѣ, вернулся вполнѣ благополучно, но все же были толки объ опасностяхъ, которымъ онъ будто-бы подвергался; даже толковали, что караванъ спасенъ отъ погибели лишь близостью русскихъ войскъ. Эти извѣстія были немедленно напечатаны съ приличными коментаріями въ англійскихъ газетахъ,

---

[1]) „Русскій отрядъ дѣйствительно достигалъ Серахса, но отрядъ этотъ личная охрана Лессара“, говорилъ Вамбери корреспонденту газеты „Standart“

но возбуждали къ себѣ мало довѣрія въ людяхъ ближе знакомыхъ съ дѣломъ.

Никто не будетъ утверждать, что русскіе заслужили любовь мервцевъ. Что же дѣлать? Сила, стѣсняющая разбои, не можетъ разсчитывать на симпатіи разбойниковъ; утѣшеніемъ могутъ служить благословенія, съ которыми произносится имя Россіи среди сосѣдей мервцевъ. Но любовь и не требуется для безопасности. Штурмъ Геокъ-тепе еще слишкомъ недавнее дѣло, чтобы въ Мервѣ нашлось много людей, помышляющихъ о борьбѣ съ Россіею; съ другой стороны мервцы, знакомясь съ русскими, видятъ, что съ ними не такъ плохо жить, какъ прежде думали, и потому едвали скоро рѣшатся на враждебныя дѣйствія. Конечно, могутъ быть отдѣльные разбои, но едва ли жители оазиса поддержатъ человѣка, который нападетъ на русскаго.

Я не вѣрилъ опасностямъ, ожидавшимъ русскаго путешественника въ Мервѣ. Конечно, не надо придавать значенія пустымъ толкамъ; при зависти одного племени къ другому, если текинецъ замѣтитъ безпокойство проѣзжающаго, то, чтобы доказать свою преданность и что-либо за это получить, онъ не пропуститъ случая заявить, что такой-то ханъ и такое-то племя замышляютъ недоброе; но если переговорить съ опаснымъ ханомъ или его людьми, то тѣ же обвиненія посыпятся на перваго собесѣдника; понятно, на сколько всѣ эти заявленія заслуживаютъ довѣрія.

Изъ Серахса мы выступили 23-го августа на разсвѣтѣ, сопровождаемые людьми, которые должны были вернуться въ Асхабадъ; на дорогу каждый считалъ обязанностью надавать совѣтовъ, какъ далѣе идти; особенно усердствовалъ проводникъ Ана-Гельды-сердарь, который не могъ явиться въ Мервъ, боясь мести за совершенное тамъ убійство; онъ сообщилъ, что дорога къ Мерву очень опасна, бродятъ шайки сарыковъ; особенно осторожно надо идти между Шегитли и Дашъ-робатомъ въ пескахъ Куче-кумъ; здѣсь бугры и лѣсъ позволяютъ устраивать засады; увидишь разбойника, только когда онъ схватитъ за горло, и т. д.

Дорога шла брошенными полями на сѣверъ вдоль сухаго арыка. Земли у Стараго Серахса считаются однѣми изъ лучшихъ, когда либо принадлежавшихъ туркменамъ. Самыя плодородныя мѣста отъ Кассабъ-калы къ Старому Серахсу, Коушютъ-калѣ и Ніязъ-абаду; въ Наурузъ-абадѣ земля хорошая, но ея мало (на 15—20 дворовъ); по холмамъ же, которые на туркменскомъ берегу весьма близки къ рѣкѣ, отличныя пастбища; салыры, жившіе у Стараго Серахса, всегда по-

сылали свои стада къ Наурузъ-абаду и Шоръ-калѣ; въ этомъ послѣднемъ пунктѣ земля солонцоватая и негодна къ обработкѣ: сюда былъ проведенъ изъ Гери-руда каналъ, дававшій солоноватую воду; проба посѣять хлѣбъ была весьма неудачна, едва собрали сѣмена; напротивъ скотоводство идетъ здѣсь весьма успѣшно. На 16-ой верстѣ отдѣляется дорога въ Кумъ-гузеръ и на 17-ой проходитъ у большаго бугра; какъ самый бугоръ, такъ и окрестности его покрыты битымъ кирпичемъ отъ бывшаго здѣсь прежде укрѣпленія и жилищъ. Мѣстность все понижается до развалинъ текинскаго укрѣпленія Ніязъ-абадъ (18 верстъ отъ Серахса). Колодезь здѣсь одинъ, обдѣланъ кирпичемъ; глубина до воды 9 аршинъ. Вода сильно солоноватая и имѣетъ затхлый вкусъ, впрочемъ лошади пьютъ ее охотно, люди же только при сильной жаждѣ. „На аламанахъ эта вода считается хорошею“, пояснили текинцы.

За Ніязъ-абадомъ мѣсто сначала ровное, потомъ дѣлается слегка волнистымъ и покрыто кустарникомъ; грунтъ на 10 верстахъ песчано-глинистый, не представляющій затрудненій для движенія. На 21 верстѣ дорога пересѣкаетъ нѣсколько оросительныхъ канавъ, выходящихъ изъ большаго арыка, когда-то проводившаго воду изъ Даулетъ-абада къ Шоръ-калѣ и далѣе почти до Шегитли; здѣсь же видны слѣды прежнихъ полей. Грунтъ дороги до самой Шоръ-калы вездѣ твердый; справа виднѣются бугры песковъ, покрытые кустарникомъ.

Шоръ-кала ($37^1/_2$ верстъ отъ Ніязъ-абада) развалины обширнаго укрѣпленія и отдѣльно стоящихъ домовъ. Въ 4 часа мы подъѣхали къ двумъ колодцамъ, расположеннымъ недалеко отъ укрѣпленія, на днѣ канала, проводившаго сюда воду изъ Даулетъ-абада вода соленая, пищѣ придаетъ горьковатый вкусъ; лошади пьютъ охотно. Яма, дающая воду, вырыта на днѣ углубленія въ арыкѣ. По совѣту текинскаго разбойника, сопровождавшаго насъ изъ Адамъ-ёлэна, мы остановились на ночлегъ въ сторонѣ отъ дороги, въ 200 саж. отъ колодцевъ на бугрѣ. Часовъ до двѣнадцати текинцы, боясь, сарыковъ, сидѣли и разговаривали чтобы не заснуть; затѣмъ усталость взяла верхъ и мнѣ пришлось раза два будить часоваго.

Чтобы поспѣть въ Мервъ къ ночи, пришлось встать очень рано; развели костры для чайниковъ; два текинца отправились поить лошадей, но тотчасъ же вернулись; у колодцевъ были люди; кто такіе и сколько — нельзя разсмотрѣть, но много; сейчасъ же спутали лошадей, приготовили ружья и двухъ человѣкъ послали на рекогносцировку. Черезъ нѣсколько времени послышалось: ой! ау!—обык-

новенные возгласы текинцевъ для начала переговоровъ съ дальняго разстоянія: „кто вы такіе?“ спрашивали мои спутники; „а ты кто такой?“ былъ отвѣтъ:—„теке, сичмазъ.“ Пошелъ экзаменъ: „а кого знаешь въ Мервѣ изъ племени?“ Отвѣчающій старался высказать возможно болѣе подробностей, доказывающихъ его дѣйствительную принадлежность къ племени сичмазъ. Потомъ то же сдѣлали люди у колодцевъ и когда обѣ стороны убѣдились, что сарыковъ нѣтъ, то сблизились и мои люди узнали, что мервцы пришли недавно и подкрадывались къ нашему лагерю: они насъ приняли за персидскій караванъ и только ходившій часовой остановилъ ихъ намѣреніе кинуться на насъ; они обсуждали какъ поступить, когда у насъ развели костры; возможность нечаяннаго нападенія миновала, а открыто это сдѣлать 20 человѣкъ не рискнули бы.

Мы выступили, едва стало разсвѣтать. Грунтъ по прежнему песчано-глинистый, количество песку все увеличивалось; справа бугры выше и кустарникъ чаще; слѣва, напротивъ, рѣже и мѣстность покрыта большею частью лишь колючкою и сорными травами. На первыхъ 5 верстахъ отъ Шоръ-калы каналъ изъ Даулетъ-абада идетъ вдоль дороги, затѣмъ сворачиваетъ къ пескамъ и болѣе мы его не видѣли; по словамъ текинцевъ, онъ шелъ почти до Шегитли, но въ настоящее время засыпанъ песками. На 18-ой верстѣ дорога вошла въ болѣе высокіе пески; бугры до 2 саж. высоты покрыты кустарникомъ; самая дорога извивается между ними по твердому грунту, не трудному для лошадей. Въ $2^{1}/_{2}$ верстахъ не доѣзжая Шегитли отдѣляется дорога въ Коушютъ-калу на Тедженъ. У этого раздѣленія дорогъ видно болѣе сотни отверстій полузасыпанныхъ колодцевъ, вырытыхъ въ 1860 г. персидскою арміею, шедшею на Мервъ; они лежатъ у самой дороги и по сторонамъ ея. Персы здѣсь останавливались надолго. Колодезь Шегитли ($28^{1}/_{2}$ верстъ отъ Шоръ-калы)— среди маленькаго такира, окруженнаго неширокими грядами сыпучаго песка. Колодезь обдѣланъ саксауломъ, идетъ книзу расширяясь; глубина 8 аршинъ; воды много, но въ настоящее время она мало разбирается и гніетъ; запахъ сѣрнистаго водорода, впрочемъ исчезающій при кипяченіи, текинцы объясняютъ тѣмъ, что сарыки испортили колодцы, бросивъ туда трупъ осла, съ тѣмъ чтобы затруднить преслѣдованіе своихъ разбойниковъ. Вообще вода въ колодцахъ Шегитли считается лучшею по всей дорогѣ. Нѣкоторыя лошади пьютъ эту воду неохотно вслѣдствіе ея запаха; чтобы его заглушить, достаточно при водопоѣ поднести къ носу лошади кусочекъ зажженнаго войлока; не чувствуя непріятнаго запаха, лошади отъ

воды болѣе не отворачиваются и пьютъ ее охотнѣе, чѣмъ солоноватую воду въ Шоръ-калѣ.

Дорога отъ Серахса къ Шегитли все понижается; гдѣ-то около этихъ колодцевъ и находится самая низкая точка ея, до которой могла бы быть проведена вода изъ Гери-руда. Далѣе на сѣверъ идетъ подъемъ къ Мерву; Дашъ-робатъ уже получалъ воду изъ Мургъ-аба. Высота Мерва надъ уровнемъ моря совершенно неправильно показывается на прежнихъ картахъ въ 1900 футовъ; по нѣсколькимъ барометическимъ наблюденiямъ, произведеннымъ въ разное время года, высота Мерва около 800′.

Шегитли—послѣдняя вода до оазиса; верстахъ въ трехъ отсюда на сѣверъ песчаные бугры становятся выше, кустарникъ обращается въ деревца саксаула и гребенщика; грунтъ, впрочемъ, большею частью твердый; только изрѣдка пересѣкаютъ дорогу кряжи сыпучаго песка шириною въ двѣ, три сажени; да мѣстами нанесенъ съ боковъ слой песка. По сторонамъ деревья какъ бы выровнялись, образуя аллею, откуда это мѣсто и получило свое названiе; это и есть Куче-кумъ (куче улица, кумъ песокъ); длина его около 5 верстъ. По разсказамъ текинцевъ, сарыки часто пользуются благопрiятными условiями этой мѣстности для нападенiя на мервскiе караваны. Далѣе мѣсто дѣлается ровнѣе, пески уменьшаются и попадаются неширокими отдѣльными грядами, кустарникъ исчезаетъ и замѣняется колючкою и сорными травами.

Дашъ-робатъ ($13^1/_2$ верстъ отъ Шегитли)—довольно хорошо сохранившiяся развалины большаго кирпичнаго робата, напоминающаго Бешъ-робатъ въ Персiи. Надписей нѣтъ, такъ какъ фронтонъ упалъ. По словамъ текинцевъ, робатъ и близъ лежащiя поселенiя получали воду изъ Мургъ-аба каналомъ. Далѣе до оазиса мѣстность такая же, какъ отъ Куче-кума до робата. Въ 15 верстахъ отсюда мы пересѣкли первый каналъ; воды въ немъ впрочемъ не было. Здѣсь вездѣ почва глинистая, покрытая густою колючкою, составляющей прекрасный кормъ для верблюдовъ, которые сюда и выгоняются на пастьбу. Сады Мерва уже видны и въ 5 верстахъ отъ перваго сухаго арыка мы подошли къ прѣсной водѣ: это два колодца, глубиною 2 саж., сначала идетъ широкая яма сажени полторы въ дiаметрѣ, затѣмъ узкое отверстiе, выложенное камнемъ, въ которомъ и держится вода. Кругомъ колодца приспособленiя для водопоя стадъ; на ночь скотъ угоняется въ укрѣпленiя, изъ страха сарыковъ. Остановившись здѣсь на ночлегъ, мы должны были дождаться возвращенiя текинца, котораго я послалъ предупредить

хановъ о моемъ пріѣздѣ; ночью посланный вернулся съ извѣстіемъ, что ханы очень рады посѣщенію и къ утру пришлютъ людей меня встрѣтить и проводить въ Мервъ.

IV.

Мервъ.

Ханы въ Мервѣ смѣняются очень часто; въ августѣ 1882 г. положеніе дѣлъ было слѣдующее. Какъ извѣстно, мервцы дѣлятся на два большія племени, каждое съ двумя главными подраздѣленіями: отамыши состоятъ изъ племенъ бахши и сичмазъ; тохтамыши—изъ бекъ и векиль. Нынѣшніе наслѣдственные ханы въ обоихъ племенахъ люди безхарактерные, мало способные и не пользуются никакимъ авторитетомъ. Въ началѣ 1882 года, отамыши выбрали себѣ главою Майлы, внука Ораза, бывшаго ханомъ надъ всѣмъ Мервомъ, и сына Берды-Ніяза и племянника Аманъ-Ніяза, двухъ послѣднихъ хановъ отамышей. Но Майлы-ханъ оказался на столько слабъ и не уменъ, что никто его не признавалъ и въ іюлѣ того же года бахши выбрали себѣ ханомъ Сары-батыря, человѣка не родовитаго, но очень умнаго и хитраго; въ октябрѣ Майлы былъ снова выбранъ ханомъ; а въ декабрѣ все еще разъ перемѣнилось: у бахши ханомъ опять Сары-батырь, а у сичмазъ Бекъ-Мурадъ, довольно извѣстный разбойникъ, очень обижавшій О'Донована во время его пребыванія въ Мервѣ.

Еще хуже ханы у тохтамышей, — Баба-ханъ, сынъ извѣстнаго побѣдителя персовъ въ 1860 г. Коушютъ-хана (племени бекъ), и Юсупъ-ханъ, сынъ не менѣе извѣстнаго защитника Геокъ-Тепе въ 1879 году, Нуръ-Верды-хана (племени векиль); оба не пользуются никакимъ значеніемъ среди своихъ соплеменниковъ. У тохтамышей теперь глава Кара-кули-ханъ, человѣкъ не родовитый, но замѣчательно честолюбивый и энергичный. Впрочемъ и эти ханы имѣютъ весьма мало значенія. Чтобы понять строй жизни мервцевъ, надо прежде всего принять во вниманіе, что это не есть народъ, соединяемый какими-либо ясно сознаваемыми общими интересами; это очень большая воровская шайка. Для нея, конечно, никакого правительства не нужно; достаточно два-три постановленія о дѣлежѣ добычи и нѣсколько условныхъ правилъ, какъ жить сосѣдямъ, не грабя другъ друга. Только большая плотина на Мургъабѣ, распредѣляющая воду по всему оазису, дѣло для всѣхъ оди-

наково важное; когда высокія воды рѣки прорываютъ плотину, что̀ случается каждыя 12—15 лѣтъ, то весь оазисъ переноситъ величайшія бѣдствія. Поэтому - то вопросъ о поддержаніи ея и есть единственный, въ который внесенъ нѣкоторый порядокъ; тутъ что̀ рѣшатъ собравшіеся акъ-сакалы всѣхъ племенъ всегда приводится въ исполненіе. Во время опасности отъ внѣшняго врага какая-нибудь партія захватываетъ власть въ свои руки и, пользуясь общимъ страхомъ и непривычкою племенъ сплотиться для общаго дѣла, заставляетъ всѣхъ исполнять свою волю. Въ началѣ 1880 г. Махдумъ-кули-ханъ и Тыкмэ-сердарь разъѣзжали по поселеніямъ Ахала, сопровождаемые шайкою приверженцовъ, и угрозами и убійствами заставляли всѣхъ принимать участіе въ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Другихъ общихъ дѣлъ у текинцевъ нѣтъ: каждое подраздѣленіе племени заботится только о себѣ; при этомъ относительно пользованія самою небольшою канавою постоянные споры и драки. Маслагатъ (совѣщаніе) хановъ и старшинъ никогда ничѣмъ не кончается: кричатъ, толкуютъ и разойдутся; кто хочетъ, исполняетъ то, что ему приказалъ ханъ; не хочетъ, поступаетъ какъ найдетъ для себя удобнѣе.

Люди враждебные или несочувствующіе предмету обсужденія на маслагатъ не являются вовсе, зная, что принятое рѣшеніе ни для кого не обязательно. Также производятся выборы въ ханы: кандидатъ зарѣжетъ нѣсколько барановъ и угощаетъ своихъ сторонниковъ; всѣ нежелающіе его признавать не являются на избраніе; вѣдь все равно званіе только номинальное и никакого значенія не имѣетъ: носить его — вопросъ самолюбія; текинцы оказываютъ нѣкоторые наружные признаки почтенія ханамъ, такъ какъ отвѣтомъ на это бываетъ угощеніе со стороны этихъ послѣднихъ; но говорить нечего, что никто бы не сталъ повиноваться хану, который бы попробовалъ проявить чѣмъ нибудь свою власть, напримѣръ, собираніемъ подати или т. п.

Лучшимъ доказательствомъ неспособности мервцевъ къ какому бы то ни было общему дѣлу служитъ неумѣніе ихъ справиться съ сарыками, которые, не смотря на свою малочисленность, держатъ въ страхѣ весь мервскій оазисъ и дѣлаютъ почти невозможнымъ торговое движеніе между нимъ и сосѣдними странами. Стоило бы текинцамъ собраться вмѣстѣ и Пенде перестало бы существовать. Вмѣсто этого каждое отдѣльное племя предпочитаетъ отправлять небольшія шайки по 4 — 5 человѣкъ, которыя подбираются къ окрестностямъ сарыкскихъ поселеній, увозятъ оттуда женщинъ и

дѣтей и угоняютъ скотъ; въ Мервѣ близь деревень выставляются сторожевые посты; объ общей системѣ защиты оазиса нѣтъ и рѣчи.

Выбранный ханъ остается таковымъ недолго: сейчасъ же является партія недовольныхъ, подготовляющая новаго кандидата, отъ котораго требуется лишь нѣкоторая ловкость, чтобы интриговать противъ соперника, а главное—достаточныя средства для угощенія своихъ сторонниковъ; если нѣтъ никого на примѣтѣ, то снова выбираютъ одного изъ наслѣдственныхъ хановъ, такъ какъ они всѣ люди со средствами. „Кто же у васъ теперь ханъ?" спрашивалъ я отамышей, привезшихъ мнѣ вѣсти о бывшемъ переворотѣ. — „Да оба", отвѣчали они: „и Майлы-ханъ и Сары-батырь". Одинъ изъ моихъ людей презрительно замѣтилъ: „вѣрно дѣлать было нечего, что занялись избраніемъ новаго хана". Долго спорили главы племенъ, у кого поставить для гостей кибитку; верхъ взялъ Сары-батырь, люди котораго и пріѣдутъ за нами. Каждый желалъ похвастать гостемъ, а главное зазвать къ себѣ проѣзжающаго, чтобы что-либо съ него заработать, такъ какъ всѣ знали, что русскіе за услуги хорошо платятъ.

Въ октябрѣ Майлы былъ снова выбранъ ханомъ; по приглашенію его, я пріѣзжалъ во второй разъ въ Мервъ, присутствовалъ при его избраніи и имѣлъ случай лично убѣдиться въ справедливости собранныхъ первоначально изъ разспросовъ свѣдѣній, приведенныхъ выше.

25-го августа, въ 6 часовъ утра явились посланные Сары-батыря; по дорогѣ къ его поселенію, изъ деревень сбѣгались люди, подскакивали всадники, съ жестикуляціей и обыкновенными перемѣнами интонаціи заводили съ моими спутниками шумные разговоры, впрочемъ, не заключающіе въ себѣ ничего враждебнаго: въ селеніяхъ, желая меня получше разсмотрѣть, каждый зазывалъ моихъ людей покурить чилимъ (такъ текинцы называютъ кальянъ). Посланные Сары-батыремъ люди просили извинить народъ; они знаютъ, что русскіе не любятъ, чтобы на нихъ собирались глядѣть, но всякому хочется увидѣть бояра.

Длина дороги, отъ колодцевъ, гдѣ мы ночевали, до поселенія Сары-Батыря 6 верстъ, оттуда до Коушютъ-ханъ-калы также около 6-ти верстъ. Всего до этого послѣдняго пункта Серахса считается 6 мензилей (верблюжьихъ переходовъ, приблизительно по 20—22 версты); по моимъ съемкамъ получилось почти то же, именно 130 верстъ).

Ханы меня встрѣтили у кибитки; пошли разспросы о здоровьѣ,

какъ прошли путь и т. п. Ханамъ передали мой вопросъ о пріемѣ, ожидающемъ меня въ Мервѣ, и они просили, чтобы я считалъ себя какъ дома, вѣдь у текинцевъ одинъ братъ живетъ въ Ахалѣ, другой въ Мервѣ; развѣ есть разница между обѣими странами. Долго шелъ обмѣнъ привѣтствій и любезностей, при чемъ было замѣтно, что Майлы-ханъ очень недоволенъ тѣмъ, что я достался Сары-батырю; однимъ за однимъ являлись разныя почтенныя лица въ праздничныхъ нарядахъ; почти всѣ они бывала въ Асхабадѣ и были очень заинтересованы тѣмъ, что тамъ дѣлается. Мервцы при проѣздахъ являются русскимъ властямъ и въ разговорѣ каждый старался похвастать предъ слушателями, что онъ былъ у генерала, у штабъ-аги (начальникъ штаба), и всѣ толковали о замѣченной обстановкѣ русскихъ домовъ. Постоянно слышалось: „какъ въ Асхабадѣ, какъ у генерала". Разговоръ не могъ не коснуться политики: скоро-ли русскіе пойдутъ на Мервъ. Я имъ объяснилъ, что это зависитъ отъ самихъ мервцевъ: рядомъ съ такимъ государствомъ, какъ Россія, не можетъ существовать разбойничье гнѣздо, не дающее покоя сосѣдямъ; конецъ грабежамъ будетъ положенъ, чего бы ни стоило. Но если жители обратятся къ мирнымъ занятіямъ и будутъ жить въ дружбѣ съ сосѣдями, то, конечно, для Россіи нѣтъ надобности идти на Мервъ; управленіе Ахаломъ съ 50,000 населеніемъ стоитъ достаточно дорого, только необходимость можетъ заставить тратить еще деньги на вторую такую же провинцію. За Мервъ когда-то спорили хивинскій ханъ, бухарскій эмиръ и персы, но тогда войны велись для ограбленія побѣжденныхъ; по Ахалу текинцы видятъ, что русскіе дѣйствуютъ иначе; для чего же брать Мервъ? Впрочемъ надо сказать, что вопросы о приходѣ русскихъ войскъ далеко не всегда внушены страхомъ: съ этимъ сопряженъ наплывъ денегъ и много, много есть въ оазисѣ желающихъ, чтобы это совершилось поскорѣе.

Послѣ того, что мы слышали о богатствѣ Мерва, поражаетъ бѣдность, встрѣчаемая всюду и вездѣ въ дѣйствительности. Надо вспомнить сказанное выше по поводу избранія хановъ: текинецъ воръ и имѣетъ всѣ недостатки и пороки вора, не уравновѣшиваемые никакими хорошими качествами; онъ лѣнивъ и работаетъ лишь на столько, чтобы не умеретъ съ голоду; въ Мервѣ хорошая земля и вода есть; но обрабатывается преимущественно то, что требуетъ поменьше труда; клеверъ, засѣваемый разъ на нѣсколько лѣтъ и дающій много сборовъ каждый годъ, имѣется въ большемъ количествѣ, нежели нужно; за прокормъ лошади въ мѣсяцъ брали по

80 копѣекъ. Напротивъ, пшеницы мало и во сколько нибудь неурожайные года ее покупаютъ въ Бухарѣ и Персіи.

Разбоями также большаго богатства не нажить; кто изъ лучшихъ сердарей въ Мервѣ не испытывалъ превратностей судьбы: попадетъ въ плѣнъ или самъ, или его сынъ, или братъ, увезутъ кого либо изъ дома разбойники другихъ племенъ или шайки, снаряженныя персидскими ханами—надо выкупать, а съ богатаго человѣка и выкупъ берутъ большой. „У него 700 барановъ", сказали мнѣ про одного посѣтителя, желая пояснить, какой это богатый человѣкъ.

Торговли нѣтъ почти никакой; дороги какъ въ Бухару, такъ и въ Мешхедъ постоянно подвергаются нападеніямъ сарыковъ и эрсарей, да при бѣдности мервцевъ и потребностей у нихъ немного. Два раза въ недѣлю бываетъ большой базаръ; собственно купцовъ очень немного, публики же собирается на него по нѣсколько тысячъ человѣкъ, но за неимѣніемъ денегъ о покупкахъ мало кто думаетъ; базаръ замѣняетъ мѣсто прогулки и клубъ: сходятся, толкуютъ, узнаютъ новости; крику и шуму всегда много. Если же надо что-либо купить, собираются 2—3 человѣка, берутъ свои произведенія—нѣсколько ковровъ или войлоковъ и ѣдутъ въ Бухару, Хиву или Мешхедъ, а въ послѣднее время также въ Асхабадъ, продаютъ привезенное и везутъ обратно зеленый чай, одинъ-два халата, да нѣсколько аршинъ кумачу. Вотъ и вся торговля. Въ Мервѣ большая рѣдкость ремесленникъ или мастеръ; шапки, шубы, грубый холстъ и ковры—вотъ все что дѣлается на мѣстѣ, остальное для своихъ потребностей покупается въ окрестныхъ странахъ.

Населеніе Мерва, по опредѣленію самихъ текинцевъ, не болѣе 200,000 человѣкъ; въ Персіи люди, наилучше знакомые съ положеніемъ дѣлъ, утверждаютъ, что все населеніе лишь 125,000 и ни въ какомъ случаѣ не превосходитъ 150,000 душъ. Эта послѣдняя цифра наиболѣе заслуживаетъ довѣрія: вообще численность туркменскихъ племенъ, опредѣленная изъ разспросовъ, когда удавалось ее провѣрить, всегда оказывалась сильно преувеличенною. Достаточно привести примѣръ Ахала: населеніе его опредѣлялось въ 150,000 человѣкъ; принимая во вниманіе убыль во время войны и даже допуская, что часть жителей еще не вернулась на свои мѣста послѣ бѣгства въ 1881 г. — все же населеніе должно бы быть болѣе 100,000 человѣкъ, а между тѣмъ, по произведенному исчисленію, оно лишь около 40,000 и, слѣдовательно, до войны ни въ какомъ случаѣ не превосходило 75,000, да и количество воды въ Ахалѣ едва ли хватитъ на большую цифру.

Хорошія лошади въ оазисѣ большая рѣдкость; довольно трудно сказать что-либо положительное о пригодности текинскихъ породистыхъ лошадей для большихъ походовъ; у текинца лошадь, отъ недостатка корма, не можетъ идти болѣе 20—25 дней; впрочемъ, двѣ, три хорошо кормленныя текинскія лошади, которыхъ мнѣ случилось видѣть, уступали въ выносливости не только нашимъ кавказскимъ лошадямъ, но и персидскимъ.

Вооружены мервцы очень плохо, вѣрнѣе народъ вовсе не вооруженъ. Порядочное ружье въ Мешхедѣ стоитъ около 40 рублей, такія деньги можетъ дать развѣ какой нибудь ханъ и дѣйствительно только у нихъ встрѣчается скорострѣльное оружіе. Но даже самыя простыя, плохія ружья большая рѣдкость; только въ разбойничьей партіи ими обыкновенно всѣ снабжены; напротивъ, почти во всякомъ караванѣ большинство сопровождающихъ его вооружено только шашками.

При своей лѣни текинецъ замѣчательно жаденъ къ деньгамъ и скупъ. Онъ не кормитъ свою лошадь, самъ почти ничего не ѣстъ; старается вездѣ обойтись угощеніемъ въ деревняхъ; всѣ его расходы—табакъ на нѣсколько копѣекъ и зеленый чай, который пьется безъ сахару и совершенно прозрачный. Цѣлые мѣсяцы ѣздилъ я съ текинцами, и никогда никто изъ нихъ не позволялъ себѣ затратить 10 копѣекъ иначе какъ на вещь, безъ которой безусловно нельзя обойтись. При значительныхъ безлюдныхъ переходахъ мнѣ приходилось самому осматривать у своихъ спутниковъ мѣшки, есть ли въ нихъ хоть немного корма для лошадей. Эта скупость только отчасти объясняется лѣнью текинца; конечно, при небольшихъ деньгахъ можно долго прожить ничего не дѣлая, но часто причина бываетъ другая: если начать доискиваться для чего копитъ деньги какой нибудь Магомметъ или Ходжа, то почти всегда узнаешь, что для того, чтобы купить вторую или третью жену; романическія похожденія и пріобрѣтеніе женъ—вотъ что послѣ воровства больше всего занимаетъ текинца. „Если русскіе пойдутъ на Мервъ, случалось мнѣ слышать отъ ахалцевъ, то мы пойдемъ съ ними. А жены, которыхъ мы отнимемъ у мервцевъ, будутъ наши или же послѣ заключенія мира придется ихъ вернуть? какъ по русскому закону?“ Этотъ вопросъ въ высшей степени интересуетъ текинцевъ, особенно въ виду теперешняго времени, столь тяжелаго въ отношеніи добыванія женъ. Прежде дѣло дѣлалось очень просто: надо жену, укралъ персіянку или же сговорился съ отцомъ понравившейся текинки, сколько онъ хочетъ

за дочь плѣнныхъ персовъ или краденныхъ персидскихъ лошадей; добывалось все по условію и свадьба устраивалась. Теперь ни персіянокъ, ни персіянъ, ни даже ихъ лошадей уже красть нельзя, надо платить чистыми деньгами. Молодой, красивый теке обходитъ это: онъ уговариваетъ дѣвушку бѣжать съ нимъ, а затѣмъ отцу не остается ничего болѣе какъ согласиться на уплату за дочь по частямъ. Некрасивому или пожилому этотъ способъ рѣже удается и вотъ копитъ текинецъ деньги, пока не наберетъ 400—500 р., что составляетъ среднюю цѣну за жену.

Но если надѣть на себя брачныя узы не такъ легко, какъ было до прихода русскихъ, то романическія похожденія болѣе кратковременнаго характера по прежнему въ большомъ ходу; строгости нравовъ у туркменъ особенной нѣтъ. Оба раза, когда я былъ въ Мервѣ, тотчасъ по пріѣздѣ мои текинцы, подъ предлогомъ обмѣна лошадей, разъѣзжались по поселеніямъ. Пріѣздъ ихъ съ русскимъ, новые черные халаты, блестящія ружья, все ихъ дѣлало героями дня и, какъ оказалось впослѣдствіи, они имѣли у мервскихъ дамъ большой успѣхъ; впрочемъ, нѣкоторые изъ любезниковъ понесли заслуженное наказаніе: не считая другихъ непріятностей, потерпѣлъ и карманъ: два ревнивые мужа воспользовались положеніемъ дѣлъ, чтобы продать весьма дорого ничего не стоившихъ лошадей.

Что касается гостепріимства, то этимъ именемъ у туркменъ называется зазываніе къ себѣ гостя съ цѣлью съ него что-либо заработать. Туркменъ туркмена долженъ принять и угостить. Поступить иначе нельзя, такъ какъ при разбояхъ набрать съ собой запасовъ на всю дорогу невозможно и потому сложился обычай, что туркменъ въ дорогѣ пріѣзжаетъ къ соплеменнику, какъ къ себѣ въ домъ и прямо требуетъ угощенія, стараясь какъ можно болѣе получить; хозяинъ, напротивъ, старается какъ можно менѣе дать; требовательность одного и скупость другаго часто бываетъ причиною ссоръ и вообще всякій очень радъ, если свой же туркменъ минуетъ его домъ. Русскій совсѣмъ не то: тутъ извѣстно, что за все будетъ заплачено и очень дорого; чтобы зазвать къ себѣ такого гостя, даже впередъ сговариваются съ проводниками. Само собою разумѣется, во все пребываніе потомъ его стараются обмануть, гдѣ только возможно; довѣрять не слѣдуетъ; за вещами нужно хорошо смотрѣть: мелочи пропадаютъ постоянно и хозяинъ потомъ все приписываетъ коварству своихъ враговъ, которые, чтобы его осрамить, сдѣлали кражу у гостя; изъ вѣжливости приходится еще

утѣшать хозяина, хотя въ дѣйствительности кража совершена его же людьми.

Но все это прощается охотно, такъ какъ мервцы въ послѣднее время, посѣщая Асхабадъ, научились немного принимать гостей, которымъ теперь предоставляется хотя относительное спокойствіе. Прежде цѣлый день и часть ночи посѣщенія не прекращались; я испыталъ это мученіе у салыровъ въ Зуръ-абадѣ. Здѣсь же хозяева просили меня, желаю ли я, чтобы ко мнѣ пускали посѣтителей или нѣтъ? Конечно, я не пріѣхалъ въ Мервъ, чтобы прятаться и, напротивъ, очень радъ видѣть жителей. Свое любопытство всѣ могли удовлетворять; когда являлись съ визитами ханы или почетные люди, тогда кто успѣвалъ помѣщался внутри кибитки; кругомъ стояла большая толпа, слушавшая снаружи происходившіе разговоры, что̀ нетрудно, такъ какъ текинцы всегда страшно кричатъ; всѣ старались заглянуть въ середину кибитки; наиболѣе нетерпѣливые продыравливали войлоки, чтобы что-либо увидѣть.

Когда все это начинало надоѣдать, я говорилъ, что лягу спать или собираюсь писать; у туркменъ не считается невѣжливостью заявить своимъ посѣтителямъ, что пора уходить; всѣ вставали съ разными пожеланіями и удалялись; къ двери приставлялся человѣкъ съ палкою, разгонявшій людей, по временамъ собиравшихся у кибитки.

Первый же день пришелъ ко мнѣ уста (мастеръ), который дѣлаетъ деньги, весьма любезный и веселый человѣкъ; одѣтъ онъ былъ довольно бѣдно, въ рукахъ держалъ большой мѣшокъ, въ которомъ помѣщалась вся фабрика: тутъ были и инструменты, и куски металла, и готовыя деньги. „Въ Мервѣ нѣтъ падишаха, а потому мервцы сами себѣ дѣлаютъ деньги", объяснилъ уста монетную систему мервскаго народа. Каждый имѣетъ право этимъ заниматься; но для этого требуется умѣніе и соперниковъ моему гостю во всемъ оазисѣ не было. Мервъ своей монеты не имѣетъ; до сихъ поръ ходили главнымъ образомъ серебряные персидскіе краны (равные 1 франку), бухарскія тенги (25 к.) и русскіе двугривенные. Теперь предпочитаются наши кредитные билеты; конечно, въ этихъ странахъ больше всего цѣнится ихъ удобство для перевозки. Уста показалъ штампы и образцы своихъ произведеній; онъ дѣлаетъ русскія, хивинскія, бухарскія и персидскія деньги, всѣ маловѣсныя.

Персидскіе краны новой чеканки неудобны для поддѣлки и ихъ

уста дѣлаетъ мало; хивинскія и бухарскія деньги по качеству серебра хороши, но недостаточнаго вѣса; въ Хивѣ и Бухарѣ на деньги изъ Мерва установился курсъ, но, впрочемъ, принимаютъ ихъ не вездѣ и неохотно; въ Хивѣ болѣе всего въ ходу наши бумажки и особенно двугривенные (абазы); своихъ денегъ хивинцы боятся, такъ какъ ихъ очень много поддѣльныхъ. Русскіе абазы уста началъ дѣлать лишь недавно; по виду они совершенно не уступаютъ настоящимъ, но хуже качествомъ. На одинъ пудъ персидскаго серебра прибавлено два пуда мѣди. Уста пользуется большимъ уваженіемъ; онъ знатокъ металловъ и человѣкъ нужный: къ нему всѣ обращаются для оцѣнки вещей, а главнымъ образомъ при полученіи денегъ для отдѣленія настоящихъ монетъ отъ фальшивыхъ: послѣднихъ въ Азіи, вѣроятно, болѣе чѣмъ первыхъ. Счетъ и сортированіе денегъ при сколько нибудь значительной покупкѣ занимаетъ иногда цѣлые часы.

На обѣдъ мнѣ приготовили пловъ и фазановъ, которыхъ на абазъ даютъ 3 или 4 штуки; все готовилось по-русски, т. е. на маслѣ, а не на бараньемъ салѣ. Къ обѣду предлагали водку; продается она недалеко отъ моей кибитки въ боченкахъ, сохранившихся съ тѣхъ поръ, какъ былъ разграбленъ караванъ со спиртомъ близь Хивы; спиртъ вовсе не былъ вылитъ на песокъ, а весь проданъ и выпитъ. Узнавъ, что я не пью водки, меня стали уговаривать попробовать: „это такъ хорошо: немного выпьетъ человѣкъ и становится веселымъ; если въ Мервѣ немного пьютъ, то потому, что нѣтъ денегъ, а водку всѣ очень любятъ“. Потомъ мнѣ достали нѣсколько бутылокъ бухарскаго вина: оно было привезено для О'Донована, но онъ не пилъ такихъ слабыхъ вещей и вино осталось; оно успѣло отстояться и было очень порядочное. Въ Мервѣ вина совсѣмъ не пьютъ: здѣсь, какъ въ Персіи, пьютъ, чтобы напиваться и скупому текинцу совершенно не понятно, для чего выпить нѣсколько бутылокъ дорогаго вина, когда одной бутылкой дешевой водки достигаются тѣ же результаты.

На третій день утромъ я отправился въ гости къ Кара-кули-хану. Отъ селенія Сары-хана, гдѣ я стоялъ, все разстояніе около 6 верстъ. Я ѣхалъ съ переводчикомъ и проводникомъ. Дорога шла между садовъ и полей. Мургъ-абъ мы переѣхали въ бродъ; вода была по колѣна лошадямъ, ширина рѣки около 8 саж. Близь брода есть мостъ; онъ состоитъ изъ 8 пролетовъ около 2 саж. каждый; на сваяхъ продольныя бревна, по которымъ наложенъ хворостъ и земля; высота надъ низкою водою около 6 аршинъ. Мостъ

узокъ (ширина около 2 арш.) и непроченъ; по немъ ѣздятъ лишь въ половодье; въ остальное время имъ пользуются только пѣшеходы. Почти тотчасъ за мостомъ лежитъ большая крѣпость Коушютъ-ханъ-кала; на узкой полосѣ между ними базаръ, т. е. рядъ глиняныхъ стѣнокъ въ родѣ стойлъ, открытыхъ сверху; два ряда лавокъ составляютъ довольно правильную улицу; остальныя разбросаны въ безпорядкѣ; земля для стѣнъ берется тутъ же, отчего весь базаръ изрытъ ямами. Недалеко отъ лавокъ валяется одна изъ взятыхъ въ 1860 году у персовъ пушекъ; впослѣдствіи я видѣлъ еще нѣсколько изъ нихъ въ разныхъ мѣстахъ; всѣ старыя и могутъ быть опасны развѣ для тѣхъ, кто изъ нихъ будетъ стрѣлять, осаждающимъ же онѣ только принесутъ пользу, такъ какъ неумѣющіе обращаться съ артиллеріею текинцы будутъ напрасно тратить много силъ и труда около никуда негодныхъ орудій.

Крѣпость Коушютъ-ханъ-кала названа по имени начавшаго постройку ея, Коушютъ-хана, побѣдителя персовъ въ 1860 году. Послѣ пораженія туркменъ во время хивинскаго похода, мервцы, боясь движенія русскихъ войскъ на югъ, приступили къ постройкѣ крѣпости и прекратили работы тотчасъ, когда убѣдились, что страхъ ихъ напрасенъ. То же произошло и послѣ паденія Геокъ-тепе: не смотря на всѣ увѣщанія О'Донована, за остановкою нашихъ войскъ снова послѣдовало прекращеніе постройки стѣнъ. Бѣдняки, которымъ приходится выносить всѣ труды по возведенію этой колоссальной постройки, дѣлаютъ это неохотно и повинуются только въ очень тревожныя минуты; и лишь только опасность нѣсколько отдаляется, никто не станетъ работать. Крѣпость въ планѣ имѣетъ фигуру неправильнаго четыреугольника, двѣ большія стороны котораго имѣютъ около полуторы версты; третья меньшая около версты; съ южной стороны работа еще не начата. Стѣна весьма сильной профили (около 70 футъ въ основаніи и до 40 высоты), земля взята какъ изнутри, такъ и снаружи; образовавшійся ровъ неглубокій и текинцы не въ состояніи его углубить; вода показывается очень близко отъ поверхности; съ сѣверной стороны, которая ниже, ровъ заросъ камышемъ и мѣстами стоятъ лужи грунтовой воды. Стѣны работались отдѣльными племенами и ихъ подраздѣленіями и сдѣланы кусками, которые до сихъ поръ большею частью стоятъ отдѣльно, не соединенные другъ съ другомъ. Внутри крѣпости есть огороды, поля и нѣсколько кибитокъ; тутъ живутъ торгующіе въ Мервѣ евреи.

Почти у самой крѣпости находится поселеніе Кара-кули-хана.

У него разговоры были тѣ же, что у Сары-батыря. Впрочемъ, было видно, что глава тохтамышей чѣмъ-то обиженъ. Началъ онъ съ разныхъ наговоровъ на отамышей: они меня приняли и сейчасъ же послали гонца извѣстить англійскаго агента въ Мешхедъ о моемъ пріѣздѣ. Я удивился: развѣ это можетъ интересовать Аббасъ-хана; если бы я это зналъ, то въ Мешхедѣ самъ бы сообщилъ ему о моей поѣздкѣ.

Надежда моя отдѣлаться отъ тохтамышей простымъ визитомъ не сбылась. На прощаніе Кара-кули-ханъ объяснилъ переводчику причину своего неудовольствія; я провелъ у отамышей три дня и уѣзжаю изъ Мерва, не погостивъ у тохтамышей. Какая можетъ быть этому причина? Тохтамыши болѣе могущественное племя, не менѣе дружественны Россіи, за что же это оскорбленіе? Напрасно я объяснялъ, что по нашимъ обычаямъ визитъ замѣняетъ пребываніе въ гостяхъ. Ханъ только больше обижался: конечно, я поступлю, какъ мнѣ угодно, но тохтамыши не заслужили этой обиды. Пришлось уступить; не теряя времени, я переѣхалъ къ Кара-кулихану съ тѣмъ, чтобы во всякомъ случаѣ на слѣдующій день продолжать путь, обѣщая въ другой разъ подольше погостить у хана. Конечно, во всей этой исторіи немалую роль играла перспектива поставить мнѣ для дороги верблюдовъ и дать проводника, хотя сумма, которую при этомъ можно было заработать, была самая незначительная; но эта причина не единственная: вѣроятно Кара-кули-ханъ готовъ былъ даже самъ что-либо потратить и ничего не получить взамѣнъ, чтобы не дать возможности отамышамъ хвастать передъ нимъ гостемъ. Эта зависть одного къ другому есть одна изъ выдающихся сторонъ характера мервцевъ, какъ и всякой воровской шайки. Нельзя побыть 10 минутъ среди тохтамышей, чтобы не услышать чего-либо противъ отамышей. То же въ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ: бахши лгутъ на сичмазъ; каждый родъ на своего сосѣда. Постоянно слышишь: такое-то племя ведетъ переговоры съ англичанами, хочетъ начать войну съ Россіей, при чемъ сообщающій предлагаетъ услуги свои и своего рода или племени противъ остальныхъ мервцевъ. Конечно, при наступленіи какой-либо внѣшней опасности, внутренніе раздоры въ шайкѣ всегда болѣе или менѣе забываются, но все же общности дѣйствій, бывшей въ Ахалѣ, здѣсь ждать нельзя.

Кара-кули-ханъ самъ живетъ въ кибиткѣ; для гостей же у него выстроенъ весьма приличный домикъ.

Начались обыкновенные визиты; самымъ интереснымъ было по-

сѣщеніе Махдумъ-кули, сына Нуръ-Верды-хана, начальствовавшаго ахальцами въ 1870 г. Послѣ смерти отца своего въ началѣ 1880 г. Махдумъ-кули считался ханомъ ахальцевъ, хотя впрочемъ, въ виду его молодости, руководилъ сопротивленіемъ въ качествѣ главнокомандующаго Тыкмэ-сердарь. Когда Геокъ-тепе пало, Махдумъ-кули бѣжалъ въ Мервъ и, обнадеживаемый обѣщаніями О'Донована, не явился съ покорностью вмѣстѣ съ остальными ханами; послѣ отъѣзда О'Донована изъ Мерва, Махдумъ-кули понялъ, что поступилъ неразумно, но было уже поздно: Тыкмэ-Сердарь, вслѣдствіе полученнаго имъ чина, пріобрѣлъ значеніе въ Ахалѣ и хану пришлось-бы быть вторымъ лицомъ, такъ какъ онъ самъ понималъ, что разсчитывать ему на какія-либо отличія было нечего. Въ Мервѣ жизнь его была также непріятная. Ханомъ племени векиль былъ его младшій братъ Юсупъ. Махдумъ-кули въ Мервѣ не признавали вовсе и друзей онъ имѣлъ мало: его значенію, какъ старшаго сына Нуръ-Верды-хана, завидовали весьма многіе. Мой пріѣздъ въ Мервъ возбудилъ разные толки; конечно, если я выѣхалъ изъ Серахса въ Бухару, то путь лежалъ черезъ Мервъ, но всѣ были убѣждены, что у меня есть еще какія либо другія цѣли. „Ты мусульманинъ, говорили мервцы моему переводчику, — долженъ намъ помочь; скажи правду, для чего бояръ пріѣхалъ въ Мервъ?"

У Махдумъ-кули явилась надежда, что я привезъ ему какія-либо предложенія со стороны русскихъ властей; его удивляло то полное равнодушіе, которое относительно его выказывали въ Асхабадѣ; онъ старался узнать, что его ждетъ, если онъ вернется; отвѣтъ всегда былъ одинъ: надобности въ его пріѣздѣ нѣтъ, пусть вернется если желаетъ, это зависитъ отъ него; послѣ умиротворенія края онъ русскихъ не грабилъ, а за участіе въ войнѣ въ Россіи не мстятъ, слѣдовательно наказывать его не за что.

Ханъ ко мнѣ явился безъ свиты. Всѣ ждали чего-либо конфиденціальнаго и тотчасъ по приходѣ хана бывшіе въ комнатѣ люди встали и вышли, что̀ у туркменъ никогда не дѣлается. Мы остались только съ переводчикомъ. Ханъ былъ взволнованъ; послѣ обмѣна привѣтствій, онъ на меня все вопросительно смотрѣлъ; я повелъ разговоръ о постороннихъ предметахъ; ханъ его не поддерживалъ и самъ ничего не говорилъ; оставивъ его выпить двѣ большія чашки чаю, я прервалъ царившее молчаніе и спросилъ, не имѣетъ-ли онъ чего либо сказать. „Іокъ" (нѣтъ), рѣшительно отвѣчалъ Махдумъ-кули. Переводчикъ налилъ ему еще чашку

чаю; ханъ ее пилъ очень медленно; считая свиданіе оконченнымъ. я сталъ записывать показанія барометровъ, Махдумъ-кули поклонился и вышелъ.

Второй разъ видѣлъ я его уже въ Асхабадѣ, въ октябрѣ, передъ моей поѣздкой въ Мервъ на выборы Майлы-хана.

Въ присутствіи командующаго войсками области, Махдумъ-кули приносилъ присягу на вѣрность Бѣлому царю; съ ханомъ прибыло человѣкъ двадцать свиты; кромѣ того собрались ахальцы посмотрѣть на событіе. Отдалъ онъ свою шашку и, все еще предполагая, что его накажутъ за позднее возвращеніе, дрожащимъ отъ волненія голосомъ повторялъ за муллою слова присяги. Когда генералъ Рербергъ объявилъ ему полное забвеніе прошлаго, то ханъ просилъ лишь, чтобы на него было обращено вниманіе, когда онъ заслужитъ этого, доказавъ свою преданность. Махдумъ-кули не пользуется большимъ значеніемъ въ Ахалѣ и потому возвращеніе его не могло имѣть вліянія на спокойствіе края, а было лишь интересно какъ указаніе, что даже самые упорные текинцы приходятъ къ убѣжденію въ безповоротности порядка, водворившагося послѣ 12 января 1881 г. Это убѣжденіе теперь очень сильно.

V.

Дорога изъ Мерва въ Бухару.

Отъѣздъ свой я назначилъ на слѣдующее утро (28 августа). Впередъ были высланы два верблюда, одинъ съ ячменемъ и частью моего вьюка, другой съ мѣшками на 12 ведеръ воды для безводныхъ переходовъ; съ верблюдами пошелъ и одинъ персъ, который воспользовался нашимъ проѣздомъ, чтобы отправиться по дѣламъ въ Бухару. Люди Кара-кули-хана проводили насъ нѣсколько верстъ. Я, не стѣсняясь, производилъ съемку; мнѣніе, что дѣлать ее надобно скрытно, чтобы никто не видѣлъ, совершенно неосновательно: мервцы не понимаютъ картинъ или рисунка, а тѣмъ болѣе плана; напрасно имъ старались выяснить значеніе картъ, они и теперь остаются при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ. „Да, вотъ вы вездѣ, гдѣ ѣздите, говорили мнѣ текинцы, все рисуете и записываете, а приходится ѣхать во второй разъ по старой дорогѣ, все же надо чтобы проводникъ теке ѣхалъ впереди и указывалъ путь.“ Вообще на съемку смотрятъ какъ на странность френги, ни къ чему не ведущую, и когда я ставилъ буссоль на треножникъ, никогда никто не противился этому, а всякій старался указать интересные предметы.

Мы шли черезъ поля, арыки, мимо поселеній и развалинъ укрѣпленій, которыхъ здѣсь на первыхъ 40 верстахъ отъ Коушютъ-ханъ-калы много. Уже верстъ черезъ восемь начали попадаться отдѣльныя небольшія гряды песковъ, иногда поросшія кустарникомъ, иногда безъ растительности.

На 17 верстѣ прошли мимо Нагымъ-калы; еще 4 версты далѣе переправились черезъ большой каналъ и въ половинѣ одиннадцатаго стали на привалъ у послѣдней отъ Мерва (Коушютъ-ханъ-калы) воды. Здѣсь были люди только въ 4 шалашахъ, остальные уже ушли; они приходятъ сюда только для обработки земли, такъ какъ плодородныя мѣста разбросаны часто далеко отъ центра оазиса, куда къ зимѣ всѣ возвращаются. Этотъ день мы шли не по большой дорогѣ, ибо по ней нѣтъ воды и запасъ пришлось бы дѣлать въ Мервѣ; ранѣе лѣтомъ, кромѣ воды, гдѣ мы останавливались, есть еще арыкъ близь Кишмана, гдѣ наша дорога соединяется съ главною; въ августѣ же сборы посѣвовъ были кончены и арыкъ былъ сухой. Вообще можно считать, что послѣдняя вода изъ Мургъаба—въ 40 верстахъ отъ Коушютъ-ханъ-калы. Грунтъ вездѣ плотный глинистый; весьма рѣдки гряды песка 5—6 саж. шириною; кое-гдѣ его немного нанесло на дорогу, но не настолько, чтобы затруднить ходъ лошади. Сдѣлавъ запасъ воды, мы выступили въ два часа и шли до пяти все по такой же мѣстности; полей встрѣчалось менѣе; бугры и развалины укрѣпленій также часты; здѣсь поселеній нѣтъ; встрѣчали лишь мервскія стада. На ночлегъ мы стали у мѣста Кишманъ; здѣсь развалины нѣсколькихъ укрѣпленій и отдѣльныхъ кирпичныхъ домовъ, разбросанныхъ на весьма большой площади; развалины очень древнія; многое уже обратилось въ бугры, поросшіе травою. Только отъ одной калы, судя по воротамъ и способу постройки, не текинской, сохранились довольно хорошо стѣны и часть весьма высокой башни, видной издалека. Башня была построена изъ глины и обложена сырцомъ со всѣхъ сторонъ; теперь эта наружная одѣлка обваливается большими глыбами. Верблюдовъ мы выпустили въ 9 часовъ вечера съ тѣмъ, чтобы на привалѣ напоить немного лошадей; какъ вожакъ, такъ и персъ не имѣли другаго оружія кромѣ шашекъ и шли всю ночь, рискую каждую минуту наткнуться на сарыковъ.

Отъ Кишмана грунтъ дороги плотный; бугры песка не выше 1—2 саж.; кустарникъ невысокій.

Здѣсь мы шли уже по большой дорогѣ, которая, судя по количеству тропинокъ, много посѣщается: по ней идутъ всѣ большіе ка-

раваны изъ Мерва на востокъ; прямыя дороги въ Хиву всѣ безводныя и пролегаютъ черезъ пески и по нимъ рѣдко кто ѣздитъ, не смотря на полную ихъ безопасность отъ набѣговъ эрсарей и сарыковъ. Чѣмъ далѣе отъ Кишмана, тѣмъ чаще попадались пески; особенно послѣднія 5 верстъ до колодцевъ; здѣсь пески уже преобладаютъ. Во всякомъ случаѣ можно считать, что до Сираба дорога въ благопріятныхъ условіяхъ; здѣсь даже колесное движеніе было бы не затруднительно.

Подъѣзжая къ колодцу, отрядъ нашъ былъ очень не великъ: утромъ одинъ изъ моихъ текинцевъ заболѣлъ лихорадкою; припадокъ былъ на столько силенъ, что больной не могъ ѣхать; пришлось его оставить въ кустахъ около дороги и при немъ еще одного человѣка; со мною ѣхали три текинца, вооруженные берданками и переводчикъ—магазинкою; данный намъ изъ Мерва проводникъ былъ такъ старъ и на такой старой лошади, что совершенно не могъ идти въ счетъ, и при томъ онъ былъ вооруженъ только шашкою.

Колодцы Сирабъ (96 верстъ отъ Коушютъ-ханъ-калы) лежатъ среди небольшаго круглаго такира; вода соленая, впрочемъ животныя пьютъ ее охотно, люди же только въ случаѣ очень сильной жажды; колодцы очень обильны и не выбираются; самые большіе караваны не встрѣчаютъ недостатка въ водѣ.

Съ бугровъ окружающихъ такиръ мы увидѣли много барановъ и верблюдовъ. „Каруанъ, каруанъ“, закричали текинцы, очень обрадованные встрѣтить у колодцевъ караванъ, а не сарыковъ или эрсарей. Караванъ, напротивъ, не зналъ, кто приближается и при въѣздѣ мы увидѣли 3 человѣкъ въ засадѣ, которые направили на насъ ружья; думая, что видъ моего костюма ихъ успокоитъ, я проѣхалъ впередъ; они не стрѣляли, но и не опустили ружей, а слѣдили за моимъ движеніемъ, все прицѣливаясь; слова моего текинца не помогали и только нашъ мервскій проводникъ Нуръ-Али-сердарь успокоилъ ихъ. Когда дѣло разъяснилось, люди изъ засады вмѣстѣ съ нами подошли къ колодцу. Переводчикъ посмѣялся надъ ними: „васъ 60 человѣкъ, а испугались пяти; развѣ не стыдно“.—Сарыки кругомъ, былъ отвѣтъ; а текинца сразу не отличишь отъ сарыка, русскаго же они никогда не видали и потому костюмъ мой имъ ничего не объяснилъ. Оказалось, люди были правы. Я расположился шагахъ въ 150 отъ колодца на возможно незагрязненномъ мѣстѣ. Мы еще не успѣли снять вьюковъ съ лошадей, какъ въ лагерѣ каравана стали раздаваться крики и всѣ схватились за ору-

жіе; при грубости и дикости мервцевъ нападеніе съ ихъ стороны въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ разсудительныхъ людей, чтобы ихъ удержать, вполнѣ возможно и мы также схватились за оружіе, но тутъ увидѣли, что люди бѣгутъ не въ нашу сторону, а прямо по дорогѣ въ Чарджуй. На буграхъ, саженяхъ въ 150 отъ насъ, показались всадники; раздались крики: „Сарыкъ, сарыкъ!" Всадники кинулись на пасущихся верблюдовъ, начали обрѣзывать и сбрасывать съ нихъ сѣдла и погнали животныхъ въ пески; раздались выстрѣлы, но туркменскія ружья за 150 саж. вещь совершенно безвредная. Ко мнѣ подбѣгали люди изъ каравана: „У насъ угнали верблюдовъ, мы всѣ пѣшіе; разрѣшите вашимъ людямъ отбить".—Сколько сарыковъ?—„Тридцать, сорокъ".

У насъ всего три берданки и одна магазинка; за нами шли верблюды съ вещами; лошади были крайне утомлены, а впереди оставалось 120 верстъ песковъ, изъ нихъ 90 безъ воды; наконецъ одинъ раненый стѣснилъ бы дальнѣйшее движеніе. Я отказалъ.

Бѣгутъ другіе: „человѣка украли." Отказывать далѣе было нельзя; соблазненные обѣщаніемъ награды мои текинцы стали говорить, что ихъ купленныя въ Мервѣ лошади годятся для погони; переводчикъ выпросилъ у нашего спутника перса свѣжую лошадь и вотъ вчетверомъ отправились за разбойниками. Я остался съ мервцами; довольные моимъ разрѣшеніемъ, они перенесли мои вещи къ себѣ въ лагерь и стали меня угощать какими-то отвратительными лепешками, отъ которыхъ я поспѣшилъ отказаться. Собесѣдники мои кромѣ Мерва видѣли только дороги въ пустынѣ; это были совершенные дикари; они громко выражали свое удивленіе по поводу каждаго моего поступка и каждой видѣнной вещи; вилка, ножъ и даже столовая соль, которую они приняли за сахаръ, ихъ приводили въ совершенное недоумѣніе; объясненія безъ переводчика велись съ большимъ трудомъ. Часа черезъ два вернулись наши люди; они надѣялись, стрѣляя съ разстоянія, на которомъ текинскія ружья недѣйствительны, заставить сарыковъ бѣжать и бросить верблюдовъ; если бы это было сдѣлано подъ самымъ лагеремъ, то можно бы ждать успѣха, но сарыки успѣли отойти довольно далеко, пока текинцы поили своихъ лошадей, и когда они нагнали бѣгущихъ и по второму залпу одного изъ нихъ сбили съ лошади, упавшаго сарыки тотчасъ подобрали и затѣмъ раздѣлились: нѣсколько человѣкъ погнали верблюдовъ, остальные засѣли въ оврагѣ; преимущество скорострѣльнаго оружія не имѣло болѣе значенія и нашимъ людямъ оставалось только вернуться; при этомъ ихъ вовсе не пре-

слѣдовали. *Аламаны всегда бываютъ въ томъ же родѣ какъ этотъ:* разбойники спрячутся и ждутъ удобной минуты отогнать верблюдовъ или напасть на спящихъ; разъ это сдѣлано и они ушли на нѣкоторое разстояніе, серьезной погони не будетъ; если бы охранители каравана были не пѣшіе, а всадники, то все же они не пошли бы на огонь, также какъ разбойники не рискнули бы угонять верблюдовъ съ такого разстоянія, гдѣ они могутъ подвергнуться опасности. Только трусость персовъ могла составить текинцамъ репутацію храбрецовъ. Если же при этомъ такъ много плѣнныхъ мервцевъ въ Персіи и Пенде, то это объясняется непремѣннымъ качествомъ всякаго труса—полною безпечностью, пока не наступитъ опасность.

На вопросъ, можетъ-ли шайка встрѣтиться еще разъ, мервцы отвѣтили отрицательно. Караванъ пришелъ на колодцы утромъ; слѣдовательно лошади разбойниковъ поены развѣ ночью, затѣмъ они спрятались; теперь бѣгутъ къ водѣ. Да при этомъ украдено 8 верблюдовъ, каждый стоитъ около 60 руб.; 500 рублей довольно на 40 человѣкъ, аламанъ удачный и люди пойдутъ домой. Вѣроятно, это сарыки и они погнали добычу въ Юлатанъ; если же это ерсари, то они выйдутъ на нашу дорогу на Шорѣ и мы можемъ ихъ встрѣтить въ Адилъ-куи. Ограбленный караванъ состоялъ изъ 1.800 барановъ, которыхъ гнали изъ Мерва для продажи въ Бухару; верблюды и ишаки везли запасъ воды; при караванѣ было до 50 человѣкъ, вооруженныхъ самымъ фантастическимъ оружіемъ: шашками, ножами, старыми пистолетами, весьма пригодными для коллекціи, но никакъ не для обороны. Кромѣ того, хозяева каравана, для охраны его, наняли за плату, по 6 руб. каждому, 12 пѣшихъ, вооруженныхъ старыми ружьями. Мы видѣли, какъ они исполняли свое назначеніе, даже караульщики при пасшихся верблюдахъ спали. Вечеромъ мервцы подобрали сѣдла и вмѣстѣ со всякимъ грузомъ, безъ котораго можно было обойтись, закопали въ пескахъ въ сторонѣ отъ дороги, затѣмъ долго совѣщались и пришли, путемъ совершенно непонятныхъ разсужденій, къ убѣжденію въ необходимости остаться въ Сирабѣ еще одинъ день. Нашъ больной текинецъ и его спутникъ прибыли только, когда стемнѣло. Являлся вопросъ какъ намъ идти далѣе; несмотря на всѣ просьбы продолжать путь съ караваномъ, я отказался; во-первыхъ, при медленномъ движеніи могло не хватить припасовъ, а во-вторыхъ, караваны движутся преимущественно ночью, а это совершенно не входило въ мои разсчеты: меня интересовало видѣть дорогу, а хотя ночи и

были лунныя, но это недостаточно для съемки. Нападенія намъ бояться было нечего, мы могли отстрѣляться и отъ большаго числа людей; затруднялъ только вожакъ верблюдовъ, которому приходилось двигаться одному, но онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, сказалъ: Аллахъ великъ, и къ 11 часамъ ночи выступилъ впередъ; персъ предпочелъ идти съ нами. На ночь были приняты всѣ предосторожности, какъ всегда по минованіи опасности. Вечеромъ мы много толковали по какой дорогѣ идти: въ Бухару изъ Мерва ведетъ много дорогъ; въ Сирабѣ раздѣляются двѣ: южная черезъ Тюря-куи (3 мензиля или верблюжьихъ перехода по 20—22 версты), въ Чарджуй (2 мензиля) и сѣверная черезъ Адилъ-куи въ Боюнъ-узунъ на Аму-Дарьѣ, верстъ 25 ниже Чарджуя. На Тюря-куи идти было опасно, такъ какъ, по слухамъ, онъ засыпанъ сарыками и уже давно все движеніе направлено на Адилъ-куи. Также брошена и дорога въ Чарджуй черезъ Рапатекъ, когда-то считавшаяся лучшею изъ всѣхъ. Вообще въ этихъ мѣстахъ рѣдко одна и та же дорога существуетъ продолжительное время; разбойники, чтобы затруднить погоню, бросаютъ трупъ въ колодезь или вовсе засыпаютъ его; гдѣ нибудь выроютъ другой и всѣ идутъ по новой дорогѣ, несмотря на сопряженное съ этимъ удлиненіе пути. Въ Хиву направленіе черезъ Боюнъ-узунъ весьма выгодно; напротивъ, для ѣдущихъ въ Бухару этотъ поворотъ равносиленъ удлиненію дороги на 25 верстъ.

Утромъ мы выступили на разсвѣтѣ, оставивъ караванъ у колодцевъ. Два раза прошли по твердому грунту сажень по двѣсти и затѣмъ начались пески безъ всякихъ перерывовъ; холмы очень невысокіе, но песокъ утомительный для лошадей, особенно при разстояніи между колодцами въ 90 верстъ и болѣе.

Дорога много посѣщается, но слѣды быстро заметаются вѣтромъ; указательными знаками служатъ кости верблюдовъ, которыхъ по всему пути весьма много; люди сопровождающіе караваны, развѣшиваютъ черепа, позвонки и другія кости по кустамъ; по нимъ издалека видна дорога; кромѣ того, во многихъ мѣстахъ, на возвышенностяхъ, съ тою же цѣлью сложены пирамиды изъ вѣтвей и корней саксаула. Въ 27 верстахъ отъ Сираба находится небольшое обнаженное отъ песковъ мѣсто, называемое Шоръ; затѣмъ пески становятся выше и труднѣе для движенія; стали попадаться гряды совершенно сыпучія. На ночлегъ мы остановились въ сторонѣ отъ дороги, гдѣ кустиками росла трава, отъ которой наши голодныя лошади не отказывались.

31-го августа еще до свѣта выпустили верблюдовъ и затѣмъ выступили сами въ неизвѣстности какъ дойдемъ; проводникъ утверждалъ, что осталось до колодцевъ не менѣе двухъ мензилей, а лошади отъ выхода изъ Сираба получили два раза по полведра воды. Пески по дорогѣ становились все труднѣе, мѣста безъ кустарника и совершенно сыпучія — все чаще; въ 72 верстахъ отъ Сираба вступили въ длинную впадину, съ болѣе твердымъ грунтомъ, деревца повыше чѣмъ въ пескахъ, впадина всего сажени на три ниже окружающихъ холмовъ; по словамъ текинцевъ, это старое русло Аму-Дарьи, часть такъ называемаго Чарджуйскаго русла. Проводникъ сообщилъ: „здѣсь когда-то текла Аму-Дарья, говорятъ люди; впрочемъ, это было очень давно; теперь уже не живетъ никто изъ видѣвшихъ здѣсь теченіе воды“. Другой проводникъ указалъ русло нѣсколько далѣе. Трудно понять, почему эти впадины принимаются за русла, онѣ встрѣчаются по всѣмъ дорогамъ, въ степи по разнымъ направленіямъ, на разныхъ горизонтахъ; впрочемъ часто онѣ очень узкія сравнительно съ длиною и потому на планѣ въ маленькомъ масштабѣ напоминаютъ изображенія рѣкъ. Въ природѣ это просто твердыя глиняныя поверхности, не покрытыя пескомъ, внутри степи онѣ большею частью лишены всякой растительности; близь Аму-Дарьи, вслѣдствіе большаго количества влаги, растительность почти вездѣ есть, болѣе или менѣе богатая, въ зависимости отъ свойствъ грунта. Эти впадины иногда отдѣльныя, иногда идутъ одна за другою, прерываясь болѣе или менѣе значительными песчаными пространствами; движеніе по обнаженному грунту весьма удобно и потому дорога часто дѣлаетъ большіе изгибы, чтобы воспользоваться рядомъ такихъ впадинъ. Та, которою мы шли, была длиною около пяти верстъ. Тотчасъ за нею на 4 верстахъ тянутся совершенно сыпучіе барханы; затѣмъ снова идутъ пески, поросшіе кустарникомъ, и опять впадина длиною около 3 верстъ, которую второй проводникъ считаетъ за старое русло Аму-дарьи. Здѣсь паслись лошади; бывшіе при нихъ хивинцы и бухарцы, увидѣвъ русскую форму, приняли насъ безъ всякой тревоги. Лошади принадлежали каравану, шедшему въ Мешхедъ и стоявшему на колодцѣ Адилъ, который находился около 150 саж. въ сторонѣ отъ русла.

Колодезь Адилъ (90 верстъ отъ Сираба) совершенно прѣсный и весьма обильный; вода не выбирается вовсе; глубина до воды 7 аршинъ. Вырытъ онъ племянникомъ старшины селенія Барагызъ, по имени котораго и названъ. Травы у колодцевъ совершенно нѣтъ,

мѣсто страшно загрязнено; каждый караванъ знаетъ, что ему стоять лишь нѣсколько часовъ и о послѣдующихъ не думаетъ; по этой причинѣ мы поспѣшили уйти подальше отъ колодцевъ; выступивъ въ 4 часа, мы шли до заката солнца по довольно труднымъ пескамъ.

Всю ночь дулъ сѣверо-западный вѣтеръ; насъ сильно занесло пескомъ и когда мы выступили на разсвѣтѣ, то тотчасъ почти сбились съ дороги. Проводникъ старъ и ничего не видѣлъ; отыскали дорогу мои люди. Послѣ двухчасоваго перехода въ пескахъ вышли на узкій шоръ длиною около 8 верстъ. По мнѣнію верблюдовожатаго, здѣсь также когда-то протекала Аму-дарья; шоръ почти безъ растительности, мѣстами бѣлый налетъ. Мѣстами на шорѣ стояли отдѣльные барханы, передвигавшіеся по немъ. Здѣсь мы уже находились верстахъ въ пятнадцати отъ селенія Барагызъ; дорога вполнѣ безопасная; встрѣчаются отдѣльные люди, которые въ пескахъ выжигаютъ изъ саксаула уголь и возятъ его на продажу въ Чарджуй. Послѣ полуторачасоваго перехода по барханамъ, такимъ же какъ описаны выше, мы увидѣли сады береговыхъ поселеній и черезъ часъ, выйдя изъ песковъ, подошли къ селенію Барагызъ (45 верстъ отъ Адилъ-куи) и затѣмъ къ Боюнъ-узунъ на Аму-дарьѣ.

Я повторю вкратцѣ сказанное выше о послѣднемъ участкѣ дороги: она весьма удобная на первыхъ 91 верстѣ отъ Мерва до колодца Сирабъ; весною и лѣтомъ здѣсь есть вода по срединѣ пути; въ остальное время на 26 верстѣ отъ начала.

Отъ Сираба на 125 верстѣ дорога очень плохая: за исключеніемъ нѣсколькихъ такировъ, въ сложности около 15 верстъ, она все время идетъ песками болѣе или менѣе закрѣпленными растительностью и прерываемыми совершенно сыпучими грядами, а въ двухъ мѣстахъ (всего на 13 верстахъ) барханами, т. е. находится въ худшихъ условіяхъ, какія только бываютъ въ пустынѣ. Дорога годится только для вьючнаго движенія; колесное встрѣтило бы слишкомъ большія затрудненія, хотя, конечно, нельзя признать совершенно невозможнымъ протащить здѣсь легкія пушки. Благопріятныя условія — это расположеніе самыхъ трудныхъ мѣстъ не на безводныхъ переходахъ, а вблизи Аму-дарьи и прѣснаго колодца Адилъ. Южнѣе описанной дороги есть еще нѣсколько другихъ, не посѣщаемыхъ теперь вслѣдствіе опасности отъ сарыковъ и ерсарей; по словамъ проводниковъ, онѣ лучше пройденной нами.

VI.

Дорога въ Хиву и отсюда въ Ахалъ.

Отъ Боюнъ-узуна въ Хэзаръ-аспъ 280 верстъ; мы ихъ прошли въ пять дней, двигаясь все время по южному берегу рѣки; дорога большею частью пролегаетъ близъ нея и отходитъ въ сторону только въ крутыхъ колѣнахъ для спрямленія пути. Главныя переправы съ одного берега на другой на этомъ протяженіи—въ Чарджуѣ, Кавахлы и Хэзаръ-аспѣ. Дорога вездѣ весьма удобная; по ней свободно могутъ двигаться арбы; лишь въ двухъ, трехъ мѣстахъ къ берегу подходятъ небольшія гряды сыпучаго песка. Есть также и здѣсь, въ мѣстахъ, гдѣ дорога отходитъ отъ рѣки, длинные узкіе шоры, подобные тѣмъ, которые южнѣе называли старыми руслами.

Изъ Боюнъ-узуна ѣдущіе въ Бухару поднимаются къ Чарджую, ѣдущіе же въ Хиву возвращаются почти до самаго Барагыза, откуда идетъ дорога въ этомъ направленіи.

На 20 верстахъ отъ Барагыза есть поселенія, затѣмъ въ 10 верстахъ нѣсколько шалашей замледѣльцевъ, приходящихъ сюда на лѣто. Далѣе жителей нѣтъ до бухарскаго укрѣпленія Кавахлы; въ этомъ послѣднемъ пунктѣ имѣется порядочный базаръ, единственный на всемъ пути. Отсюда берегъ снова не заселенъ до Хэзаръ-аспа; только вблизи этого города кочуютъ ата-туркмены.

По всей дорогѣ кормъ для лошадей прекрасный и въ изобиліи; трава и камышъ всюду; наши лошади на этихъ переходахъ поправились послѣ утомленія и лишеній на участкѣ отъ Мерва до Боюнъ-узуна. Утверждаютъ, что въ густыхъ камышахъ, растущихъ по берегу Аму-Дарьи, водятся въ большомъ количествѣ тигры; вслѣдствіе этого лошадей для пастьбы на ночь приходилось привязывать въ камышахъ на длинныхъ веревкахъ какъ можно ближе къ лагерю. Тигровъ мы, конечно, не видѣли и на сколько справедливы толки мѣстныхъ жителей—сказать трудно.

Вдоль дороги много развалинъ укрѣпленій и караванъ-сараевъ, много брошенныхъ арыковъ и часто видны слѣды полей. Всѣ разрушенія и обращеніе края въ пустыню результатъ хозяйничанья въ степи текинцевъ; теперь есть надежда, что берегъ снова будетъ скоро заселенъ.

Развалины крѣпостей всѣ, очевидно, не древнія. Онѣ были расположены подальше отъ рѣки, тамъ, гдѣ на берегу была широкая

полоса, годная для обработки; вода проводилась каналами; поэтому разсчетъ найти ее въ настоящее время близъ укрѣпленій почти всегда ошибоченъ.

На югъ отъ Кавахлы по дорогѣ мы почти никого не встрѣчали; все еще по старой привычкѣ предпочитается сѣверный берегъ.

Отъ Кавахлы на сѣверъ уже часто встрѣчаются караваны и даже одиночные люди. Верстахъ въ десяти недоѣзжая Хэзаръ-аспа начинаются хивинскія поселенія.

Изъ Хивы въ Ахалъ я вернулся по большой караванной дорогѣ черезъ Шахъ-Сенемъ, Бала-Ишемъ, Казы и Дурунъ. Современное состояніе этого пути будетъ описано въ связи съ описаніемъ остальныхъ дорогъ въ Кара-кумахъ, изслѣдованныхъ мною въ апрѣлѣ и маѣ 1883 г. [1]).

ПЕСКИ КАРА-КУМЪ.

Пространство ограниченное Усть-уртомъ, Хивою, Бухарою, Афганскимъ Туркестаномъ, Атекомъ и Ахаломъ носитъ общее названіе *Кара-кумы* [2]), хотя далеко не вся мѣстность покрыта песками, а значительная часть ея состоитъ изъ кыровъ, такировъ и шоровъ.

Виды мѣстности. Пески Кара-кумы, означаемые на картахъ однимъ знакомъ, въ дѣйствительности весьма разнообразны. Ихъ можно раздѣлить на три главные вида: первые представляютъ глинистый грунтъ съ большою примѣсью песка; мѣстность состоитъ изъ бугорковъ, рѣдко достигающихъ одной сажени и обыкновенно поросшихъ густымъ кустарникомъ; движеніе какъ всадниковъ, такъ и колеснаго обоза по этому виду песковъ не затруднительно и дорога по нимъ одинаково удобна какъ въ хорошую, такъ и дурную погоду. Къ пескамъ этого рода относятся всѣ тѣ, которые встрѣчаются по дорогамъ изъ Мерва въ Атекъ, а также пески Черкезли между Серахсомъ и Чача.

Пески втораго рода уже дѣйствительно пески, но не сыпучіе

---

[1]) Подробная карта мѣстностей, изслѣдованныхъ г. Лессаромъ изготовляется и будетъ приложена къ этому тому Извѣстій; до появленія ея, поясненіемъ описаннаго выше путешествія можетъ служить приложенная маршрутная карта путей между Мургъ-абомъ и Герп-рудомъ и изъ Серахса въ Мервъ.

[2]) Кара — черный, кумъ — песокъ.

и почти вездѣ закрѣпленные кустарникомъ, иногда достигающимъ полутора, двухъ саженъ высоты; только по вершинамъ бугровъ, которые здѣсь выше, чѣмъ въ пескахъ перваго рода, находится немного переносимаго съ мѣста на мѣсто песка; изрѣдка попадается онъ и на дорогѣ грядами шириною въ 10—15 саженъ, рѣдко болѣе. Вообще въ Кара-кумахъ нѣтъ большихъ возвышенностей; крайніе предѣлы разности высотъ отдѣльныхъ точекъ 20, рѣдко 30 саженъ; при этомъ отъ вѣтровъ укрыты только весьма немногіе пункты. Разъ же мѣсто открыто вѣтрамъ, то могутъ быть два случая: 1) при пескахъ вовсе незакрѣпленныхъ образуются барханы, описанные ниже; 2) по мѣрѣ же закрѣпленія массы песка, сыпучая часть его не держится на низкихъ мѣстахъ: она или останавливается у корней кустарниковъ и закрѣпляется ими или же переносится на высокія мѣста, гдѣ ребро возвышенности прикрываетъ ее отъ нѣкоторыхъ вѣтровъ. Тогда вѣтеръ перенесетъ ее черезъ бугоръ, но не въ состояніи сложить ее въ ложбинѣ, находящейся позади бугра; противуположный вѣтеръ точно также можетъ только перебросить нанесенную часть въ обратномъ направленіи по другую сторону бугра, но не далѣе. Этимъ объясняется, что на дорогахъ если и встрѣчается сыпучій песокъ, то въ весьма незначительномъ количествѣ и никогда не держится на нихъ долго.

По пескамъ втораго рода движеніе телѣгъ въ высшей степени затруднительно, лошади же и верблюды, особенно послѣдніе, идутъ по нимъ совершенно свободно. Къ этому роду песковъ принадлежатъ почти всѣ встрѣчаемые въ степи по дорогамъ изъ Хивы въ Ахалъ, Атекъ и Мервъ, пески между Михайловскимъ заливомъ и Мулла-карры, и даже находящіеся на полуостровѣ Дарджа, хотя эти послѣдніе и менѣе закрѣплены и составляютъ переходъ къ третьему роду. Между Мервомъ и Серахсомъ они также встрѣчаются, но лишь на протяженіи 5 верстъ и дорога пересѣкаетъ ихъ въ мѣстѣ, называемомъ Куче-кумъ; пески между Аннау и Гяуарсомъ занимаютъ среднее мѣсто между первымъ и вторымъ родомъ.

Въ только-что описанныхъ пескахъ никакой ураганъ не страшенъ; количество незакрѣпленнаго песка такъ незначительно, что не можетъ быть опаснымъ, хотя конечно дѣлаетъ проѣзжающимъ много непріятностей, нанося песокъ на вещи, засыпая глаза и т. п.

Не то пески третьяго рода, такъ называемые барханы; здѣсь не видать ни деревца, ни кустика, ни травки; песокъ совершенно сыпучій, самый небольшой вѣтерокъ заметаетъ слѣдъ только-что прошедшаго каравана, и не даромъ зовется Адамъ-кырылганъ —

человѣческая погибель — одно мѣсто въ Бухарѣ: тутъ ураганами погребены подъ пескомъ цѣлые караваны.

Въ мѣстности между Аму-дарьею и Каспійскимъ моремъ незакрѣпленные пески встрѣчаются весьма рѣдко, обыкновенно отдѣльными грядами или буграми; массами же, въ видѣ póхановъ находятся такіе пески лишь въ юго-восточномъ углу пустыни и то только близь рѣки; чѣмъ далѣе отъ Чарджуя на сѣверъ и въ глубь степи, тѣмъ они рѣже. По дорогѣ изъ Мерва въ Кавахлы пески того же характера, встрѣчаемые на небольшомъ протяженіи, немного покрыты растительностью, хотя, правда, лишь въ видѣ отдѣльныхъ рѣдкихъ деревьевъ саксаула и сезена, и форма бугровъ здѣсь иная чѣмъ по дорогѣ изъ Мерва въ Боюнъ-узунъ, гдѣ пески лишены растительности. Всюду, гдѣ есть растительность, расположеніе песковъ зависитъ не только отъ вѣтра, но и отъ кустарниковъ и разныя сочетанія этихъ двухъ причинъ обусловливаютъ большое разнообразіе въ формѣ бугровъ. Въ барханахъ по дорогѣ изъ Мерва въ Боюнъ-узунъ не такъ: тутъ, какъ всегда на слегка волнистыхъ мѣстахъ, далеко не видно и когда поросшіе кустарникомъ пески скроются, то со всѣхъ сторонъ горизонтъ очерчивается совершенно одинаковыми невысокими сѣро-желтыми бугорками, образовавшимися подъ вліяніемъ одной только причины, именно вѣтра, дѣйствующаго на всю массу песка одинаково, вслѣдствіе чего и явилось полное однообразіе формы бугровъ; они всѣ совершенно одинаковаго очертанія: сторона обращенная къ вѣтру (сѣверная), ограничена пологою, выпуклою коническою поверхностью; наоборотъ противоположная—весьма крутою вогнутою; отъ пересѣсѣченія ихъ получается рѣзкое ребро. Ось бархановъ идетъ съ СВ. на ЮЗ. и составляетъ съ меридіаномъ уголъ въ 20°. Юго-западный конецъ бархановъ всегда удлинненъ. Высота ихъ рѣдко болѣе 10—15 футъ. [1]).

Движеніе по такимъ пескамъ очень трудное: лошади вязнутъ, едва вытягиваютъ ноги изъ песка. Надо идти очень осторожно чтобы не сбиться съ дороги: здѣсь не изъ чего сложить указательные знаки, не на что повѣсить кости верблюдовъ; только изрѣдка воткнуты въ песокъ проходящими караванами палки; ихъ сваливаетъ вѣтеръ, заноситъ песокъ, каждый слѣдующій караванъ пе-

[1]) Барханы въ Белуджистанѣ, описанные Макъ-Грегоромъ (Wanderings in Beluchistan by Mac Gregor p. 157) и при той же формѣ какъ и въ Кара-кумахъ несравненно большихъ размѣровъ; высота ихъ въ 60 футъ.

рестанавливаетъ ихъ на удобнѣйшее мѣсто. Этими палками приходится руководствоваться при движенiи, такъ какъ даже при самомъ незначительномъ вѣтрѣ только очень опытные и знающiе дорогу проводники могутъ услѣдить за направленiемъ дороги.

Барханы переносятся съ мѣста на мѣсто; ясныя доказательства подвижности ихъ передъ глазами всякаго проѣзжающаго по дорогамъ изъ Мерва въ Бухару. По дорогѣ въ Кавахлы, по барханамъ корни многихъ деревьевъ сезенъ обнажены на 1 — 1½ аршинъ, что̀ и должно представить собою унесенный съ этого мѣста слой песка, такъ какъ корни этихъ деревьевъ начинаются почти у поверхности земли; болѣе полутора-аршиннаго обнаженiя корней мнѣ не случалось видѣть. При этомъ надобно замѣтить, что почти нѣтъ упавшихъ деревьевъ; проводники объяснили это тѣмъ, что одна буря унесетъ песокъ, другая принесетъ назадъ; въ промежуткахъ дерево поддерживаетъ свое существованiе низшими корнями. Другой случай передвиженiя бархановъ я видѣлъ на одномъ шорѣ между колодцемъ Адилъ и Боюнъ-узунъ. Барханъ при моемъ проѣздѣ пересѣкалъ сильно выбитую тропинку, служившую прежде дорогою; въ обходъ его протаптывалась уже вторая тропинка, это передвиженiе отдѣльнаго бархана по широкому шору цѣлою массою, съ сохраненiемъ своей формы—фактъ чрезвычайно интересный; особенно поражаетъ медленность передвиженiя; ширина бархана не болѣе 50 футъ, а успѣли протоптать уже вторую тропинку, ранѣе чѣмъ онъ очистилъ первоначально имъ занятую.

Кромѣ описанныхъ трехъ родовъ песковъ имѣется, конечно, еще множество переходныхъ формъ отъ одного рода къ другому, но и принятое подраздѣленiе совершенно достаточно для выясненiя характера Кара-кумовъ, тѣмъ болѣе при разсмотрѣнiи вопроса о сообщенiяхъ въ нихъ: принадлежность песковъ къ тому или другому роду вполнѣ опредѣляетъ степень ихъ удобопроходимости.

Какъ сказано выше, кромѣ песковъ, въ Кара-кумахъ встрѣчаются еще *кыры*, *такиры* и *шоры*.

Твердыя глинистыя (съ примѣсью песка) поверхности, покрытыя только изрѣдка песчаными, закрѣпленными растительностью бугорками, обозначаются мѣстными жителями словомъ *кыръ*. Онѣ далеко не горизонтальны, а обыкновенно состоятъ изъ ряда балокъ (долинъ) чередующихся съ возвышенностями не превышающими 20—30 саженъ надъ дномъ балокъ. Грунтъ весьма удобный для движенiя при всякой погодѣ.

Такиръ есть весьма твердая глинистая, лишенная растительности поверхность, окруженная со всѣхъ сторонъ песками, почти горизонтальная, и если имѣющая склонъ въ какую нибудь сторону, то весьма незначительный. Наружныя отличія ихъ отъ кыровъ заключаются въ слѣдующемъ: кыръ есть видъ мѣстности занимающій въ степи большія пространства, главнымъ образомъ на сѣверъ отъ Онгуза и ограниченный линіею почти параллельною ему въ 20 верстномъ разстояніи. Напротивъ такиры вездѣ занимаютъ сравнительно небольшія пространства [1]) среди песковъ, и никогда не встрѣчаются среди кыровъ. Грунтъ такировъ, какъ сказано выше, глина, совершенно непроницаемая для воды; при дождяхъ движеніе по нимъ затрудняется скользкостью пути, хотя размокаемость ихъ не такъ велика, какъ принято думать: нигдѣ на такирахъ мнѣ не случалось видѣть слѣдовъ копытъ лошадей глубже $1^1/_2$ вершковъ. Значеніе кыровъ и такировъ относительно снабженія степи водою будетъ изложено ниже при разсмотрѣніи вопроса о водѣ въ Каракумахъ.

Шоры отличаются отъ такировъ качествомъ грунта: это пространства также лишенныя растительности и обнаженныя отъ песковъ и въ планѣ такого же вида какъ и такиры, но грунтъ ихъ не глина, а желѣзистые пески и во многихъ мѣстахъ гипсъ, выступающій на поверхность. Шоры бываютъ сухіе и топкіе и во всякомъ случаѣ не трудные для движенія; такъ какъ они занимаютъ самыя низкія мѣста среди песковъ, то даже въ сухихъ шорахъ вода находится не глубже $1^1/_2$—2 футъ, но всегда соленая.

Здѣсь слѣдуетъ для полноты упомянуть о такъ называемыхъ сухихъ руслахъ, встрѣчающихся въ Кара-кумахъ по разнымъ направленіямъ. Между этими руслами пользуются особенною извѣстностью два—Узбой и Унгузъ.

Узбой уже нѣсколько лѣтъ изслѣдуется особою назначенною для этого экспедиціею; въ настоящее время она окончила свои работы и, въ виду громадныхъ средствъ, которыми она располагала, можно надѣяться, что результаты изслѣдованій вполнѣ выяснятъ вопросъ объ Узбоѣ. Мнѣ при моихъ работахъ въ Закаспійскомъ краѣ приходилось касаться его лишь мѣстами. Частью на основаніи полученныхъ при этомъ данныхъ, частью на основаніи скудныхъ появ-

---

[1]) Впрочемъ узкіе такиры (300 — 400 саж. шириною) иногда имѣютъ длину 5—6 верстъ; при фигурѣ приближающейся къ кругу, діаметръ ихъ рѣдко болѣе одной, двухъ верстъ.

лявшихся до настоящаго времени свѣдѣній о немъ изъ другихъ источниковъ, наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ существованія Узбоя является слѣдующее:

Извѣстно, что Айбугирскій заливъ высохъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ; весьма вѣроятно, что еще сравнительно недавно Аральское море продолжалось до Чарышлы и далѣе къ Бала-Ишему заливомъ подобнымъ Айбугиру (Чарышлы 32 саж. надъ уровнемъ Каспія, Бала-Ишемъ около 30, т. е. немного ниже уровня Аральскаго моря). Отъ Сары-Камышей къ Бала-Ишему никакого русла нѣтъ, а существуютъ только неровности мѣстности въ видѣ озерныхъ котловинъ; конечно также уже послѣ высыханія залива Аральскаго моря, при постепенномъ выдвиганіи дельты р. Аму къ сѣверу, образовались протоки отъ нея къ Сары-камышамъ.

Только отъ Бала-Ишема къ Игды существуетъ протокъ, ясно носящій слѣды теченія воды; вѣроятно по немъ стекалъ къ Каспію избытокъ водъ Аральскаго моря, который могъ являться случайно въ года особаго обилія ихъ въ рѣкахъ Сыръ и Аму. Нивеллировки покажутъ до какихъ поръ могло продолжаться это теченіе, но уже близь Айдина есть мѣсто ниже уровня Каспійскаго моря и не можетъ быть сомнѣнія, что вся эта часть Узбоя составляетъ дно морскаго залива, осушеніе котораго можетъ быть объяснено колебаніемъ уровня водъ моря и нивеллирующимъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей на мелководный заливъ.

Но если рѣшенія научнаго вопроса о прошломъ Узбоя можно ждать отъ результатовъ работъ названной выше экспедиціи, то напротивъ уже и теперь не подлежитъ сомнѣнію отрицательное рѣшеніе вопроса практическаго—о пригодности Узбоя для воднаго соединенія Аральскаго и Каспійскаго морей. Понятно, здѣсь говорится о невозможности достигнуть такого соединенія небольшими средствами, простымъ поворотомъ рѣки; русла во многихъ мѣстахъ на протяженіи сотенъ верстъ вовсе нѣтъ, въ другихъ мѣстахъ почти вездѣ для пропуска водъ потребуются громадныя работы; затративъ много десятковъ милліоновъ, можно создать искусственную рѣку, но конечно о цѣлесообразности такого сооруженія не можетъ быть и рѣчи: даже когда торговля разовьется, или будетъ надежда, что усовершенствованными путями сообщенія она можетъ быть развита, то выбирать придется лишь между устройствомъ канала или желѣзной дороги; то и другое будетъ стоить несравненно дешевле искусственной рѣки.

Вотъ все, что я скажу объ Узбоѣ въ настоящее время, оставляя

подробное разсмотрѣніе вопроса о старыхъ руслахъ и о значеніи гидротехническихъ сооруженій въ Закаспійскомъ краѣ до опубликованія результатовъ работъ экспедиціи [1]).

Объ Унгузѣ или такъ называемомъ Чарджуйскомъ руслѣ, я скажу нѣсколько подробнѣе. До весны настоящаго года объ немъ, какъ и вообще о большей части Кара-кумовъ, имѣющихъ весьма важное значеніе для сообщеній Ахала и Хивы съ Бухарою, имѣлись почти исключительно распросныя свѣдѣнія: только часть песковъ на западъ отъ Шиха осмотрѣна и снята топографами экспедиціи по изслѣдованію стараго русла р. Аму и верстъ двадцать Унгуза описаны поручикомъ Калитинымъ [2]). Въ виду этого въ мартѣ сего года, по приказанію командующаго войсками Закаспійской области, мною снаряжена экспедиція для изслѣдованія Унгуза и нѣкоторыхъ путей въ Кара-кумахъ.

Въ прикрытіе и для производства работъ назначены были 10 всадниковъ текинской милиціи при переводчикѣ; подъ вьюки и для подвоза продовольствія и воды взято 10 верблюдовъ при 3 вожакахъ. Вообще всего въ экспедиціи было: 17 человѣкъ, 14 лошадей и 10 верблюдовъ.

По установленной г. командующимъ войсками программѣ полагалось произвести слѣдующія работы:

А) Съемку и описаніе: 1) Унгуза отъ Бала-Ишема на Узбоѣ до р. Аму; 2) дороги изъ Кизилъ-Арвата черезъ Сансызъ и Бестемъшахъ до Куртыша на Узбоѣ; 3) дороги изъ Хивы къ Теджену и

---

[1]) Было бы весьма желательно, чтобы результаты были опубликованы вполнѣ, а не въ видѣ извлеченія или какого либо проекта о пропускѣ или поворотѣ р. Аму въ Каспійское море. Дѣйствительно, люди, спеціально назначенные для составленія проекта соединенія морей, весьма естественно могутъ при этомъ увлечься грандіозностью идеи и не обратить одинаковаго вниманія какъ на благопріятныя, такъ и на неблагопріятныя обстоятельства; въ виду же важности вопроса объ Узбоѣ было бы очень полезно всестороннее разсмотрѣніе его; для этого добытыя данныя должны быть доступны всѣмъ интересующимся дѣломъ, а не только производившимъ работы. Это важно еще въ виду слѣдующаго обстоятельства: если отъ произведенныхъ изслѣдованій нельзя ждать практическихъ результатовъ, то напротивъ въ рѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ Кара-кумовъ, сдѣланныя нивеллировки будутъ имѣть первенствующее значеніе: въ пустынѣ придется нивеллировать еще нѣсколько линій, и связь съ нынѣ оконченными была бы очень желательна.

Наконецъ, что бы ни стоило напечатаніе полностью результатовъ работъ экспедиціи, сумма будетъ совершенно ничтожна сравнительно съ громадными затратами на производство изслѣдованій.

[2]) „Извѣстія И. Р. Г. О.“ т. XVII, отд. II, стр. 216.

Асхабаду. Съемки эти мною выполнены согласно предположенію: сдѣланы онѣ бусолью Стефана, устанавливаемою на треногѣ; сигналами для визированія служили засылаемые для этого всадники; измѣреніе разстояній производилось одаметромъ, прикрѣпленнымъ къ взятому спеціально для сего передку отъ фургона; передокъ былъ не тяжелый и въ него запрягался одинъ изъ верблюдовъ съ вьюкомъ; пески даже сыпучіе не препятствовали движенію его.

В) Барометрическую нивеллировку по всѣмъ пройденнымъ путямъ, производя соотвѣтственныя (одновременныя) наблюденія двумя анероидами. Для этого мы двигались двумя партіями по пяти человѣкъ на разстояніи 4—5 верстъ другъ отъ друга (часъ ѣзды) и въ назначенные часы записывали показанія анероидовъ; для указанія пункта, гдѣ было произведено наблюденіе переднимъ анероидомъ, оставлялась вѣха съ флагомъ, близъ которой останавливался второй наблюдатель и уѣзжая бралъ ее съ собою. Наблюденія по первому анероиду производились мною вмѣстѣ со съемкою проходимыхъ путей; по второму анероиду—подпоручикомъ Хабаловымъ, моимъ сотрудникомъ по описываемой экспедиціи. Нивеллировки выполнены по дорогѣ изъ Кизилъ-Арвата въ Куртышъ и по Унгузу; при возвращеніи изъ Хивы въ Асхабадъ жары и безводіе не позволили намъ всѣмъ двигаться вмѣстѣ: г. Хабаловъ поѣхалъ изъ Хивы черезъ Бала-Ишемъ въ Ахалъ, причемъ имъ впервые описана часть дороги отъ Сансыза къ Бами; я вернулся, какъ и предполагалъ, черезъ Мирза-чиле и Тедженъ и по этой линіи имѣются только одиночныя барометрическія наблюденія.

Направились мы въ Кара-кумы изъ Кизилъ-Арвата [1]); дорога отсюда черезъ Сансызъ въ Куртышъ и Бала-Ишемъ будетъ описана ниже вмѣстѣ съ другими путями изъ Ахала въ Хиву, здѣсь же я прямо перейду къ описанію полосы Кара-кумовъ, по которой пролегаетъ Унгузъ и приведу выписки изъ записокъ о моемъ путешествіи, касающихся этой части пустыни:

„12-го апрѣля я выступилъ изъ Бала-Ишема; до Аму-Дарьи предстояло пройти около 500 верстъ, двигаясь все время безъ дорогъ; при чемъ самый трудный участокъ приходился на первый же

---

[1]) Во время снаряженія моего въ этомъ пунктѣ, горный инженеръ Коншинъ, узнавъ о моихъ намѣреніяхъ, пожелалъ также пройти часть Унгуза для геологическихъ изслѣдованій его и прошелъ съ нами до полъ-дороги между Дамлы и Мирза-чиле, откуда и вернулся въ Ахалъ. Работы мои велись совершенно независимо отъ работъ г. Коншина и въ описаніи своемъ я не буду касаться этихъ послѣднихъ. (См. Извѣстія И. Р. Г. О. т. XIX, отд. II, стр. 315).

день, именно онъ лежалъ между Бала-Ишемомъ и Исламъ-куи; дѣйствительно пески здѣсь весьма трудные для движенія; гряды ихъ, часто сыпучія, съ крутыми спусками и подъемами. Пройдя 22 версты, мы выбрались изъ нихъ и спустились въ Унгузъ и пошли озерными котловинами, которыя послѣ пройденныхъ неправильныхъ песковъ производятъ впечатлѣніе русла пересыпаннаго песками; иллюзія эта впрочемъ исчезаетъ какъ скоро заглянешь направо и налѣво отъ пути слѣдованія: во всѣ стороны идутъ совершенно такія же котловины. „Отъ Бала-Ишема до Лайлы есть пять Унгузовъ“, сказалъ проводникъ, и конечно это ниже дѣйствительности, если судить по тому, что̀ мы видѣли: вся мѣстность состоитъ изъ котловинъ; дорога, по которой ѣдетъ путешественникъ, пересѣкаетъ рядъ ихъ; на картѣ въ маломъ масштабѣ получается изображеніе въ родѣ русла.

Бока впадинъ, высотою до 15 саж., состоятъ изъ мергельныхъ глинъ съ прослойками песчанника; грунтъ дна—желѣзистые пески; во многихъ мѣстахъ какъ на днѣ, такъ и по бокамъ выступаетъ гипсъ. Впадины отдѣлены отъ сосѣднихъ высокими берегами, но кромѣ того каждая пересыпана еще во многихъ мѣстахъ грядами болѣе низкими, чѣмъ главные бугры. Онѣ тянутся иногда какъ плотины поперегъ всей впадины, иногда же съ обѣихъ сторонъ на́встрѣчу другъ другу. Пройдя около часа по такимъ котловинамъ, мы стали на ночлегъ у Исламъ-куи. Колодцевъ здѣсь семь; прежде ихъ было гораздо болѣе; теперь остальные засыпаны; глубина до воды 5,40 саж.; слой воды около $^1/_2$ арш.; вкусъ соленый; но послѣ большихъ дождей вода становится почти прѣсною; бараны и верблюды пьютъ ее охотно. Температура воды 11,5 R. Изъ Исламъ-куи идетъ дорога въ Лайлы и Куртышъ.

На 35 верстъ на востокъ отъ Исламъ-куи мѣстность также состоитъ изъ ряда озерныхъ котловинъ; весьма рѣдко грунтъ дна ихъ такиръ; напротивъ часты шоры; кое-гдѣ видны *каки* [1]), издали замѣтные по густой растительности кругомъ, впрочемъ воды въ нихъ уже не было. Мѣстами между котловинами довольно значительныя пространства кыровъ.

Далѣе видъ русла совершенно измѣнился; озерныя котловины прекратились, къ сѣверу отъ нашего пути шла линія крутыхъ обрывовъ изрѣзанныхъ поперечными долинами, идущими почти съ сѣвера на югъ. Съ юга мѣстность окаймляли пески. Ширина отъ первыхъ

---

[1]) „Какъ“—дождевая яма.

до вторыхъ все дѣлалась болѣе и болѣе и вскорѣ обрывы остались далеко на сѣверъ, а пески на югъ и исчезли изъ виду; мы двигались по кырамъ, на которыхъ мѣстами стояли отдѣльные бугры весьма рѣзкихъ конусообразныхъ очертаній; бугры, также какъ и обрывы по всему Унгузу, состоятъ изъ мергельныхъ глинъ съ прослойками известняковъ. Этихъ бугровъ особенно много близъ колодцевъ Шіихъ, отъ нихъ даже вся мѣстность получила названіе Кыркъ-гульбе (т. е. 40 бугровъ). Нѣкоторые изъ нихъ въ известковой породѣ содержатъ значительное количество сѣры: таковы между прочими въ 18 верстахъ на сѣверъ отъ Шіиха (по дорогѣ въ Лайлы), извѣстные во всемъ краѣ бугры Дервaза-кыръ, изъ которыхъ издавна всѣ племена туркменъ и хивинцы добывали сѣру для выдѣлки пороха. Бугры сильно разработаны.

Ближе къ колодцамъ Шіихъ кыры смѣнились песками; изрѣдка пересѣкались такиры. Колодцы Шіихъ теперь всѣ засыпаны кромѣ одного; глубина до воды 3 сажени; слой воды около 2 арш.; воды много; она прѣсная; колодцы отдѣланы саксауломъ. Они расположены на обширномъ такирѣ, направляющемся на сѣверо-западъ; продолженіе его составляетъ рядъ озерныхъ котловинъ и вообще неровностей мѣстности, во всякомъ случаѣ неимѣющихъ ничего общаго съ русломъ рѣки.

Полъ-дороги отъ Шіиха до Дамлы мы шли песками и изрѣдка такирами, высота песчаныхъ бугровъ 8 — 10 саженъ надъ окружающею мѣстностью.

Затѣмъ мы спустились на рядъ шоровъ, съ сѣвера снова ограниченныхъ обрывами, высотою въ 20 — 30 саженъ, такого же состава какъ и прежніе. Съ юга снова пески; грунтъ шоровъ желѣзистые пески самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: желтаго, зеленаго, краснаго, фіолетоваго и др. Вездѣ изъ дна и боковъ выступаетъ гипсъ, мѣстами кристаллическій, мѣстами аморфный въ видѣ рыхлой массы, въ которой лошади проваливаются на 2 — 3 вершка. Кристаллическій гипсъ занимаетъ во многихъ мѣстахъ весьма толстымъ слоемъ всю поверхность, выступая то пластинками въ видѣ листовъ полураскрытой книги, то крупными кристалами; иногда же въ видѣ мелкихъ блестковъ, разсыпанныхъ по поверхности шоровъ.

Шоры иногда пересыпаны песками, иногда тянутся непрерывно цѣлыя версты; большею частью они топкіе, попадаются впрочемъ и сухіе; соленая вода на глубинѣ полутора, двухъ футъ. На сѣверъ отъ обрывовъ идутъ на значительномъ пространствѣ кыры, большею частью изрытые глубокими балками, въ мѣстахъ гдѣ мы

удалялись отъ Унгуза на сѣверъ, напр. въ Мирза-чиле, Дашъ-аджи Еды-кулачъ и др. Вообще какъ въ этой части такъ и далѣе Унгузъ представляетъ отнюдь не рѣчное русло, но подножіе такого же обрыва, какъ и чинкъ (обрывъ) Усть-Урта, даже высота обоихъ одинакова (около 30 саж. надъ окружающею мѣстностью). Обрывы Унгуза изрыты и уничтожаются атмосферными вліяніями и вѣроятно разрушеніе ихъ и доставляетъ матеріалъ для лежащихъ на югъ песковъ.

Присутствіе самыхъ сыпучихъ и не закрѣпленныхъ песковъ близъ Аму-дарьи позволяетъ предполагать, что другую часть матеріала доставляютъ разливы рѣки.

Расположеніе шоровъ въ самыхъ пониженныхъ точкахъ мѣстности у подножія обрывовъ вѣроятно зависитъ отъ причины, указанной выше для низкихъ мѣстъ среди песковъ вообще: когда они открыты всѣмъ вѣтрамъ, то песокъ на нихъ не держится, а переносится къ вершинамъ: такъ и въ открытыхъ низменныхъ мѣстахъ Унгуза остается низменная свободная полоса, служащая мѣстомъ гдѣ скопляются воды, выпадающія въ пескахъ и образующія топкіе шоры; во многихъ мѣстахъ укрытыхъ отъ нѣкоторыхъ вѣтровъ пески подходятъ къ самымъ обрывамъ.

Эти два вида Унгуза, т. е. кыры и пески, подходящіе къ обрыву, чередуются на всемъ протяженіи его до Чалганака, при этомъ чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ сильнѣе разрушенъ чинкъ; подъ конецъ это рядъ отдѣльныхъ холмовъ высотою въ 10 — 15 саженъ, едва соединенныхъ другъ съ другомъ возвышенностью не болѣе 2—3 саженъ, мысы все тоньше, долины шире; почти тотчасъ за Чалганакомъ обрывы уходятъ сначала почти прямо на сѣверъ, а потомъ идутъ параллельно р. Аму.

До колодцовъ Чалганакъ на всемъ протяженіи пески втораго, мѣстами даже и перваго рода; только между этими колодцами и рѣкою на протяженіи 12 верстъ залегаютъ барханы, совершенно сыпучіе. Весьма интересно, что подобные же барханы пересѣкаются всѣми дорогами изъ Мерва къ Аму-Дарьѣ. Весьма вѣроятно, что это одна и та же полоса песковъ, тянущаяся параллельно Аму-Дарьѣ и происходящая изъ частицъ, которыя остаются на разливахъ рѣки при удаленіи высокихъ водъ; вѣтры образуютъ изъ нихъ барханы постепенно закрѣпляемые при передвиженіи песковъ на западъ.

Едва ли послѣ всего вышесказаннаго стоитъ говорить о практическомъ значеніи Унгуза, т. е. пригодности его для поворота рѣки Аму въ Каспійское море. Здѣсь нѣтъ ни одного участка, хотя сколько

нибудь напоминающаго русло рѣки и способнаго къ пропуску водъ рѣки Аму безъ громадныхъ работъ; неровности же грунта и залегающіе на значительныхъ пространствахъ пески представятъ и для проведенія канала препятствія, которыя практически надо считать непреодолимыми.

Вода въ Каракумахъ. Рѣчки и ручьи орошаютъ только окраины пустыни, если же немного удалиться отъ этихъ окраинъ, то не только рѣчки, но и ручья уже не встрѣтить: слово *чишме* (источникъ, ручей) замѣняется словами *куи* (колодезь) и *какъ* (дождевая яма, т. е. по просту лужа дождевой воды). Колодцы и каки— вотъ все на что можно разсчитывать при движеніи по Кара-кумамъ; существовавшіе въ прежнее время кое-гдѣ (но очень рѣдко) *хоузы* (систерны) всѣ разрушены во времена хозяйничанья здѣсь туркменскихъ племенъ.

Колодцы и по количеству воды, и по качеству ея распредѣлены весьма неравномѣрно. Прѣсные колодцы вообще сосредоточены на небольшомъ разстояніи отъ краевъ пустыни, главнымъ образомъ по западной и восточной границамъ ея, параллельно горамъ Копетъ-дагъ и рѣкѣ Аму. Къ Копетъ-дагу пески подходятъ на 15 — 20 верстъ, въ этихъ-то ближайшихъ къ горамъ пескахъ и сосредоточены прѣсные колодцы; они здѣсь очень часты, большею частью весьма обильные и вода дѣйствительно совершенно прѣсная; впрочемъ, между ними на самомъ небольшомъ разстояніи отъ прѣсныхъ случаются и соленые. Полоса этихъ колодцевъ тянется отъ Кизилъ-Арвата до Асхабада и нѣсколько далѣе на югъ этого пункта.

Болѣе рѣдки колодцы вдоль Аму-дарьи; здѣсь разстояніе между ними 20 — 30 и болѣе верстъ. Для объясненія ихъ существованія нѣтъ надобности предполагать (какъ дѣлаютъ нѣкоторые путешественники), что въ землѣ есть щели, черезъ которыя вода изъ рѣки проникаетъ къ колодцамъ. Влажность воздуха близъ рѣки, при значительной разности температуръ дня и ночи, совершенно достаточна для объясненія скопленія воды при благопріятныхъ обстоятельствахъ въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ пунктахъ вдоль береговъ. (Колодцы Тюря-куи, Адилъ, Тахтъ).

По южной части песковъ колодцы рѣдки и большею частью соленые; по сѣверной же границѣ они довольно часты и имѣютъ репутацію прѣсныхъ, хотя въ дѣйствительности даже лучшіе изъ нихъ (напримѣръ, Бала-ишемъ) все еще не безъ примѣси солей; но сравнительно съ водою, которую приходится пить въ срединѣ

пустыни, вода Бала-ишема на столько хороша, что вѣрнѣе назвать ее прѣсною, нежели слабо-соленою. Вообще въ пустынѣ колодцевъ совершенно прѣсныхъ почти нѣтъ: всѣ съ большею или меньшею примѣсью солей. Прѣсными приходится называть тѣ изъ колодцевъ, вода которыхъ годна для питья людямъ и гдѣ запасы ея дѣлаются на остальную часть дороги; слабо солеными тѣ, изъ которыхъ люди могутъ пить только въ крайности. Изъ соленыхъ колодцевъ люди уже не могутъ пить вовсе, животныхъ же, за неимѣніемъ другой воды, поятъ изъ нихъ; особенно бараны пьютъ ее очень охотно. Наконецъ, горько-соленые не пригодны ни для людей, ни для скота. Колодцы съ запахомъ сѣрнистаго водорода встрѣчаются въ настоящее время въ пустынѣ довольно часто, но почти всегда это происходитъ отъ недостаточнаго разбора воды и порчи колодца [1]); при расчисткѣ и поддержаніи его, запахъ или вовсе исчезаетъ или остается въ самой незначительной степени; при кипяченіи, вода отъ него совершенно освобождается и вполнѣ пригодна для питья.

Колодцы по границамъ пустыни, о которыхъ говорилось выше, суть настоящіе колодцы, т. е. отверстія для добыванія воды, попавшей въ грунтъ съ окрестныхъ мѣстъ и не имѣющей ничего общаго въ отношеніи собиранія ея съ пунктами, гдѣ расположенъ колодезь. Такіе колодцы въ пустынѣ весьма рѣдки, именно они встрѣчаются на границѣ кыровъ. Большая же часть такъ называемыхъ колодцевъ въ пустынѣ расположена на такирахъ и составляетъ среднее между колодцемъ и систерною. Здѣсь необходимо выяснить разницу кыра и такировъ относительно собиранія воды въ степи: кыръ своими водопропускающими пластами проводитъ падающую на него воду отъ дождей въ пониженныя точки, гдѣ при благопріятныхъ обстоятельствахъ она и скопляется на какомъ нибудь нижнемъ водонепроницаемомъ слоѣ; прорытый здѣсь колодезь позволяетъ добывать эту воду наружу. Такими пониженными точками и являются мѣстности сосѣднія съ Унгузомъ (край обрывовъ на сѣверъ отъ него), въ которомъ и расположенъ рядъ колодцевъ; они прѣсные или соленые въ зависимости отъ качества бассейна и водопропускающихъ пластовъ, въ которые проходитъ вода.

Большею же частью колодцы въ пустынѣ расположены среди такировъ и получаютъ воду изъ двухъ источниковъ: 1) вода про-

---

[1]) Разбойники при бѣгствѣ, чтобы затруднить преслѣдованіе, зарываютъ за собою колодцы или бросаютъ въ нихъ трупъ какого либо животнаго.

текаетъ въ подземные слои естественнымъ путемъ и 2) дождевыя воды спускаются людьми съ такира въ колодезь. Эти послѣднія, всегда прѣсныя, разбавляютъ солоноватую воду подземныхъ слоевъ и потому солоноватая вода въ колодцахъ послѣ дождей становится почти прѣсною (колодцы съ перемѣнною водою: Казы, Кизилъ-каты и др.). Увеличеніе солености въ засуху можно бы объяснить испареніемъ воды и концентрированіемъ при этомъ солей, но, вопервыхъ, испареніе въ подземномъ слоѣ должно быть очень незначительно, и вовторыхъ, этому объясненію противорѣчитъ то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такиръ засоренъ и притока съ него въ колодцы болѣе нѣтъ, вода въ нихъ всегда солоноватая, даже и послѣ дождей. Когда Кара-кумы были заняты кочевниками, одна изъ главныхъ заботъ жителей была поддержаніе такировъ въ полной чистотѣ. Во многихъ мѣстахъ еще до настоящаго времени сохранились слѣды канавокъ, назначеніе которыхъ было проводить воду въ колодезь-систерну. Теперь же, когда большая часть песковъ никѣмъ не посѣщается, такиры почти всѣ засорены: кучки песка останавливаются у случайнаго препятствія; является растительность и вода съ такира болѣе не попадаетъ въ колодцы, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ, бывшіе прежде прѣсными, теперь совершенно негодны для питья. Какого бы то ни было вида колодцы въ срединѣ песковъ весьма рѣдки, разстояніе между ними только въ исключительныхъ случаяхъ 20—30 верстъ, почти же всегда болѣе и доходитъ до 150—170 верстъ.

Колодцы большею частью устроены слѣдующимъ образомъ: сверху весьма небольшое четырехугольное отверстіе ($^3/_4$—1 арш.) обдѣлано вѣтвями саксаула или сезена; далѣе колодезь идетъ быстро расширяясь внизъ, съ обдѣлкой или безъ нея, въ зависимости отъ качествъ грунта; чѣмъ бѣднѣе колодезь, тѣмъ шире онъ у дна для увеличенія притока воды. Желаніе замедлить засореніе колодца есть причина малыхъ размѣровъ отверстія; для того же колодцы всегда кончаются на уровнѣ земли; уже выше упомянуто свойство песка переноситься къ высокимъ предметамъ и потому если бы отдѣлка возвышалась надъ землею, колодезь былъ бы засыпанъ въ самомъ непродолжительномъ времени; движеніе песковъ близъ колодцевъ болѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, вслѣдствіе того, что окружающіе такиръ пески всегда лишены растительности, что̀ происходитъ отъ двухъ причинъ: колодезь дренируетъ окружающую мѣстность и лишаетъ ее влаги, необходимой для растительности, а съ другой стороны скудные кусты, которые и появятся, будутъ вырублены

останавливающимися у колодцевъ. Переносимые пески и всѣ нечистоты, оставляемыя караванами, мало по малу попадаютъ въ колодезь, и теперь, когда при незначительномъ движеніи въ Кара-кумахъ вода разбирается мало и колодцы чистятся очень рѣдко, всѣ они имѣютъ сильный запахъ и вкусъ отъ гніющихъ въ нихъ органическихъ веществъ.

Изъ вышеизложеннаго описанія колодцевъ уже видно, что такиры не только облегчаютъ движеніе по дорогамъ, но еще играютъ весьма важную роль въ дѣлѣ обводненія пустыни. Эта роль еще болѣе выяснится изъ описанія двухъ остальныхъ способовъ водоснабженія въ Кара-кумахъ, именно каковъ и хöузовъ, которые возможны только на такирахъ; хöузы весьма рѣдки, каки же и для кочевокъ и для торговаго движенія имѣютъ значеніе по крайней мѣрѣ равное колодцамъ.

Какъ [1])—это дождевая яма или просто лужа дождевой воды, которая въ пониженныхъ точкахъ такировъ сохраняется иногда весьма продолжительное время.

„Каки" весьма разнообразны; иногда они служатъ резервуаромъ воды, не только падающей на самый такиръ, но и притекающей съ окрестныхъ мѣстностей; такова близь Закаспійской желѣзной дороги дождевая яма Ахчакуйма, которая, благодаря своей глубинѣ и обилію попадающей въ нее воды, не пересыхаетъ цѣлый годъ; озера по Узбою вѣроятно обязаны своимъ существованіемъ не только дождевымъ водамъ, притекающимъ съ поверхности, но и родникамъ и потому не должны быть относимы къ какамъ. Большія дождевыя ямы въ родѣ Ахчакуйма очень рѣдки и на такирахъ среди Кара-кумовъ не встрѣчаются вовсе; появляющіяся же здѣсь послѣ дождей дождевыя скопленія, смотря по грунту, размѣрамъ такировъ, глубинѣ каковъ, температурѣ и сухости воздуха и, наконецъ, смотря по разбору воды проходящими караванами, держатся отъ 3 — 4 дней до 2 мѣсяцевъ и даже болѣе. „Каки", происходящіе отъ таянія снѣговъ и дождей ранней весною, пересыхаютъ всѣ къ концу апрѣля. По дорогамъ, каки большею частью естественныя лужи, рѣдко гдѣ обдѣланныя невысокимъ глинянымъ валикомъ, назначеніе котораго уменьшить испареніе воды, не давая ей разливаться по большой поверхности. Напротивъ, въ мѣстахъ

---

[1]) *Какъ* употребляется въ персидскомъ и татарскомъ языкахъ вмѣсто слова *кавакъ*, что значитъ выдолбленный, чашкообразный; въ словѣ оба раза буква *к* и потому писать *хакъ*, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, неправильно.

прежнихъ кочевокъ Туркменъ, такиръ, а иногда и рядъ такировъ, гдѣ позволяетъ общій склонъ, сведенъ къ одному „каку" магистральною канавою и многими рядами боковыхъ канавокъ; самый „какъ" обдѣланъ не только глинянымъ возвышеніемъ, какъ придорожные, но часто глиняною оградою съ воротами, чтобы воду не портили животныя. Такіе каки держатся довольно долго; даже брошенные и получающіе воду по засореннымъ канавкамъ съ засоренныхъ такировъ они сохраняютъ ее до конца апрѣля; при проѣздѣ черезъ Кара-кумы весною 1883 года мы нѣсколько разъ пользовались каками, близъ которыхъ когда-то кочевали Туркмены-ата. Но всѣ эти каки были въ сторонѣ отъ дорогъ. Только кочевники, заинтересованные въ качествѣ воды, охраняютъ ее, напротивъ, текинецъ-разбойникъ или купецъ, идущій съ караваномъ, совершенно не заботится о будущемъ и пускаетъ своихъ лошадей, верблюдовъ и барановъ прямо въ какъ; мнѣ при моихъ путешествіяхъ стоило всегда большого труда удержать своихъ спутниковъ отъ этого, по крайней мѣрѣ, пока будетъ набрана въ боченки вода для людей. Вообще застаивающаяся въ лужахъ вода и безъ посторонняго загрязненія быстро портится; потому понятны результаты нечистоплотности Текинцевъ: богатѣйшая дождевая яма Ахчакуйма, до покоренія Ахала, при проходѣ нашихъ войскъ, служила источникомъ болѣзней, вслѣдствіе нечистаго содержанія ея. Въ виду этого, многочисленные каки, разбросанные въ пескахъ, будутъ имѣть значеніе, особенно при оживленіи движенія, только тамъ, гдѣ ихъ будутъ охранять и поддерживать.

Хöузъ есть тотъ же какъ, только благоустроенный: это систерна, помѣщенная въ спеціальномъ зданіи, въ которомъ приняты мѣры для сохраненія воды чистою и свѣжею. Туркмены никогда хöузовъ не строили: даже въ пескахъ постройка ихъ была дѣломъ хановъ Хивы и Бухары и богатыхъ благочестивыхъ людей этихъ двухъ странъ; сооруженіе робата или хöуза у мусульманъ дѣло богоугодное; хöузъ строится близъ дороги и оставляется безъ всякаго присмотра; преднамѣренно портить его мирные люди не будутъ; ремонтируется же онъ и наполняется водою жителями ближайшихъ поселеній или кочевокъ. Туркмены разрушили множество хöузовъ въ пограничныхъ областяхъ Персіи и Афганистана и всѣ существовавшіе въ Каракумахъ. Въ Персіи и Афганистанѣ хöузы рѣдко питаются дождевыми водами, большею же частью изъ родниковъ и рѣчекъ; назначеніе хöуза, построеннаго въ такихъ случаяхъ близъ робатовъ, снабжать проѣзжающихъ свѣжею и чистою водою, такъ какъ вода

ручьевъ часто бываетъ мутною и теплою, а нерѣдко и отводится для потребностей орошенія на весьма большія разстоянія отъ робатовъ. Въ Кара-кумахъ хоузы напротивъ всѣ расположены на такирахъ и служатъ для собиранія дождевой воды. Систерны всегда весьма глубокія для уменьшенія поверхности испаренія; для охлажденія воды своды, покрывающіе систерны, весьма высоко подняты надъ нею и въ стѣнахъ много отверстій для свободнаго протока воздуха. Внутри между краями систерны и стѣнами зданія нѣтъ банкета, а послѣднія составляютъ продолженіе первыхъ; такимъ образомъ внутрь войти нельзя и воду можно доставать изъ одного, много двухъ небольшихъ отверстій, приспособленныхъ для этого; при нечистоплотности жителей эта мѣра крайне необходима. Въ устройствѣ всѣхъ хоузовъ есть общій недостатокъ, особенно чувствительный на такирахъ: бассейны не имѣютъ никакихъ подраздѣленій; при очисткѣ ихъ необходимо осушать и для наполненія ждать иногда весьма долго дождей.

Кормъ для скота. Топливо. Кормъ болѣе или менѣе хорошаго качества имѣется въ Кара-кумахъ почти вездѣ, но за то въ ограниченномъ количествѣ. На пескахъ растутъ слѣдующія травы: 1) раннею весною появляется *илакъ*—мелкая, свѣтлозеленая травка, составляющая прекрасный кормъ для лошадей, верблюдовъ и барановъ, но она засыхаетъ къ лѣту и только въ случаѣ дождей появляется во второй разъ осенью; 2) *селинъ* или селау—жесткій ковыль, растетъ кустиками; вообще онъ не можетъ считаться хорошимъ кормомъ для лошадей, но въ пескахъ, за неимѣніемъ другаго, онѣ его ѣдятъ; селинъ является позднею осенью и держится все лѣто; на остальное время кочевники изъ него приготовляютъ сухой кормъ; 3) родъ полыни—*юшанъ*, любимая пища верблюдовъ, имѣется круглый годъ почти вездѣ.

По границамъ такировъ и вообще въ грунтѣ содержащемъ глину растетъ *кöурикъ* и *тытыръ* — годные только для барановъ и верблюдовъ.

Изъ названныхъ травъ для лошадей имѣетъ значеніе собственно только селинъ; какъ сказано выше, это кормъ не особенно хорошій и имѣется не всегда; если прибавить къ этому отсутствіе во многихъ мѣстахъ прѣсной воды, то становится понятнымъ почему кочевники лошадей почти не держатъ. Путешественники должны разсчитывать для лошадей главнымъ образомъ на запасы ячменя и джугары.

Бываютъ годы, когда вслѣдствіе большихъ жаровъ всѣ травы

высыхаютъ и тогда бараны и верблюды питаются вѣтками кустарниковъ *кандымъ* и *черкезъ*, растущихъ въ пескахъ и *сазакъ*—родъ саксаула, встрѣчающійся по рыхлымъ мѣстамъ и имѣющій болѣе развитыя вѣтви и меньшіе корни, нежели *оджаръ*—видъ саксаула, растущій на болѣе твердыхъ грунтахъ и негодный въ пищу для скота.

Что касается топлива, то оно имѣется почти вездѣ; какъ сказано выше, обнаженныя отъ растительности мѣста весьма рѣдки и нигдѣ не занимаютъ большихъ пространствъ; кустарники же, покрывающіе остальную часть Кара-кумовъ, всѣ составляютъ прекрасное топливо; сюда относятся: 1) разные виды *саксаула* и *кандымъ;* 2) *торанты* (родъ вербы), *гребенщикъ* и *юлганъ*, растущіе близь рѣкъ и разливовъ и вообще требующіе болѣе влаги, нежели первые два; 3) *сезенъ*—дерево, высотою иногда до 2 саж., встрѣчается преимущественно вблизи шоровъ и на мало закрѣпленныхъ пескахъ и 4) за неимѣніемъ кустарниковъ и деревъ разные виды сорныхъ травъ.

Сезенъ и саксаулъ идутъ также на обдѣлку колодцевъ.

Кочевники въ Кара-кумахъ. Въ прежнее время Кара-кумы были болѣе оживлены, нежели теперь; всѣ туркменскія племена, имѣющія осѣдлость по оазисамъ кругомъ песковъ, выходили сюда на зиму для пастьбы скота, а изъ нѣкоторыхъ особенно богатыхъ племенъ въ пескахъ оставалась значительная часть населенія на цѣлый годъ.

Какъ извѣстно, туркменъ земледѣлецъ носитъ названіе чомуръ, а скотоводъ—чорва; изъ разспросныхъ свѣдѣній выяснилось, что чорва не составляетъ чего либо отдѣльнаго отъ чомуровъ; это тѣже жители селеній, которые осенью выгоняютъ скотъ на пастьбу въ пески; къ этому времени кормъ близь селеній уже съѣденъ; топлива же около этихъ мѣстъ совершенно нѣтъ; между тѣмъ въ пескахъ и то, и другое имѣется въ достаточномъ количествѣ; зимою же и воды много. Передъ выходомъ на кочеваніе по соглашенію жителей рѣшается вопросъ: кому идти въ пески и кому оставаться въ селеніяхъ для надзора за садами и посѣвами; въ пески обыкновенно выходятъ люди, обладающіе большимъ количествомъ скота; иные тамъ остаются круглый годъ: вообще въ оазисахъ корма мало и потому во многихъ селеніяхъ его не хватаетъ даже и на лѣтнее время; тогда стада приходится держать въ пескахъ круглый годъ и часть жителей, которая принимаетъ на себя за опредѣленное вознагражденіе чужой скотъ для пастьбы, остается въ степи на нѣсколько лѣтъ, отдавая свою землю и воду въ за-

зисѣ въ аренду остающимся въ селеніяхъ. Вообще у туркменъ чомуръ означаетъ бѣдняка, чорва—человѣкъ богатый; если кто разбогатѣетъ, то никогда не станетъ затрачивать деньги на увеличеніе посѣвовъ и земледѣльческія работы, а всегда на обзаведеніе стадами. Понятно, что переходъ отъ одного состоянія къ другому всегда возможенъ и зависитъ исключительно отъ состоятельности человѣка; ата-туркмены прежде были почти всѣ чорва; по смерти Медэмій-хана аламаны мервцевъ и падежи уничтожили скотъ у ата, и они теперь всѣ чомуры.

При водвореніи текинцевъ въ Мервѣ (конецъ пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія) Кара-кумы распредѣлялись для кочеванія между главными племенами слѣдующимъ образомъ: юго-западная часть, ограниченная съ сѣвера колодцами Динаръ, Перенгъ и далѣе Унгузомъ до колодцевъ Мирза-чиле на востокѣ, была занята текинцами Ахала. На востокъ отъ нея были кочевки теджелцевъ и мервцевъ и только часть ближайшая къ Аму-Дарьѣ принадлежала эрсарямъ. Хивинскіе туркмены кочевали близь самой Хивы; сѣверо-западный уголъ, весьма богатый колодцами и особенно каками, служилъ мѣстомъ кочеванія туркменъ шіихъ (колодцы тогоже имени) и ата—между Узбоемъ съ запада и Унгузомъ до колодцевъ Мирза-чиле на востокѣ.

Самые кочевники довольно рѣдко выходили на разбои; они, какъ люди богатые, были заинтересованы въ спокойствіи края; напротивъ осѣдлая, бѣдная часть какого бы то ни было племени грабила остальныя, когда только это позволяли обстоятельства. Побѣды текинцевъ въ 1855 и 1860 гг. сдѣлали ихъ хозяевами степи, и вышеприведенный порядокъ въ Кара-кумахъ измѣнился. Послѣ убіенія Медэмій-хана, хивинцы уже не вмѣшивались въ дѣла кочевниковъ и первыми пострадали отъ этого туркмены-ата, какъ слабѣйшее изъ племенъ; они были вполнѣ подчинены хану и подъ его покровительствомъ достигли значительнаго благосостоянія: ихъ многочисленныя стада паслись близъ Игды, Куртыша, Бала-ишема, Кумъ-такира и Демерджана и по разбросаннымъ по пескамъ колодцамъ, носящимъ названіе Ата-куи; границей ихъ кочевокъ служила линія отъ Хивы до Мирза-чиле; колодцы по этой линіи были въ вѣдѣніи Хивы и поддержаніемъ ихъ распоряжался ханъ черезъ туркменъ-ата; на югъ отъ Мирза-чиле колодцы чистили и чинили текинцы, жившіе тогда у Стараго Серахса на Тедженѣ и въ Ахалѣ.

Наслѣдники Медэмія были уже слишкомъ слабы, чтобы комулибо покровительствовать, и едва могли защищать свое собственное

ханство отъ грабежей и нападеній. Іомуды, сарыки и мервцы стали грабить ата и эти послѣдніе, потерявъ всѣ стада свои, разсѣялись по разнымъ сторонамъ: они теперь всѣ живутъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ Дертъ-куи (Петро-Александровскъ) — около 1.000 домовъ; 2) въ Хивѣ около 200 домовъ по берегу Аму-Дарьи на югъ отъ Хезаръ-аспа у развалинъ Дагенъ-аширъ. Они занимаются земледѣліемъ; необходимыя для орошенія работы производятся присылаемыми для этого ханомъ людьми, за что ата выставляютъ ему всадниковъ для поддержанія порядка по границамъ ханства и исполняютъ нѣкоторыя работы, напримѣръ, выжигаютъ уголь изъ кустарника, растущаго по берегу Аму, рубятъ и подвозятъ ему деревья съ этого же мѣста и т. п.; 3) въ Чарджуѣ около 60 домовъ; 4) въ Ахалѣ около 300 — 400, изъ нихъ небольшая часть выходитъ на кочеваніе вмѣстѣ съ ахальцами, и 5) въ Мервѣ — около 100.

Ата, также какъ ходжа, шійхъ и махдумъ — всѣ сеиды, держатъ себя отдѣльно отъ другихъ туркменъ и не выдаютъ своихъ дочерей замужъ внѣ своего племени.

Той же участи, какъ и ата, подверглось племя шійхъ.

Такимъ образомъ, почти вся мѣстность отъ кочевокъ хивинскихъ туркменъ на границахъ этого ханства до Унгуза совершенно пустынна и почти никѣмъ не занята; изрѣдка сюда попадаютъ жители Кизилъ-Арвата.

Районъ кочеванія текинцевъ, живущихъ въ Мервѣ, также значительно съузился: они занимали прежде рядъ колодцевъ близь Унгуза на востокъ отъ Мирза-чиле; на западъ доходили до Дертъ-куи и Шегитли; теперь же, враждуя со всѣми окрестными племенами, они не могутъ удаляться отъ Мерва и кочуютъ въ ближайшихъ къ оазису пескахъ и при этомъ должны нанимать для охраны стадъ всадниковъ *мергеновъ* [1]) и держать караулы, которые предупреждаютъ стражу о приближеніи враговъ. Вся мѣстность отъ Мирза-чиле на востокъ по Унгузу до береговъ Аму и на югъ почти до Мервскаго оазиса никѣмъ не занята.

Центры теджѣнскихъ кочевокъ по прежнему колодцы Кыркъ-куи и Букуръ-ёленъ; въ періоды мирныхъ отношеній къ персамъ теджѣнцы выгоняли свои стада къ Атеку противъ Кахка, что̀ дѣлается и теперь.

---

[1]) *Мергенъ* — собственно значитъ охотникъ, но слово это большею частью употребляется для обозначенія удальца, и ближе всего соотвѣтствуетъ употребляемому на Кавказѣ слову джигитъ.

Также не измѣнились и дѣла ахальцевъ: кочевки ихъ у тѣхъ же колодцевъ, какъ и прежде и по свѣдѣніямъ за зиму 1881—82 годовъ они доходили на сѣверъ до Куртали и Каушакъ-кизилъ-такиръ.

Скотъ ахальцевъ въ 1880 и 1881 годахъ былъ въ пескахъ и потому мало пострадалъ отъ войны, уменьшился же онъ во время предшествовавшее ей вслѣдствіе разбоевъ сосѣднихъ племенъ. Ахальцевъ грабили іомуды и гокланы; случалось даже, что нападали свои же мервцы, избѣгая при этомъ только убивать людей, чтобы не навлечь на себя мести за кровь; на мервцевъ же нападали, кромѣ іомудовъ и гоклановъ, сарыки и эрсари.

До взятія Геокъ-тепе въ Кара-кумы проникали курдскіе и персидскіе разбойники, снаряжаемые для сего пограничными персидскими ханами; теперь они грабятъ рѣдко и только близь границъ своихъ владѣній, напримѣръ, въ Атекѣ. Вообще, каждый грабитъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, не заходя далѣе извѣстной линіи, съ такимъ разсчетомъ, чтобы обратный путь не представилъ слишкомъ большихъ затрудненій.

Послѣ покоренія Ахала грабежи всюду значительно уменьшились; ахальцы на грабежи въ пески выходятъ весьма рѣдко; когда же кто изъ нихъ захочетъ вспомнить старое, то отправляется къ мервцамъ и оттуда принимаетъ участіе въ ихъ нападеніяхъ на сарыковъ, а иногда и на персовъ.

У мервцевъ главнымъ образомъ съузился раіонъ грабежей: нападенія на Ахалъ, Хиву и Бухару — есть дѣло отдѣльныхъ лицъ и уже не составляютъ проявленій систематическаго грабежа, какъ прежде; страны эти можно считать совершенно безопасными отъ аламановъ. На сѣверъ отъ оазиса мервцы грабятъ по дорогамъ въ Хиву; выходятъ они изъ Мерва прямо на сѣверъ, сначала по Кумъябу, гдѣ есть нѣсколько прѣсныхъ колодцевъ (близь Мерва), а затѣмъ по балкамъ, составляющимъ продолженіе р. Мургабъ [1]) черезъ весьма значительный безводный переходъ на Унгузъ у Еды-кулачъ (прежде на кол. Язы, нынѣ засыпанные и находящіеся въ 5 верстахъ отъ Еды-кулачъ) и далѣе вдоль Унгуза въ Мирза-чиле. Отсюда они слѣдятъ за движеніемъ каравановъ изъ Хивы въ Ахалъ и Дерегезъ и соотвѣтственно этому направляются на Дамлы, Шіихъ или Сагаджа; на этой послѣдней дорогѣ еще въ 1880 году у хивинцевъ отбито 12.000 барановъ. Но аламаны эти въ настоящее время весьма рѣдки.

---

[1]) Это извѣстная дорога на Чишме (ра-и-Чишме англійскихъ картъ).

Чаще всего мервцы ходятъ на сарыковъ, живущихъ въ Пенде. Съ Юлатаномъ, вслѣдствіе близости его къ Мерву, открытой вражды нѣтъ, и нападенія другъ на друга случаются весьма рѣдко. Напротивъ съ сарыками Пенде мервцы ведутъ весьма ожесточенную борьбу, но конечно чисто воровскую: разбойники обоихъ племенъ идутъ особыми путями, чтобы не встрѣчаться другъ съ другомъ и нападаютъ только на безоружныхъ лицъ по границамъ оазисовъ и на караваны. Мервцы на аламанъ идутъ по дорогѣ къ Серахсу до Келъ-Хоузъ или Ніязъ-абада, сворачиваютъ на Адамъ-ёлэнъ, Акъробатъ и Пенде. Сарыки обыкновенно держатся рѣки Мургъ-абъ.

Затѣмъ мервцы ходятъ на персовъ и даже иногда на Афганистанъ, но не часто; и тогда мервскіе старшины, при объясненіяхъ въ Асхабадѣ, приписываютъ грабежи сарыкамъ, пользуясь тѣмъ, что провѣрить ихъ слова невозможно. Впрочемъ, свѣдѣнія объ этихъ подвигахъ рѣдко доходятъ до русскихъ властей, жители еще слишкомъ хорошо помнятъ прежніе ужасы текинскихъ нашествій, въ сравненіи съ которыми теперешнія воровства слишкомъ ничтожны, чтобы объ нихъ стоило много толковать.

Сарыки грабятъ всѣхъ своихъ сосѣдей: южная Туркменія по прежнему недоступна для каравановъ и восточная граница Хорасана еще далеко не окончательно умиротворена. Въ Кара-кумы сарыки рѣдко заходятъ сѣвернѣе дороги изъ Бухары въ Мервъ и Серахсъ, хотя иногда и случаются нападенія близь Дёртъ-куи и Карры-бента; по названной же дорогѣ появленіе сарыковъ напротивъ дѣло весьма обыкновенное и составляетъ главное препятствіе развитію торговыхъ сношеній Бухары съ Мервомъ и Персіею.

У эрсарей, признающихъ власть бухарскаго эмира, грабежи, какъ у мервцевъ, дѣлаются тайкомъ, одиночными людьми и считаются дѣломъ недозволеннымъ; если разбой откроется, то виновныхъ выдаютъ эмиру и награбленное имущество возвращается чарджуйскимъ ханомъ владѣльцу. Эрсари, такъ же какъ и мервцы, стараются прикрывать свои грабежи именемъ сарыковъ. Вслѣдствіе слабости бухарскихъ властей большая часть грабежей все же проходитъ безнаказанно.

Такимъ образомъ, дѣлая выводъ изъ всего вышеизложеннаго относительно безопасности въ Кара-кумахъ, можно сказать, что сѣверная часть ихъ вполнѣ умиротворена, средняя часть, имѣющая значеніе для сношеній южнаго Ахала съ Хивою, для торговыхъ каравановъ представляетъ нѣкоторыя опасности отъ воровскихъ шаекъ. Южная же часть, именно пути изъ Атека и Хора-

сана въ Мервъ и далѣе въ Бухару, находится почти въ томъ же положенiи какъ прежде, то есть, опасность всегда есть и весьма значительная.

Влiянiе характера Кара-кумовъ на дороги въ нихъ. Въ приведенномъ выше описанiи мѣстности, качествъ и распредѣленiя воды, корма и топлива, населенiя и безопасности въ Кара-кумахъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду выясненiе тѣхъ фактовъ, которые такъ или иначе могутъ влiять на вопросъ о сообщенiяхъ въ разсматриваемой мѣстности. Описанiе это знакомитъ съ условiями, въ которыхъ находились прежде дороги въ Кара-кумахъ и съ мѣрами, которыя должны быть приняты въ настоящее время для улучшенiя сообщенiй между разными странами, лежащими по окраинамъ пустыни.

Для выясненiя, какъ повлiялъ характеръ страны на направленiе дорогъ, прежде всего необходимо сказать, какъ распредѣлены въ пустынѣ тѣ виды мѣстности, о которыхъ сказано выше.

Болѣе половины всего пространства Кара-кумовъ покрываютъ пески, отнесенные при описанiи ко второму роду; кыры занимаютъ полосу около 20 верстъ на сѣверъ отъ Унгуза, лишь кое-гдѣ занесенную песками. Грунтъ всѣхъ оазисовъ мергельная глина, переходъ отъ оазиса къ песчаной пустынѣ всегда постепенный: начинается съ небольшой примѣси песка къ мергелю, которая идетъ увеличиваясь и переходитъ въ песчаныя гряды. Тамъ, гдѣ разстоянiе между отдѣльными оазисами невелико, песковъ на немъ вовсе нѣтъ; такъ отъ Атека къ Теджену и Мерву встрѣчаются лишь изрѣдка пески перваго рода.

Такиры и шоры также распредѣлены грядами въ разныхъ частяхъ пустыни.

Въ мѣстности, занятой песками, большею частью замѣтно распредѣленiе ихъ грядами, идущими по разнымъ румбамъ съ сѣвера на югъ. Само собою разумѣется, что направленiе это не вездѣ строго соблюдено, подъ влiянiемъ мѣстныхъ условiй гряды не вездѣ параллельны; мѣстами есть довольно значительныя пространства песковъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка; но въ общемъ направленiе грядъ и соотвѣтствующихъ имъ весьма длинныхъ долинъ, только изрѣдка пересыпанныхъ песками, болѣе или менѣе названное выше; это обстоятельство чрезвычайно благопрiятно для дорогъ, идущихъ изъ Ахала и Атека въ Хиву, напротивъ, дѣлаетъ крайне труднымъ сообщенiе въ поперечномъ направленiи; такъ изъ Кизилъ-Арвата нѣтъ прямого пути въ Чарджуй и караваны идутъ

сначала въ Асхабадъ и Мервъ и затѣмъ снова съ юга на сѣверъ къ Бухарѣ.

Точно также и колодцы гораздо болѣе сближены по линіямъ съ юга на сѣверъ, нежели поперегъ. Вода есть альфа и омега всей жизни въ пустынѣ и потому весьма естественно, что дороги дѣлаютъ большія отклоненія въ сторону, не смотря на происходящее при этомъ удлиненіе путей, только бы попасть на колодцы или на рядъ такировъ, которые, кромѣ значенія для водоснабженія, еще облегчаютъ движеніе.

По шорамъ легче двигаться, нежели по пескамъ; но преимущества ихъ на столько незначительны, что дорога ими пользуется только когда они по пути.

Въ прежнее время избраніе направленія дороги ставилось главнымъ образомъ въ зависимость отъ сравнительной безопасности ея: дорога, гдѣ усиливались разбои, покидалась и движеніе переходило на другую дорогу, хотя бы длиннѣйшую, съ болѣе значительными безводными переходами и по худшему грунту.

То же замѣчается и теперь въ мѣстахъ гдѣ еще продолжаются разбои: прямая дорога отъ колодцевъ Сирабъ въ Чарджуй черезъ Тюра-куи брошена и всѣ караваны идутъ на Адиль-куи, не смотря на удлиненіе дороги на нѣсколько десятковъ верстъ.

Это обстоятельство надо принимать во вниманіе при изученіи дорогъ не только въ Кара-кумахъ, но и въ пограничныхъ областяхъ сосѣднихъ странъ (напр. Персіи): оживленное движеніе въ прежнее время вовсе не доказываетъ, что дорога будетъ выгоднѣйшею и теперь, когда положеніе дѣлъ въ краѣ измѣнилось кореннымъ образомъ и конечно не пройдетъ много времени, какъ всѣ пути сдѣлаются одинаково безопасными.

Способы движенія въ Кара-кумахъ. При изученіи этого вопроса прежде всего надобно обратить вниманіе, что Кара-кумы по краямъ представляютъ весьма небольшія затрудненія для сообщеній и удобопроходимость ихъ уменьшается по мѣрѣ приближенія къ центру пустыни.

Поэтому движеніе по путямъ, пересѣкающимъ Кара-кумы, можетъ быть только вьючное; если здѣсь мѣстами и встрѣчаются участки—и весьма значительные—на которыхъ возможно колесное движеніе, то всѣ они раздѣлены другъ отъ друга песками, на которыхъ проходъ телѣгъ встрѣтилъ бы слишкомъ большія трудности, чтобы стоило думать о примѣненіи этого способа передвиженія. Конечно, здѣсь говорится о выгодномъ примѣненіи его къ перевозкѣ

товаровъ; движенiе горной и даже полевой артиллерiи, происходящее всегда въ ограниченномъ количествѣ и при которомъ не жалѣютъ силъ и средствъ—возможно почти на всѣхъ ниже описанныхъ путяхъ.

Что касается до дорогъ, проходящихъ не по самымъ Кара-кумамъ, а лишь по границѣ ихъ (дороги изъ Хивы въ Красноводскъ, изъ Атека въ Мервъ), то здѣсь колесное движенiе встрѣтило бы весьма немного препятствiй отъ песковъ.

Всѣ большiя дороги по качеству грунта одинаково пригодны для лошадей, верблюдовъ, ословъ и муловъ, но въ *лѣтнее время* безводiе заставляетъ по возможности избѣгать первыхъ. Лошадь необходимо поить ежедневно, между тѣмъ по всѣмъ дорогамъ колодцы на столько рѣдки, что караваны къ нимъ приходятъ послѣ двухъ, трехъ, а иногда и четырехъ дней пути; поэтому, считая на лошадь 3—4 ведра воды въ день, надобно для подвоза ея имѣть по крайней мѣрѣ по одному верблюду на лошадь. Ослы и мулы должны быть поены такъ же ежедневно, но требуютъ менѣе воды. Въ виду этого торговый караванъ обыкновенно состоитъ исключительно изъ верблюдовъ; иногда караванъ-баши и болѣе богатые спутники его ѣдутъ на ослахъ, остальные идутъ пѣшкомъ; только богатые купцы, готовые платить за удобства, позволяютъ себѣ роскошь ѣхать верхомъ на лошадяхъ и везутъ для нихъ воду на верблюдахъ. Даже прикрытiе состоитъ изъ пѣшихъ, хотя конечно они плохая защита отъ конныхъ разбойниковъ.

Отдѣльные всадники, ѣдущiе черезъ Кара-кумы безъ товаровъ, двигаясь по ночамъ, могутъ пройти и безъ верблюдовъ по дорогамъ, гдѣ разстоянiе между колодцами не болѣе 100 верстъ; этотъ путь легко проходится въ двѣ ночи, а столько времени лошадь при благопрiятныхъ обстоятельствахъ можетъ пройти, получивъ $1^1/_2$—2 ведра по срединѣ пути и слѣдовательно на 5 — 6 всадниковъ достаточно имѣть по одной лошади, везущей запасъ воды. Но такiе переходы очень рискованы; достаточно, чтобы въ день остановки дулъ горячiй восточный вѣтеръ, что̀ въ пескахъ случается не рѣдко, чтобы ни одна лошадь не была въ состоянiи идти на вторую ночь, поэтому и всадники предпочитаютъ двигаться малыми переходами, имѣя съ собою запасъ воды—одинъ верблюжiй вьюкъ на каждую лошадь.

Только верблюдъ способенъ въ лѣтнее время вынести три дня безъ воды; при этомъ даются хорошiя остановки на колодцахъ, отдыхи по приходѣ и животныя эти мало страдаютъ. Но отъ iюня

до конца августа палящіе вѣтры пустыни дѣлаютъ движеніе по ней почти невозможнымъ даже для верблюдовъ.

Бараны лѣтомъ должны быть поены также ежедневно; возить для нихъ воду нельзя и потому перегонъ стадъ въ это время черезъ Кара-кумы рѣшительно невозможенъ. Значительное количество стадъ ежегодно отправляется изъ Персіи, Ахала и Мерва въ Хиву и Бухару почти исключительно зимою и раннею весною, когда обиліе каковъ позволяетъ двигаться гораздо легче, нежели лѣтомъ при разсчетѣ на одни колодцы.

Лѣтомъ сообщеніе Ахала и Атека съ Хивою и Бухарою, не смотря на удлинненіе пути, идетъ въ обходъ Кара-кумовъ съ сѣвера (черезъ Бала-ишемъ) или съ юга ихъ (черезъ Мервъ).

Вслѣдствіе описанной трудности движенія и разбои въ Каракумахъ ограничены временемъ отъ поздней осени до ранней весны; въ жаркое время нападенія невозможны: лошади разбойниковъ измучились бы до встрѣчи каравана; исходъ дѣла гадателенъ, а въ случаѣ неудачи всѣхъ участниковъ аламана ждетъ вѣрная смерть. И дѣйствительно случаевъ разбоя лѣтомъ не бываетъ.

Какъ сказано выше, колодцы въ пустынѣ большею частью бѣдны водою, и разъ выбранная набирается она весьма медленно; поэтому караваны всегда стараются идти возможно меньшими партіями; гдѣ позволяетъ безопасность (по дорогѣ изъ Хивы въ Красноводскъ и Кизилъ-арватъ) нерѣдко встрѣчаются состоящіе изъ 3—4 верблюдовъ при 2—3 вожакахъ. Того же требуетъ и рѣдкій кормъ въ пескахъ. Вотъ почему въ пустынѣ не выработывается большихъ дорогъ; напротивъ, каждое селеніе Ахала на большемъ или меньшемъ протяженіи имѣетъ свой особый путь къ Хивѣ и только рѣдкость колодцевъ при приближеніи къ ханству заставляетъ нѣсколько дорогъ соединяться вмѣстѣ. Всегда имѣющіе возможность сообразовать свое движеніе съ мѣстными условіями и временемъ года, караваны рѣдко терпятъ бѣду при переходѣ черезъ пустыню; для нихъ страшна не природа ея, а лишь бродящія здѣсь шайки разбойниковъ. Кости, усѣивающія, безъ перерыва, главныя дороги въ Кара-кумахъ, оставлены двигавшимися по нимъ большими отрядами завоевателей, которые не могли, какъ купеческіе караваны, обходить препятствія, а принуждены были бороться съ ними и при борьбѣ приносить тяжелыя жертвы, какъ людьми, такъ и животными.

Но всѣ вышеизложенныя требованія для облегченія движенія исполнимы, только когда степь совершенно безопасна; въ противномъ случаѣ сообщеніе становится крайне затруднительнымъ. Это

и было причиною, что со смерти Медэмій-хана и пораженія персовъ въ 1860 г. торговое движеніе черезъ Кара-кумы постоянно сокращалось и дошло до тѣхъ незначительныхъ размѣровъ, которые мы видимъ теперь.

Дороги изъ Красноводска въ Хиву. Движеніе каравановъ между Красноводскомъ и Хивою происходитъ въ настоящее время черезъ Сюэли, Чагылъ, Чарышлы и Змукширъ, при чемъ между Сюэли и Чагыломъ имѣются двѣ дороги: 1) сѣверная черезъ Портокупъ, болѣе легкая для движенія, и 2) южная черезъ Гезли-ата, болѣе обильная водою. По той и другой и въ настоящее время движутся большіе караваны, а сѣверная легко можетъ быть обращена въ колесный путь.

Въ обводненіи особенно нуждается восточная часть пути отъ Хатыбъ-куи къ Змукширу; она составляетъ также часть дороги изъ Ахала въ Хиву и будетъ разсмотрѣна ниже при описаніи этой послѣдней.

Длина обѣихъ дорогъ отъ Красноводска до Хивы около 700 верстъ.

Дороги изъ Хивы въ Ахалъ. *Дорога отъ Хивы до Бала-Ишема.* Въ настоящее время, когда значительная часть колодцевъ въ степи засыпана, сообщеніе Ахала съ Хивою происходитъ, какъ сказано выше, почти исключительно по путямъ обходящимъ Кара-кумы съ сѣвера, именно изъ Хивы черезъ Хатыбъ-куи на Бала-ишемъ, пунктъ, въ которомъ дороги развѣтвляются, направляясь къ разнымъ селеніямъ Ахала. Но и при улучшеніи прямыхъ путей названный обходный путь всегда сохранитъ весьма большое значеніе, какъ наиболѣе легкій и доступный во всякое время года.

Первая часть дороги отъ Хивы къ Змукширу именно до Хазавата пролегаетъ по Хивинскому ханству; здѣсь какъ самое полотно дороги, такъ и мосты въ полной исправности и движеніе арбъ вездѣ возможно безъ всякихъ улучшеній пути. Между Хазаватомъ и Тахта-базаромъ кончаются поселенія узбековъ и начинаются селенія іомудовъ. Здѣсь дорога въ очень плохомъ видѣ; мостовъ нѣтъ вовсе; броды очень трудны.

Змукширъ (85 верстъ отъ Хивы), послѣдній населенный пунктъ по дорогѣ; здѣсь приходится дѣлать запасы фуража и провіанта до самаго Ахала. Вода получается изъ арыка.

Дорога до колодца *Чагылъ* (21 верста) все время почти идетъ по твердому грунту; лишь изрѣдка встрѣчаются бугры песка, но на столько незначительные, что не могутъ препятствовать движе-

нію арбъ; то же надо сказать и о всей дальнѣйшей части пути до Хатыбъ-куи.

Колодцы *Чагылъ*, засыпаны; въ 1873 году ихъ было три весьма обильныхъ и прѣсныхъ, глубина до воды 3¹/₂ сажени, слой воды въ сажень.

Отъ Змукшира до Чагыла идетъ сухой арыкъ, который при проѣздѣ моемъ возобновлялся жителями.

Колодезь *Кизилча-куи* (45 верстъ), одинъ; глубина до воды 7 саженъ, слой воды ¹/₂ саж.; воды много и она прѣсная (съ весьма небольшою примѣсью солей).

Шахъ-Сенемъ (22 версты), развалины укрѣпленія, прежде получавшаго воду изъ арыка Черменъ-ябъ и изъ колодцевъ; нынѣ колодцы засыпаны; арыкъ сухой и остались отъ ограждавшихъ его дамбъ только слѣды и то лишь мѣстами.

Хатыбъ-куи или *Гяуръ-куи* (23 версты), колодцевъ два, они недавно возобновлены и обдѣланы деревяннымъ срубомъ однимъ изъ русскихъ отрядовъ, проходившихъ здѣсь. Вода въ колодцахъ прѣсная, но отъ загрязненія имѣетъ затхлый вкусъ; ея вообще мало и хватаетъ только для самаго небольшаго каравана; въ разъ можно набрать около ¹/₄ ведра и чтобы напоить бывшихъ со мною 10 лошадей пришлось два раза останавливаться и ждать, пока наберется вода. Недостатокъ ея происходитъ отъ двухъ причинъ: 1) колодезь не покрытъ и потому уже въ настоящее время почти засыпанъ пескомъ; и 2) очевидно мѣсто вообще бѣдное водою, а между тѣмъ колодезь очень маленькихъ размѣровъ и не уширенъ къ низу, что необходимо для увеличенія какъ площади притока воды, такъ и самаго резервуара ея.

Отъ Хатыбъ-куи отдѣляется дорога въ Чарышлы и Красноводскъ.

Даудыръ (58 верстъ), засыпаны; глубина ихъ была около 5 саженей до воды; вода прѣсная и въ большомъ количествѣ.

Нефесъ-кули (18 верстъ), также засыпаны; имѣли прежде прѣсную воду и хотя были не такъ обильны какъ Даудыръ, но все же вполнѣ удовлетворяли требованіямъ караваннаго движенія.

Орта-куи (26 верстъ), одинъ колодезь, существующій нынѣ и нѣсколько засыпанныхъ; вода прѣсная.

Бала-ишемъ (48 верстъ), прѣсные колодцы, весьма обильные; въ настоящее время ихъ два, но можно вырыть и болѣе; здѣсь часто стояли подолгу отряды. Глубина до воды 3 сажени, столбъ воды 1 аршинъ.

Что касается до качествъ дороги, то отъ Хатыбъ-куи на первыхъ 45 верстахъ она идетъ по твердому грунту, пересѣкая невысокія гряды, состоящія изъ мергеля съ прослойками известняковъ; здѣсь самыя ничтожныя работы достаточны, чтобы обратить дорогу въ колесную; далѣе близь развалинъ Деу-кала дорога входитъ въ пески второго рода и идетъ ими почти до Орта-куи; двигаться, впрочемъ, большею частью все еще приходится по твердому грунту ложбинъ, ограниченныхъ съ обѣихъ сторонъ грядами песка, закрѣпленнаго растительностью; но мѣстами дорога пересыпана и сыпучими песками, которые хотя нигдѣ не занимаютъ значительнаго пространства, но дѣлаютъ дорогу негодною для колеснаго движенія. Отъ Орта-куи до Бала-ишема дорога также идетъ частью въ пескахъ и только на послѣднихъ 20 верстахъ вездѣ по твердому грунту по сосѣдству съ Узбоемъ.

Если бы потребовалось устроить колесный путь изъ Хивы до Бала-ишема, то провести его пришлось бы изъ Хатыбъ-куи черезъ Чарышлы въ Орта-куи, откуда прямо на западъ къ Узбою и далѣе вдоль его къ Бала-ишему; здѣсь дорога можетъ быть устроена безъ сколько нибудь значительныхъ работъ. Это же направленіе пришлось бы избрать въ случаѣ, если бы когда либо потребовалось провести желѣзную дорогу отъ Кизилъ-Арвата къ Хивѣ; при этомъ были бы вполнѣ избѣгнуты всѣ сколько нибудь значительные пески, такъ какъ пески отъ Кизилъ-Арвата къ Бала-ишему не представили бы никакихъ трудностей.

По всему пути есть дождевыя ямы, но незначительныя и пересыхающія къ началу лѣта.

Вся длина дороги отъ Хивы до Бала-ишема 346 верстъ.

Отъ Бала-ишема дорога изъ Хивы раздѣляется на нѣсколько вѣтвей, ведущихъ къ разнымъ пунктамъ Ахала.

а) *Дорога изъ Хивы въ Кизилъ-Арватъ.* Дорога изъ Хивы въ Кизилъ-Арватъ отъ Бала-ишема идетъ черезъ прѣсные колодцы Игды (48 верстъ), Науры (54 версты) и Перенгъ (36 верстъ, откуда до Кизилъ-Арвата 33 версты). Дорога идетъ сначала по твердому грунту, но отъ Игды до Перенга большею частью по пескамъ, прерываемымъ на значительныхъ протяженіяхъ рядами такировъ. Дорога вьючная; колесное движеніе встрѣтило бы слишкомъ значительныя затрудненія. Но пески всѣ втораго рода, бугры нигдѣ не выше 10 саж. и проведеніе здѣсь желѣзной дороги не встрѣтило бы препятствій отъ вида мѣстности.

Длина дороги отъ Хивы до Кизилъ-Арвата 517 верстъ.

Хотя эта дорога и въ настоящемъ видѣ доступна во всякое время года для каравановъ, но вода по всей линіи лѣтомъ портится вслѣдствіе дурнаго устройства и засоренія колодцевъ, которые требуютъ постояннаго ремонта и очистки.

b) *Дорога изъ Хивы въ Бами.* По этому направленію существуетъ также только вьючная дорога такого же характера; какъ и предыдущая.

Колодцы *Куртышъ* (23 версты отъ Бала-ишема); ихъ два; въ настоящее время они совершенно соленые, даже верблюды отказываются изъ нихъ пить. По словамъ проводниковъ, колодцы были прежде прѣсные и испорчены при очисткѣ. Очевидно нельзя вполнѣ довѣрять этому и слѣдуетъ испробовать вырыть здѣсь колодцы гдѣ либо по близости.

Колодцы *Кизилъ-Каты* (13 верстъ), съ перемѣнною водою, лежатъ среди такира; при дождяхъ они наполняются водою до верху и долгое время послѣ нихъ вполнѣ прѣсные; глубина до воды 2 саж.

Колодцы *Бестамъ-шахъ* (34 версты) засыпаны; они такого же рода какъ и предыдущіе и брошены вслѣдствіе засоренія такира, снабжавшаго ихъ водою. Здѣсь въ прежнее время былъ единственный въ этой части Кара-кумовъ хоузъ; онъ разрушенъ уже давно и колодцы вырыты послѣ того какъ это случилось. По словамъ проводниковъ, колодцы высыхали при продолжительномъ бездождіи.

Кол. *Сансызъ* (25 верстъ) обильные; глубина до воды 3 саж.; слой ея около 1 аршина; вода перемѣннаго качества.

Колодцы *Чотуръ* (8 верстъ); всѣ четыре нынѣ засыпаны; но вода въ нихъ была прѣсная и еще весною 1883 года здѣсь были кочевники.

Колодцы *Ніязъ* (55 верстъ) числомъ пять; глубина до воды около 5 саж. Вода прѣсная, но лѣтомъ при продолжительной засухѣ имѣетъ весьма сильный запахъ сѣрнистаго водорода, какъ и большинство другихъ колодцецъ.

Укрѣпленіе *Бами*—22 версты отъ предыдущаго пункта.

Дорога до Бестамъ-шаха идетъ почти исключительно по твердому грунту: пески встрѣчаются изрѣдка грядами по 10—15 саж. шириною. Далѣе на югъ пески нѣсколько чаще, по до Сапсыза все еще незначительные; между этими колодцами и Ніязъ дорога идетъ песками, иногда вовсе незакрѣпленными и трудными для движенія. Отъ Ніязъ до Бами (22 версты), грунтъ снова вездѣ твердый [1].

---

[1]) Свѣдѣнія о дорогѣ отъ колодцевъ Сансызъ до Бами доставлены подпо-

Длина дороги отъ Хивы до Бами — 526 верстъ.

c) *Дорога изъ Хивы въ Дурунъ* отдѣляется отъ предыдущей въ Бестамъ-шахѣ.

Колодцы *Казы* (53 версты отъ Бестамъ-шахъ), слабо солоноватые, отъ времени портятся и потому проходящими караванами постоянно вырываются новые; весь такиръ изрытъ ямами отъ старыхъ засыпанныхъ колодцевъ. Вода на глубинѣ 8 футъ.

Колодцы *Чёпли* (43 версты), прѣсные.

Колодцы *Атапакъ* (4 версты), также прѣсные и весьма обильные, уже въ полосѣ кочевьевъ текинцевъ.

Развалины *Шехръ-Исламъ* (13 верстъ), бывшее здѣсь когда-то поселеніе получало воду изъ кэриза.

Укрѣпленіе *Дурунъ* — 22 версты отъ Шерхъ-Ислама.

На первомъ переходѣ этого участка весьма много длинныхъ узкихъ такировъ; далѣе дорога идетъ песками втораго рода, вездѣ закрѣпленными, а отъ Атапака большею частью по твердому грунту.

Длина дороги изъ Хивы въ Дурунъ = 551 верстѣ.

d) *Дороги изъ Хивы въ Гёкъ-тепе.* Одна изъ нихъ отдѣляется въ послѣднемъ колодцѣ (Атапакъ) отъ предыдущаго пути и идетъ на поселеніе Акъ-тепе, уже лежащее въ Ахалѣ; здѣсь никакихъ улучшеній не требуется.

Длина этой дороги = 590 верстамъ.

Изъ сравненія описанныхъ дорогъ изъ Хивы въ Кизилъ-Арватъ, Бами и даже Дурунъ съ болѣе прямыми путями между тѣми же пунктами видно, что удлиненіе по первымъ весьма незначительно и вполнѣ уравновѣшивается качествомъ путей обходящихъ пески (болѣе удобный грунтъ и обиліе воды).

Нельзя того же сказать объ обходныхъ путяхъ изъ Хивы въ Гёкъ-тепе и особенно въ Асхабадъ; если ими и пользуются въ настоящее время, то лишь потому что прямые запущены и огромные безводные переходы дѣлаютъ ихъ недоступными большую часть года.

e) *Путь изъ Гёкъ-тепе въ Хиву черезъ Шіихъ и Лайлы* подробно описанъ поручикомъ Калитинымъ, прошедшимъ его весною 1881 года [1]).

Длина этой дороги = 556 верст. Она можетъ имѣть значеніе

ручикомъ Хабаловымъ, проѣхавшимъ по этому пути изъ Хивы въ Бами въ маѣ 1883 года.

[1]) Извѣстія И. Р. Г. О., томъ XVII, отд. II, стр. 216.

только для сообщеній Гёкъ-тепе съ сѣверною частью Хивинскаго ханства (Куня-Ургенчъ), такъ какъ относительно самаго города Хивы и южной части ханства дорога эта представляетъ слишкомъ незначительное сокращеніе длины (34 версты) сравнительно съ обходнымъ путемъ, а между тѣмъ даже при возможномъ улучшеніи все еще будетъ весьма бѣдна водою. Особенно умаляется значеніе этого пути при сравненіи съ прямымъ направленіемъ изъ Хивы черезъ Мирза-чиле. При весьма значительномъ сокращеніи длины и сравнительномъ обиліи воды эта дорога будетъ наивыгоднѣйшею для всѣхъ пунктовъ Ахала и Атека отъ Гёкъ-тепе до Лютфабада. По ней нѣсколько разъ ходилъ Медэмій ханъ съ весьма значительными отрядами.

f) *Дорога изъ Хивы въ Асхабадъ.*

Колодцы *Сагаджа* (61 верста отъ Хивы), числомъ два; глубина до воды 8,8 саж.; слой воды = 0,30 саж.; колодцы весьма обильные, не выбираются вовсе; вода прѣсная.

Колодцы *Ханъ-куи* (21 верста), были вырыты по приказанію Медэмій хана; нынѣ они засыпаны.

Колодцы *Мирза-чиле* (104 версты), съ перемѣнною водою на глубинѣ около 3 саженъ; вода, почти прѣсная по вырытіи колодца, быстро портится вслѣдствіе засоренія такира, съ котораго въ настоящее время въ грунтъ ничего не попадаетъ. Медэмій-ханъ очень заботился объ этихъ колодцахъ и близь нихъ стояло много разъ по нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Минарс (20 верстъ); колодцы нынѣ засыпаны; богатый же водою „какъ“ держится до конца мая; здѣсь раздѣляются дороги: 1) въ Асхабадъ и 2) на Теджень и въ Лютфабадъ.

Первая идетъ черезъ слѣдующіе пункты: колодцы *Кевджа* (27 верстъ), *Юнгенлы* (31 верста), *Гельды-бай* (28 верстъ), *Чуръ-чуръ* (8 верстъ), всѣ засыпанные; въ прежнее время опи имѣли прѣсную воду, но потомъ стали портиться при засореніи такировъ.

Колодцы *Бахтъ* (18 верстъ), были также съ перемѣнною водою; теперь вслѣдствіе засоренія такира она всегда солоноватая; колодцевъ четыре, глубина до воды 9 саж., слой воды 1/4 арш.

Далѣе снова дорога идетъ черезъ три засыпанные колодца: *Келями* (36 верстъ), *Бекъ-ташъ* (16 верстъ), *Хрымъ* (12 верстъ), такого же свойства какъ только что названные.

Суюкъ (16 верстъ), три колодца, глубиною около 13 саж., прѣсные; слой воды 1 1/2 арш.

Ага-Тагнъ (14 верстъ); два прѣсные колодца, глубиною $9^1/_2$ сак. до воды; слой ея около 1 аршина.

Куртлы (12 верстъ); два прѣсные колодца глубиною три аршина до воды; слой ея $^1/_2$ аршина.

Асхабадъ — 11 верстъ отъ Куртлы [1]).

Дорога изъ Хивы до Сагаджа и немного далѣе идетъ большею частью по пескамъ втораго рода; отъ Сагаджа до Мирза-чиле почти исключительно по кырамъ и далѣе этого пункта до Чуръ-чуръ снова песками. Почти непрерывные ряды такировъ отъ Чуръ-чуръ до Хрыма очень облегчаютъ движеніе на этомъ протяженіи: отъ Хрыма до Куртлы идутъ большею частью поросшіе кустарникомъ бугры песка, а отъ Куртлы до Асхабада твердый грунтъ.

Длина дороги отъ Хивы до Асхабада всего 435 верстъ.

Такое значительное сокращеніе длины при грунтѣ не болѣе трудномъ нежели по другимъ путямъ дѣлаетъ эту дорогу, какъ сказано выше, выгоднѣе всѣхъ прочихъ для всего южнаго Ахала и сѣвернаго Атека.

Но само собою, что въ теперешнемъ состояніи она доступна только зимою, когда по такирамъ есть каки; въ остальное же время года идутъ, считая съ сѣвера, одинъ за однимъ безводные переходы 75 верстъ, 104 версты, 132 версты и 80 верстъ, при чемъ между двумя послѣдними лежатъ сильно солоноватые колодцы Бахтъ.

Улучшеніе дороги совершенно измѣнитъ положеніе дѣла; по возобновленіи колодцевъ и расчисткѣ такировъ эта дорога будетъ весьма обильна водою; останется одинъ безводный переходъ отъ Хаджь-куи до Мирза-чиле (104 версты); къ несчастью, здѣсь дорога идетъ по кырамъ и слѣдовательно даже зимою нѣтъ каковъ. Въ настоящее время трудно сказать можно ли гдѣ-либо по срединѣ этого перехода вырыть новый колодезь, отсутствіе такировъ дѣлаетъ здѣсь устройство хоуза крайне труднымъ; по самой дорогѣ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ это возможно и найдется ли таковое гдѣ-либо въ сторонѣ—неизвѣстно. Противъ возможности обводненія этого участка говоритъ то обстоятельство, что Медэмій-ханъ, не жалѣвшій трудовъ на улучшеніе пути изъ Хивы въ Ахалъ, не сдѣлалъ этого. Конечно путь съ однимъ безводнымъ переходомъ въ 104 версты будетъ всегда доступенъ для каравана, въ которомъ не будетъ другихъ вьючныхъ животныхъ кромѣ верблюдовъ; но въ

---

[1]) Маршрутъ отъ Мипаре къ Асхабаду взятъ изъ описанія кап. Шетихина, прошедшаго изъ Асхабада въ Мирза-чиле зимою 1882 года.

виду важности этой дороги было бы крайне полезно ее сдѣлать доступною для всѣхъ видовъ вьючнаго движенія и если при подробномъ изученіи мѣстности окажется невозможнымъ вырыть здѣсь колодезь или выстроить хоузъ, то слѣдовало бы прибѣгнуть къ устройству артезіанскаго колодца.

Изъ Извѣстій Имп. Русск. Геогр. Общ. т. X.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11-2

КАРТА
ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНІИ
(по свѣдѣніямъ инж. Лессара)
Предполагаемая пограничная черта
между Туркменскими землями и Гератской областью.
Масштабъ
20 верстъ въ 1 англ. дюймъ.
20 10 0 20 40
79°
80°
81°
37°
36°
35°
МЕРВЪ
Іолъ-отанъ
Курджукли
Баба Кемберъ
Кизилъ-тепе
СЕРАХСЪ
Тахтъ-и-Хатунъ
Зуръ-абадъ
Хапъ-кыръ
Зюльфигаръ
Акъ-робатъ
Ташъ-кепри
Акъ-тепе
Пенде
Меручакъ
Бала-мургабъ
Р. Кайсоръ
Кусанъ
Горіанъ
Шебешъ
Ширванъ
Пирзаны
Саар
ГЕРАТЪ
Пер. Ардеванъ
Баба-бурунъ
Кушкъ
Пер. Каруанъ-ашанъ
Бадхызъ
Ю Г О - З А П А Д Н А Я
Т У Р К М Е Н І Я

КАРТА

путей

ВЪ КАРА-КУМАХЪ

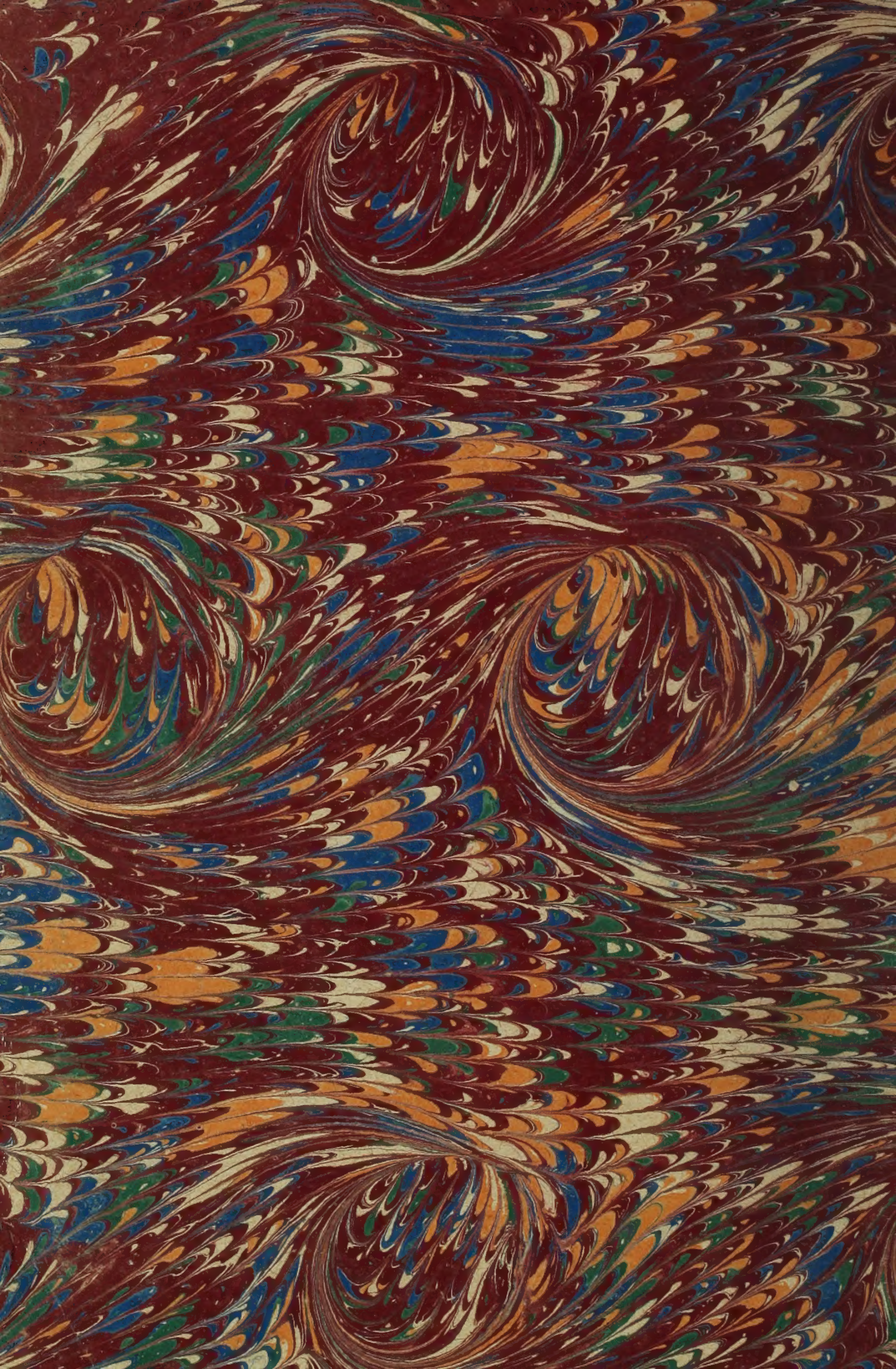
ПО ДАННЫМЪ П. М. ЛЕССАРА.

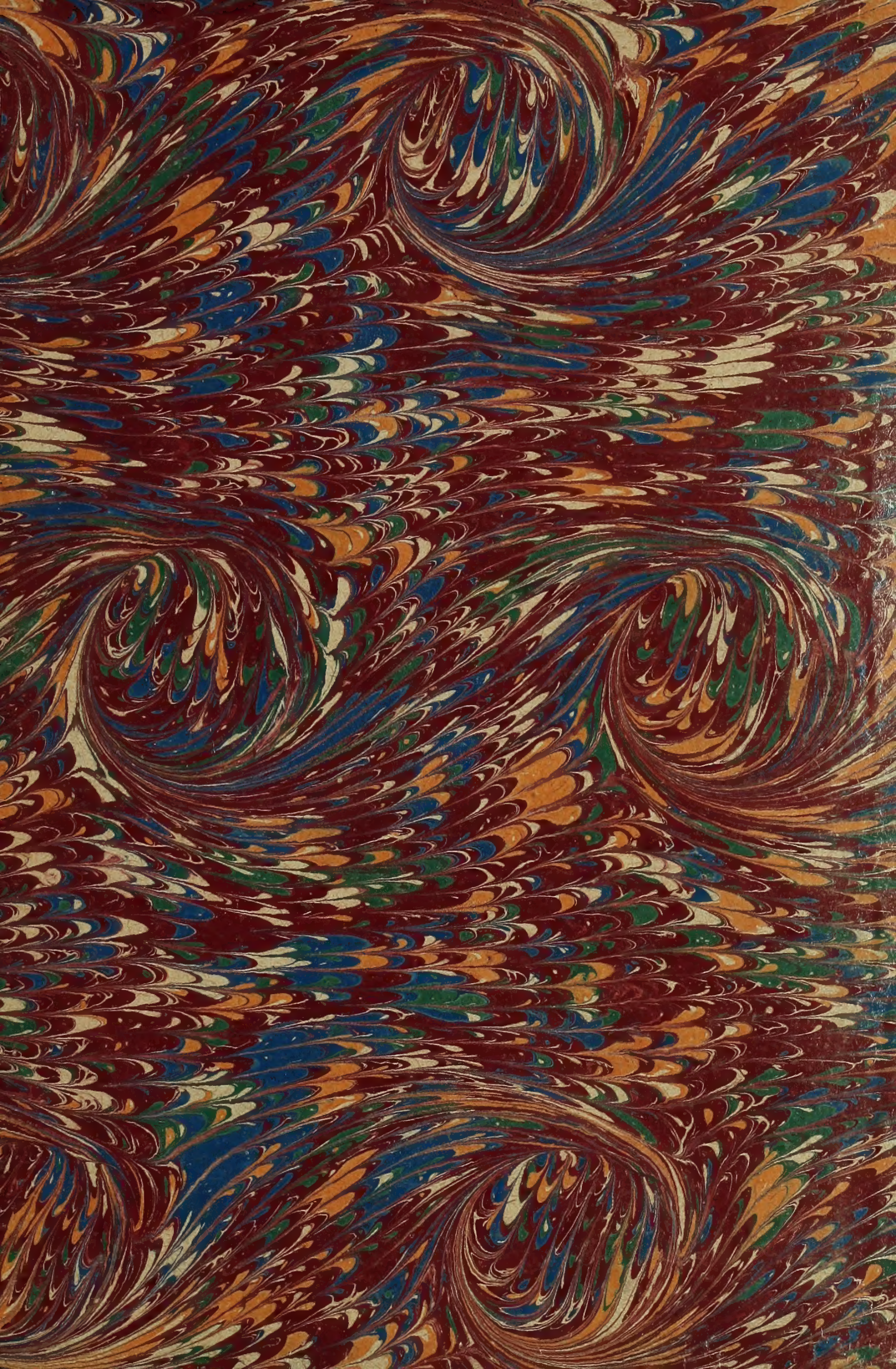
Масштабъ

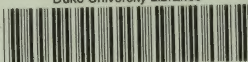

1884 г.

ХИВА
Хазаватъ
Хазаръ-Аспъ
Питнякъ
БУХАРА
Чарджуй
КРАСНОВОДСКЪ
Кизилъ-арватъ
АСХАБАДЪ
Лютфабадъ
Мервъ [Каушутъ-ханъ-кала]
Сарахсъ

Duke University Libraries
D01395093U

D01395093U
Duke Library Service Center